Новомученики и исповедники Российские
пред лицом богоборческой власти

Да не утратим помалу, неприметно той свободы,
которую даровал нам Кровию Своею
Господь наш Иисус Христос,
Освободитель всех человеков.

8-е правило III Вселенского Собора

«Я ХОЧУ ПРИНАДЛЕЖАТЬ ТОЛЬКО СВ. ЦЕРКВИ...»

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АНДРЕЙ, АРХИЕПИСКОП УФИМСКИЙ

Труды, обращения, проповеди, письма, документы

Составители
И. И. Осипова, Л. Е. Сикорская

Москва
БРАТОНЕЖ
2012

УДК 27-36
ББК 86.374
Я11

Я11 «Я хочу принадлежать только Св. Церкви...» Священномученик Андрей, архиепископ Уфимский. Труды, обращения, проповеди, письма, документы / Сост. И. И Осипова, Л. Е. Сикорская. — М.: Братонеж, 2012. — 480 с. : ил. — (Серия «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти»).

ISBN 978-5-7873-0711-5

Предлагаемая вниманию читателей очередная книга в серии «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти» посвящена архиепископу Уфимскому Андрею (Ухтомскому), выдающемуся архиерею Русской Православной Церкви, одному из самых ярких деятелей церковно-общественной жизни первой половины XX столетия, в трудах и личности которого сфокусировались важнейшие не решенные по сей день проблемы Русской Церкви. Ревностный архипастырь, всю свою жизнь искренне служивший Церкви и душу свою полагавший за паству, он после многолетних гонений от богоборцев претерпел мученическую кончину в 1937 году.

В книге представлены труды преосвященного Андрея Уфимского во время его пребывания на Уфимской кафедре в 1914–1918 годах, архипастырские документы и письма из ссылок и тюрем периода 1920–1930-х годов, а также архивные документы из следственных дел, по которым владыка проходил в качестве обвиняемого.

УДК 27-36
ББК 86.374

© И. И. Осипова, Л. Е. Сикорская, сост., 2012

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей очередная книга в серии «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти» посвящена архиепископу Уфимскому Андрею (Ухтомскому). В отличие от других книг серии в ней нет жизнеописания священномученика Андрея, но исключительно его труды, обращения, проповеди, письма, а также документы из следственных дел, по которым владыка проходил в качестве обвиняемого. Объясняется это тем, что мы не располагаем всем материалом, необходимым для составления подробного жизнеописания, а повторять опыты кратких конспективных изложений не имеет смысла[1], в них невозможно объективно представить такую яркую личность, как владыка Андрей.

Архиепископ Андрей — настолько значительная фигура в церковно-общественной жизни России XX века, с таким удивительным своеобразием и независимостью во

---

[1] Теперь их опубликовано предостаточно: от различных статей до монографий; последняя, вышедшая вторым изданием книга М. Л. Зеленогорского «Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского)» (М.: Мосты культуры, 2011).

взглядах и идеях, что ни правильно понять их, ни оценить в целом его деятельность, ни тем более составить полноценного описания его исповеднической жизни нельзя без скрупулезного изучения огромного массива документов по разным регионам страны, где протекала деятельность владыки, — от Москвы и Кавказа до Уфы и Сибири — и серьезного анализа их в контексте сложнейших процессов общественной и церковной жизни XX столетия, активным участником которой владыка Андрей всегда был на протяжении своей пастырской (с 1895 года) и архипастырской деятельности (с 1907 года)[2].

Между тем потребность в этом назрела, интерес к уфимскому владыке и опыту его архипастырской деятельности не ослабевает, и это вполне объяснимо — многое из сказанного и сделанного архиепископом Андреем остается весьма актуальным, можно даже сказать, что важнейшие и не решенные по сей день проблемы Русской Православной Церкви сфокусировались в его трудах. Публикации некоторых из них уже появлялись в различных изданиях, однако это пока лишь незначительная часть из письменного наследия владыки, причем очень значимые документы из следственных дел, например "Моя политическая исповедь" 1928 года, напечатаны в урезанном и искаженном виде.

Кроме того, с начала 1990-х годов в отношении архиепископа Андрея было опубликовано немало информации легендарного характера, причем до того, как была определена сомнительность источников этой информации, она получила широкое распространение в церковных и научных кругах, способствуя созданию вокруг уфимского владыки мифов и небылиц.

---

[2] Только одних публикаций владыки Андрея в периодических изданиях насчитываются десятки, если не сотни, не говоря уже о его письмах.

Тем настоятельнее ощущается сейчас необходимость в публикации подлинных документов и беспристрастном их изучении. Только на этой основе можно будет рассеять все домыслы и недоразумения и восстановить историческую истину. С этой целью нами и предпринято составление данного сборника. Помещая документы, которыми мы в настоящий момент располагаем и в которых наиболее ярко отразились основные идеи владыки Андрея, мы намеренно отказались от каких-либо оценочных суждений и критических замечаний. Теперь особенно важно донести до читателей лишь живой голос самого священномученика Андрея.

Полагаем, что еще придет время, когда будет осуществлена действительно объективная оценка и трудов, и всей деятельности архиепископа Андрея и на основании фундаментальных исследований всего комплекса источников будет составлено полноценное его жизнеописание. Отметим лишь самое главное в отношении жизненного подвига владыки: в катакомбных общинах на родине он почитался святым мучеником; а в 1981 году был прославлен в сонме новомучеников и исповедников Российских на Соборе Русской Православной Церкви Заграницей.

Что касается отдельных моментов в церковной деятельности архиепископа Андрея, вызывающих ряд вопросов и недоумений, то, как любому человеку, владыке свойственны были ошибки и заблуждения. Однако, рассматривая его деятельность, следует помнить слова А. С. Хомякова, замечательного русского православного мыслителя, столь почитаемого и владыкой Андреем: «Отдельные лица свободно вносят в общий труд дань своих более или менее удачных усилий; Церковь принимает или отвергает эту дань, не осуждая отдельных лиц, если только они приносят добытое ими смиренно и не навязываясь своим

братьям с диктаторскими приемами... они могли не высмотреть примеси соломы и щеп в массе добытых ими более прочных материалов; но неугасающий в Церкви огонь очистил их приношение, и только действительно пригодное нашло место в стене»[3].

Не в нашей компетенции сейчас судить о "примеси соломы и щеп" в трудах архиепископа Андрея по отношению к тем драгоценным приношениям, которые он внес в Церковное созидание, тем более что, как и все архипастыри Русской Церкви, владыка был поставлен перед такими сложнейшими проблемами, которые не под силу было решить не только отдельному архиерею, но даже Собору Поместной Церкви. Главное, что при всех своих ошибках и человеческой немощи владыка Андрей оставался непоколебимым православным архипастырем, кристально честным и искренним, самоотверженно служившим Церкви и полагавшим душу свою за ближних. Тридцать лет архипастырского служения, двадцать из них во время богоборческих гонений — из ссылки в ссылку, из тюрьмы в тюрьму (при советской власти владыка Андрей провел на свободе не более 2,5 года), — но всегда и везде, в любых условиях он оставался настоящим православным архиереем, главной заботой которого было духовное попечение о вверенной ему Богом пастве — направление ее на путь спасения.

О том, какое потрясающее влияние оказывал владыка Андрей на искренние души, ищущие Бога, свидетельствуют воспоминания его духовных чад. Большая их часть сохранялась в устном церковном предании на протяжении всего XX столетия. К настоящему времени все очевидцы давно ушли из земной жизни, унеся с собой свои бесценные воспоминания, но что-то, по счастью, было за-

[3] *Хомяков А. С.* Работы по богословию. М., 1994. Л. 188–189.

писано[4]. И в безыскусных, но дышащих искренностью словах доносит до нас это трогательное, но, быть может, самое убедительное свидетельство паствы о главном архипастырском подвиге священномученика Андрея. Одно из таких свидетельств — воспоминания схиигуменьи Сергии[5] — приведено в *Приложении I*.

* * *

В первой части данной книги приведены документы уфимского периода, с 1914 по 1918 год, — времени пребывания епископа Андрея на Уфимской кафедре. Главным образом это его статьи и речи, опубликованные в журналах "Уфимские епархиальные ведомости" и "Заволжский летописец". Они распределены по разделам, соответственно основным вопросам, которые поднимал владыка Андрей: о положении Церкви, об отношениях Церкви и государства в России, о революции, о старообрядчестве.

Вторая часть — это документы советского периода, с 1919 по 1937 год. Один их перечень говорит сам за себя — это письма владыки Андрея из заточения с просьбами о помощи в Московский Политический Красный Крест и в "Помощь политическим заключенным", а также его личные письма и архипастырские документы, часто переписанные от руки и имевшие хождение по церковным общинам; изъяли их при арестах у самого пастыря и у его ду-

---

[4] Особенно в Уфе, где еще в 1990-х годах оставались в живых духовные чада владыки Андрея. Надеемся, что уфимские исследователи, проводившие серьезную исследовательскую работу, порадуют нас наряду с другими важными документами публикациями записей и этих воспоминаний.

[5] Мы даем лишь первую часть из них, полностью они опубликованы в книге «Тайной Церкви ревнитель» (М.: Братонеж, 2008. Л. 296–307).

ховных чад; в то время они заменяли собой периодические издания, через которые владыка Андрей ранее постоянно обращался к своей пастве.

В этом перечне "Моя политическая исповедь", написанная заключенным А. А. Ухтомским во время следствия в 1928 году, стоит несколько особняком; важно помнить о тех условиях, в которых создавался этот документ. Владыка Андрей писал ее в тюрьме после предъявления ему серьезного обвинения, грозившего новым сроком (что и осуществилось: он был приговорен к 3 годам строжайшего тюремного заключения). И хотя архиепископ указывал, что адресует эту исповедь «по преимуществу моей пастве, моим дорогим уфимцам...», а также — «вообще всем искренним и мыслящим христианам, которые в жизни ищут правды Божией и стремятся ее осуществить», но, тем не менее, он отдавал себе отчет, что первыми и, вероятно, единственными ее читателями в то время будут следователи. При всей своей прямоте и искренности, и порой даже какой-то детской наивности, которые владыка сохранял в общении со всеми, в данный момент он все-таки знал особенности этих "читателей", поэтому не мог писать так же свободно и открыто, как на воле, что следует учитывать при прочтении данного документа.

Отдельные документы из следственных дел, по которым проходил в качестве обвиняемого архиепископ Андрей, а также из дела "Братства св. Гурия" 1933 года, по которому владыка фигурировал в качестве его главного идеолога, приведены в *Приложении II*.

Документы, за некоторыми исключениями, оговоренными особо, даются в современной орфографии. Фамилии во многих документах даются прописными буквами. Искажения имен собственных в публикуемых документах не исправляются. Подчеркивания в текстах принадлежат

либо автору письма, либо сотруднику ОГПУ — НКВД. Купюры в документах обозначены отточиями.

* * *

Работа над книгой осуществлялась в рамках программы Научно-Информационного и Просветительского Центра "Мемориал" — «Репрессии против духовенства и мирян в период 1918–1953 годов». Коллегам по НИПЦ "Мемориал" — искренняя признательность, особенно руководителю научных программ НИПЦ А. Б. Рогинскому.

Выражаем самую глубокую благодарность нашим сотрудникам Лии Абрамовне Должанской, Наталье Викторовне Егоровой и Игорю Васильевичу Ильичеву за активную помощь при исследованиях в архивах.

Особая признательность Френсису ГРИНУ, без дружеского участия и постоянной поддержки которого была бы невозможна многолетняя работа в архивах и подготовка к изданию данной книги.

Основные даты жизни священномученика Андрея (Ухтомского), архиепископа Уфимского

26 декабря 1872 — родился в селе Вослома Арефинской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии.

1891 — окончил Нижегородский кадетский корпус.

1895 — окончил Московскую духовную академию, назначен преподавателем Казанского духовного училища. В Казани пострижен в монашество, рукоположен в иеродиакона, затем в иеромонаха.

1897 — инспектор Александровской Ардонской миссионерской семинарии.

1899 — наблюдатель Миссионерских курсов при Казанской духовной академии, возведен в сан архимандрита.

4 октября 1907 — рукоположен во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии.

25 июля 1911 — назначен на Сухумскую кафедру.

22 декабря 1913 — назначен на Уфимскую кафедру.

4 апреля 1917 — введен в состав Св. Синода.

31 мая 1917 — с епископом Угличским Иосифом (Петровых) присутствовал на Соборе старообрядцев Белокриницкой иерархии. Выступал с обращением к старообрядцам о преодолении раскола.

Август — ноябрь 1917 — участвовал в Поместном Соборе Российской Православной Церкви.

Сентябрь 1918 — поддержал создание Уфимской директории: Временного Всероссийского правительства и белой Народной армии.

Ноябрь 1918 — в Томске избран членом Высшего Временного Церковного Управления, возглавлял духовенство 3-й армии адмирала А. В. Колчака.

С декабря 1919 по ноябрь 1920 — под следствием Омской ЧК, арестован в Новониколаевске (ныне Новосибирск).

28 февраля 1921 — арестован в Омске и заключен в тюрьму.

5 ноября 1921 — доставлен в Москву, содержался в Бутырской тюрьме.

Август 1922 — освобожден из заключения.

Ноябрь 1922 — вернулся в Уфу, успешно боролся с обновленчеством, совершил ряд хиротоний, организовал Уфимскую автокефалию.

9 декабря 1922 — арестован и отправлен в Москву.

Февраль 1923 — приговорен к трем годам ссылки в Среднюю Азию.

24 мая 1923 — прибыл в ссылку в Ташкент.

Июнь 1923 — арестован в Ташкенте и выслан в Теджен (Туркмения).

Ноябрь 1923 — арестован в Теджене, отправлен в Ташкент и заключен в тюрьму.

14 ноября 1924 — затребован в Москву телеграммой ОГПУ, оттуда отправлен в ссылку в Полторацк (Ашхабад). В ссылке совершал тайные хиротонии, успешно боролся с обновленцами, провел воссоединение с беглопоповцами.

Октябрь 1926 — вернулся в Уфу.

17 июня 1927 — вызван в Москву и арестован на Лубянке.

8 июля 1927 — приговорен к трем годам ссылки и отправлен в Кзыл-Орду.

17 октября 1928 — арестован в ссылке в Кзыл-Орде.

18 января 1929 — приговорен к трем годам тюремного заключения, содержался в Ярославском политизоляторе.

Октябрь 1931 — освобожден с запрещением проживать в Башкирии, Сибири, на Урале на 3 года; поселился в Москве.

Апрель 1932 — арестован в Москве по групповому делу как «*участник контрреволюционной монархической организации церковников "Истинно-православная церковь"*».

7 июля 1932 — приговорен к трем годам ссылки в Казахстан и отправлен в Сузак (Туркестан).

14 марта 1934 — отправлен в Москву.

22 апреля 1934 — арестован и заключен в Бутырскую тюрьму.

14 мая 1934 — приговорен к трем годам тюремного заключения, отправлен в Ярославский политизолятор, содержался в одиночной камере.

27 марта 1937 — приговорен к трем годам заключения.

3 сентября 1937 — приговорен к ВМН.

4 сентября 1937 — расстрелян в Ярославле.

ЧАСТЬ I

На Уфимской кафедре. 1914–1918

I. НАЧАЛО СЛУЖЕНИЯ В УФИМСКОЙ ЕПАРХИИ

Слово при вступлении на Уфимскую кафедру[6]

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Возлюбленная о Господе паства Уфимская, приветствую тебя именем Божиим и спешу уверить тебя, что только во имя Пресвятой Троицы, для прославления Ея Преславного Имени я пришел сюда. Во имя Отца Небесного и Бога-Слова, на землю сошедшего, и во имя Святого Духа-Утешителя я хочу жить с вами, братие, служить и умереть.

Но я понимаю, дорогая братия моя, ваше смущение при первой встрече со мною. Понимаю и сочувствую вам, ибо вы совершенно в праве спросить меня, своего нового архиерея, "*наш ли ты*"? И этот вопрос, как совершенно естественный, и совершенно законен. Вы меня не знаете, в первый раз видите, но уже признаете

---

[6] 14 февраля 1914 года.

меня своим архиереем, предстоятелем в вашей молитве, путеводителем в вашем спасении. О, мои возлюбленные, мне, грешному, малосильному, немощному, вверяете вы вечную судьбу вашу!.. И вы, разумеется, с трепетом должны, а не только в праве, — поставить мне вопрос: кто же ты? "наш ли еси ты"?

С полным сознанием моих пред вами обязанностей, хочу успокоить вас, братие: я — ваш! Я хочу быть только слугою Христовым, я хочу принадлежать только св. Церкви. Да, я знаю только единую партию, единую организацию, единственное общество, к которому я принадлежу всею любовию своею, — это святую Церковь.

Никаких иных партий, обществ и разделений я не знаю... А все, кто признает себя в Церкви, кто любит св. Церковь, — все одинаково — мои братия и сестры, и отцы и матери и дети... Итак, я — *ваш*, всецело; *вам* принадлежу, *вам* хочу служить, *вас* любить, неленостно указывая путь в жизнь вечную.

Однако вы, чада Церкви Православной, можете сказать, что иначе и не может быть, что епископ по своему положению является общим церковным достоянием, на которое все без исключения имеют права. Вы можете сказать, что вас интересует и эта общеизвестная истина о епископских обязанностях, и можете повторить формулу вопроса из обряда архиерейской хиротонии: "*рцы нам пространнее, како верующи*" о канонах церковных, о тех церковных святоотеческих установлениях, которыми жила и должна жить, и возрастать, и укрепляться св. Церковь и без которых жизнь церковная погибает и разрушается, как лодка без руля в морскую бурю.

Совершенно законным и каноническим я признаю и этот ваш возможный запрос. Сейчас жизнь св. Церкви являет всякие разноверия, усиление ересей, появление

ложных пророков и лжеучителей, бессовестность которых в нравственном отношении может сравниться только с преступностью их пред гражданским законом; все это не может не волновать людей, любящих св. Церковь и живущих ее радостями и ее горем. И они в попечении о благе Церкви должны помогать ей и ее служителям.

Я, братие, с радостью готов ответить всякому о моих надеждах на развитие и укрепление жизни церковной. — Я признаю все беды и нестроения наши и думаю, что в них никто так не виноват, как мы сами, сыны церковные. Причину всех церковных несчастий я вижу в крайнем падении церковной дисциплины, вообще в падении церковности, в несоблюдении церковных уставов. Эта безуставность и безобрядность расшатали всю жизнь церковную настолько, что ее никто не замечает; с нею не стали считаться... Отпадающие от святого православия воображают, что они покидают не великую истину Божию, а малодушное общество людей, называющих себя православными, но не знающими ничего из законов, которыми это православие должно жить и управляться.

Вместе с упадком церковной дисциплины, как обстоятельство сопутствующее этому церковному горю, мы наблюдаем сейчас крайнее падение церковных авторитетов, безобразное развитие в недрах самой Церкви отрицания власти. Страшно сказать, что на нас, на нашем отечестве оправдалось пророчество Исайи, который говорит: «Вот Господь, Господь Саваоф, отнимет у Иерусалима и у Иуды... храброго вождя и воина, судью и пророка, и прозорливца и старца... И дам им отроков в начальники, и дети будут господствовать. И в народе один будет угнетаем другим, и каждый ближним своим: юноша будет нагло превозноситься над старцем и простолюдин над вельможею».

Так некогда был наказан народ иудейский за преступление Закона Божия и так ныне наказывается русский народ за пренебрежение к уставам церковным. Мы все прекрасно знаем, как дети учащиеся стремились да и опять стремятся у нас господствовать над своими начальниками учащими. Таково небывалое на Руси падение авторитетов власти и гражданской, и церковной. Этого и можно было ожидать: ибо власть, опирающаяся только на силу и не ищущая себе оправдания в законах нравственных, скоро перестает и казаться властью, а не только быть ею.

Что касается власти церковной, то она у нас сейчас находится в беспримерном положении самой полной неуверенности в себе. И замечательно, что нигде, ни в одном вероисповедании инославном нет такого мало понятного беспорядка вещей, — он остается только в православии. Я имею в виду, что наша церковная власть открыто пред лицом всего мира сама себя раскритиковала, осудила ненормальность своей жизни. Это было серьезнейшее событие в русской церковной истории после уничтожения Патриаршества; это собственное осуждение своих беспорядков должно бы было немедленно вести к их уничтожению. И однако — почти уже десять лет все остается по-старому, все остается в том состоянии, которое признано вредным для Церкви, а следовательно, очень вредным и для государства. Отсюда — все наши несчастия, отсюда беспринципность всей общерусской жизни, и церковной и гражданской, отсюда бессилие всех наших властей, и больших, и малых.

Итак — что же нужно, спросите вы. Отвечаю: нужен Собор иерархов Русской Церкви для обсуждения церковных дел. Нужно делать то, что уже признано необходимым, и никогда не останавливаться на полуделе, полубезделье, ибо вечно то слово Христово: "кто не собирает со Мною, тот расточает" (Мф.7, 12, 30).

Будущий Собор пусть скажет правое слово о церковной и вообще народной жизни, напомнит о правде Божией, так забытой в нашем общественном строе; скажет православным христианам о нуждах родного православия, о котором и говорить разучились! Я подчеркиваю, что у нас именно разучились о Церкви говорить; иначе нельзя ничем объяснить следующего непонятного явления: мы все знаем, что существует в России влиятельная политическая партия, которая на своем знамени поставила православие первым своим словом. Можно было думать, что в лице этой партии церковная жизнь найдет себе крупную поддержку. Но случилось нечто неожиданное: эта партия о православии упорно молчит! Она говорит обо всем и по преимуществу о грехах человеческих и совсем забывает говорить о св. Церкви, о правде Божией, православии. Чем же объяснить это молчание? Да только тем, что и эти так называемые охранители православия не умеют о нем сказать ни одного слова, потому что не знают смысла церковной жизни, не знакомы с духом священных канонов. И эти охранители, играя святыми словами и понятиями, призывают на нашу родину те же беды, какие нами пережиты после официальных охранителей православия в конце прошлого века. Да, нужен Собор, нужно восстановление свящ. канонов Церкви.

Такова моя вера, православные уфимцы; таковы мои убеждения. Но этим я нисколько не хочу сказать, что мы сами, в провинциальной глуши должны ждать каких-нибудь реформ и чего-нибудь очень большого для нашей маленькой жизни. Нет, никакие реформы не изменят нашего душевного содержания; если мы не имеем любви к святой Церкви, то ничто и никто, кроме нас, нам помочь не может. Поэтому мы все должны трудиться над церковною жизнью, над ее устроением, непре-

менно участвуя в ней делом, а не только словом. При этом должен сказать, что если Господь мне давал силы и возможность послужить во славу Божию, то исключительно благодаря сотрудничеству мирян, т<*о*> е<*сть*> самой Церкви Христовой. Вся моя так называемая "миссия" — это дело рук моих сотрудников и сомолитвенников, которые одушевляли меня к делу и даже просто подталкивали на то или другое новое церковное предприятие. Так было дело в Казани, такова была церковная обстановка моего служения и в Сухуми. Ныне, мои братия, я прошу вашей помощи, вашего искреннего сердечного сотрудничества. Прошу указывать мне мои ошибки, особенно недосмотры; я сознаю, что видеть всего великого дела церковного в обширной Уфимской Епархии я не могу; поэтому и прошу вашей помощи, ваших указаний во взаимной любви к Господу Спасителю нашему.

Христос посреде нас, отцы и братие![7]

* * *

Письма к пастырям Уфимской епархии

I. О ежедневной молитве в храме

Отцы святые и братие! Служа св. Церкви в пределах Казанской епархии, а потом в Сухумской епархии, я имел возможность беседовать со своими ближайшими помощниками чрез журналы, которые мне пришлось редактировать, чрез "Сотрудник Братства свят. Гурия" и "Сотрудник Закавказской миссии". Эта редакционная работа давала мне очень много самых ценных све-

[7] Уфимские епархиальные ведомости. 1914. № 4. С. 47–51.

дений по церковному делу, мне вверенному, и давала возможность духовенству, меня окружавшему, знать мои взгляды. Ныне, не имея иной возможности говорить с духовенством Уфимской Епархии, как чрез "Уфимские Епархиальные Ведомости", я решил адресовать братии моей настоящие и последующие письма. Мне хочется, чтобы работа наша наладилась во славу Божию как можно скорее; чтобы общий труд наш был одушевленный, направленный к ясно очерченной святой цели; чтобы это был труд радостный, а не "за страх", чтобы всякий трудящий чувствовал на себе, в совести своей благословение Божие.

На первый раз хочу вам сказать несколько слов о молитве церковной по будням. — Я помню в Казанской епархии следующий случай. Однажды священник боевого миссионерского прихода очень красноречиво и убедительно доказывал отпавшему от Церкви татарину, как тот дурно поступил, что отпал от служения св. Церкви, св. Духу, а стал служить греху плотскому, приняв магометанство. Несчастный изменник Христу, казалось, был совсем побежден, как вдруг нашелся сказать следующее: «Да, батюшка, ты сейчас вот все говоришь мне, а ранее никогда со мною и слова не сказал. Да, сейчас, когда у нас в селе мечеть, так мулла нас три раза в день на молитву зовет, а у тебя церковь и по праздникам-то твоим бывает заперта, и ты только через неделю туда ходишь, точно она и не нужна тебе. А мы хоть сами из-за работы и не ходим, зато знаем и слышим, как мулла наш молитву творит». Разумеется, татарин говорил не так стройно, как написано здесь; но мысли были у него такие. И батюшка никак не мог доказать, что он — ревностный богомолец... Оставалось ему красноречиво молчать...

Вот, св. отцы, какой простой и сильный рассказ я изложил вам. Потрудитесь подумать над ним!

А мои мысли я сейчас изложу; они относятся не только к духовенству крещено-татарских приходов, но и ко всем пастырям, моим сомолитвенникам.

Если священник живет почти около самого храма, как это всегда бывает, то почему бы ему не потрудиться по утрам в 5–6–7–8 часов (смотря по времени года и рабочему крестьянскому дню) не прочитать в храме утренние молитвы, полунощницу и хотя бы только канон святому дня? Вся такая молитва займет 30–40 минут неторопливого молитвенного чтения, а между тем это будет крайне полезно для самого батюшки, для тех пяти-десяти человек, которые привыкнут к нему ходить в храм, и, несомненно, окажет громадное влияние на приход, как прекрасный пример молитвы их духовного отца. Вечером — точно так же, разве трудно прочитать хотя бы кафизму вечерни, повечерие с каноном Божией Матери и вечерние молитвы (в крайнем случае, за отсутствием священника эту "вычитку" может сделать один псаломщик, как, например, в женских монастырях читают утреню без священника)? И к утренней, и к вечерней молитве и можно и нужно звонить в малый колокол.

Кроме того, батюшка должен сказать две-три проповеди и предупредить своих слушателей об этом звоне и упросить их, чтобы те, кто не может идти в храм Божий по этому зову, непременно дома всею семьею помолились Богу, заставив грамотного члена семьи прочитать какие-нибудь молитвы, ему знакомые. Если молитв никто не знает, священник должен позаботиться и снабдить своих прихожан молитвенниками.

Я уверен, что если священник добьется, сумеет убедить своих прихожан крещеных татар, чтобы они так молились Богу, то это будет самая убедительная его проповедь среди мусульман. Тогда мусульмане забудут ужасное, обиднейшее свое представление, что быть

христианином значит жить по-черному: как попало, без всяких обрядов, без ежедневной молитвы и пр.

Вот, братие, с этой просьбою я к вам и обращаюсь. Итак — пожалуйста, во всех по возможности приходах епархии миссионерскую вашу деятельность усильте ежедневною молитвою с вашими прихожанами и утром, и вечером. Поверьте, что это не трудно, а польза будет огромная и для нас самих, и для паствы нашей. Пора явить миру, что мы прежде всего заботимся о Царствии Небесном[8].

VII. О моих посещениях сельских приходов епархии

Братие, очень прошу вас внимательно отнестись к моей просьбе, которую я постараюсь изложить в настоящем письме. Дело в том, что от вашего отношения к этой моей просьбе зависит весь, так сказать, тон моих поездок по епархии и отношение ко мне вашей и моей паствы.

А мне, конечно, хотелось бы быть для нашей общей паствы только тем, что я из себя представляю, — т<*о*> е<*сть*> служителем Церкви Христовой, проповедником слова Божия, слугою Христовым.

Между тем около меня, при моих проездах создается какая-то непонятная, ненужная и очень вредная для дела толкотня. Едет архиерей, как какое-то "начальство", всех или очень многих беспокоит; для этого "начальства" нужно очень много лошадей, много "свиты" и пр<*очее*> и пр<*очее*>. В конце концов прихожане переживают какое-то почти головокружение при архиерейском посещении от многих хлопот, а маленькое на-

[8] Уфимские епархиальные ведомости. 1914. № 6.

зидание, которое они получат, они более чем на половину растеряют, пока без толку хлопочут над встречею и проводами архиерейскими.

Очень прошу, братие, ничего подобного для меня на будущее время не устраивать. Я буду всегда ездить только вдвоем или втроем, никогда большой свиты мне нужно не будет. Со мною будет только один священник и один диакон или иподиакон. *Больше мне ничего не нужно*! И прошу, чтобы ко мне более для поездок никто не пристраивался. Четвертый сопровождающий должен быть только местный благочинный. *И только; и не более!* И лошадей для меня не нужно, чтобы напрасно никого не беспокоить. А так как я почти в каждом селе совершаю какое-нибудь богослужение и даже литургию, а поэтому и езжу очень тихо, то даже в крайнем случае могу ограничиться лошадью священника.

Если кто-нибудь предложит свою заботу о моих удобствах, то с благодарностью и любовью готов принять его услуги, но пусть это будет дар любви христианской, не тяжелая повинность... Таким образом заботу о моем передвижении по епархии я всецело возлагаю на приходских священников, а не на полицию. У полиции много своего дела; а наше церковное дело пусть останется только церковным, и пусть, любя св. Церковь и доверяя своим пастырям, паства позаботится и о своем архиерее.

Как же готовиться ко встрече архиерейской? И нужно ли готовиться? — Судя по предыдущим строчкам, можно подумать, что никакой встречи и не нужно, что всякое приготовление к приезду моему совершенно излишне...

Нет, — это не верно. Усерднейше прошу моих сотрудников-пастырей очень внимательно приготовляться ко встрече архиерея, — и не только, конечно, меня, но и всякого другого, приветствие которого именем Бо-

жиим вам Господь приведет получить. По моему мнению, пастырь должен сделать следующее. Он должен сказать несколько проповедей на следующие темы:

1. о послании апостолов на проповедь; 2) об учреждении св. иерархии и ее значении для спасения; 3) о епископе и пресвитерах, как руководителях паствы в духовной жизни; 4) указать, как нужно встречать архиерея в связи с толкованием слов Христовых: "кто принимает вас, принимает Меня; а кто Меня принимает, тот принимает Пославшего Меня".

Вот в этом и должно заключаться приготовление пастыря к приему архипастыря. Тогда прихожане такого ревностного священника сознательно и радостно будут ждать своего архиерея, а не будут из себя представлять бессознательное стадо, не отдающее себе отчета, какое отношение архиерей к нему имеет.

Кроме того, священник должен, так сказать, и практически подготовить свою паству к приему епископа. Он должен сказать архиерею, нет ли больных в его селе или поблизости, которые хотели бы видеть архиерея, но по болезни не могут; нет ли сомневающихся в вере или переживающих тяжелое горе, с которыми архиерей мог бы побеседовать и вразумить или утешить...

Вот если приход будет так подготовлен к встрече своего епископа, то его посещение будет иметь значение для дела Божия, а не будет только источником хлопот, мало для кого понятных.

Прошу, братие, вашей, Христа ради, помощи мне, чтобы мои объезды епархии и имели такое значение, и чтобы нам всем не терять напрасно ни времени, ни сил, и все, полученное от Господа, хотя бы и один талант, не зарывать в землю, а по возможности отдать его Господу.

Еще небольшое приготовление ко встрече архиерея должно быть у священника приходского, когда он ожидает архиерея. Он должен во имя Божие проверить

свою деятельность и честно указать архиерею все слабые стороны жизни своего прихода. Я в этом случае предполагаю действительно пастыря доброго, душу отдающего великому служению своему. Такой пастырь, обыкновенно, всегда собою не доволен и всегда работает над собою и не перестает и сам учиться, и других учить. Пастырь же, собою довольный, тот пастырь, который все знает и ничему не учится, — это тип легкомысленного пастыря, который о духовной жизни не имеет и понятия и никогда не бывает духовным отцом своего прихода. И таким пастырям, обыкновенно, и говорить не о чем; духовные запросы его не интересуют! Какое ему дело до миссии? Какая ему нужда заботиться о проповеди? У него нет ни запросов, ни недоумений!

Итак, прошу пастырей при проезде через их приходы указывать мне все "не оконченное", чтобы вместе и начать это исправлять[9].

* * *

Посещение преосвященным Андреем, епископом Уфимским, приходов Мензелинского уезда

На левом берегу многоводной реки Камы, между пристанью Бережные Челны и городом Елабугой, расположено село Бетьки, белый каменный храм которого издалека привлекает внимание пассажиров, едущих на том или другом пароходе мимо села.

В 10 час<*ов*> утра 2 июля 1914 года, в среду, мимо села "пробежал" пароход "Сорокин". Большинство пассажиров всех трех классов были на палубе и наслажда-

[9] Уфимские епархиальные ведомости. 1914. № 16.

лись чудным воздухом утренней речной прохлады. Вдруг с колокольни раздался "красный" пасхальный звон. Это — сельская паства приветствовала своего Архипастыря, проезжавшего мимо села на пароходе. «Напрасно трудятся, но остановить не могу», — говорит пассажир в рясе и монашеской скуфье, обращаясь к своему спутнику, тоже духовному лицу.

В 11 час<*ов*> "Сорокин" причаливает к пристани г<*орода*> Елабуги. Здесь "монах" в скуфье со своим спутником сходят с парохода и отправляются на первом попавшемся извозчике в город. При въезде в город "монах" оставляет своего спутника у собора, а сам отправляется прямо на городское кладбище помолиться «о ближних своих».

Через час пара лошадей, запряженных в простую плетенку, уже "катила" "монаха" с его спутником мимо собора по направлению к выезду из города. Насколько быстро катила эта пара, можно судить по тому, что девушка, узнавшая в монахе известного ей архиерея, свободно догнала ее бегом и своим звонким голосом остановила ямщика.

Через час пути по прекрасным поемным лугам, покрытым сплошным зеленым ковром, пара "лихо" прокатила своих пассажиров к парому, по-видимому, специально снаряженному с того берега: на пароме были флаги и украшения из зелени, а посередине стоял обычный крестьянский стол. Паромщики, завидев обычного ямщика с двумя пассажирами, спокойно оставались сидеть на своих местах: очевидно, они ждали кого-то другого. Однако когда один из пассажиров, с священническим крестом на груди, стал оказывать другому знаки особого внимания, называя его "Владыка", то для паромщиков стало ясно, что приехал тот, которого они ждали. На столе моментально появилась белая скатерть, на которую из ящика стола был поло-

жен хлеб. "Кормчий корабля" несколькими взмахами флага на высоком шесте дал знать кому-то на том берегу, и паром поплыл поперек реки. Вот он уже приближается к берегу, а между тем на берегу нет ни людей, ни лошадей. Колокола тоже молчали. Очевидно, сигнал помощника не был виден или не был понят (недаром ведь он не хотел пустить на паром двух татар, едущих куда-то на своих больших арбах: «наш паром не для вас», говорил он. Он принял татар на свой паром, лишь уступая просьбе Преосвященного).

Все же чей-то зоркий глаз усмотрел с колокольни, что на пароме едет сам Владыка. Раздался трезвон. Не успели сойти с парома, как уже Владыка, теперь назовем его полным титулом, Преосвященнейший Андрей, Епископ Уфимский и Мензелинский, был окружен своей паствой, женщинами и детьми, успевшими прибежать из ближайших к "пристани" домов. В то время, когда Владыка благословлял народ, прибыли благочинные 1-го и 2-го округов священники Иоанн Тихомиров и Порфирий Петров, а также и помощник Мензелинского уездного исправника А. Н. Берг.

Подали Преосвященному лошадь, но воспользоваться ею не пришлось: как только Владыка увидел бегущих за ним людей, слез с экипажа и пошел с ними пешком. Когда на вопрос Преосвященного: умеете ли вы петь молитвы, из толпы сказали «умеем», Владыка запел «достойно есть». Народ подхватил «яко воистину», и началось шествие по берегу Камы с пением различных песнопений. Пение усиливалось все больше и больше голосами вновь присоединявшихся, так что, приближаясь к церкви, оно обратилось в общенародное хоровое пение, соперничавшее, казалось, с звуками могучих колоколов... Трогательная была картина! Паства, идущая со своим Архипастырем, голос которого она услыхала еще впервые, переносила мысль очевидца этой

картины на слова Пастыреначальника: и овцы глас его слышат, овцы по нем идут, яко ведят глас его... В этом селе, лежащем на пути в имение известных благотворителей на духовные нужды народа всего Камского края Стахеевых, епископы уфимские бывали довольно часто, но приезжали кто на шестерке, кто на тройке лошадей, а архиерея, пришедшего к церкви пешком, пройдя целую версту, никто из сельчан не видел и от стариков не слыхал.

В храме Владыку встречал о<*тец*> настоятель священник Геннадий Юновидов. После обычного краткого молебна Владыка обратился к народу со словом назидания о значении крестного знамени и священнического и архиерейского именословного благословения. Преподав всем собравшимся (около 500 человек) свое архипастырское благословение, Владыка объявил, что в 6 час<*ов*> вечера будет в сем же храме совершать всенощное бдение, а литургию совершит на другой день утром в 8 час<*ов*> в церкви соседнего села Круглого Поля. Нужно заметить, что такое сообщение для слушателей было полной неожиданностью, т<*ак*> к<*ак*> по маршруту предполагалась здесь самая краткая остановка.

Это сообщение было встречено жителями обоих сел с великой радостью, ибо никто из них не видел у себя архиерейского служения бдения и литургии. С первым ударом колокола начал стекаться народ в храм и к началу богослужения до тесноты заполнил его. Служил местный священник о<*тец*> Геннадий Юновидов. После первой кафизмы Владыка сказал поучение о взаимной любви между членами Церкви и общества, на текст I посл<*ания*> Иоанна 2, 9, 17. На полиелей вместе с Владыкой выходили: сопровождающий Преосвященного епархиальный миссионер священник Стефан Матвеев, благочинный 3-го округа священник Порфирий Петров, благочинный 1-го округа священник Иоанн

Тихомиров, наблюдатель церковных школ Мензелинского уезда священник Михаил Воздвиженский. Протодиакона заменял иеродиакон архиерейского дома Маркелл, а вторым диаконом был о<*тец*> Тронов из с<*ела*> Бережных Челнов. Пел местный любительский хор, состоящий преимущественно из девушек, под руководством местного псаломщика, взявшего на себя некстати и обязанности канонарха. После богослужения Владыка долго благословлял богомольцев, раздавая при этом крестики.

Проведя ночь в квартире священника, рано утром, совершив "утреннее правило", Преосвященный отправился в село Круглое Поле. У околицы села крестьяне встретили Владыку с хлебом-солью. Завидя церковь, Владыка был опечален убогим видом ее: штукатурка местами совсем отвалилась, а побелка совершенно потемнела. Но оказалось, что внутри храм отремонтирован и имеет благолепный вид. Ризницей церковь настоль убога, что для соборного служения пришлось все облачение привезти из Бетьков. Встретил Преосвященного местный священник о<*тец*> Алексий Атаманов, знакомый Владыке по Казанским миссионерским курсам. Сослужащими Владыке были те же лица, которые накануне служили в с<*еле*> Бетьках всенощное бдение. За литургией Владыкою было сказано поучение о пользе благотворительности вообще и на украшение храма в особенности. Кроме примеров из св. Евангелия (алавастр мира и др<*угие*>) Владыка брал примеры из жизни, как, напр<*имер*>, крестьянина-благотворителя, добротой которого многие злоупотребляли, не платя ему долгов хлебом и деньгами и насмехаясь над его же простотой и незлобием. И что же? Был в селе большой пожар, вокруг усадьбы доброго крестьянина все дома его соседей сгорели дотла, а его дом среди бушующего пламени остался цел и невредим...

Поучение Владыки было выслушано с затаенным дыханием. За литургией пел местный хор, усиленный певчими из бетькинского хора. Благословляя народ, Владыка раздавал крестики. В числе молящихся немало было в храме и знакомых по всенощной в Бетьках лиц. Храм не вмещал всех пришедших на молитву при архиерейской Литургии, очевидно, первой с основания храма.

После Литургии Преосвященный посетил местную церковно-приходскую школу, куда распоряжением о<*тца*> наблюдателя были собраны учащиеся — мальчики и девочки со своей учительницей. Владыка задавал учащимся вопросы, на которые, однако, тщетно ждал удовлетворительных ответов.

По крайне смущенным физиономиям детей было видно, что они "оробели". И действительно, они немного приободрились, когда те же вопросы были предложены им их батюшкой-законоучителем. Но все же успехи по Закону Божию вообще, надо полагать, слабы. По другим предметам не спрашивали. Из школы Владыка пошел в дом священника о<*тца*> Атаманова.

Посещенные два прихода были с чисто русским населением. Далее по маршруту следовали приходы с крещено-татарским населением. Первый из них, ближайший к р<*еке* Каме, приход села Мелекес, куда после краткого отдыха в с<*еле*> Круглом Поле и направился Преосвященный Владыка. Отсюда же начинался *путь миссионерский.*

В село Мелекес Владыка прибыл в 1 час дня. Деревянная церковь, окрашенная в белую краску, видна за три версты от села. Часть пути Владыка шел пешком, так что отъехавшие от Круглого Поля на тройке лошадей помощник исправника и о<*тец*> наблюдатель школ прибыли много раньше и сообщили о скором прибытии Владыки. Церковь стоит на самом въезде в село.

Подъехали к околице села, и Владыка слез с экипажа. Площадь перед церковью сплошь была усеяна народом. Многие стояли на коленях. Увидя инородцев в их национальных праздничных костюмах, Владыка вспомнил бывшую свою казанскую паству: «Милые крещенцы, я снова вижу вас», — вырвалось у него умиленное восклицание. Под красный звон колоколов Владыка направился к церкви, благословляя на обе стороны тесно обступивший путь народ. Из толпы выступили девочки и поспешно стали бросать под ноги Преосвященному цветы и зелень. У входа в ограду церкви Преосвященного встретил сельский староста с хлебом-солью. После обычной встречи в храме местным священником о<*тцом*> Георгием Макаровым Владыка прошел в алтарь, приложился к святыням его и после краткого слова, объявив о предстоящем служении всенощного бдения, отправился в дом о<*тца*> настоятеля. Не успел он выйти из храма, как две женщины вновь пошли перед ним, бросая на путь цветы и зелень. В доме священника Владыка занимался некоторое время кабинетной работой, а потом велел позвать хор, с которым занимался разучиванием некоторых песнопений из всенощного бдения. Так, между прочим, впервые пришлось хору с голоса Владыки разучить "хвалите имя Господне", так называемое монастырское. Пение это на татарском языке выходит чрезвычайно умилительно. Здесь, в доме священника, был представлен Преосвященному крестьянин Стратоник Иванов, родом из крещеных татар приходской деревни Авлаш, пожертвовавший на построение храма в родной своей деревне 5000 рублей. Владыка, преподав благословение, облобызал щедрого жертвователя и высказал ему свою глубокую благодарность.

В 6 час<*ов*> началось бдение. Храм еще до звона был переполнен народом, собравшимся со всего прихода

(село и четыре деревни), состоящего из одних крещеных татар. Не нашедшие себе места в храме поместились в ограде его, обступив открытые южные и северные двери. Служил местный священник с иеродиаконом Маркеллом и диаконом села Дютюлей Бирского уезда Павлом Сизовым. После первой кафизмы Владыка сказал поучение, содержание которого было передано слушателям епархиальным миссионером на татарском языке. Приводим это поучение, насколько оно сохранилось в памяти.

— Братие мои возлюбленные, крещенцы! Видя вас, во множестве собравшихся в сей святый храм помолиться с вашим архиереем, я думаю, что вы полюбили уже меня раньше, чем я сюда прибыл. Навстречу вашей любви ко мне и я принес к вам мою любовь. Эту любовь заповедал нам наш Господь Иисус Христос, говоря: любите друг друга (Иоан. 15, 12). Мы все именуемся христианами, мы ученики Христовы, а Он, наш Учитель, заповедал нам, Своим ученикам, чтобы мы любили друг друга. Потому, сказал Он, узнают все, что Вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою (Иоан. 14, 34, 35). Благодарю Бога за то, что Он, Милостивый к моему недостоинству, дал мне возможность послужить по мере моих сил среди вас, крещенцев. Я уже знаком с вашими сородичами по своей службе в Казанской епархии, где я был младшим викарием. Потом Бог привел меня послужить два года на далеких отсюда берегах Черного моря, в Сухуме. И как мне не хотелось оставлять моих Казанских крещенцев! Не забуду никогда, как меня провожали эти крещенцы. Я приехал прощаться в крещенский монастырь[10]. Узнали об этом жители ближайших крещено-татарских селений. После литургии подошли ко мне старики-крещенцы и хотели

[10] В Лаишевском уезде, основанный преосвященным Андреем для крещения татар.

что-то на прощание сказать, но волнение сомкнуло их уста, из глаз потекли непрошенные слезы. Хотел я сказать им несколько слов утешения, но спазмы сдавили горло, и я так и не мог им вымолвить ни одного слова. Но и без слов наши взаимные чувства были понятны, и мы расстались... Через год после этого я уже из Сухума заезжал к моим детям духовным в монастырь. На пути туда (я ехал на одной лошади с кучером) встречается старик крещен и останавливает меня со словами: «Ты, батюшка, едешь в наш монастырь? Не знаешь ли, где теперь архиерей Андрей? Не поедет ли к нему кто из нашего монастыря?» — «Вероятно, дедушка, кто-нибудь поедет», — говорю я. «Так вот, — продолжает старик, — попроси, пожалуйста, того, кто поедет, передать от меня и наших крещен ему большой поклон. Да скажи ему, чтобы он к нам в гости приехал: как бы мы были рады! Да еще скажи, чтоб он за нас молился, а мы всегда за него молимся, здесь в монастыре и у себя дома»...

Да, братие, я любил крещенцев Казанской губернии и теперь их люблю. Жил я потом на Кавказе, на берегах Черного моря в стране, изобилующей всякими плодами, где нет наших зимних холодов, где ясное небо редко заслоняется серыми облаками, где прекрасные сады с их вечно зелеными деревьями ласкают взор человека и радуют его сердце... Мои знакомые, люди очень именитые и богатые, говорили: «Какое величественное море, какие роскошные сады, какие красивые дачи, какой чудный здесь воздух».

«Оставьте все это у себя и наслаждайтесь благами вашей благодатной земли, — отвечал я им, — а мне дайте моих бедных крещенцев с их бедной деревушкой с избами под соломенной крышей, где они тесно-тесно ютятся от зимней стужи и осенней непогоды. Я хочу в эту избу, хочу быть среди ее обитателей, слышать их

родную речь и молитвенные вздохи, видеть их постепенное возрастание в вере и благочестии»...

И вот Бог здесь, в Уфе, опять дал мне таких же детей, какие были у меня в Казани. Будем любить, братия мои, друг друга: я вас, вы меня. Если нас будет связывать взаимная любовь, то и Христос, Спаситель наш, будет всегда с нами. А когда Сам Бог будет с нами, то ничто не поколеблет нашей веры в Него. И дела наши будут успешны, ибо Сам Бог будет нашим помощником во всем. И жизнь наша будет настолько привлекательна и чиста, что и те люди, которые еще не знают нашей веры, будут с любовию взирать на нас и от нас будут брать пример хорошей жизни...

Вы, братие, имеете своими соседями людей одного с вами племени, но другой веры: около вас много мусульман. Так вот живите так, как заповедовал нам наш Спаситель Христос, учение Которого вы постоянно слышите и в своем храме и в домах ваших. Тогда и неверующие во Христа ваши сородичи через вас полюбят вашу веру, и если не обратятся теперь же в эту веру, то, по крайней мере, не будут хулить ее и отвращать от нее слабых из вас... Всею своею любовью призываю благословение Господне на вас, на ваши семьи и на ваши нивы. Аминь.

После бдения Владыка долго благословлял народ, раздавая при этом крестики. Вечером в доме священника, узнав, что из чина основания храма в переводе на татарский язык нет ни одной молитвы, Владыка поручил епархиальному миссионеру перевести две-три молитвы, заметив при этом, что давно бы надо позаботиться об этом. «Ведь крещенцы ничего не поймут из того, что мы будем читать завтра на закладке на славянском языке», — сказал Владыка. Поручение Владыки епархиальным миссионером было исполнено. На

другой день, 4 июля, Владыка не предполагал служить здесь литургии, но, видя усердие прихожан к молитве и желая начать свой миссионерский путь по селениям крещенцев служением литургии, распорядился, чтобы в 6 час<*ов*> утра был звон к литургии. В служении этой литургии принимали участие те же священнослужители, которые были за бдением, а именно: о<*тец*> Благочинный Тихомиров, священник с<*ела*> Борка Флор Мальгин, с<*ела*> Соболекова Павел Вдовин. В конце литургии Владыка сказал поучение, каковое приводим здесь по записи священника с<*ела*> Борка о<*тца*> Флора Мальгина.

«Возлюбленные братия и сестры! Когда я приехал к вам, у меня по недостатку времени не было намерения служить у вас литургию, я хотел отслужить только всенощное бдение, а потом, когда я увидал вас, у меня явилось сильное желание отслужить и литургию. Архиерейское служение литургии имеет свои особенности и отличается от служения священнического. Вы видели сегодня, что царские врата все время были открыты, святейшее таинство причащения совершалось у вас на глазах. Вы сегодня как бы присутствовали на той Тайной Вечери, которую Господь наш Иисус Христос первый раз совершал пред своими учениками и апостолами. Он тогда умыл ноги ученикам своим и показал им этим, а через них и нам всем, что они и мы все должны служить друг другу, любить друг друга, и так любить, чтобы быть готовыми пострадать и даже умереть друг за друга, как и Он пострадал и умер за нас.

Никогда не забывайте, что при совершении Божественной литургии Господь наш Иисус Христос присутствует с нами; тут его окружают небесные силы, ангелы и архангелы. Вы слышите слова херувимской песни: иже херувимы тайно образующе... Что это значит? — Это означает то, братие, что при совершении этого вели-

чайшего таинства мы изображаем херувимов. Вот что мы делаем, когда совершаем Божественную литургию. Здесь в церкви не только это, а все остальное весьма знаменательно и поучительно, здесь нет ничего, не имеющего глубокого смысла, — здесь небо, Бог с небесными силами, святые угодники Божии и мы со своими грехами. С каким же страхом и трепетом мы должны стоять здесь! Как пламенно должны молиться, какою сильною должны проникаться любовию и как благоговеть перед Богом. А вот я, к прискорбию, заметил, что некоторые из вас неверно изображают на себе крестное знамение; креститься надо так: (Владыко показал правильное перстосложение и изобразил на себе крестное знамение). Креститься надо так, чтобы тело слышало прикосновение к ним твоей руки, а если ты неверно перекрестишься, тогда у тебя и душа и тело останутся не освященными.

Правильно совершая крестное знамение, мы прославляем Святую Троицу и выражаем веру в распятого за нас на кресте Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа. Совершая все во спасение свое осмысленно, правильно и благоговейно, вы сами почувствуете в себе перемену к лучшему и обратите на себя внимание с хорошей стороны соседей ваших магометан, и они через вас прославят Отца Небесного. А если кто из них спросит вас, как это Бог — Троица? — скажите: не знаем; и в свою очередь спросите его сами: а что такое вода или огонь? — Он вам тоже ничего не скажет; скажет — вода это что-то мокрое, а огонь горячее, а что это такое по существу своему, не скажет.

Тогда вы скажите совопроснику-магометанину: вот, братец, мы не знаем земного, а пытаемся узнать небесное, непостижимое; как это можно? Если бы Господь не возлюбил нас и не открыл бы нам божественную истину о Себе через Единородного Сына своего Господа Нашего

Иисуса Христа, то мы не узнали бы ее и погибли бы, а теперь находимся на пути к спасению, и тогда только не спасемся, когда этого не пожелаем. В тайне Святой Троицы кроется бесконечная любовь: Троица — это три (отдельных) жизни, Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святый; они так любят друг друга, что эта любовь соединяет их в одно нераздельное и Три Лица — Три Жизни един Бог во Святой Троице. Так и мы должны любовью объединяться в один дух; в этом заключается цель нашей жизни, это составляет главное отличие нашей религии от других всех ложных религий. Поняли вы меня, милые мои братья и сестры? Если не поняли, скажите, я повторю, только бы все вы, все до единого спаслись; и не только вы, но и соседи ваши, братья ваши по крови — магометане».

Когда некоторые из слушателей сказали, что поняли учение Владыки по мере сил своих, он продолжил: «И так, будьте внимательны к себе и спасайтесь не только сами, а при случае сообщайте божественную истину соседям вашим — магометанам. Они теперь бедны, жалки по своим понятиям о Боге, о душе и будущей жизни; они не веруют во Святую Троицу и Сына Божия, пришедшего в мир грешников спасти; не веруют в принесенную им с неба от Бога Отца божественную истину, не имеют настоящего понятия о любви к Богу и ближнему; лишены благодати, этой спасающей силы Божией, и находятся не на пути к спасению, а на пути к погибели. Жаль их, и грех нам будет, если мы о них не позаботимся. Не думайте, братие мои и сестры, что вы не можете быть им полезны в этом случае; вы все до единого, и мужчины, и женщины, и старцы, и молодые, все можете проповедовать Христа распятого, Божественную любовь к роду человеческому. И не думайте, что у вас в этом не будет успеха: слово Божие упадет на сердце, взойдет, вырастет и даст свои плоды спасения. Аминь».

Отслужив Литургию, Владыка благословил крестный ход в деревню Авлаш, где в этот день должна была состояться закладка храма. Вслед за крестным ходом, после краткого отдыха, отправился в Авлаш и сам Владыка. Как только экипаж Преосвященного показался в воротах священнического дома, раздался звон колоколов. Услыхав этот звон, жители прилегающей к церкви улицы, по которой прошел крестный ход, узнали о выезде Владыки и все, малые и великие, высыпали к воротам своих домов, кланялись и подходили под благословение. Владыка всех благословлял, гладил детей по головкам, целовал и раздавал крестики. Это обстоятельство задержало Преосвященного в селе почти на целый час. В конце улицы экипаж Владыки был окружен большой толпой, и Преосвященный шел с народом при пении молитвы на татарском языке. За околицей Владыка всех провожавших его благословил и отправился в свой путь.

Дорога была проселочная, не укатанная. Поэтому тарантас слегка подпрыгивал, кучер ехал осторожно, сдерживая порыв своих лошадей на неровных местах. Погода была, после дождя, чудная, аромат полей слегка клонил ко сну. Вдруг на колени Владыки, слегка задев его лицо, упал букет полевых цветов. Остановились, смотрим: стоят две женщины со смущенным видом. Это были те самые "цветочницы", которые каждый раз усыпали дорогу от церкви до дома священника в Мелексе.

— Это ты, Агафия. И ты, Ирина, тут, — обратился Владыка к ним.

— Мы, Владыка, Авлаш идем, тебя слово спросить надо, — говорит Ирина ломаным русским языком. Узнав через своего спутника, в чем дело, Владыка, идя позади экипажа, поговорил с ними. Оказалось, что на совести одной из них было нечто такое, в чем она не могла

найти облегчения у своего отца духовного... Владыка ее успокоил, разъяснив ее недоумение и обещав помолиться о ней. Другая из женщин просила Владыку, чтобы он помог ей поступить в монастырь. Успокоив женщин, Владыка поехал дальше. При приближении к деревне Никашновка, населенной русскими, увидали толпу празднично одетых людей вокруг часовенки, какие обычно встречаются у околиц православных селений. Благословив хлеб-соль, Владыка помолился и преподал свое благословение встречавшим. При этом народ пел молитвы. С места встречи весь народ направился в деревню. При въезде в деревню бросилась в глаза трогательная картина: из каждого дома на середину улицы был вынесен стол с иконой и хлебом-солью. Увидев это, Владыка сошел с экипажа и прошел всю улицу пешком, благословляя каждую семью отдельно. Как ни спешил народ на предстоящую в деревне Авлаш закладку храма, который должен быть его приходским храмом, но тем не менее все терпеливо ждали до тех пор, пока Преосвященный не благословил последнюю у околицы семью. Как только Владыка сел за околицей в экипаж и поехал дальше, целая вереница телег и плетенок потянулась за ним туда же. Кого-кого только не было на этих подводах: дряхлая старость держала на руках беспомощную юность, мать детей "правила" лошадью, а мужики шли пешком. Можно было подумать, что совершается какое-то переселение людей на новые места. Всю эту вереницу подвод и пешествующих Владыка пропустил мимо себя, чтобы дать всем возможность поспеть к началу богослужения. А между тем крестный ход давно прибыл на место закладки, и вся площадь вокруг места будущего храма пестрела народом, среди которого выделялись нарядные национальные костюмы молодых женщин и девиц, украшенные серебром. У околицы встретили Владыку старики хле-

бом-солью, а молодежь запела на своем родном языке молитвы. С пением молитв окруженный толпой народа, Владыка шел по улице деревни, ведущей к месту закладки. Из домов были вынесены столы с хлебом-солью, и у каждого стола Владыка останавливался и благословлял преклонившую колена семью, гладя по головкам и целуя маленьких детей.

Так прошел Владыка до самого места закладки. Здесь его встретил благочинный 3-го округа священник Порфирий Петров с духовенством ближайших приходов, прибывшим к торжеству закладки. Закладка храма началась в половине второго часа дня. Погода была прекрасная. Невиданное доселе торжественное богослужение и самый чин закладки храма произвели на молящихся сильное впечатление. Две молитвы из этого чина были прочитаны епархиальным миссионером на татарском языке. В конце богослужения Владыка сказал народу глубоко назидательное слово о значении храма в жизни христианина. Поучение было произнесено по частям и передано слушателям-инородцам на их родном языке. В своем слове Владыка говорил о том, что храм нужен не Богу, а нам.

«Весь мир, земля и небо, — говорил Владыка, — исполнены славы Божьей: на небе Ангельские силы непрестанно славословят своего Творца и Владыку, на земле не только люди, но и птицы небесные поют Ему хвалебные песни. Даже бездушные творения его, как, например, солнце и луна, зеленые нивы и красующиеся разноцветным нарядом луга вызывают нас на славословие, поражая нас своим величием и красотой...

Бог внимает молитве людей своих везде, где они призывают Его святое имя от чистого сердца. Но издревле Бог избирал для молитвы и приношения даров Ему особые места, как, например, место видения Иаковым лествицы, гору Синай, гору Сион, город Иерусалим

и др<*угие*>. Повелением Своим пророку Моисею построить скинию и царю Соломону храм Бог ясно показал людям, что для молитвы они должны иметь особые здания, посвященные имени Божию.

О своем же пребывании в скинии и Иерусалимском храме Бог свидетельствовал чудесным осенением скинии облаком и низведением на жертвы небесного огня. При Иерусалимском храме воспитывалась Богоизбранная отроковица Св. Дева Мария. В этот же храм многократно приходил и Сам Господь наш Иисус Христос... Постоянно Он пребывает невидимо и в наших Св. храмах, внимая в них и нашим прошениям, благодарениям и хвалебным песнопениям. Поэтому и называется храм домом Божиим. Следовательно, тот, кто строит или помогает при строении храма Божия, делает самое угодное Богу дело. Блаженны эти люди: на них почиет сугубое благоволение Божие. Эти люди снискивают милость Божию не себе только, но и ближним своим, ибо дают возможность собираться людям вместе во имя Божие. А когда люди собираются во имя Божие, то сам Бог невидимо присутствует среди них. Счастлив поэтому ваш соотечественник Стратоник Иванович, создающий для вас храм, куда вы будете собираться во имя Божие для молитвы. Счастливы и вы все, так или иначе способствующие построению сего храма. Да благословит Бог труды ваши. Вот мы все вместе помолились сегодня на сем месте Богу. Это место отныне стало свято. Относитесь поэтому к этому месту с благоговением, как к месту, посвященному Богу. Пусть ничто нечистое не касается сего места: вы сами оберегайте его от прикосновения чего-либо нечистого. Недаром ведь мы крест большой водрузили здесь, чтобы все издали видели его и, обнажая голову, благоговейно крестились на него с призыванием имени Божия в молитве о помощи строителям храма. Дай, Господи, видеть всем нам и окончание его

постройки и помолиться в нем Милостивому Богу нашему, подающему всякие блага трудящимся во славу Его имени».

Торжество было заключено провозглашением установленного многолетия с присовокуплением имени храмоздателя. По окончании торжества жертвователь Иванов пригласил Преосвященного в свою временную квартиру в помещении училища, где предложена была гостям трапеза.

Обрадованные посещением Владыки и закладкой храма, жители деревни глубокими поклонами проводили дорогого своего гостя. Миновав две деревни с татарским населением, с любопытством выбегавшим к воротам домов посмотреть "арканея" (так обычно татары произносят слово "архиерей"), в 4 часа дня прибыли в село Федотово. При въезде в село жители встретили Владыку с хлебом-солью. Владыка шел до храма пешком, благословляя семьи, вышедшие к воротам домов с хлебом-солью. В храме Владыку встретил местный священник Никита Комиссаров. Приложившись к святыням храма, небольшого по размерам, Владыка объявил, что будет служить вечерню в ограде храма перед главным входом в храм. Вечер был чудный: косые лучи приближающегося к закату солнца отражались на белых стенах каменного храма и преломлялись на серебряных ризах икон, вынесенных из храма в ограду. Народ не вмещался в ограду, а густой толпой стоял и за оградой, подсадив своих малышей на перекладины деревянной ограды. В толпе преобладал инородческий элемент (крещеные татары), так как лишь одно село русское, а приходские деревни все инородческие. По-славянски пели местные любители под управлением священника села Пальчикова о<*тца*> Иоанна Жаркова, а по-татарски ученики со своими учителями под управлением местного псаломщика И. Сизова.

В конце вечерни Владыка сказал поучение, переведенное епархиальным миссионером на татарский язык. Темой для своего поучения Владыка взял жизнь и молитвенные подвиги Преподобного Сергия, коему правилась служба по случаю его памяти 5 июля. К сожалению, это глубоко назидательное слово Владыки, за недостатком времени, осталось не записанным и не было воспроизведено потом.

После богослужения Владыка посетил квартиру священника и, благословив его семью, отправился пешком в дом местного помещика С. И. Пыхтеева, пригласившего его откушать у него хлеба-соли. Этот хлеб-соль оказался обильной трапезой. Радушные хозяева были очень довольны посещением их дома Преосвященным и уговаривали его принять их предложение продолжать путь дальше на их лошадях в удобном экипаже до самого конца этого пути — Бережных Челнов. Уступая их просьбе, Владыка согласился ехать на лошадях С. И-ча до села Бишева. Лошади и экипаж были отличные, и это было очень кстати: нужно было еще проехать 15 верст, а уже надвигалась ночь. Тройка рванула и понеслась с быстротой птицы, почему и не заметили, как прибыли в деревню Кадырову. Проехав в татарскую часть деревни, принуждены были остановиться, так как увидали столы с хлебом-солью и стоящих около них жителей деревни — крещеных татар. Владыка всю деревню прошел среди окружавших его тесным кольцом людей разного пола и возраста, раздавая направо и налево крестики. Увлекаемый толпой, Владыка в одном месте был оттеснен с дороги к забору и терпеливо раздавал крестики. А толпа все росла и росла и, при пении молитв, проводила Владыку до конца деревни.

Через 1/4 часа прибыли уже в другую, также населенную татарами мусульманами и крещенцами деревню

Ахметеву. При въезде в деревню Ахметеву бросились в глаза красивая мечеть и неподалеку от нее большой и красивый дом богатого хаджи Меннана. У ворот домов кучками стояли татары, из которых некоторые при проезде мимо них Преосвященного кланялись ему. Подъехали к площади, где приезда Владыки дожидался народ. Слышался трезвон в небольшие колокола. Это православное население деревни, собравшись у церкви-школы, встречало своего архиерея. У входа в церковь Владыку встретил старец-священник, настоятель церкви с<*ела*> Бурдов, куда причислена приходом дер<*евня*> Ахметева. Заботами этого священника, о<*тца*> Бориса Васильева, с миссионерскою целью выстроено было И. Г. Стахеевым здание, в котором помещается земское училище и по временам совершается богослужение. Это, кажется, единственное в епархии здание, под крышей которого одновременно работают вот уже два десятка лет духовное ведомство и земство.

Помолившись в алтаре церкви-школы, Владыка вышел на площадь и, по совершении о<*тцом*> Васильевым краткого молитвословия, обратился к народу со словом назидания, тут же переведенным епархиальным миссионером на татарский язык. Как самое положение деревни, так и замеченные Владыкою в толпе слушателей мусульмане требовали от него слово о жизни благодатной (в ограде св. Церкви) и жизни безблагодатной (вне этой ограды). Воспроизводим это слово, как оно сохранилось в памяти.

«Братие возлюбленные! Радуюсь душою, видя вас, во множестве собравшихся сюда помолиться с вашим архиереем, но в то же время очень жалею, что не могу оставаться с вами столько, сколько нужно, для того, чтобы мне стать к вам поближе и узнать ваши духовные нужды и, по возможности, удовлетворить их. Но тем не менее, чтобы вы получили некоторую пользу для душ

ваших и от краткого моего здесь с вами пребывания, хочу предложить вам вот это наставление. Слушайте, братие, со вниманием. Как вы счастливы, братие, что с детских ваших лет состоите в вере Христовой. К вам вполне применимо то, что апостол писал Ефесским христианам: благодатию вы спасены через веру... Вы были некогда без Христа, были отчуждены от общества верующих и не имели надежды на свое спасение, и были как бы безбожниками в мире (Ефес. 2, 8–12).

Не ваша, братие, вина, что отцы и деды ваши блуждали во тьме неведения истинного Бога и Его святой веры и принимали иногда за истину то, что в сущности есть ложь. Ваши предки хотя и были крещены во имя Христа, но не были просвещены святым его учением настолько, чтобы жить в этом свете самим и указывать путь другим. Недостаток этого света служил причиною того, что некоторые из вас уклонялись от пути истины и жили только по обычаю мира сего, или же по воле злого духа, действующего ныне в сынах противления, исполняя желания плоти и помыслов нечистых (Ефес. 2, 2–4).

Но Бог, который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины (1 Тим. 2, 4), открыл и вам доступ к уразумению этой истины: нынешнее поколение крещенцев уже не блуждает во тьме неведения, как блуждали прежние их поколения.

Поистине счастливы вы, братие, что слышите истину откровения Божия на вашем родном языке. Ныне то, что было непостижимой для разумения отцов ваших мудростью, стало вашим достоянием. Вот здесь, в этой школе, впервые вы и ваши дети познакомились с истиной Евангельского учения и стали различать истину от лжи, а затем, придя в возраст, путем чтения понятных для вас книг и слушая слова Божия в храме своем усовершенствовались в познании сей истины. Имея сведения о вашем усердии к молитве и о вашем стремлении к

доброй христианской жизни, я с уверенностью могу сказать, что ваш жизненный путь ныне освещается святым учением Господа Нашего Иисуса Христа, потому думаю, что никто из вас не уклонится от света ко тьме.

Вы, братие, находитесь под постоянным водительством св. Церкви: пока вы малы, учат вас в школе, придете в возраст, учат в храме, не имеете возможности часто посещать храм, учитесь сами дома чтением Св. Евангелия и других полезных книг. Как же после этого не сказать, что вы счастливы? И будете всегда довольны и счастливы, если будете послушными сынами св. Церкви православной. Правда, послушание матери Церкви налагает на ее сынов обязанности, кажущиеся иногда для слабых из них тяжелыми. Но что же делать? Ведь жизнь земная не есть сплошной праздник для тела: она, эта жизнь, должна быть сплошным трудом и подвигом для тела и души: серебро и золото, прежде чем попасть в виде украшений в царские палаты, должны подвергаться очищению через огонь (1 Петр. 1, 7). Так и бренное наше тело и осквернённая грехами душа прежде, чем достигнуть чертогов Царя Небесного, должны подвергаться болезням и страданиям как бы от огня жизни; поэтому слово Божие говорит: огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь... но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете. Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух Славы, Дух Божий почивает на вас. Теми он хулится, а вами прославляется. Только бы не пострадал кто из вас, как убийца или вор, или как посягающий на чужое, а если как христианин, то не стыдись, а прославляй Бога за такую участь (1 Петр. 4, 12–16).

Братие возлюбленные! Предлагая сие наставление Апостола Христова, я не думаю, чтобы кому-либо из вас

пришлось, подобно мученикам за веру, принять на себя страдания за Христа, предав свое тело мучениям, ибо времена мученичества для нашей православной родины миновали, но говорю это для того, чтобы вы терпеливо переносили те насмешки и издевательства, которые и теперь нередко приходится слышать христианам от неверующих во Христа людей. Бывают случаи, когда неразумные из них хулят нашу веру и обряды ее, чем причиняют немало огорчения и душевного страдания преданным сынам Церкви. Подобное сему искушение, полагаю, и вы иногда испытываете от своих соседей и сородичей, живущих близко к вам по телу, но далеко от вас по душе. Не сердитесь на них за это так же, как не сердился на своих хулителей Наш Учитель Христос. Вы помните, как Он молился Отцу Своему Небесному за своих мучителей, распинающих его на кресте: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Луки 23, 31).

Не знают Христа Спасителя и Его святого учения и ваши сородичи мусульмане, ибо благодать Божия еще не коснулась сердец их. Без благодати же Божией человек не может прийти к истине, почему и принимают часто ложь за истину. Как же, спросите, различать нам истину от лжи, когда и ложь прикрывается истиной? Ведь и мусульмане свою веру не менее чтут, чем мы, христиане, свою веру?

Да, братие, мусульмане чтут Бога из одной лишь покорности ему (Ислам значит: покорность). Они говорят, что их вера открыта тоже духом-Ангелом Гавриилом, приносившим Мухаммеду слова Духа-Бога с неба. Так ли это? На этот вопрос отвечаем не своими словами, а словами Писания: многие обольстители вошли в мир, не исповедующие Иисуса Христа, пришедшего во плоти: такой человек есть обольститель (2 Иоан. 1, 7). Кто лжец, если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Хрис-

тос? Всякий, отвергающий Сына, не имеет и Отца, а исповедующий Сына имеет и Отца (Иоан. 2, 22–23).

Возлюбленные! Скажу вам словами апостола Христова: не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому, что много лжепророков появилось в мире. Духа Божия и духа заблуждения узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога. А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не от Бога (1 Иоан. 4, 1–3). Вы, конечно, слышали, братие, что мусульмане не веруют в Иисуса Христа, Сына Божия, нас ради человек и нашего ради спасения воплотившегося от Духа Свята и Девы Марии: они считают Иисуса Христа лишь пророком, подобным Адаму и рабам Божиим (Коран 4, 169; 3, 52).

Сейчас вы слышали, братие, предостережение возлюбленного ученика Христова Иоанна Богослова о том, как различать духов, кто из них от Бога, кто не от Бога. Кто же этот дух от Корана, отвергающий Сына Божия?

Ответ уже дан вам Апостолом. Итак, братие, не ваши соседи-мусульмане выдумали неправду об Иисусе Христе, а выдумал "дух", который внушил эту неправду самому Мухаммеду. "Дух" этот не был Духом Истины, потому что сказал о Сыне Божием Иисусе Христе ложь... Внушив человеку ложь однажды, "дух" этот не может в других случаях внушать ему истину, а потому напрасно стали бы мы искать во всем учении Корана истину о Боге и о его Святом законе. Например, учения об освящающей людей благодати Божьей совсем нет в Коране. Нет в нем и понятия о Боге, любящем создание свое — человека: Бог по Корану любит только тех, кто верует в Магомета, а неверующих в него не любит (Коран 3, 29). По учению же Евангелия, как вы знаете, Бог послал Сына Своего в мир для того, чтобы мир спасен был через Него (Иоан. 3, 17). Бог есть Любовь, а любовь

Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Своего Сына, чтобы мы получили жизнь через Него. В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Своего Сына в умилостивление за грехи наши (Иоан. 4, 8–10). Я не буду говорить вам, братие, о том, как извратил Магомет истинное учение о Боге в своем Коране. Посудите сами: разве возможно, чтобы Бог истинный Сам ввел людей в заблуждение и не хотел очистить сердец их? А по Корану это возможно (Коран 5, 45; 6, 125): мусульманский бог сам не хочет, чтобы люди были верующими (6, 107); он хочет вводить людей в обольщение (11, 36); нечестивых вводить в заблуждение (14, 32); ведет людей к погибели незаметно для них самих (7, 181), потому что он хитрый (7, 182) и сам производит неверие (6, 25); проклинает людей и делает их глухими и слепыми (к словам Корана): бог Корана сближает людей между собой для их погибели, делает вельможами людей негодных граждан (6, 123; 129). Мало того, он ведет людей сам к погибели в этой жизни, но назначает для них пламень геенны (17, 19), отдает их во власть диавола (7, 26), он великое число людей сотворил для ада, потому что эти люди, как скоты и даже больше, чем скоты (7, 178).

Все эти унизительные не только для Бога, но и для порядочного человека понятия находятся в Коране, который мусульмане считают священным словом Божиим. Кажется, ничего нельзя хуже придумать, чтобы унизить истинного Бога, Бога Любви и всякого блага. Скажите, братие, можно ли ожидать после этого, чтобы мусульманство, как вера, могло вести своих последователей к истине и блаженству? Конечно, нет. Далее, может ли такое вероучение сделать людей хоть здесь, на земле, счастливыми? Опять-таки нет. Отсутствие в людях взаимной любви делает их несчастными. Поистине

несчастны мусульмане (в своих странах), когда, согласно Корану, негодные граждане властвуют над ними в качестве вельмож; несчастны они, когда во имя Корана считают месть жизнью для себя (2, 245). Несчастны они, когда при встрече с неверующими, согласно Корану, должны ссекать с них головы (47, 4), а по отсечении головы еще отсечь и другие члены их тела (3, 122).

Ужас пробегает по телу, когда читаешь эти или подобные им места Корана. Может ли мусульманин, верный своему закону, любить людей вообще и нас, христиан, в частности? Нет, ибо нет и в самом Коране учения о любви. Раз сам мусульманский бог не любит людей, то могут ли любить их мусульмане? Не мудрено поэтому, что мусульманин руководствуется в своих отношениях к людям одними лишь соображениями о личной своей выгоде. А любовь и самопожертвование в пользу ближнего, возвещенные учением Св. Евангелия, чужды исламу.

Нет любви у мусульман в семье, где жена — раба мужа, а дети обуза для него. Ведь всем известно, как страдает мусульманская женщина, когда она является одной из нескольких жен своего мужа, а дети ее нежеланные лишние рты в доме... Жалкая вера, жалкие мусульмане. А между тем какие бы хорошие люди были наши татары, если бы были свободны от заблуждений своего вероучения! Говорю искренно, я люблю татар: люблю их простодушие, трудолюбие, гостеприимство, любознательность, восприимчивость и религиозность. Ведь, в сущности, они не виноваты в том, что, живя в Русском государстве более трех столетий, еще не слышали высоких истин христианского учения. Кто им говорил о Христе и Его любви ко всем людям, не исключая и их, татар? Братие, будьте вы первыми провозвестниками евангельских истин вашим сородичам-татарам. Если не словами, то делами покажите им, что

исповедуемая вами вера есть сама истина. Любите их, несмотря на разность нашей веры: покажите им, что только любящий своего ближнего может любить Бога, а кто говорит: я люблю Бога, а брата своего (хотя бы и другой веры) ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит (1 Иоан. 4, 20)? Будем любить не только добрых, но и злых, ибо Господь любит не только праведников, но и грешников, кающихся. Стремитесь, братие, к совершенству в вере, указанному Спасителем Нашим: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас, да будете сынами Отца вашего Небесного (Мф. 5, 44–45). Аминь».

Поучение Владыки было выслушано с затаенным дыханием. В числе слушателей, в задних рядах их, немало было и мусульман. Поучение Владыки произвело на крещеных татар неизгладимое впечатление. Об этом отчасти свидетельствует письмо, полученное епархиальным миссионером по его приезде в Уфу. Письмо написано на татарском языке, и вот его перевод:

«Нашему отцу миссионеру Стефану Матвееву.

Получив известие о том, что 4 июля 1914 года в нашу деревню Ахметеву приедет наш Владыка-Архиерей, мы, христианское общество, ждали его с большой радостью. Наше христианское общество за посещение нашего маленького селения, за внимание, которым он нас удостоил, приносим ему глубокую благодарность. Слушая наставления Святого Владыки, народ от радости плакал. Люди, дожившие до старости, доселе не слыхали подобного услаждающего наставления Святого Владыки. Когда мы стояли и слушали его наставление, наши сердца, окаменевшие от тяжести грехов, растая-

ли, и мы чувствовали в душе такое облегчение, что не знали, где и стояли.

Выборные люди: Кузьма Антонов, Петр Архиппов, Лаврентий Галактионов, Илларион Феодоров».

В этих немногих простых словах слушатели-инородцы выразили свое душевное удовлетворение наставлением Владыки. Не безучастно стояли, оказывается, к словам Преосвященного и слушатели мусульмане. Священник о<*тец*> Борис Васильев передавал нам, что на другой день содержание поучения Владыки передавалось из уст в уста и облетело всю татарскую часть деревни. Знакомые о<*тцу*> Борису мусульмане говорили ему: «Вот какой хороший ваш "арканей", как хорошо он вас наставляет. А наш муфтий хоть бы раз когда-нибудь приехал в деревню и сказал бы два-три слова в наше назидание. Мы и от стариков не слыхали, чтоб он ездил по деревням да учил народ»...

Ближайшим последствием наставления Владыки крещенцам было то, что они вслед за ним прислали в Уфу ходатайство об открытии при церкви-школе прихода и назначении туда священника. Ходатайство это принято и ему дано надлежащее направление...[11]

[11] Уфимские епархиальные ведомости. 1914. № 21, 22.

II. О ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

О казенной молитве и служении царю любовию и правдою[12]

Возлюбленные братие!

С великою благодарностию к вам я сегодня совершаю молитву в здешнем храме, ибо мне приходилось видеть несколько Кафедральных соборов, которые в Царские дни страшно пустуют. В эти дни прежде пустовали передние ряды, отведенные для молящихся, а потом, смотря на них, стали пустовать и задние. Служба Божия там не имела молящихся и в начале литургии, и в конце и являлась чем-то уж очень казенным. — Ныне же я несказанно рад святой молитве вашей, видя, что весь храм полон; я и хочу вам сказать слово своего назидания в благодарность за те молитвы, которые вы вознесли за нашего Царя, Самодержца Всероссийского.

---

[12] Слово, произнесенное в Уфимском Кафедральном соборе преосвященнейшим Андреем в день Отдания Пасхи и Предпразднества Вознесения, совпавший с днем священного коронования, 14 мая 1914 года: записано слушателями и проверено автором.

Сегодня, братие, два праздника: один вселенский, другой всероссийский. Вселенский праздник — это Отдание Пасхи и Предпразднество Господня Вознесения; и если бы вы внимательно выслушали стихи канона вчерашнего, то были бы поражены глубиною его содержания и почерпнули бы в нем безгранично много назидания. Главная мысль, которая должна была бы у вас остаться, — это та, что *только в Вознесении Господнем раскрылась до конца тайна воплощения Сына Божия.* Ведь, братие дорогие, мы "малым чем умалены перед ангелами"; и даже не умалены, а превознесены и препрославлены. Ведь не ангельскую природу восприняло Слово Божие! И не ангельское, а человеческое естество Господь посадил одесную Отца! Превеликая это тайна, как наше *грешное* естество воспринял Сын Божий *Безгрешный* и вознес одесную славы Божией.

Подумайте же, какой великий предмет сегодняшнего вселенского праздника: славное воскресение и вознесение...

Но сегодня мы празднуем и другой — гражданский праздник всероссийский: день коронования Царя православного, — единственного на свете православного Самодержца. Мы вспоминаем, братие, как Он воспринял корону свою Царскую, — корону, символ великой своей власти...

Но, братие, поверх этой короны — Крест...

Корона, которая венчает и украшает Царя православного, сама украшается, увенчивается еще Крестом... Слышите, православные? Сверх короны царской — Крест, символ великого, ради Христа, самопожертвования.

Какое же обещание дал Царь православной Церкви, когда он венчался на царство? — Он обещал, что будет творить волю не свою, хотя бы и царскую, и не волю человеческую, хотя бы и народную. Нет! — *Он обещал*

творить волю Божию. Волю свою подчинил Он воле Божией!

Эта власть, братие, власть русского самодержавного Царя, повторяю, — *единственная в свете*. Нигде в свете народная душа не возвысилась до такого идеального представления о власти. Нигде в свете идея власти не украсилась в такой мере идеей крестоношения. Это почти тот предел, когда осуществляется сама идея государства, и оно обращается в Церковь.

И это сокровище вверено нашему общему попечению. Слышите? Нам, нашей охране, вверена Царская власть, единственная в свете по той красоте нравственной, которую она представляет.

Великий Апостол Павел, живший во времена беззаконнейшей языческой власти, от которой впоследствии принял и мученическую смерть, так писал своим ученикам: "Прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте" (Тим. 2, 12). Этими словами св. Апостол как бы говорит, что *всякий народ имеет ту власть*, которую он заслужил, которой он достоин, *какую он вымолил у Господа*. И если сейчас уже имеются народы, во главе которых стоят явные гонители Христа и Его Церкви, то ясно, что беззаконие народа отразилось в беззаконии его правителей.

А мы можем и должны сохранить свое сокровище нашей Царской власти — молитвами к Богу и прошениями о ней и всецелою любовию к этой власти, которая есть подчинение только Господу и никому другому; молитвами о Царе нашем православном, чтобы исполнились на нем те слова, которые вы сейчас услышите в возвышеннейшей, замечательной молитве молебного пения: "даруй ему разум и премудрость... Согрей сердце его к призрению к нищим, ко приятию странным, к за-

ступлению напастствуемым... сотвори его отца, о чадех веселящегося... Умудри его — во еже судити людем Твоим в правду"...

Итак, мы должны окружить Своего Царя и престол Его правдою, правдивым, честным словом и служением своим, ибо сказано в Писании: удали неправедного от Царя и престол его утвердится правдою. Мы должны служить ему нелицемерно, хотя бы и в малых своих гражданских обязанностях; — должны молиться за него всем сердцем своим, а не отбывая скучную повинность "по казенному", как обидно говорит о деле государственном русский народ. Мы должны служить Царю действительно не за страх, а за совесть; не оскорблять его рабским своим страхом перед Его силою, а любить Его всею своею христианскою совестию, не ради получения от Него милостей, а по правде Христовой, — всем сердцем.

И тогда наша православная власть Царская будет сильна милостию Божию и правдою православных сынов св. Руси; такая власть и будет действительною опорою мира и любви, лучшею носительницею Церковных идеалов.

Да будет же Царь наш — отец, о чадех веселящийся. Да укрепит его Господь в его страшном служении, — а оно действительно велико и страшно! Ибо сколь велика власть Его на земле, столь страшен ответ Его на небе... Да сохранит Господь Самодержавие Его во веки невредимым... В этом, братие, залог нашего церковного и гражданского мира; а мы по горькому опыту знаем, как потеря мира гражданского влечет тотчас в народе потерю мира душевного и порождает злобу, и партии, и раздоры, и всякие бедствия нравственные.

Да погибнет же всякое зло и всякая неправда в православном царстве нашем! И да сохранится во веки престол Царей Русских, православных; да утвердится он

нелицемерною честностью ближайших слуг своих, свободою правдивого слова народного, свободным развитием церковно-народных сил, любовию сильных к слабым и старших к младшим. Аминь[13].

* * *

Письма к пастырям Уфимской епархии

IX. Исполнение славянофильских предсказаний[14]

Едва ли кто-нибудь так сознательно и свято любил нашу православную Русь, как так называемые славянофилы. Едва ли когда-нибудь найдутся другие русские политические мыслители, которые смотрели бы на служение своему отечеству как на служение самой правде Божией; а славянофилы именно так и смотрели на свое служение *святой* Руси. Для них Русь была только *святая* Русь; другой Руси они не знали и знать не хотели; никаких партий политических они не знали и признавали всякую политическую партийность за политический разврат. Единственный принцип в служении отечеству, считали славянофилы, — это принцип церковности, безусловной, церковно-общественной правды и справедливости. На этом основании славянофилы отрицали логическую возможность развития на Руси социализма. Социализм — это антипод клерика-

[13] Уфимские епархиальные ведомости. 1914. № 10. С. 197–200.

[14] Вместо обычного письма помещаю целую статейку, освещающую с нравственной точки зрения современные политические события. Прошу пастырей передать школьникам превосходные стихотворения Хомякова и поощрять их к изучению этих стихотворений, чтобы и родители утешались ими. — *Прим. епископа Андрея.*

лизма и мыслим в Западной Европе, которая привыкла воевать с воинствующим католицизмом. Православная Церковь ни с кем не воюет, а всем служит, и по преимуществу обиженным беднякам.

Славянофилы и признавали государственность лишь как защиту Божией святой правды от всякой земной неправды. И ничего так не боялись славянофилы, как нравственного растления России, оскудения в ней Правды Божией. Никакое политическое унижение они не считали таким страшным бедствием для своего отечества, как измену нравственным принципам.

В настоящей маленькой заметке мы и хотим привести мнение родоначальника славянофильского движения Алексея Степ<*ановича*> Хомякова, выраженное им в стихотворной форме. И как, несомненно, ныне великие души славянофилов в загробном мире радуются, что лучшие их чаяния о братских объятиях всех славян православных уже сбываются! — Посмотрим же, как думал и что предчувствовал Алекс<*ей*> Ст<*епанович*> Хомяков в будущих судьбах России, чего он для нее желал.

Ближайшие судьбы своей родины Хомяков изложил в возвышеннейшем стихотворении под заглавием: "Раскаявшейся России". — Вот оно:

Не в пьянстве похвальбы безумной,
Не в пьянстве гордости слепой,
Не в буйстве смеха, песни шумной,
Не с звоном чаши круговой;
Но в силе трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На дело грозного служенья
В кровавый бой предстанешь ты,
О, Русь моя! Как муж разумный
Сурово совесть допросив,
С душою светлой, многодумной,

Идет на Божеский призыв:
Так, исцелив болезнь порока
Сознаньем, скорбью и стыдом,
Пред миром станешь ты высоко
В сиянье новом и святом!
Иди! Тебя зовут народы,
И, совершив твой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни мир!
Иди! Светла твоя дорога:
В душе любовь, в деснице гром,
Грозна, прекрасна — Ангел Бога
С огнесверкающим челом!

Хомяков знал великие грехи русской жизни и немолчно обличал их; за это он выносил негодование даже своих друзей, но оставался тверд в своем пророческом обличении. Он жил во времена императора Николая Павловича, который пользовался в Европе огромным влиянием. Немецкие генералы при встрече с русским Императором целовали у него руку. И великий Государь пользовался своими силами для политического возвеличения России.

Хомяков не мог отнестись равнодушно к развитию народной гордыни и после одного блестящего парада русских войск написал следующее стихотворение:

России

Гордись! Тебе льстецы сказали:
Земля с увенчанным челом,
Земля несокрушимой стали,
Полмира взявшая мечом!

Пределов нет твоим владеньям,
И прихотей твоих раба,
Внимает гордым повеленьям
Тебе покорная судьба.
Красны степей твоих уборы,
И горы в небо уперлись,
И как моря твои озера...
Не верь, не слушай, не гордись!

Пусть рек твоих глубоки волны,
Как волны синие морей,
И недра гор алмазов полны,
И хлебом пышен тук степей;
Пусть пред Твоим державным блеском
Народы робко клонят взор,
И семь морей немолчным плеском
Тебе *поют* хвалебный хор;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:
Всей этой силой, этой славой
Всем этим прахом не гордись!

Грозней тебя был Рим великий,
Царь семихолмного хребта,
Железных сил и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпим был огнь булата
В руках Алтайских дикарей,
И вся зарылась в груды злата
Царица западных морей.
И что же Рим? И где монголы?
И скрыв в груди предсмертный стон,
Куешь бессильные крамолы,
Дрожа над бездной, Альбион!

Бесплоден всякий дух гордыни,
Неверно злато, сталь хрупка:
Но крепок ясный мир святыни,
Сильна молящихся рука!

И вот за то, что ты смиренна,
Что в чувстве детской простоты,
В молчанье сердца сокровенна,
Глагол Творца прияла ты, —
Тебе Он дал твое призванье,
Тебе Он светлый дал удел:
Хранить для мира достоянье
Высоких жертв и чистых дел;
Хранить племен святое братство,
Любви живительной сосуд,
И веры пламенной богатство,
И правду, и бескровный суд.

Твое все то, чем дух святится,
В чем сердцу слышен глас небес,
В чем жизнь грядущих дней таится.
Начало славы и чудес! ...

О, вспомни свой удел высокий,
Былое в сердце воскреси,
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему — и все народы
Обняв любовию своей,
Скажи им таинство свободы,
Сиянье веры им пролей;
И станешь в славе ты чудесной
Превыше всех земных сынов,
Как этот синий свод небесный,
Прозрачный Вышнего покров!

О, если бы Хомяков и другие славянофилы дожили до нынешних святых дней, когда *святая* Русь, безропотно покорясь воле Божией, смиренно и молитвенно пошла спасать остатки православных славян от гнета их врагов! Воистину ныне

... дух святится
И сердцу слышен глас небес!

Но это смиренное служение Божией правде в народной жизни и во всей международной политике славянофилы возводили вообще в норму жизни народов. На эту тему у Хомякова имеется стихотворение без заглавия след<*ующего*> содержания:

«Мы — род избранный», — говорили
Сиона дети в старину:
«Нам Божьи громы осушили
Морей волнистых глубину.

Для нас Синай оделся в пламя,
Дрожала гор кремнистых грудь,
И дым, и огнь, как Божье пламя,
В пустынях нам казали путь.

Нам камень лил воды потоки,
Дождили манной небеса;
Для нас закон, у нас пророки,
В нас Божьей силы чудеса!»

Не терпит Бог людской гордыни,
Не с теми Он, кто говорит:
«Мы — соль земли, мы — столб святыни,
Мы — Божий меч, мы — Божий щит!»

Не с теми Он, кто звуки слова
Лепечет рабским языком,
И, мертвенный сосуд живого,
Душою нем и спит умом.

Но с теми Бог, в ком Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всех изгибах бытия.

Он с тем, кто гордости лукавой
В слова смиренья не рядил,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиром не творил.

Он с тем, кто духа и свободы
Ему возносит фимиам;
Он с тем, кто все зовет народы,
В духовный мир, в Господень храм!

Само собою разумеется, что это всемирно-историческое служение человечеству Хомяков всецело поручал своему любимому отечеству, святой Руси, родному православию. Он не только предсказывал России ее великое будущее в истории православного славянства, но и требовал от нее исполнения ее великой миссии. На эту тему у Хомякова остались три великолепных стихотворения под заглавиями: "Орел", "Не гордись перед Белградом" и "Вставайте, оковы распались". Вот первое из них:

Орел

Высоко ты гнездо поставил,
Славян полунощных орел,

Широко крылья ты расправил,
Глубоко в небо ты ушел!
Лети; но в горнем море света,
Где силой дышащая грудь
Разгулом вольности согрета,
О младших братьях не забудь!
На степь полуденного края,
На дальний запад оглянись:
Их много там, где гнев Дуная,
Где Альпы тучей обвились,
В ущельях скал, в Карпатах темных,
В Балканских дебрях и лесах,
В степях тевтона вероломных,
В стальных татарина цепях...
И ждут окованные братья —
Когда же зов услышат твой,
Когда ты крылья, как объятья,
Прострешь над слабой их главой?
О, вспомни их, Орел полночи!
Пошли им звонкий твой привет,
Да их утешит в рабской ночи
Твоей свободы яркий свет!
Питай их пищей сил духовных,
Питай надеждой лучших дней,
И хлад сердец единокровных
Любовью жаркою согрей!
Их час придет: окрепнут крылья,
Младые когти подрастут,
Вскричат орлы, — и цепь насилья
Железным клювом расклюют!

Так А. С. Хомяков и все его последователи ждали, когда русский Двуглавый Орел спасет своими мощными крыльями славян, томившихся и томящихся в неволе. С трепетной надеждой на эту свободу славяно-

филы еще в пятидесятых годах XIX столетия ждали свободы славян; но, кажется, только сейчас, в 1914 году, загорелась заря полного их раскрепощения из-под тяжкого ига. Вот что писал Хомяков, воспевая надежду на торжество славян; вот следующее из его произведений на эту тему.

Вставайте! Оковы распались,
Проржавела старая цепь!
Уж Нил и Ливан взволновались,
Проснулась Сирийская степь!
Вставайте Славянские братья,
Болгарин и Серб и Хорват!
Скорее друг к другу в объятья,
Скорей за отцовский булат!
Скажите! "Нам в старые годы
В наследство Господь даровал
И степи и быстрые воды,
И лес и ущелия скал!"
Скажите! "Мы люди свободны,
Да будешь свободна земля,
И горы, и глуби подводны,
И долы, и лес, и поля!
Мы вольны, мы к битве готовы,
И подвиг наш честен и свят:
Нам Бог разрывает оковы,
Нам Бог закаляет булат!"
Смотрите, как мрак убегает,
Как месяц двурогий угас.
Смотрите, как небо сияет
В торжественный утренний час!
Как ярки и радости полны
Светила грядущих веков!..
Вскипите ж, Славянские волны!
Проснитеся гнезда орлов!

Но никогда Хомяков не переставал опасаться развития среди русских народной гордости грешного превозношения Руси над слабейшими ее братьями. Для великой души Хомякова его отечество представлялось как бы сосудом, наполненным благодатной, животворящей струею; и он ценил этот сосуд, пока в нем хранится благоуханная влага любви христианской. Иначе он не мыслил своего отечества: он не признавал в его жизни не только возможности нравственного разложения, но и просто нравственной беспринципности. Опасаясь даже этого, Хомяков пишет:

Не гордись перед Белградом,
Прага, Чешских стран глава!
Не гордись пред Вышеградом,
Златоверхая Москва!
Вспомним: мы родные братья,
Дети матери одной;
Братьям — братские объятья,
К груди грудь, рука с рукой!
Не гордися силой длани
Тот, кто в битве устоял;
Не скорби — кто в долгой брани
Под грозой судьбины пал!
Испытанья время строго;
Тот, кто пал, восстанет вновь:
Много милости у Бога,
Без границ Его любовь!
Пронесется мрак ненастный,
И ожиданный давно
Воссияет день прекрасный,
Братья станут заодно:
Все велики, все свободны,
На врагов — победный строй,
Полны мыслью благородной
Крепки верою одной!

Так Хомяков семьдесят лет тому назад воспевал то, чему свидетелями являемся мы, счастливые современники полного освобождения славян, целые века томившихся "в сетях тевтона вероломных, в стальных татарина (т<*о*> е<*сть*> турка) цепях".

Но все славянофилы, как люди, пламенно преданные служению идее любви и добра, очень часто расходились во взглядах с сильными мира сего. За это они (и Хомяков) подвергались большим неприятностям, но всегда оставались верными своим идеям. В частности, они всегда резко расходились во взглядах на так называемый "польский вопрос". Они не считали, что здесь имеется наличность какого-либо "вопроса". Они твердо и определенно всегда говорили об автономии Польши, о необходимости для общеславянского дела русско-польского полного примирения. Поэтому когда началось польское восстание, устроенное врагами России, то Хомяков разразился громовым проклятием братоубийственной распре. Он пишет стихотворение "Ода " — такого содержания:

Внимайте голос истребленья!
За громом гром, за криком крик,
То звуки дальнего сраженья,
К ним слух воинственный привык.

Вот ружей звонкие раскаты,
Вот пешей рати мерный шаг,
Вот натиск конницы крылатой,
Вот пушек рев на высотах.

О, замолчите, битвы громы!
Остановись, кровавый бой!
И крик торжеств, мне крик знакомый,
И смерти стон, мне плач родной...

Потомства пламенным проклятьем
Да будет проклят тот, чей глас
Против Славян Славянским братьям
Мечи вручил в преступный час!

Да будут прокляты сраженья,
Одноплеменников раздор,
И перешедшей в поколенья
Вражды бессмысленный позор!

Да будут прокляты преданья,
Веков исчезнувших обман,
И повесть мщенья и страданья,—
Вина неисцелимых ран!

И взор поэта вдохновенный
Уж видит новый век чудес...
Он видит: гордо над вселенной,
До свода синего небес,

Орлы славянские взлетают
Широким, дерзостным крылом,
Но мощную главу склоняют
Пред старшим — Северным орлом.

Их тверд союз, горят перуны,
Закон их властен над землей,
И будущих Баянов струны
Поют согласье и покой!..

И вот, читатель, то, что видел только "взор поэта вдохновенный", то, что Хомяков еще ожидал, как "новый век чудес", — это уже почти совершилось пред нашими глазами... Наш Верховный Главнокомандующий, Великий Князь Николай Николаевич уже сказал вели-

кое слово братской любви братьям полякам. Читатель! Сбывается пророчество славянофилов: "Орлы Славянские взлетают"... Начинается новая страница всемирной истории; полное освобождение славян, эпоха их самостоятельного политического бытия, полное нравственное торжество России в международной политике.

Остается теперь пожелать и ждать на Руси торжества церковных начал, отрезвления русского народа, свободного голоса Церкви в церковных делах и прекращения партийной брани. — Если исполняются все святые чаяния славянофилов относительно славянства, то пусть они исполнятся и относительно нашего отечества!

Пусть святая Русь пребудет действительно святою, осуществлением в жизни великих заветов Христовых[15].

* * *

О самодержавии "Благочестивейшего"

Слово в день свящ. коронования Их Императорских величеств 14 мая 1916 года

Возлюбленная о Господе паства моя!

В сегодняшний торжественный праздник нашей родины обращаюсь к вам со словом церковного назидания. Я всем сердцем люблю сегодняшнее величественное торжество православной Руси и поэтому ежегодно разъясняю своим сомолитвенникам его нравственное значение. В нынешнюю же страшную годину испытаний нашего отечества особенно хочется мне поделиться своими чувствами и мыслями с вами, моею паствою. Однако я уверен, что вы не нуждаетесь в моем сего-

[15] Уфимские епархиальные ведомости. 1914. № 18. С. 321–332.

дняшнем слове, как христиане, преданно и сознательно любящие власть Царя православного; поэтому заранее прошу вас мои слова сохранить в вашем сердце не столько для себя, сколько для других, для тех, кто мало понимает или даже вовсе не понимает нашей сегодняшней церковной молитвы.

Мы молимся о благочестивейшем монархе нашем... В древности и не особенно давно молитва русских людей была о *благоверном* Царе, ныне же мы возносим наши дерзновенные молитвы о *благочестивейшем* Царе нашем. Иначе говоря, — русский народ смотрит на своего Царя не только как на защитника *благоверия*, но и как на представителя *благочестия*. Не правда ли, братие, как прекрасна поэтому, как возвышенна наша сегодняшняя молитва, как высок наш народ в своем нравственно-безупречном представлении о власти Царя своего. И поэтому мы должны сегодня, как и всегда, с глубокою верою и надеждою молиться Господу: «Вся премудростию сотворивый, самодержавие раба Твоего, великого Царя нашего утверди, даруй Ему благоспешество Моисеево, мужество Давидово и мудрость Соломонову... во еже судити людям Твоим в правду. Подчиненные же Ему правительства управляя на путь истины и правды, от лицеприятия и мздоимства отражая».

Ясно из этих молитвенных слов, что в них самодержавие Царя нашего "благочестивейшего" рассматривается как отражение на земле небесной правды, как власть почти теократическая — власть, освещенная Божиим светом и Божиею помощию, чуждая всяких земных, грешных влияний и пристрастий. — Таково учение о Царской власти во всех наших сегодняшних молитвах и таково же представление и среди русских верующих людей.

Я считаю, что это сокровище русской народной души, требующее с нашей стороны самого любовного к себе

отношения, самой тщательной охраны. А это налагает на нас всех, русских людей, соответствующие великие обязанности как в служении нашему Царю, так и в охране всего прекрасного ореола власти его, как Царя и благоверного, и благочестивейшего.

Каковы же эти обязанности? Постараемся их определить, и не для того только, чтобы утешаться их словесным перечислением, но и для того, чтобы эти обязанности исполнить словом и делом и не быть повинным пред Царем нашим в лицемерном ему служении, в неверной к нему любви. Ведь мы все знаем, что из-за таких и подобных грехов многих сильных мира сего наша родина ныне и терпит много лишних бед. — Но и это было бы еще не так тяжело, — особенно же обидно и больно для русского сердца то, что вместе с тем унижаются и оскорбляются те нравственно-безупречные начала нашей русской жизни, которыми она может себя только украшать и через них быть сильною и славною. Каковы же эти начала? И что составляет великую против них погрешность?

Вы знаете формулу русской народной и государственной жизни: *православие, самодержавие и народность*. Мы слышим эту формулу с детских лет и усвоили сначала бессознательно; а кто имеет возможность, тот может узнать, что в России были люди великой учености и кристальной душевной чистоты, которые сумели этой формуле дать и философское, и историческое оправдание. Таковы были великие славянофилы, по учению которых, как истинных христиан, на земле, как и на небе, превыше всего должна стоять Христова истина, святейшее наше православие. А наш "благочестивейший" Царь есть первый сын св. Церкви, и его прекрасная корона венчается святым крестом, как символом самоотречения и любви во исполнение слов Спасителя: «кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою» (Мф. 20, 26).

Но вместе с такими великими и славными мыслителями и гражданами, как наши славянофилы, у нас в истории были и ныне имеются ничтожные, малодушные люди, которые не столько служили власти, сколько подслуживались ей и поэтому не только не способствовали ее укреплению, а наоборот — только ее расшатывали. Разумеется, такие люди совершенно чужды понимания запросов духа и далеки от всякой нравственной философии. — Они подменили прекрасную славянофильскую формулу устроения русской жизни другою формулою — совершенно однозвучною, но до противоположности различною по внутреннему содержанию, — они поставили на своем знамени слова: "самодержавие, православие и народность".

Такою перестановкою двух первых слов производился полный сумбур в головах тех русских людей, которые привыкли много верить другим на слово и мало думать... Вместе с тем этою формулою вполне извращается и, можно сказать, оскорбляется вся красота Царского Самодержавия; христианская власть благочестивейшего нашего Царя по мысли этих грешных сынов земли обращается только в древнюю восточную деспотию.

Это безумие людей, не понявших всей нравственной силы и обаятельной красоты русского народного идеала Царской власти, было причиною многих недоразумений и несчастий в жизни лучших русских деятелей, особенно пылкого, честного русского юношества.

Так теоретические ошибки одних, недомыслие других могут иметь глубокие, тяжкие последствия и в частной жизни, и в общественной, и в государственной. — Будем же твердо помнить, что "самодержавие благочестивейшего" есть источник общественной безопасности и свободы честного слова, святой правды и энергичного общего труда на общую пользу.

Какие же наши гражданские обязанности по отношению ко власти нашего благочестивейшего Царя? Как может осуществляться эта власть в жизни, как власть идеальная христианская?

На эти вопросы нам отвечает точно и с полной определенностью святая Библия. Она дает в своих святых книгах историю многих царей и царств, она знает царей благочестивых и царства благоденствующие, знает и царей грешных и царства, погрешившие пред Богом; св. Библия заключает в себе и общеизвестные заповеди апостола Павла о повиновении власти, хотя бы и явно грешной-языческой; она же и говорит о служении власти в целях ее укрепления и усовершенствования. В Библии мы находим своего рода философию истинного гражданства. И вот что мы читаем в книге притчей Соломоновых — в книге богодухновенной, написанной мудрейшим из Царей земных, опыт которого был очень велик...

Великий Соломон пишет: «при недостатке попечения падает народ, а при многих советниках благоденствует» (Притч. 11, 14); «мерзость для царей — дело беззаконное, потому что правдою утверждается Престол» (Притч. 16, 12); *«удали неправедного от царя, и престол его утвердится правдою»* (Притч. 25, 5).

Всмотритесь в эти слова внимательнее, и вы заметите, до какой степени часто мы бываем виноваты пред Царем нашим: как часто мы закрываем глаза на неправду, нас окружающую, как часто мы пренебрегаем правдою и боимся выступить на ее защиту; поэтому и живет и крепнет вокруг нас власть неправды, а правда тускнеет и как-то конфузливо отступает пред торжеством неправды во всех ее видах. Нет, братие, мы не можем служить правде, если не будем открыто обличать неправду; а если будем постыдно мириться с неправдою жизни, то будем почти преступниками пред правдою, о

которой говорит Соломон, что только ею утверждается престол Царский. Итак, идея царского самодержавия, самое существо его требует от нас, граждан российских, пламенного служения правде и геройского обличения неправды. Какую великолепную по нравственной красоте представляла бы наша общественная жизнь, если бы она была устроена по этой библейской заповеди! Но все в наших руках, и если каждый из нас будет на своем месте служить общему делу в любви и правде, то так и будет: и наша жизнь будет постепенно приближаться к тому идеалу, который начертан в Библии великим Царем-Самодержцем Соломоном. — Но уже сын его, несчастный Ровоам, спутавший свое самодержавие с самовластием, тем нарушил завет отца своего — советники его легкомысленные ввергли его в это рискованное самовластие с нарушением простой справедливости, и мы с ученической скамьи знаем, как печальна была судьба самого Ровоама и его царства.

Итак, не говори, что не твое дело знать все, совершающееся в отечестве твоем. Ты бессилен, может быть, сделать что-нибудь значительное и заметное, но ты не должен, по крайней мере, молчать при виде какой-нибудь несправедливости или неправды хотя бы в малом. «Удали неправедного от царя» — так говорит Соломон; значит, ты должен, по крайней мере, словом своим честным, твердым и правдивым служить правде Царевой, и если все граждане будут бороться с неправдою жизни, то и утвердится правда в жизни нашей и правдою этого утвердится царство наше. Тогда будет жить на Руси свобода святой правды, а не рабство неправде при ее свободе.

О необходимости честного гражданского слова в управлении царством опять говорит нам св. Библия — прочитайте главу 36 пророчества Иеремии; там имеется повествование, как этот пророк послал пророка Варуха

к грешному народу со свитком пророчества в надежде, что «может они вознесут смиренное моление пред лице Господа и обратятся каждый от злого пути своего; ибо велик гнев и негодование, которое объявил Господь на народ сей» (ст. 7). И никто в грешном народе иудейском не послушался честного, правдивого слова обличения великого правдолюбца, уничтожили даже свиток с обличением и изгнали обличителя, а последствие этого противления правде было самое ужасное для народа (31). Так необходимо честное слово обличения для благоденствия народного. И да не будет кто-нибудь из нас повинным в неправде, и да даст Господь всем нам сил служить только правде и не бояться ее, не бояться ничьих правдивых обличений.

Если не будет никакой общественной неправды, то процветет Царство наше и глубокая правда той великой формулы, первым словом которой и основным началом стоит православие, то есть служение св. Церкви и вечной ее правде. И да подчинится этой правде вся наша русская жизнь сверху донизу, и тогда с восторженною радостью будем петь: *с нами Бог разумейте языцы и покоряйтеся* правде нашей, *яко с нами Бог!* Да воскреснет Бог и расточатся врази Его во всей нашей жизни...[16]

* * *

Нравственный смысл современных великих событий

Разумеется, с очень тяжелым сердцем начинаю речь свою об этих событиях последних дней. Все иллюзии, которыми жили люди еще так недавно, — все они раз-

[16] Уфимские епархиальные ведомости. 1916. № 10. С. 335–337.

летелись в прах; все то, чем жили отцы и деды наши, все идеи, которым они служили с таким иногда самопожертвованием, весь тот строй русской жизни, которым жила Россия двести лет, вдруг разлетелся, как карточный домик, в три дня! Просто случилось нечто умопомрачительное! Нечто совсем невероятное еще неделю тому назад сделалось действительностью.

Как ко всему этому может и должна относиться всякая верующая христианская душа? Я знаю, что совесть многих смущена, что многие души ждут ясных указаний того, вправе ли они отречься от прежнего строя. Не изменят ли они "присяге", признав новое правительство Государственной Думы? По этому поводу для успокоения смущенных совестей я и хочу сказать несколько слов.

Прежде всего, должен сказать, что ни о какой "присяге" не может быть и речи. Отречение от престола императора Николая II освобождает его бывших подданных от присяги ему. Но, кроме того, всякий православный христианин должен помнить слова одного церковного песнопения, что «если ты клялся, но не о добре клялся, то лучше тебе нарушить клятву», чем сотворить зло (из службы на день Усекновения главы Иоанна Предтечи). Об этом я писал в "Размышлении на 9 февраля 1916 года", когда указывал на великий церковно-гражданский подвиг митрополита, святителя московского Филиппа, в своей совести нашедшего опору для обличения беззакония Грозного. Итак, вопрос о присяге для смущенных и немощных совестей вполне отпадает.

Теперь хочу сказать о той трагической катастрофе, которая постигла только что отошедший в область истории режим. Как могло это случиться? Что за причина, что Бог попустил сему быть?

Мое мнение таково: это случилось потому, что режим этот был в последнее время беспринципный,

грешный, безнравственный. Самодержавие русских царей выродилось сначала в самовластие, а потом в явное своевластие, превосходившее все вероятия. Против этого восстали в свое время те прекрасные, чистейшие в нравственном отношении философы-христиане, которые известны под именем славянофилов. Они напоминали русским царям, что их самодержавие есть либеральнейшая власть, немыслимая без гарантии личности, без свободы вероисповедания и свободы слова. Но заткнутые самомнением уши остались глухи для слушания хороших слов. Все оставалось по-старому, и вместо того, чтобы заботиться о совести (православии), заботились только о грубой силе (самодержавии). Под видом заботы о Церкви на нее было воздвигнуто тайно и тем более опасное гонение. Об этом я говорил в напечатанной проповеди на 14-е мая 1916 года. Самодержавие не охраняло чистоты православия и народной совести, а держало св. Церковь на положении наемного слуги. Церковь обратилась сначала в ведомство православного исповедания, а потом просто в победоносцевское ведомство. Это доставляло тяжкую скорбь людям серьезным и верующим, а легкомысленным скалозубам давало много пищи для издевательства над святостью Церкви.

Но вместе с таким гонением на свободу Церкви воздвигнуто было гонение и на ее соборность, как и вообще на всю общественность, на всю земскую жизнь. Самая мысль о соборе стала признаваться абсурдом; писать о свободе почиталось просто почти преступлением.

На этой почве совершенно отъединилось от православной Церкви старообрядчество и развились сектантство и социализм. Все эти явления, до крайности обидные, явились следствием задавленности Церкви и потери в ней церковного самосознания и соборной жизни.

Но за последние три года Церковь подверглась явному глумлению. Она была почти официально заменена

разными пройдохами, ханжами, старцами-шантажистами и т<*ому*> п<*одобными*>. С голосом Церкви не только не считались, но явно им пренебрегали. Этого мало: была сделана попытка ввести в иерархию лицо определенно предосудительного поведения.

И вот рухнула власть, отвернувшаяся от Церкви.

Совершился суд Божий. Теперь мы стоим лицом к лицу с величайшими возможностями в истории России и в истории русской Церкви. Но для осуществления этих возможностей необходима, прежде всего, великая милость Божия; душа замирает от радости при одной только мысли об осуществлении этих возможностей! Я говорю о воссоединении старообрядческой Церкви с православною. Сейчас меня слезы душат от радости, что я могу твердо надеяться на полную возможность этого воссоединения. Для этого нет препятствий; вернее, все препятствия легко устранимы. Нужна только любовь, нужно всепрощение с обеих сторон. Кому неизвестно, что старообрядчество создано самодурством императора Петра. Патриарх Никон наделал ошибок, но он заблуждался честно в своей ревности о Церкви и ее славе, а Петр Великий своею неслыханною жестокостью окончательно оттолкнул старообрядцев от Церкви. Ныне настала пора исправить историческую ошибку, двухвековой грех. И прежде всего православная иерархия должна сознать свой грех; она должна сказать: простите нас, боголюбивые, богобоязненные братья-старообрядцы, простите за малодушие, за то, что не решились принять подвиг мученический, что исполняли заповедь апостола Павла (чтобы всякая душа властям предержащим повиновалась) в неразумном ее толковании. Но старообрядцы должны в ответ на это собрать все возможное для них великодушие и сказать слово любви, святое слово всепрощения, — Сам Христос да утвердит их в этой мысли и да возрадуется Он этим.

Скажу два слова о наших горе-социалистах...

Полтора года тому назад горнозаводское начальство пригласило меня в г<*ород*> Златоуст помолиться на заводском празднике. Я слушал молебен среди рабочих, которые почти поголовно не крестились и стояли в качестве праздных наблюдателей. Они изображали социалистов... Особенно меня поразил рабочий, стоявший впереди, облокотившись подбородком на высокие перила. Его прекрасные черные, какие-то скорбные глаза, не мигая, смотрели на меня. Он за весь молебен ни разу не перекрестился. Когда кончился молебен, я, протолкавшись через толпу, подошел к этому молодому человеку и спросил, что с ним: нет ли на душе чего-нибудь тяжелого, какого-нибудь горя? Рабочий смутился и ответил: "Ничего, спасибо вам, я — ничего, только так..."

На другой день, в 7 часов утра, было назначено мое посещение окраинной городской церкви. Это — для горожан, — очень рано, и меня встретили человек десять, — не более; но в числе их был мой вчерашний знакомец, — социал-демократ... Он приветливо поздоровался со мною, простоял обедню, а когда я пригласил его к себе, он ответил, что ему некогда, что он уже опоздал на заводские работы.

Я хочу сказать, что все наши социалисты в глубине души — искренние христиане, честнейшие натуры, ищущие истины, но еще не нашедшие ее. Это — алчущие и жаждущие правды жизни: отчасти они нашли ее, но радости небесной жизни они еще не постигли, потому что не знают жизни церковной. Они вместо Церкви знают только "победоносцевское ведомство", а это похоже на Церковь не более, чем сам Победоносцев был похож на Святителя Николая Мирликийского.

Через три недели Пасха святая Христова будет. Все русские люди услышат привычные слова и звуки:

«Друг — друга обымем, простим вся воскресением и тако возопием: "Христос Воскресе!"»

Пусть же старообрядцы, до которых дойдет эта моя статейка, в любви и всепрощении воспоют эту святую песнь. Пусть ради Христа воскресшего придут в московский Успенский собор и хоть похристосуются с великими святителями московскими.

Пусть и все русские социалистические кружки встретят наступающую св. Пасху с умиротворенною душою и всею русскою мощною грудью пропоют: "Простим вся воскресением, — Христос Воскресе!" И пусть эти социалисты превратятся в христианские братства любви, ни с кем не враждующие за полным отсутствием объекта этой вражды.

Вот нравственный смысл великих событий, перед нами только что совершившихся. Он заключается в обновлении церковной жизни, в осуществлении нравственных принципов во всей государственной и общественной жизни России и в объединении святой Руси в освобожденной от гнета государства Христовой Соборной Церкви[17].

[17] Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 5–6. С. 138–141.

III. О ЦЕРКВИ В РОССИИ

Письма к пастырям Уфимской епархии

IX. Борьба с сектантством может быть только искреннею, без умалчиваний

1. Под впечатлением только что прочитанной книжки о<*тца*> архимандрита Илариона[18] (инспектора Моск<*овской*> Дух<*овной*> Академии) "Христианства нет без Церкви", хочу Уфимским пастырям сказать несколько слов об этой книжке, а главное, о нашей миссии среди сектантов и о нашей вообще церковной жизни...

Я знал и еще ранее убедился, что о<*тец*> архимандрит Иларион — человек исключительных талантов, большой учености и прекрасного ортодоксального направления в нашем богословии. Книжка "Христианства нет без Церкви" еще раз мне доказала, что архим<*андрит*> Иларион — именно таков и что дух жизни церковной сугубо почил на нем. Правда, на нем

---

[18] Архимандрит Иларион (Троицкий Василий Александрович), будущий епископ Верейский, исповедник. Скончался 28 декабря 1929 года в Петроградской тюрьме.

почил и еще какой-то дух, вроде духа времени; правда, что в его новом сочинении я не нашел ни одной новой мысли, что сказанное еще А. С. Хомяковым и доселе только варьируется его последователями, начиная с Юрия Самарина и кончая архим<*андритом*> Иларионом; но о<*тец*> архимандрит в своей книжке дает несомненно новую вариацию Хомяковского взгляда на церковную жизнь. Так как эта книжка имеет прямое касательство к миссии и издана (а следовательно, и одобрена) Издательским Советом при Свят. Синоде, то она меня очень и заинтересовала. Я прочитал ее подряд три раза, и чем более вчитывался, тем более она, эта книжка о<*тца*> архим<*андрита*> Илариона, производила на меня крайне грустное впечатление, давала мне настроение какой-то безнадежности, — очень в ней много этого духа приспособляемости к обстоятельствам. Я, конечно, безусловно разделяю все догматические мысли о<*тца*> Илариона, я всем сердцем своим и всем помышлением своим люблю св. Церковь не менее о<*тца*> Илариона; по милости Божией, я сознательно пережил тайну возрождения своего, тайну духовного воцерковления. Поэтому я не могу не соглашаться со всеми святыми словами и мыслями св. отцов, которые изложены в книжке о<*тца*> Илариона. И тем не менее нахожу, что эта его книжка глубоко неубедительна ни для кого. Она написана с полемическою целью против всех, не принимающих церковного догмата о святой Церкви, особенно против тех, кто противополагает Церковь своему самочинному "христианству", эта книжка, следовательно, имеет своею целью убедить "евангельских христиан" присоединиться к тому обществу, которое именуется святою Церковью... — Такова цель книжки; поэтому я и прочитал ее несколько раз, чтобы чему-нибудь научиться, чтобы новые мысли как-нибудь приложить к делу оживления церковно-

общественной жизни, к делу расширения круга церковной жизни, а за нею и миссии. Этого я искал в новой книжке академического происхождения и пережил самое тяжелое разочарование: к величайшему моему изумлению, о<*тец*> архим<*андрит*> Иларион горячо доказывает, что у нас в церковной жизни все благополучно, что только "религиозные праздношатаи" да круглые дураки не видят церковной жизни, а что если кто захочет увидеть эту церковную жизнь, то пусть потрудится съездить в наши монастыри...

«Вот где (т<*о*> е<*сть*> в монастырях) убеждаешься в силе и действительности Божией благодати, живущей в Церкви! Дивишься и благодаришь Бога, когда видишь, что церковная жизнь действительно перерождает человека, делает его "новою тварью". Здесь просвещается ум, создаются высокие и чистые взгляды, сердце умягчается любовью и радость нисходит в душу. Отступившие от Церкви, гордящиеся своим просвещением, на самом деле несравненно ниже и грубее живущего церковной жизнью инока-простеца».

Таковы основные мотивы в книжке о<*тца*> архим<*андрита*> Илариона. И с этого столь всем известного и столь мало для всех убедительного тона некоторого пренебрежения к своим противникам о<*тец*> архим<*андрит*> Иларион сбился только в двух строках, когда написал: «Мы (т<*о*> е<*сть*> принадлежащие к святой Церкви) тоже (sic) иногда способны бываем подменить Церковь — христианством, жизнь — отвлеченным учением». — Этими двумя строками о<*тец*> Иларион и объяснил действительную причину отпадений от святой Церкви сотен тысяч православных христиан; об этом только и нужно говорить, что "мы", церковники, сами очень и очень повинны в создании сектантства. Но эта тема — опасная тема, а поэтому о<*тец*> Иларион о ней сказал только две строчки; и получилось у него

впечатление или недоговоренности, или крайней неискренности. Нисколько не подозревая о<*тца*> архимандрита в последнем, будем надеяться, что он согласится, что в его брошюре не договорено то, что нужно сказать, и сказано то, чего можно было уже и не говорить, потому что истины таблицы умножения и все им подобные в напоминаниях уже как будто и не нуждаются. — Теперь же постараемся, насколько позволяет время, указать *те места в книжке* о<*тца*> архим<*андрита*> Илариона, которые требуют и серьезных пояснений, и практических выводов.

Надеемся, что добрый о<*тец*> архимандрит не посетует за это на нас и великодушно согласится с нами ради пользы тому великому делу, служить которому мы призваны.

2. «Признать Церковь — это значит не мечтать только о Христе, а *жить* по-христиански, идти путем любви и самоотречения. Вера в Церковь требует подвига и от ума, и от воли человеческой». «Истина и спасение даны любви церковной, т<*о*> е<*сть*> Церкви, таково церковное сознание. Латинство, отпав от Церкви, изменило этому сознанию и провозгласило: "Истина дана отдельной личности папы, и папа (Римский) заведует спасением всех". Протестантизм (на это) возразил: "Почему же истина дана лишь папе?" — и добавил: "Истина и спасение открыты всякой отдельной личности независимо от Церкви". Каждый (в протестантизме) отдельный человек был произведен в непогрешимые папы... Протестантизм подменил веру рассудком отдельной личности, и спасение в Церкви подменил мечтательною уверенностью в спасении чрез Христа без Церкви, в себялюбивой обособленности от всех... Протестантизм открыто провозгласил эту величайшую ложь: можно быть христианином, не признавая никакой Церкви...

В современной нам религиозной жизни русского общества есть непосредственное влияние протестантизма. Все наше русское рационалистическое сектантство имеет все свои идейные корни в протестантизме, от которого иногда непосредственно и происходит... А потому почти все пункты разногласия сектантов с Церковью Православною сводятся именно к отрицанию Церкви во имя мнимого "евангельского христианства" (с. 4, 5, 6).

Все земное дело Христа следует рассматривать не как одно только учение. Христос приходил на землю вовсе не для того только, чтобы сообщить людям несколько новых истин; нет, Он приходил, чтобы создать новую жизнь человечества, т<*о*> е<*сть*> Церковь. Христос сам говорил, что Он создает Церковь (Мф. 16, 17). Это новое общество человеческое, по мысли Самого Создателя его, *существенно* отличается от всяких других соединений людей в разные общества (с. 16).

Христианство не есть какое-либо отвлеченное учение, которое принимается умом и содержится каждым порознь. Нет, христианство есть общая жизнь, в которой отдельные личности настолько объединяются между собою, что их единение можно уподобить единству Лиц св. Троицы (с. 14).

Церковь — это Царство Божие, Царство не от мира сего (Иоанн 14, 27, 15, 19 и пр.)... В Церкви живущий Дух Святый дает каждому члену Церкви силы быть "новою тварью", в жизни своей руководиться любовью» (с. 25).

Так пишет о<*тец*> архимандрит Иларион и пишет, конечно, прекрасно, тем более что ссылается в доказательство своей справедливости на слова св. Киприана Карфагенского, св. Василия Великого, св. Григория Нисского, Амвросия Медиоланского, св. Илария Пиктавийского и многих других св. отцов. Счастливы, действительно, настоящие ученые монахи, что имеют

своими собеседниками великих отцов и учителей святой Церкви! Счастливы они и потому, что не знают всех треволнений церковной жизни, всех мучений, которые и переживает, и должен переживать всякий искренний церковник при соприкосновении со всяким неверием. Но если бы эти ученые академические монахи встретились с жизнью, с жизненными запросами, то — их рассуждения были бы значительно короче, менее академичны и более жизненны.

Итак, о<*тец*> архим<*андрит*> Иларион талантливо на нескольких страницах изложил сущность церковного учения о преображении всякого человека, приходящего из грешного мира ко св. Церкви. Да, это — уже "новая тварь"; да, Церковь — это Царство "не от мира сего".

Это пишет о<*тец*> Иларион, разумеется, не для себя и не для меня, как и вообще не для тех, кто в этих великих истинах и не сомневается. Эти писания о<*тца*> Илариона адресованы тем, кто отошел от Церкви, кто ее жизни не понял, для всех сектантов, для "религиозных праздношатаев" и всех подобных погибающих вне Церкви грешников.

Допускаем, что грешники эти, заинтересовавшись убежденным тоном и великими словами о<*тца*> Илариона о вечном спасении, обратятся к нему с просьбою указать им, да где же вся эта "новая тварь", где эта Церковь святая, это Царство "не от мира сего"?.. Отец архимандрит Иларион, как бы предчувствуя этот вопрос, ответил уже в своей книжке на этот вопрос и отправил своего совопросника искать жизнь церковную в монастырях...

Ответ — чисто академический!

Но не чувствует ли о<*тец*> архимандрит, что этот ответ его ни для кого не нужен? Он не нужен для всех, кто верует в святую Церковь и кто знает, что и во мно-

гих монастырях, кроме скандальной, никакой другой жизни нет и никакой "новой твари" там не отыскать[19]. Не нужен ответ о<*тца*> Илариона и для сектантов, которые ни в какой монастырь отыскивать истину не пойдут. — Я помню, как я на одном черноморском пароходе ехал с сектантом и предлагал ему заехать на Новый Афон, чтобы посмотреть на монашескую жизнь, на их Царство не от мира сего. Сектант ответил, что он не нуждается в этом, что истину он уже нашел, что вся истина заключается в Евангелии, что большего ему не нужно, да большего ему и не понять... «А вот хорошо бы, если бы все имели при себе святое Евангелие», — сказал он в заключение.

Итак, повторяю, — сектанты в монастыри не пойдут искать истину, а попросят нас, церковников, указать церковную жизнь где-нибудь поближе, хотя бы в первом ближайшем городе, около первого ближайшего архиерея. Ведь, правда же, странно отыскивать церковную жизнь прямо в монастырях... А наши архиереи — разве они не учителя святой жизни? Разве у них нельзя ничему поучиться? — А наше духовенство? — Разве они не имеют благодатных даров? Разве они не "новая тварь". И неужели же для искания истины необходимо обойти всех этих служителей Церкви и направиться, согласно совета о<*тца*> архим<*андрита*> Илариона, — прямо в монастыри?! Неужели около этих слуг святой Церкви нет "дыхания церковного", а оно только в монастырях? Это — в высшей степени странно. И, однако, это следует из слов о<*тца*> Илариона.

Это — величайшая ненормальность нашей церковной жизни. Вернее сказать: не признает ли о<*тец*>

---

[19] Припоминается мне одно крылатое словцо архиепископа Харьковского Антония (у него все слова — крылатые!), что наши богомольцы из многих монастырей возвращаются с пустотою в карманах и с толчками на спинах. Только с таким назиданием...

Иларион полного отсутствия нашей церковной жизни, если ее искать посылает прямо в монастыри, заранее, так сказать, махнув рукой на архиереев и на все белое духовенство.

Но представьте себе какого-нибудь неумолимого сектанта, который пожелает твердых и ясных ответов от нас, церковников. — Отец Иларион цитирует слова св. Игнатия Богоносца: "Христианство не в молчаливом убеждении, но в величии дела". Прекрасны слова великого священномученика, прекрасны были и его дела. Но... но покажите, о<*тец*> Иларион, нынешние дела церковные! Покажите что-нибудь ясное, бесспорное, основательное! *Дела* земства нашего — очевидны. *Дела* городских самоуправлений — очевидны. Дела других *обществ*, других *организаций* совершенно очевидны и своею очевидностью для всех убедительны. А дела церковные — все столь духовны, что душевный человек их и отыскать не сумеет; и все эти дела оказываются только монастырскими делами... Нет у нас примеров, нет тех добрых дел, о которых говорил св. Игнатий. И, разумеется, не мне говорить о<*тцу*> архимандриту Иларион у о значении в истории Церкви добрых примеров. Мученики, великие подвижники пустыни, святители Церкви — вот кто и только своими делами любви и всепрощения создали всю Церковную историю. Ныне ослабела среди церковников вера, прекратилось доброделание, не стало великих примеров, оскудела после этого сила проповеди — и появились сектанты на Руси православной. В нас самих весь источник развития "евангельского христианства"; из-за нас и праздношатаи религиозные наплодились...

3. О<*тец*> архим<*андрит*> Иларион как бы предчувствует некоторую погрешность в своем тоне, когда он противополагает безусловную святость Церкви неиз-

виняемым грехам "религиозных праздношатаев". — Имея основною мыслью полное осуждение последних, о<*тец*> Иларион вдруг неожиданно проговаривается о том, что у нас в церковной жизни совсем не благополучно!... Вот его слова: «Можно ли себе представить, чтобы в век апостольский христианская Церковь подвергалась каким-нибудь укоризнам со стороны язычников за то, что она отлучает от себя негодных членов, например, еретиков? А ведь в первые века отлучение от Церкви было самою обычною мерою церковной дисциплины, и все считали эту меру вполне законною и весьма полезною. Почему же так? А потому именно, что тогда Церковь выступала яркою и определенною величиною, именно Церковью, а не христианством каким-то. Тогда не оставалось места для нелепой мысли о том, будто христианство одно, а Церковь — другое, будто возможно христианство и помимо Церкви. Тогда вражда против Церкви была враждою и против христианства. Когда христианство являлось в очах мира именно Церковью, тогда и самый этот мир ясно понимал и невольно признавал, что Церковь и христианство одно и то же. Но вот такой-то резкой определенности и как бы отъединенности Церкви от всего того, что не есть Церковь, теперь и недостает... *Церковной дисциплины, можно сказать, нет никакой... А потому Церковь, как видимое общество, и не имеет теперь ясных и определенных границ, которые отделяли бы ее от "внешних"*.

Иногда кажется, будто вся Церковь наша в рассеянии, как бы в каком разброде. Не узнаешь, кто наш, кто от супостат наших».

Так пишет отец архимандрит, уже авторитетный ученый нашей Церкви. И ему "кажется", будто Церковь наша в каком-то разброде... А что же может "показаться" сектанту, если он всмотрится в нашу жизнь? Что он в современной церковной жизни может рассмот-

реть? — Он совершенно искренне скажет, что он Церкви, как общества, даже и в разброде увидеть не в состоянии; что он, уходя от Церкви, уходит из того общества, которое терпит в своей среде кого угодно, начиная со всяких распутных старцев и кончая подобными им преступниками, что в современной церковной жизни действительно никакой церковной дисциплины нет, что нет и никаких признаков общественно-церковной жизни; что даже высших служителей Церкви ныне выбирают не по их церковным заслугам, а совершенно ошибочно и опрометчиво.

Обыкновенно, на это более стойкие церковники отвечают, что наши богомольцы, которыми еще полны святые храмы, и составляют святую Церковь. — Но говорить так — значит не понимать разницы между обществом и толпою. Толпа христиан не есть Церковь как общество, и тем менее она похожа на Церковь, чем более эта толпа бессознательна. А наши богомольцы и доселе представляют из себя совершенно бессознательную толпу. Церковных молитв они не знают и не понимают; каких-нибудь сведений о церковных книгах тоже никто им не сообщал. Знают еще св. посты наиболее религиозные христиане, но скоро и посты забудутся в деревнях, как их забыли в городах. Разве это церковное общество? Разве в этой толпе богомольцев можно найти признаки какой-нибудь организации? Да, я согласен, что Церковь наша в разброде, как говорит о<*тец*> архим<*андрит*> Иларион. Об этом и нужно говорить, об этом и нужно кричать, чтобы всем слышно было, а о<*тец*> Иларион об этом только случайно обмолвился.

Вспоминаю я, что на Казанском Миссионерском Съезде 1910 года я поднял вопрос о поднятии церковной дисциплины и говорил, что все вопросы о миссии немыслимо разрешать без твердого выяснения этого основного недуга нашей жизни. Но я был среди речи

твердо остановлен одним пожилым иерархом, а на мои мысли никто не обратил внимания.

Очень рад я, что в лице о<*тца*> Илариона я нашел себе единомышленника. Да, без восстановленной церковной дисциплины и канонического устроения церковной жизни мы будем только размножать сектантство, и никакого толку в наших миссиях не будет. Миссионеры наши будут расточать все свое красноречие, а сектанты будут указывать на красноречивые наши церковные непорядки. И спору сему не будет конца, и Богу лишь известно, кто пред Его судом будет виноват — мы ли, сидящие на учительском седалище, или сектанты...

4. Из создавшегося положения необходим какой-нибудь выход. Оставить церковную жизнь в ее современном "разброде" невозможно. Скоро не будет ни у кого и представления о церковности! — Нужно как-нибудь оживить ту жизнь, которая замерла. Не так ли, о<*тец*> Иларион? Ведь вы сами повторяете слова Штрауса, что «когда разрушено здание Церкви, и на голом, плохо выровненном месте держится назидательная проповедь, то это выходит грустно и даже ужасно». А ведь у нас сейчас в церковной жизни и имеется в наличности только проповедь! Так нужно же восстановить разрушенное в Церкви, укрепить расшатанное, собрать все, находящееся "в разброде", оживить то, что готово погибнуть...

Нужно вообще сделать очень многое, чтобы жизнь церковная пошла нормально.

Но мы находим в книжке о<*тца*> Илариона слова, которые мы отказываемся понимать. А всякая попытка наша их постигнуть наводит нас на безнадежную грусть.

О<*тец*> Иларион пишет: «Слишком часто говорят теперь о недостатке жизни в Церкви, об "оживлении"

Церкви. Все эти речи мы затрудняемся понимать и весьма склонны признать их совершенно бессмысленными». Так пишет отец Иларион... И продолжает: «Жизнь в Церкви иссякнуть никогда не может, но до окончания века в ней пребывает Дух Святый. И жизнь в Церкви есть». Но с этим никто и не спорит! А когда в жизни церковной совершается такое огромное несчастье, как отпадение сотен тысяч сынов Церкви в раскольо-сектантство, когда Церковь "в разброде", когда проявление церковной жизни нужно отыскивать только по монастырям, то только и нужно при этом говорить и молиться Богу об оживлении церковном... А тут выходит, что все эти речи об оживлении Церкви о<*тец*> Иларион, а с ним и его издатели весьма склонны признать совершенно бессмысленными... Совершенно неожиданная бессмыслица! И неужели она понадобилась о<*тцу*> Илариону только для того, чтобы кому-то угодить?! Очень, очень жаль! Очевидно, и все эти упования лучших славянофилов и все труды Предсоборного Присутствия, которое говорило об оживлении Церкви, — все это только бессмысленные речи? Это очень страшно. Страшно, что даже ученые монахи склонны шутить словами тогда, когда Церковь требует только подвигов молитвы и самоотречения, подвигов самопожертвования и служения правде... Ныне время, когда нужны исповедники истины или, по крайней мере, люди искренние, — а тут получается бессмыслица в самых неожиданных случаях. Теперь для тех людей, которым адресована брошюра о<*тца*> Илариона, нужны не брошюры, не библиотеки и нечто подобное; нужны подвиги духа! Их убеждения, ими выстраданные, может сломить только духовная сила, — сила только более святая и более сильная в своей святости, сила противоположных убеждений. И никакой иной силы, могущей переубеждать людей, — не существует. Эти силы цер-

ковные и нужно вызвать к жизни, ими оживить церковную жизнь... И это не бессмысленные речи, — смеем уверить о<*тца*> архимандрита Илариона.

5. Выше мы указали, что архим<*андрит*> Иларион считает, что отлучение от Церкви еретиков и других сектантов считалось всегда в жизни Церкви мерою вполне законною и весьма полезною. На этом основании он признает вполне целесообразной мерой отлучение от Церкви Льва Толстого.

Эта мысль о<*тца*> Илариона вполне справедлива и церковна. — Но этим утверждением подразумевается необходимость вневероисповедного состояния, воспрещенного у нас в России гражданским законом. Знает ли о<*тец*> Иларион, в какой тупик поставлена теперь наша русская православная Церковь этим законом? — Для Церкви создалась удивительная необходимость терпеть всех в своей среде, даже явных безбожников и кощунников. Все, кто пожелает уйти в какую-нибудь секту, — могут уйти куда угодно. Однако если Церковь, находя невозможным терпеть кого-либо в своей среде, решит извергнуть, то не может этого сделать по собственной инициативе, потому что это будет попытка осуществить вневероисповедное состояние... Но представьте, что церковной власти будет дано право отлучения от своего общества как мера, которую о<*тец*> архим<*андрит*> Иларион признает полезною и которая может быть такою при нормальном порядке жизни церковной. Допустим, что будут отлучены от церковного общества несколько наших антирелигиозных писателей. Что из этого выйдет? Ничего, кроме всеобщего недоразумения даже среди верующих церковников, как это и было после отлучения Толстого. От какого общества церковного можно произвести отлучение? К какому обществу принадлежат ныне те или иные прихожане? Где приход?

Приход — это только территориальная единица и не более. Епархия? Но у Епархии тоже имеются только территориальные границы, как у губернии в гражданском управлении, но Епархии, как поместной Церкви, как большой церковно-общественной организации, — совершенно нет. Очень странно, но, кажется, единственная организация, объединяющая духовенство и мирян (в лице церковных старост), — это епархиальные съезды, которые заведуют свечными заводами и всею материальною стороною жизни заводов и учебных заведений, ради которых эти заводы устроены. — От какого же церковного общества может быть произнесено отлучение от Церкви? И если ныне применить эту страшную кару для заблуждающихся людей, то — повторяю — произойдет только недоумение, для кого и для чего нужна эта кара, это отлучение от Церкви тех, кто к Церкви никогда и не принадлежал. И эта мера, когда-то полезная в нормальной церковной жизни, ныне будет почти неполезною, потому что будет истолкована лишь как месть со стороны гражданской власти, без утверждения которой церковная власть не может произвести своего отлучения. — Когда Церковь будет не только в катехизисах определяться, как общество верующих, объединенных святыми чувствами, но и в жизни будет чувствоваться, как любящая семья, как вместилище Божиих благодатных даров, до тех пор невозможны и отлучения от Церкви, о пользе которых вздыхает о<*тец*> архим<*андрит*> Иларион. — Прежде всех мероприятий в пределах церковной жизни нужна реформа ее самой — *та реформа, которая была предназначена Предсоборным Присутствием и которая имела в виду общецерковное оживление.* Если возродится дух жизни в церковном обществе, все будет в церковной жизни исправлено; если не будет этого духа жизни, а будет царствовать канцелярия, то будут живые люди

искать жизни религиозной в сектантских общинах и будут созидать эти общины и отпадать от Церкви. И ничто их не удержит от рокового шага; делу церковному не поможет даже убедительная брошюра о<*тца*> Илариона и даже вся "библиотека", к которой эта брошюра принадлежит...

В заключение приведу следующие красивые слова о<*тца*> Илариона. Он пишет: «В бесцерковной форме христианство является одним только звуком, изредка сентиментальным, но всегда карикатурным и безжизненным». Да это так. И нужно молиться Богу, чтобы в нашей жизни не было места для карикатуры, чтобы соборная церковная жизнь не заменялась какими-либо тайнами и чтобы в церковной жизни была восстановлена та церковная дисциплина, которая основана на словах Господа: «А вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший» (Лк. 22, 26). Теперь мы, прочитав книжку о<*тца*> архим<*андрита*> Илариона о Церкви как хранительнице истины Христовой, будем ждать от него второй книжки — о служении иерархии делу спасения грешных людей, о способах осуществления Христовых заветов в церковной жизни. — А пока о<*тец*> Иларион пишет вторую часть, рекомендую моим сотрудникам прочитать первую часть[20].

* * *

XVII. Кто виноват в развитии нашего сектантства?

На этот вопрос наши миссионерские журналы отвечают очень кратко и определенно: виноват нечестивый Вильгельм! Это он, хитрый, выстроил в Гамбурге семи-

[20] Уфимские епархиальные ведомости. 1915. № 11. С. 458–470.

нарию для русских баптистов, он дал денег на содержание баптистских проповедников в России, он сорганизовал русских баптистов и сделал их и религиозными проповедниками, политическими агитаторами.

Удивительно умный этот Вильгельм! И удивительно, в каком неумном положении оказываются все наши всякие (и миссионерские) деятели... Кто-то все у нас разрушает, кто-то сеет всякие плевелы среди паствы нашей, кто-то подкапывается под все основы нашей жизни, а мы обо всем этом только вздыхаем, жалуемся на свою беспомощность, а самого корня зла не видим. А этот корень зла, — по моему мнению, заключается в крайней нашей общей нецерковности, в падении церковной дисциплины.

Посмотрите же, что делается у нас в храмах Божиих! Посмотрите, как в храмах ведут себя дети. Это — одно сплошное неблагоповедение! Но дети — всегда дети и всегда склонны шалить; страшно то, что взрослые богомольцы не считают обязанностью остановить безобразие детей... Церковь, церковная жизнь, храм Божий — это все ни для кого не близко, никому не дорого; о церковном деле все способны сказать: "не мое это дело"! Мне думается, что на этой почве и способны развиваться у нас всякие антицерковные течения и секты. В здоровом теле не развиваются никакие бациллы, а в больном, в расположенном ко всяким заболеваниям они немедленно вьют себе целые гнезда. — Вот для всяких сектантских бацилл мы сами и приготовляем пищу нашими церковными нестроениями и беспорядками во всех направлениях.

А посмотрите, что и как пишут в не церковных газетах о порядках в храмах наших. Вот письмо какого-то "мирянина", напечатанное в "Уфимском Вестнике" и адресованное мне. В этом есть нечто и не очень симпатичное, но самый факт его появления и его общая

мысль — вполне справедливы. Поэтому и печатаю и это письмо, и мой ответ на него. Прочитайте, отцы, внимательнее, чего от нас требуют "миряне", и вы, конечно, согласитесь со мною, что в нашем горе виноват не только Вильгельм, а и мы сами.

Письмо Епископу Андрею

Ваше Преосвященство!

Лет девять тому назад, когда Промыслу Божию угодно было внушить Вам мысль о собеседованиях с Казанской паствой по вопросам веры Христовой в чайной общества трезвости на Булаке, мне впервые пришлось услышать о церковном приходе как об ячейке той истинной церковности, "которая у нас забыта, забыта даже среди духовенства, но сохранилась у староверов". У одних ли староверов? Мне думается, что эта "истинная церковность" сохранилась и у магометан, и у католиков... только не у нас, горе-православных. И вот почему и вот в каком отношении... Основа прихода — его нравственная чистота, богоподвижничество, его смиренное девственное благолепие; это, так сказать, сколок с храма Божия. Того храма, каким мы привыкли представлять его себе, каким хотелось бы видеть его в действительности. Нет, не видеть, а и чувствовать, осязать, иметь возможность утонуть в его молитвенной глубине, погрузиться в самую пучину прекраснейшей из тайн, тайны молитвы. Той тайны, про которую Зосима сказал Алеше Карамазову: "Землю целуй и не стыдись исступления сего, ибо — есть дар Божий и не многим дается".

— "Дом Мой домом молитвы наречется".

Вот где, казалось бы, должна быть заложена основа истинной церковности; казалось бы, из этого источника

должна была питаться духовная жизнь прихода. Увы, — эти сосцы, питающие нас, наполнены желчью, и чрево, носившее нас... забыло о нас. Вот уже целый ряд лет, как я буквально боюсь войти в храм Божий, заранее нервничаю, как ребенок, вынужденный питаться больною грудью матери. И особенно это относится к сельским храмам, где, казалось бы, должен был пролегать самый мощный слой русского прихода. И "не абсолютная бессистемность нашей правительственной политики в отношении духовного ведомства" порождает этот страх и "выветривает веру у верующих", а и еще кое-что.

Я заранее прошу, Ваше Преосвященство, великодушно простить мне, если случайно, против всякого желания, причиню Вам какую-либо боль дальнейшим содержанием письма. Верьте, что мною руководят самые лучшие чувства, приблизительно те же, какими были преисполнены и Вы, Ваше Преосвященство, во время своей подвижнической, исключительной по своему характеру речи, произнесенной Вами в заседании уездного земского собрания 19-го октября. Настоящее письмо — отнюдь не упрек: это, скорее, слезы, которые падают из глаз мирянина на складки Вашей мантии, Владыка. Прислушайтесь же к ним и утрите их, у Вас столько духовных сил и моральных средств для этого! Разумеется, я мог бы направить это письмо непосредственно Вашему Преосвященству, не прибегая к посредству печати, но мне именно хочется, чтобы об этой боли душевной прочли все и каждый, чтобы стон этот проник в душу каждого пастыря и каждого мирянина.

Несколько месяцев тому назад, когда Московский Митрополит Макарий призывал русский народ к молитве и покаянию, мне стало так грустно, так обидно. Зовут в храм, на молитву, а сами пальцем не шевельнут для того, чтобы устранить из храма все, что так или иначе мешает молиться. Сотни пудов золота и серебра,

десятки тысяч драгоценных камней возложили мы на жертвенник внешнего, церковного благолепия, но чем мы проявили себя с внутренней стороны? Казалось бы, самое святое право мирянина — найти у алтаря Господня ту божественную чистоту, то смиренное, действенное благолепие, тот "честной омофор", о котором так скорбит душа человеческая, которого так жаждет "всякая душа христианская, скорбящая и озлобленная, милости Божией и помощи требующая". И действительно, кто из нас не испытал этой жгучей жажды молитвы, утолить которую без храма Божия невозможно. Но разве можно молиться в наших храмах? Вы, предстоящие алтарю Господню, разве вы видите, что творится за вашей спиной?.. Я не сумею описать того особого молитвенного настроения души, когда она сбрасывает с себя покровы тела и, свободная от уз земных, как эфир, плавно уносится ввысь.

— "Всякое ныне житейское отложим попечение"... — точно невидимые крылья, поддерживает ее стройный напев чудного, прекрасно сорганизованного хора, и вдруг... вдруг где-то в двух шагах от вас какому-то старичку понадобилось вторить этому хору.

— "От-ло-жим попе-че-ние"... — каким-то гнусавым тенорком сопит надрывающийся старичишко.

— "По-пе-че-ни-е", — захрипело еще где-то поблизости.

И этих ревнителей церковного пения в наших храмах всегда наберется немало. Сколько ни спасайся от них, переходя с одного места на другое, они, как тень, следуют за нами; нет такого уголка в храме Божьем, где бы вас не преследовали эти доморощенные певцы, назойливо, подобно комару, жалящие вас во время молитвы.

— "Тебе поем, Тебе благословим"... Казалось бы, все должно склониться ниц пред страшной тайной прело-

жения хлеба и вина в плоть и кровь Христову. И действительно, многие из молящихся опускаются на колена, но не проходит и несколько секунд, как среди этих молитвенно-преклонных прихожан начинает лавировать целая кавалькада с кружками в руках; приходится встать, пошарить в карманах, забыть о молитве. Одно ухо как-то автоматически воспринимает: "Тебе благодарим, Господи", — а в другое одновременно врывается: "Мне сдачи позвольте копеечку, я вот семишничек положила". — "На украшение храма", — вполголоса обращается к вам следующий за церковным старостой какой-нибудь "украситель храма сего". Очнешься, наконец, от этого наваждения, а клир уже "Достойно" кончает, точно и не было этого величания "Честнейший херувим". Еще страничку понадобилось кому-то вырвать из этой дивной книги, именуемой литургией Иоанна Златоустого.

Помню, например, такой еще случай. Во время пения великого славословия (киевского распева), когда хор как бы погрузился в какое-то молитвенное созерцание и тихо, точно из глубины катакомб, запел: "Буди, Господи, милость Твоя на нас", — вдруг по церкви пронесся страшный грохот, и через несколько мгновений на середину храма с огромной лестницей в руках протискался церковный сторож, взобрался на водруженную им колокольню и, вращая из стороны в сторону огромное паникадило, преспокойно занялся тушением одной свечи за другой (даже шеста с колпачком не имеют). — Ффф! Ффу! —запыхтело на всю церковь. Вот вам и великое славословие, вот вам и киевский распев! Не совладав с собою, бросаюсь к церковному ящику и, чуть не задыхаясь от негодования, обращаюсь к церковному старосте: «Снимите этого (чуть не сказал "мерзавца") с лестницы, что это за безобразие!» — «Никакого тут безобразия нет, а что же свечи-то будут гореть без толку», — отпарировал церковный староста.

— Прикажите ему немедленно сойти с лестницы, иначе я завтра же обращусь к преосвященному с жалобой.

Угроза подействовала, но скажите, похоже ли все это на молитву, на "всенощное бдение"? В храме ли Божием, у алтаря ли Господня присутствуем мы в такие минуты? Мыслимо ли что-нибудь у магометан в мечети или у католиков в костеле? Полагаю, что было бы лишне останавливаться на всех этих мелочах (?) в отдельности. Но ведь их десятки, сотни, и в результате кругом прихожан создается атмосфера, отнюдь не гармонирующая с молитвенным настроением последних. Все эти "мелочи" буквально гонят их из храма. Только согрешишь — придешь. Громкие разговоры, а иногда и яростная перебранка нищих, заполнивших паперть и самые проходы в дверях, беготня взад и вперед мальчишек, топанье десятков ног, перегоняющих друг друга, щелканье свечами по плечу, бряцание пятаков, высыпаемых с церковного блюда в пустые жестянки из-под консервов, скитание из угла в угол так называемых "дурачков" и "дурочек", целыми минутами разглядывающих то вас, то вашего соседа, — все это так обычно и так невыносимо. А самая служба? — "Верую во Единого Бога Отца", — стройно несется с правого клироса. — "И во Единого Господа", — захрипело и засопело с левого клироса. А правый молчит, как будто наслаждаясь нашим мучением. Зачем он замолчал? Кому и для чего нужно это сопение с левого клироса? Какому-нибудь разбитому параличом старичку, доживающему свой век на ступенях клироса? Так хотя бы во имя этого "конца" он пощадил молящихся прихожан, пощадил и самое богослужение. Ведь это же прямое глумление над поэзией молитвы! И это чуть не на каждом шагу.

Разве можно, например, понять что-нибудь из захлебывающейся скороговорки какого-нибудь шепеля-

вящего лавочника, заменившего зачем-то прекрасного псаломщика во время чтения шестопсалмия? Чем вызвано это, с позволения сказать, глумление над паствой? Ведь так можно дойти и до того, что рядом с колоколом на нашей колокольне появится звонарь с печною заслонкою в руках. Колокол, дескать, только для больших праздников, а по будням можно и в заслонку звонить. Не велика птица — прихожанин!

Прямо ум за разум заходит, когда начинаешь думать о нашей церковной службе: до того все странно, неряшливо, с каким-то игнорированием самых насущнейших запросов верующей души.

Придешь акафист слушать, но прислушаться невозможно: только "радуйся" да "аллилуйя" и можно разобрать. "Правило" слушаешь, кроме "Иисусе Сладчайший, помилуй мя" тоже ничего понять не можешь. Для кого же, спрашивается, существуют все эти псалмы, акафисты и каноны? А причт для кого существует? Неужели только для книг?.. Другого мнения, по-видимому, держатся диаконы. Эти церковнослужители, как бы извиняясь перед прихожанами за то, что те не в состоянии расслышать и половины богослужения, стараются уже как следует "удружить" своей пастве. То на чтении Евангелия наверстают, то с красным, налившимся кровью лицом и с полуобезумевшими от непомерного напряжения сил глазами возносят молитву "о всей палате" или о сохранении нас, грешных, на многая лета. Воистину кошмар какой-то! Увы, не молитва и "ангельское пение" царит в нашем богослужении...

А эти заупокойные ектении с перечислением сотен, тысяч имен?

— Петра, Николая, Ольги, Петра...

И это в течение доброго получаса.

Люди пришли помолиться, прослушать литургию, тропарь празднику, а их начиняют сотнями, тысячами

имен, и они, потеряв надежду дождаться хотя бы "херувимской", уходят из храма. Ведь многие из нас заняты службой и заходят в храм мимоходом, минут на 15. Рассчитывают помолиться, но церковь, кроме Петра, Николая, Марии, не могла сказать им ничего. И кому нужны эти имена? Мария, начиненная пятачком, и Петр, посеребренный гривенником? Церковной кружке, причту? Но при чем же тут прихожане, чающие в церкви "движения воды", жаждущие прослушать тропарь празднику или преклонить колена под пение "херувимской", неужели нельзя помолиться об этих умерших в конце литургии?

Невольно вспоминается и еще целый ряд явлений, характеризующих наше богослужение, наши церковные порядки. Но довольно и сказанного мною. И ведь что ужасно, так это то, что священнослужители наши настолько свыклись со всем этим, что буквально не считают нужным ни замечать этого, ни бороться с этим.

— Пробовали, да ничего не поделаешь, — отмахиваются обыкновенно наши милые "батюшки". Это уже не пастырство, это позорное клеймо профессии. А наши учителя, будь то церковно-приходские или земские — безразлично. Разве есть у них желание считаться с тем отношением детей к храму Божию, к молитве, которое впоследствии превращает этот храм молитвы чуть ли не в базарную площадь со всеми ее атрибутами. Нет, народному учителю, очевидно, некогда тратить время на подобные пустяки, а с пастыря довольно и того, что он рукою отмахнется.

— Пробовали, да не выходит ничего, плетью обуха не перешибешь.

Очевидно, и народный учитель такого же мнения на этот счет.

Какая же тут "истинная церковность" возможна, Ваше Преосвященство? Откуда ей взяться?

"Вожди православной церкви в обществе словно умерли".

"Так у них повелось уже: о чем пастырям надо говорить — они молчат". Не сомневаюсь, что приход — великое дело, но, увы, — разве на развалинах нашей церковности, из золы, "из пены морской" воссоздастся "истинная церковность"? Только не от служителей матери своей — Церкви в ее настоящем, поруганном виде.

Да, — "нет у нас печальников народных!"

Мирянин.

Ответ "Мирянину"

С чувством глубочайшей благодарности к вам я прочитал ваше письмо ко мне в "Уфимском Вестнике". Я только пожалел, что вы пожелали скрыть свое имя; поэтому я не могу и помолиться о вас, как это хотелось бы сделать.

В вашем письме все прекрасно: и ваша пламенная любовь к Храму Божию, и понимание богослужения нашего, и забота о брате немощном, и то, что напечатано это письмо в ярко-кадетской газете.

Я недавно получил еще письмо от одного земского учителя; он в какой-то моей статейке уловил нотку моей грусти, что мои пожелания, выраженные (и выражаемые) в письмах к пастырям Уфимской епархии, остаются пустым звуком. И вот этот добрый учитель пожалел меня! Пожалел и пишет мне: «Владыко, хочется сказать вам, что и я, деревенский учитель, с вами, что и скорблю с вами о нашем церковно-приходском нестроении... Вы не один, Владыко! Среди мирян-интеллигентов и даже среди части крестьянства, задумывающегося над жизнью Церкви, вы найдете помощников и сотрудников. Только объединиться-то мы не умеем... Я

знаю, письма вам надоели, у вас много дел, но так хотелось написать».

Так написал мне сельский учитель; это письмо его я храню как драгоценность.

Теперь прочитал ваше письмо, добрый "мирянин". — И что же я могу сказать вам? Ведь ваши мысли — мои мысли, а ваши чувства — святые чувства. Чтобы "стон" ваш, как желаете вы, проник в душу каждого пастыря, — я прошу редактора "Уфимских Епархиальных Ведомостей" перепечатать все ваше письмо. Но не нравится мне какая-то желчность вашего письма, что-то есть в нем непокойное, раздражающее... А полная истина заключается всегда только в умиротворенном, всецело любящем сердце. Не так ли? И еще одно замечание: куда же это вы пожертвовали сотни пудов золота и серебра? В каких же храмах они, эти ваши стопудовые золотые жертвы? — Это, конечно, гипербола? А на самом-то деле у нас в огромном большинстве храмов или мишура, или просто ничего нет... Не правда ли?

Но эти ваши обмолвки, разумеется, не имеют существенного значения, а главное в вашем письме — это прекрасные чувства глубокой скорби о беспорядке в наших храмах и сознательной любви к богослужению. — Что же делать для исправления недостатков в нашем общественном богослужении? — Вы не указываете на это, а безнадежно говорите: нет! Нет порядка в храмах, нет уважения к молитве, нет народных печальников. А что же есть? Я никогда не мог помириться с одною критикой, с одним отрицанием и осуждением; а всегда успокаиваюсь только тогда, когда мне укажут на определенное "да", когда укажут и на средства к удалению замеченных недостатков. Вероятно, эта потребность имеется и у других людей, неравнодушных к жизни и ее задачам.

И я успокаиваюсь в вашей статье на том положительном ее содержании, которое в ней заключается: на вашем неравнодушии при виде зла, на вашей любви к добру.

Но почему вы до сих пор молчали?

Почему вы сейчас случайно заговорили?

И почему все молчат? Нет ничего страшнее этого безнадежного молчания, лучшего признака того, что никто церковною жизнью не интересуется. И вот заговорили! "Уфимский Вестник" заговорил о Церкви! Разве это не повод для меня в искреннейшей радости? И я радуюсь, насколько умею.

Но... говорить должны все и всегда при всяком поводе, а не только случайно и один храбрый псевдоним.

Диакон не умеет читать святую книгу, но старательно ее кричит. Скажите ему, что это глупо и некрасиво; тогда он исправится...

Вам служат вместо панихиды какой-то намек на нее с отрывками без подлежащего и сказуемого: *и вся яже в ведении и не в ведении* и сыны *света Тою показавый*. Вы подойдите к служащему и скажите потверже, чтобы вам служили как следует. И поверьте: более таких кощунственных нелепостей не услышите. А теперь говорю всем только я, сто раз повторяю одно и то же, и все думают, что у архиерея испорчен характер.

Почему у старообрядцев богослужение идет прекрасно. Потому, что там всякая совсем безграмотная старуха знает богослужение, любит его и всякую ошибку любого священнослужителя исправит. А у нас — только традиционно молчат в доказательство своего благонравия (и невежества?); и как будто никому дела нет, что у нас на месте святе творится беззаконие и безобразие.

Посмотрите, что в большие праздники делается около кафедрального собора. Всякий праздник пред началом богослужения я вижу несколько саврасов, которые преспокойно раскуривают папиросы, бросают окурки

чуть не у соборного порога и немедленно, с запахом смердящего пса, вваливаются в собор, где не умеют и стоять-то как следует, а стоят, заложив руки на спину! И не находится ни одного человека, кто прогнал бы от храма эти пустые головы и сердца. Делаю это опять — только один я, исполняю эту обязанность за всех.

Помогите же г<*осподин*> "мирянин", мне! Помогите все, миряне, поставить жизнь церковную и молитву церковную как следует. Общими силами это можно сделать, и я один еле-еле могу усмотреть за тем, что делается в моем присутствии. Вот почему нужен приход как школа взаимообщения прихожан; нужен приход для поддержания духа церковности среди православных. Церковь есть общество верующих. Так учит катехизис. Вот "миряне" и должны не выделять себя из этого общества, а считать это общество своею семьей, где все для всех должно быть своим и родным. Тогда поверьте, что очень быстро возродится и "истинная церковность", о которой печалится автор открытого письма на мое имя. Итак, с Богом, — все за работу!

Епископ Андрей[21]

* * *

IX. О чем думают умные интеллигенты

У нас установилось такое мнение, будто церковными книжками интересуется только ограниченное число лиц, специально посвятивших себя духовной жизни; кроме них, книжки духовные лишь нужны для требоисправления, для извлечения привычных звуков в известной обстановке. Этих звуков никто не понимает,

[21] Уфимские епархиальные ведомости. 1915. № 22. С. 911–921.

никто ими не интересуется. Так и совершаются наши требы: скороговоркою, бесчувственно, бессмысленно, без всякого назидания для тех, кто является участником содержательнейших священнодействий. Неужели не очевидно, откуда потом получается мысль, что всего этого непонятного и не нужно вовсе? А если бы при требоисправлении более понимали священные слова наших церковных молитв, то более их и любили бы. А когда человек полюбит что-нибудь, то ему и в голову не придет считать ненужным то, что стало для него уже дорогим. Любящая душа способна только переоценивать любимые предметы, и только пустые души способны на нигилистическое отрицание всего, кроме сытого желудка.

Между тем многие интеллигенты скорбят о нестроениях в церковной жизни нашей; они громко и горько оплакивают потерю духа церковности среди людей, даже и верующих. Наиболее чуткие души среди интеллигенции прилагают все усилия, чтобы починить нашу церковную жизнь. Но заплаты их остаются только в проектах — тому много причин! Главная из них та, что новые заплаты на ветхой ризе оказываются совсем не пригодными... Да кроме того, — никто и не занят устроением церковной жизни, — все устраивают только свои делишки, а у кого они устроены, те только прилагают усилия к охране своего благоденственного жития. Такой порядок жизни, кроме полной и всеобщей атрофии церковности, ничего не обещает! И если сейчас еще кой-кто говорит о Церкви, то скоро замолкнут и эти последние голоса... Останутся еще только "попы", как требоотправители, но все забудут о Церкви как богоучрежденном Обществе. Но что же нового мы можем узнать, услышать у наших верующих интеллигентов? О чем они думают? О чем говорят?

Вот несколько новых мыслей одного верующего интеллигента мне и хочется сообщить моим сотрудникам-

пастырям. «Каждый раз, когда мне приходится близко присутствовать при совершении таинств, — так пишет один из образованнейших людей нашего времени, — и приходится вслушиваться, что говорит Церковь, я испытываю некоторое священное волнение и наплыв самых сложных дум. Между другими мыслями меня преследует одна: не глубокая ли это ошибка и государства, и Церкви не делать все возможное для распространения богослужебных книг? Я говорю не о Евангелии только и не о Посланиях... Разве не следует со стороны священников настаивать, чтобы каждая семья, считающая себя православной, непременно имела требник и чтобы каждый грамотный христианин непременно читал и вчитывался в обряд каждого таинства, к которому он прибегает? Не читавших и не выучивших наизусть чина венчания не следовало бы венчать. Ленивцев, которым трудно выучить наизусть обряд исповеди и причащения, не следовало бы исповедовать и приобщать. От крещеных нужно требовать, чтобы они знали не хуже, чем сам священник, чин крещения, то есть весь круг тех молитвенных воззваний, надежд, обязательств и отречений, из которых состоит обстановка этого основного таинства. От готовящихся к смерти, если они христиане, нужно требовать знания всего торжественного и страшного обряда погребения. Только при таком условии Церковь вошла бы в человека и уже не вышла бы из него. Теперь же человек, почти не участвующий сознанием в молитвах, которых он не знает, — столько же раз выходит из святилища, сколько входит в него. Если правда, что вся сила веры в апостольском поучении, то, казалось бы, все дело священников — учить, учить и учить народ, внушать, внушать и внушать то, чем они должны быть полны сами. Изумительно теперешнее равнодушие народа и образованного общества к Евангелию и Посланиям. В среднем едва ли хоть один из ста человек даже раз в жизни прочел эти книги, которые

можно прочесть в один летний день. Это равнодушие к священному писанию объясняется, я думаю, тем, что православные остаются весь век свой и умирают ненастроенными церковно, не втянутыми в психологию Церкви, не воспитанными в христианской обрядности. Будь я священником, мне кажется, я чувствовал бы себя, как о<*тец*> Иоанн Кронштадтский, переполненным музыкой и мыслью Церкви и от "избытка сердца" непременно старался бы, чтобы душа моих пасомых также звучала молитвенно и мыслила молитвенно. А это невозможно без глубокого внедрения в себя и в окружающих самого обряда богослужения и таинств. Как жаль, как глубоко жаль, что когда-то, еще в прошлые доверчивые века у нас не было сделано этого необходимого усилия в религиозной пропаганде!.. Иною была бы Церковь, иным — народ... Теперь многое уже поздно».

Да, приходится согласиться с этим верующим публицистом, что во многом уже поздно у нас в церковной жизни. Но нас преследует какой-то страшный рок! Мы не только вечно опаздываем делать необходимое дело, но мы его вовсе не понимаем! Вот и сейчас, — посмотрите, о чем думает церковный интеллигентный человек, чего он желает. Воистину он просит хлеба духовного, а мы не доверяем мирянам в их желании служить св. Церкви и только всех от себя отталкиваем, не будучи в состоянии отличить друзей от врагов. И стадо наше церковное все умаляется и умаляется...

Посмотрите же, отцы-пастыри, чего ожидает от нас верующая интеллигенция; посмотрите, что для нее нужно, и, по возможности, не пренебрегите ее добрыми намерениями и желаниями[22].

* * *

[22] Уфимские епархиальные ведомости. 1916. № 19. С. 628–630.

О церковно-приходской жизни

Речь к членам Уфимского Епархиального Съезда духовенства. 1916

Возлюбленные о Господи мои сотрудники, сомолитвенники и сопастыри.

В наше тяжелое во всех отношениях время я хочу поделиться с вами несколькими мыслями и чувствами из этой области, которая наиболее близка нам всем и которая переживает сейчас самые решительные минуты: быть или не быть? — Я хочу говорить о так называемом "возрождении прихода", — вопрос, выдвинутый ныне даже нашею церковною властью. А если наша церковная власть, обыкновенно не торопящаяся, предложила нам высказаться в данном случае, то значит — этот вопрос уже совсем неотложный!

Да, я так думаю, — вопрос о возрождении прихода есть самый коренной в нашей церковной жизни. *Или приход будет*, и тогда наша церковная жизнь возродится и сохранит те обломки церковности, которые еще живы в народной мысли и народном чувстве; *или прихода не будет*, как его нет сейчас, и тогда на месте церковной жизни народятся всякие кооперативы, мелкие земские единицы и т<*ому*> п<*одобные*> учреждения, которые необходимы там, где вместо церковности существуют только подделки под нее.

Решение этого приходского вопроса ныне в наших руках, потому что и мы призваны к его участию, и, по моему мнению, если мы решим его с полным пониманием нашей ответственности перед Богом и св. Церковью, — это будет наша историческая заслуга; или мы отнесемся к этому вопросу с обычным нашим верхоглядством и легкомыслием, и тогда мы совершим великий исторический грех пред Церковью и нашим право-

славным отечеством, и тогда жизнь церковная пойдет безнадежно на убыль.

Так, по моему мнению, важен приходский вопрос.

Между тем в решении его многие имеют мнения, противоположные до крайности. В некоторых духовных журналах повторяется даже такая фраза: «Говорить о возрождении никогда не умиравшего прихода — значит говорить нелепости». Эта фраза была сказана по недоразумению одним гениальным русским человеком, а ее повторяют и люди совсем не гениальные, и даже миссионерские журналы, претендующие на руководящее значение в нашей церковной жизни, а на самом деле только мешающие ее развитию. Нисколько не желая говорить нелепости, я сейчас буду говорить о возрождении приходской жизни или о необходимости развития церковности там, где о ней забыли.

Вопрос о возрождении прихода — это, собственно говоря, вопрос о том, будет ли Церковь в нашей русской жизни иметь какие-либо права, какое-нибудь самостоятельное значение или нет. Скажу еще проще: возродить приходскую жизнь — это значит возвратить русскому народу все то значение, которое он в России по праву должен иметь. Вы всмотритесь в жизнь: имеет ли Церковь сейчас в нашей жизни хоть какое-нибудь, хоть ничтожное значение? Когда и по какому поводу спрашивается голос Церкви? Без преувеличения можно сказать, что решительно никогда! Ни в государственной, ни в общественной жизни ни малейшего значения Церкви нет. Напротив, вмешательства в церковную жизнь со стороны не церковных элементов можно наблюдать очень часто; а пренебрежение к служителям Церкви — всегда.

Недавно в городе С. были уличные беспорядки и погром магазинов со съестными припасами. Местные пастыри, представители Церкви, решились воздействовать

на толпу и начали поучительную речь о греховности погрома... Но женщины-погромщицы очень деликатно и осторожно повернули батюшек к выходу из магазина и еще более деликатно подтолкнули их к двери, приговаривая: «Не в свое дело не вмешивайтесь, идите служить ваши панихиды».

В существе дела в нашей государственной и общественной жизни всему духовенству и отведена только возможность служить торжественные панихиды, а обо всем остальном нам, представителям Церкви, сказано: «Это не ваше дело, и не в свое дело не вмешивайтесь».

Между тем те же неисправимые идеалисты, которые находят возможным утверждать, что в нашей жизни церковной не нужно никаких улучшений и нововведений, утверждают, что народ-де с нами, что только "отбившаяся от Церкви интеллигенция" хочет жить и действовать вне церковного влияния. Допустим, "что народ с нами", хотя это не совсем уже верно, но что же, значит, мы еще и еще должны спать и ничего не делать! Допустим, что "народ с нами", хотя еще раз повторяю, что это очень сомнительно; но русский народ — это толпа, разрозненная, разбитая, совершенно неспособная дать о себе знать каким-нибудь твердым заявлением, каким-нибудь строгим протестом против насилия над ним со стороны "отбившейся от Церкви интеллигенции". Да, народ еще расположен к Церкви и любит ее, но вожаки народные даже и среди сельского народа уже отошли от Церкви и заражены всякими глупыми словами и мыслями о засилии клерикализма, о запрещении свободного саморазвития и о прочих нелепостях. И эти "свободомыслящие", отбившиеся от Церкви и нравственно не дисциплинированные мужички имеют большое значение в деревне, и это значение — вполне отрицательное. Поэтому можно признать, что мы из-

живаем последние запасы младенческой народной, чистой веры, а после ее утраты последует тяжкий период блуждания мысли народной и резкого отрицания. В такое время народным вождям нужно быть духовно сильными и чуткими в понимании народных переживаний! И нам нужно же создать необходимость спасать народную душу от соблазнов и сорганизовать все остатки русской святой старины, которыми еще украшается народная жизнь. Мы должны сорганизовать эти остатки и сохранить их от гибели! А если не сделаем этого, если проленимся это сделать, то совершим великий грех пред Церковью, и тогда уже никогда не возвратится возможность сделать народные толпы церковными и достичь влияния Церкви на народную жизнь. — Можно твердо сказать, что следующее поколение, имеющее вступить в жизнь и ныне обучающееся в наших так называемых народных, а на самом деле глубоко не народных школах, — это поколение уже совсем не будет ни понимать, ни чувствовать, что такое Церковь и церковность, а будет знать только духовенство и будет не любить его, как его не любят нынче их учителя, наши современники.

Итак, для меня совершенно очевидно, что народу нужна народная организация для охраны его нравственных идеалов, его церковно-религиозного быта. Эта организация и есть организация приходская. Но кроме нравственной стороны жизнь народная имеет и материальную сторону, и народу поэтому нужна и организация хозяйственного характера. Обратите внимание на то, что все рассуждения об усилении миссии о развитии миссионерских учреждений, об улучшении жизни духовенства, — все эти проекты заканчиваются у нас постановлением просить, ходатайствовать. Мы, православные, не имеем буквально почти ни копейки, чтобы свободно ею располагать.

Все, все средства у нас отобраны в разные центральные учреждения, и только оттуда мы и можем себе что-нибудь выпросить, выклянчить.

А если бы у нас был приход, если бы у нас он представлял живую семью, объединенную идейною жизнью, у нас были бы и собственные средства и на школы, и на библиотеки, и на все собственные приходские благотворительные учреждения. Но ничего такого у нас нет, потому что нет средств, а средств нет потому, что нет прихода...

И хозяйство народное опоздало в своем развитии, несомненно, по той причине, что не было у народа ни народно-сберегательных касс, ни какого-либо другого вида взаимопомощи, а духовенство было удалено от народа и не умело взяться за руководство народной жизнью. Теперь начали у нас устраиваться так называемые кооперативы и кредитные товарищества. Прекрасные благодетельные для народного благосостояния учреждения! Но что они из себя представляют, как не обломки все той же церковно-приходской организации? Разница только та, что в приходских организациях священник-пастырь был бы почетным руководителем и судьей во всей жизни, а ныне в кооперативах и в товариществах ему отведена жизнью роль счетчика, контролера, делопроизводителя — иногда при председателе-татарине. Получается досаднейшая антирусская антинародная картина!

И все оттого, что нет русской — народной, благодетельнейшей организации-прихода. Поэтому наше духовенство и утрачивает в глазах народа всякий ореол духовного главы, руководителя в жизни, ближайшего своего советника и благодетеля... Место священника — отца — любимого пастыря церковного занимает теперь первый встречный, который научит нашего крестьянина, как пользоваться новым плугом, какие достать

лучшие семена и пр<*очее*> и пр<*очее*>. Священник утратил свое влияние на жизнь приходскую — это одна из самых больших церковных бед, и тоже только потому, что забыта самая идея прихода.

Заметив такую ненормальность в нашей церковной жизни и уже очень давно изучив многие книжки, касающиеся обновления и оживления прихода, я начал говорить и писать о настоятельной необходимости этой церковной кооперации. Почти об этом же исключительно я пишу и в своих письмах к Уфимским пастырям, в "Епархиальных Ведомостях". Мои газетные статейки читают очень многие, тем более что их перепечатывают во многих изданиях; при этом одни разделяют мои мысли, другие осуждают меня по разным причинам. Но так или иначе обо мне, как убежденном защитнике приходских организаций, знают во многих епархиях. Поэтому я льстил себя надеждою, что, по крайней мере, в Уфимской-то епархии прихожане знают обо мне, что кое-что знают в Уфимской епархии и по поводу моих мыслей и надежд имеют свое хоть маленькое суждение.

Но вот я недавно объезжал чисто русские села, во многих отношениях передовые! И представьте себе всю глубину моей обиды и изумления, когда я в ответ на мою обычную просьбу к верующим прихожанам помолиться обо мне слышал в некоторых местах простодушные слова: «А тебе, родимый, как же имечко-то будет?»

Правда же, от такой неожиданности можно прийти в отчаяние! Пишу я, пишу; говорю-говорю, воображаю, что мои мысли хоть в малой мере доходят до моей паствы, а оказывается, что моя паства во многих местах даже и имени-то моего не знает! Да, — многие на моем месте пережили бы по этому случаю тяжелые минуты полного разочарования; но я не способен на это. Я твер-

до, непоколебимо верю в силу Церкви, в безукоризненную чистоту ее святых заветов и форм жизни ее священных, — поэтому я верю и в возрождение приходской жизни; но, по истине, нужно мне много иметь идеализма, чтобы, веря в свои идеалы, не потерять веры в способность моих сотрудников одушевиться этими идеалами. Однако и этой надежды я не терял. И поэтому и ныне выступил пред вами, отцы и братья, со своим кратким словом по поводу всяких проектов оживления приходской жизни. Этих проектов я читал за последнее время очень много; читал и все ваши постановления по этому поводу на благочинических собраниях. Читал и изумлялся: в этих постановлениях имеется все, кроме того, что наиболее и настоятельно необходимо для Церкви в настоящее время. В этих постановлениях (почти во всех) можно найти одно и то же: для поднятия приходской жизни нужно оживить проповедь церковную, усилить катехизические поучения, поднять церковное пение и т<*ому*> п<*одобное*>.

Но что же мешает все это сделать без всяких постановлений? В некоторых местах нашей епархии эти проекты осуществлены, — например, в с<*еле*> Михайловке Златоустовского уезда, где богослужение и церковное пение поставлено безупречно. И если последует лишний раз указ об оживлении и возрождении, то едва ли он что-нибудь оживит и возродит. Нужно что-то другое — нужно оживить не духовенство чрез указы, а оживить всю паству, всех верующих, добрых и любящих св. Церковь прихожан. А этого оживления можно достичь не лицемерной любовью, а доверием к ним без всякого над ними превозношения и без всякой к ним подозрительности. Эта любовь и это доверие со стороны нашего "духовенства" к мирянам и произведут возрождение нашей церковной жизни. *В нашем отчуждении от мирян — наша беспомощность, а в нашем объеди-*

нении с ними — вся наша сила и весь залог нашего возрождения.

В этом и заключается весь смысл приходской реформы. Последствия ее должны быть следующие:

1) усиление влияния Церкви (не духовенства) на всю народную жизнь;

2) полное внутреннее обновление духовенства, поставленного на свещнице церковном; усиление нравственного авторитета духовенства;

3) народ, объединенный в приходские организации и получивший нравственные силы от Церкви, скоро определит все вредные на его жизнь влияния и вытолкнет их из своей жизни;

4) для народа в смысле его развращения не будет опасна никакая пропаганда, ни религиозная, ни социальная; приходская община и взаимный совет спасут народный быт от развращения;

5) у народа будут собственные средства, которыми он будет располагать и для дел благотворения и просвещения во всех его видах; всякие просветительные мероприятия среди народа будут в духе народной культуры, а не будут на нее действовать разлагающе.

Если не ошибаюсь — это все наиболее важные последствия возрождения или учреждения вновь приходских организаций.

Итак, братья, учреждение прихода на новых основаниях совершенно необходимо. Это мое искреннее убеждение. По моему мнению, этого требует вся современная жизнь; это настоятельная потребность и церковной жизни в частности, следовательно, это и вопрос, наиболее близкий для нашего духовенства.

Но отчего же он решается уже целые десятилетия, а все не двигается вперед? Почему всякое духовенство, и старообрядческое, и католическое, и даже мусульманское, и все наши сектанты, не имеющие священства,

имеют, однако, свои религиозные организации, располагающие своими собственными средствами; а у нас если имеются какие-то приходские попечительства, то только как пародия на организации, потому что у них нет средств для своей деятельности, а следовательно, и для своего существования. Почему это так? Почему к нам, православным, такая несправедливость?

Отвечаю: потому, что все остальные умеют добиваться своего путем просьб, петиций, ходатайств и т<*ому*> п<*одобного*>, при этом обо всяком инославии просят сами инославные, просит их духовенство, просят отдельно, просят коллективно, просят с места, просят в Петрограде и т<*ак*> д<*алее*> без конца, пока теми или другими путями не добьются своего. У нас же выработалась одна философия жизни и одна формула ее "если начальство молчит, то и мы должны пребывать как бы бессловесными".

Вот мы все со своим начальством и домолчали до того, что все сорганизовались, все богаты и довольны, а мы — русские православные люди, у себя дома, в России только еще пишем постановления и сочиняем ходатайства, чтобы начальство нас сорганизовало или разрешило нам самим это сделать.

Но и в этом нашем несчастии была бы беда небольшая, если бы страдали от такого бесправия только мы, духовенство; но ведь страдает все церковное общество наше, страдает и идет быстро на убыль самое церковное настроение верующих людей. А это уже очень большое несчастье для Церкви и большой исторический грех тех, кто в нем виноват. Почему же мы, хотя и невольно, оказываемся виновными в этом грехе? Ведь мы же хотим служить св. Церкви? И служить по мере своих сил? Да, это так; но силы-то наши очень малы и они не развиваются в должной мере, вот в чем горе нашего служения св. Церкви. Наши силы — в общей церковной

взаимопомощи, в развитии церковной общественности, — тогда при этом условии они будут расти и умножаться и в глубину, и в ширину, а мы об этом росте-то почти и не заботимся. *Это потому, что мы плохие агитаторы;* в этом отношении мы не похожи на наших идейных противников. Те добиваются своих целей всякими неправдами, а мы, владея правдою, только на том и успокаиваемся... Мы все еще по стародавней привычке на кого-то и на что-то надеемся; этою надеждою себя и успокаиваем.

Но мы должны твердо усвоить себе новую мысль, что мы ни на кого уже надеяться не должны, не имеем никакого основания, а должны надеяться только на себя, на свои силы, на свое умение служить той великой Истине, которой служить мы призваны. И эту мысль мы должны сами твердо усвоить и путем настойчивой агитации добиться, что эту мысль усвоит и наша паства. Чтобы не было недоразумений, я, объясняя, что агитацией называю в данном случае всякое слово священника и всякую проповедь не чисто религиозно-нравственного свойства, а преимущественно церковно-общественного, то есть настойчиво развивавшую пред слушателями необходимость церковной общественной самодеятельности и церковных организаций, на эту самодеятельность опирающихся.

К чему же мы должны стремиться, чего желать, какого ожидать обновления или возрождения прихода? В чем это обновление проявится? В том ли, что батюшки наши будут по уставу отправлять богослужение? Или что псаломщики будут толково читать псалтырь? Или что батюшки будут вести более продолжительно свои обычно скучные "катехизические" беседы?

Нет, братья, воля ваша, но это не обновление приходской жизни, а это только обновление духовенства, сознание им своих обязанностей. Повторяю еще раз,

что все это батюшки должны исполнить и без всяких благочинических или иных съездов или указов.

Нет, братие, основное условие обновления прихода — это присвоение православному приходу прав юридического лица, тех прав, которые имеют уже приходы инославные и даже иноверные. Нужно добиться, чтобы эта вопиющая несправедливость по отношению к господствующему православию была уничтожена, чтобы оно было сравнено с другими вероисповеданиями. И если этот закон о приходе, как юридическом лице, пройдет, то магически возродится у прихожан и интерес к Церкви и к церковной жизни, появятся и средства на благотворительные приходские учреждения и на ремонт храма, будут обеспечены средствами церковные школы, и они будут приходскими не только по вывеске, но и действительно; тогда и мы не будем вечно клянчить всяких подачек из Петрограда на всякий пустяк: наши деньги и будут в наших карманах.

Итак, нам нужен приход как юридическая единица. Только это и нужно — в этом начало и конец всей реформы приходской, всего обновления приходской жизни. Этого мы должны просить, этого добиваться и об этом молиться. Подробности этой реформы не так важны — важен принцип; и на этом мною высказанном принципе мы должны настаивать во всех своих постановлениях и вести самую деятельную агитацию среди православных в целях пропаганды его необходимости для русской жизни. Приход, как юридическое лицо, — это кооператив по благословению Церкви и на пользу ее, а все остальные кооперативы могут стоять не только спиною к Церкви и быть прямо ей враждебными при ее беззащитности.

Однако, умалчивая о всех противниках приходских организаций, я с величайшею радостью могу отметить, что нынешний митрополит Петроградский, высокопреос-

вященнейший Питирим, является убежденным поборником приходской жизни и защитником проектов относительно дарования приходу наибольших прав. Это наиболее радостное явление в русской церковной жизни. Будем надеяться, что Господь благословит благие намерения его сердца и поможет ему осуществить эту самую необходимую из всех реформ[23].

* * *

Проект лишнего оскорбления св. Церкви

Газеты сообщают, что русской Церкви грозит большая опасность оказаться под усиленной опекой государственной полиции. Имеется в правительственных кругах мысль «о введении предварительной цензуры для всех произведений печати, в которых затрагиваются вопросы как о догматах веры, так и о церковном управлении и богослужебных делах».

Прочитав это известие, всякий сын Церкви, верующий в ее святость, невольно придет в недоумение: «Да неужели же Церковь нуждается в полиции? Неужели же жизнь церковная столь испорчена и осквернена всякими пороками, что о ней лучше молчать?! Но кто же будет опекать нас? — Какая-нибудь голова, не пригодившаяся в жизни на добром деле и потому согласная на недоброе дело — губить всякую чужую мысль! Такой господин будет распоряжаться судьбами духовной литературы, обрезывая всякую мысль и выдавая какие-нибудь собственные благонамеренные глупости за мысль Церкви».

---

[23] Уфимские епархиальные ведомости. 1916. № 19. С. 630–638.

Я припоминаю один случай со мною. Я написал и отдал в печать заметку: "Забытые мысли из церковного учения". Эту заметку казанский цензор целиком зачеркнул, признав ее вредной с православной точки зрения. А через два месяца она появилась в одном крупном богословском журнале. Таких пустяков не перечислимое количество; от них страдает и академическая наука, и вся духовная публицистика. Не страдает, а гибнет, предварительно утратив к себе всякое уважение читателей. С другой стороны, мы находим прямо перлы духовной литературы (на что с ужасом указывал Н. П. Гиляров-Платонов): "Русский государь есть Патриарх или Глава Церкви Греко-Российской и поэтому, будучи помазан миром при короновании, он может, если бы захотел, служить обедню"... Это *одобрено* цензурой. Я слышал от одного путешественника по Западной Европе, что эта фраза, *одобренная* цензурой, обошла все католические учебники и указана как лучшее доказательство ложности православия... Таковы плоды цензуры духовной. И такими анекдотами полна история цензуры.

В существе дела идеал цензуры — это молчание... Тогда хлопот менее! Но кому же неизвестно, что под покровом вынужденного цензурного молчания во всяком деле развиваются различные "дела тьмы", боящиеся света. Особенно этой опасности подвержена земная сторона жизни церковного общества, где лицемерие и наглый обман очень часто принимаются за действительную добродетель и чистоту совести. За самое последнее время темная эпоха мерзкого хлыстовства в Петрограде потому и не успела сделать непоправимого вреда св. Церкви, что влиятельные хлысты боялись гласности. Только живое слово правды мирских писателей спасло нас от больших церковных бед. Впрочем, дадим место слову одного русского гения по этому вопросу. Надеемся, читатель не посетует за это на нас.

«В России необходимо *право правды;* — только правда, одна только широкая правда в состоянии спасти нас, уврачевать язвы нашего общественного организма и восстановить его нравственные силы... Но, к прискорбию, нигде так не боятся правды, как в области нашего церковного управления; нигде младшие так не трусят старших, как в духовной иерархии, нигде так не в ходу "ложь во спасение", как там, где ложь должна бы быть в омерзение. Нигде под предлогом змеиной мудрости не допускается столько сделок и компромиссов, унижающих достоинство Церкви, ослабляющих уважение к Ее авторитету. Все это происходит, главным образом, от недостатка веры в силу истины, а главное, от смешения понятий: церковного с государственным, Кесарева с Божьим. Многие у нас смотрят на Церковь как на одну из государственных функций, как на часть государственного организма, которой отправления не самостоятельны сами по себе и не сами для себя существуют, а подчинены общей цели этого организма, предназначены сообразоваться с его задачей, с его общим строем. Такое мнение не только ложно, но и совершенно вредно в практическом применении. Это значит смешивать Царство не от мира сего с царством мира, поставлять вечное в зависимость от временного, непреложное от случайного, безусловное от условного, свободу бессмертного духа от грубой плотской силы. Церковь не может и не должна служить государственным видам и соображениям, и никаким другим целям, кроме одной цели, указанной Ее единым главой — Христом — и в ней самой содержащейся...»

«Церковь не может снизойти на степень государства, не изменив своему основному характеру, не утратив своей свободы и святости; но и государство не должно себе присваивать ни авторитета, ни атрибутов Церкви, ни делать Церковь подчиненным себе орудием: иначе

оно внесет ложь и лицемерие, как в свою сферу, так и в сферу церковную, и подорвет авторитет Церкви. История указывает нам немало примеров, каким злом всегда венчалось вмешательство Церкви в дела государства, соединение власти духовной с властью светской, совмещение в одной руке меча духовного с мечом государственным, — одним словом, облечение Церкви в доспехи государственного могущества... Вечная, безусловная божественная истина (в таком случае) бывает задушена условной правдой государственной, низведена на степень "казенного интереса" и заклеймена штемпелем "казенности"... Здесь возможны только ложь, обман, лицемерие, неуважение к Церкви и охлаждение к вере».

«Еще худшее зло было бы порождено полицейским требованием Церкви, распространенным на область мысли и слова... Если где-либо может быть допущен полный престиж слова, так именно в области духа и его духовных проявлений, в области свободы по преимуществу. Христианское учение есть учение Бога-Слова, Его сила в истине, а сила истины в ней самой: ее сыны — сыны света и свободы, ее меч — свободное о Христе слово, которым она покоряет себе свободный дух и свободную совесть. Отношение к истине может быть только свободное; поэтому свобода истины уже сама по себе предполагает свободу убеждения. А свобода убеждения предполагает в свою очередь и свободу заблуждения — с его выражением в слове, следовательно — свободу слова. Государство требует своего динария, и динарий должен ему быть уплачен: Кесарево должно быть воздано Кесарю, но Божие принадлежит Богу, а Божие — вся область духа, та область, где священнодействует дух человека в своем искреннем стремлении к истине. Эта область должна быть совершенно изъята от полицейской опеки, кем бы ни была налагаема эта опека:

светским ли или хоть бы даже самим церковным правительством».

«Церковь унизила бы себя, уронила бы значение истины, наложила бы сама оковы на свободу Христову, если бы вздумала через посредство государства накладывать оковы на совесть людей, на их убеждения, на деятельность разума и на его свободное выражение, — если бы, например, подчинила своей цензуре литературу, — хотя бы только так называемую "духовную". К литературе вполне приложимо то, что сказал Хомяков в одной из своих статей о свободе преподавания наук и что было бы очень полезно запомнить раз и навсегда нашим официальным охранителям истины: "Учение православной Церкви, — говорит он, — как высочайшее духовное благо, как завет нашей свободы в отношении к разуму, свободно принимающему свет откровения, и в отношении к воле, свободно подчиняющей себя законам любви, не только не противно свободе в преподавании наук, но еще требует этой свободы. Всякая наука должна выговаривать свои современные выводы прямо и открыто без унизительной лжи, без смешных натяжек, без умалчивания, которое слишком легко может быть обличено. Нет сомнения, что показания некоторых наук положительных, как геология, фактических, как история, или умозрительных, как философия, кажутся не вполне согласными с историческими показаниями Свящ. Писания или его догматической системой. То же самое было и с другими науками, и иначе быть не могло. Науки не совершили круга своего, и мы еще далеко не достигли до их окончательных выводов. Точно так же не достигли мы полного разумения Св. Писания. Сомнения и кажущиеся несогласия *должны* являться; но только смелым допущением их и вызовом наук к дальнейшему развитию вера может показать свою твердость и непоколебимость. Заставляя

другие науки лгать или молчать (да это и невозможно), она подрывает не их авторитет, а свой собственный"».

«Таков взгляд истинно-православный, вполне применимый и в отношении Церкви к свободе литературного слова; всякий иной взгляд противоречит чистому духу православного учения, — есть посторонняя примесь, плевел, подлежащий исторжению. Всякое внешнее полицейское преследование не только чуждо духу Церкви по своему принципу, но и положительно вредно, потому что обличает в преследующих робость и безверие, которые дают смелость злу и заражают безверием преследуемых».

«В самом деле, — не робость ли, не слабость ли веры в истину, обнаруживаемая теми насильственными мерами ограждения истины, к которым любят иногда прибегать официальные представители Церкви, не полицейский ли и вообще чуждый Церкви элемент казенности, не стеснение ли свободы мнения и сомнения поселяют в большей части современного молодого поколения такое неприязненное и невежественное отношение к православию и служат главными доводами против Церкви со стороны так называемого нигилизма».

Так писал некогда наш несравненный русский православный публицист Ив. С. Аксаков; к его голосу всецело присоединяемся и мы, находя, что всякий проект усиления духовно-цензурного гнета будет практически невыполним (ибо желающий оскорбить Церковь сделает это и помимо цензуры), а сам по себе явится только лишним оскорблением св. Церкви[24].

* * *

[24] Заволжский летописец. 1917. № 3. 1 февраля. Л. 56–59.

Цезаропапизм наизнанку

О вреде цезаропапизма написаны целые горы бумаги. Его разрушающее влияние на Церковь, как общество, не подлежит никакому сомнению; все, кто мог еще колебаться в решении этого вопроса, ныне, наблюдая церковную жизнь, могут удостовериться, что цезаропапизм поставил церковную жизнь в ее общественном проявлении на край гибели. Церковного общества почти не существует.

Иначе говоря, нет Церкви как общества, а имеется только толпа христиан, и то лишь числящихся христианами, а на самом деле о Церкви не имеющих понятия. Сравните сейчас количество молящихся даже в большие праздники и число праздно шатающихся по улицам, и вы ужаснетесь: на десятки богомольцев вы насчитаете десятки тысяч людей, атеистически ни о чем не думающих. Церковная жизнь почти разрушена, а поэтому и Церковь, как храм, интересует разве каких-нибудь старушек... Самая церковная молитва обратилась теперь только в служение молебнов и панихидок, а сколько-нибудь литургийно-общественного настроения совсем нигде не заметно.

Таковы отрицательные заслуги русского цезаропапизма в истории и жизни русской Церкви.

Цезаропапизм боролся вообще с общественностью, поэтому сам цезарь погиб в неравной борьбе и погубил церковную общественность, и изуродовал всю нашу социальную жизнь.

В свое время пишущий эти строки сделал попытку поднять в Уфимской епархии интерес к церковно-общественной жизни: в 1916 году весною в Уфе было введено так называемое выборное начало при замещении священнических мест. Попытка была, разумеется,

чрезвычайно слабая, потому что и выборное духовенство ничего в церковной жизни не могло сделать без самодеятельности прихода; а приход, которому запрещено было жить приходской жизнью, конечно, ничего не делал. Тем не менее малая моя попытка принесла несомненную, хотя небольшую пользу (да за 8 месяцев действия выборного начала может ли его почувствовать епархия?). И я уверен, что выборное начало в церковной жизни, проведенное в церковном духе и разумно, осторожно осуществляемое, может принести самые лучшие плоды. Но вот разразилась революция! Цезаропапизм с падением цезаря должен был бы пасть... Казалось бы, это должно быть так? Пожалуй, это так многим и кажется. Но это только иллюзия; увы, — это горький самообман!..

Цезаропапизм тем был опасен в церковной жизни, что он вмешивался в область, лежащую совершенно вне его компетенции. Если государственная власть решала, что нужно помочь Церкви, то она помогала только иерархии и тем отдаляла ее от верующих мирян, наделяя церковную иерархию нецерковными атрибутами. Государственная власть в корне подсекла церковную жизнь: пастыри перестали знать свою паству, а паства перестала любить своих пастырей. Государственная власть в самые важные минуты церковной жизни считала нужным вломиться в церковную жизнь и, нисколько ее не понимая, только все в этой жизни портила, в конце концов расшатав все устои. Все, даже искренне думающие о своей принадлежности к Церкви, перестали понимать ее природу и политическую благонамеренность стали смешивать с верностью св. Церкви. Вместо церковной проповеди пастыри начали вводить в употребление только митинговые речи. Служение Божией правде было подменено служением правде царской, а потом и смирение пред неправдою царскою было объявлено добродетелью...

Революция уничтожила целое мировоззрение наших клерикальных ханжей. Можно было надеяться, что Церковь свободно будет служить людям и проявлять свои идеалы. Церковь, освободившаяся от цезаропапизма, могла бы свободно идти по собственной своей дороге... Да, могла бы — если бы... Если бы церковные деятели и руководители церковной жизни были на высоте понимания своих обязанностей, а церковный народ был более церковен, то все пошло бы в жизни церковной благополучно.

К сожалению, прямой цезаропапизм сменился цезаропапизмом наизнанку: я говорю об охлократии, которая ныне нагло вмешивается в церковную жизнь и производит в ней беспорядок еще неистовее, чем бывало при цезаре. Демократия в том виде, как она сложилась в Западной Европе, при всей ее нерелигиозности все-таки настолько порядочна, что не производит явных насилий над Церковью; там уже сложилось народовластие как нечто организованное и стройное. У нас наша самобытная демократия представляет из себя самую безобразную толпу, вполне беспорядочную. У нас нет еще демократии, а имеется только охлократия, то есть засилье толпы; и как толпа пьяных дезертиров не похожа на войско, так и демократия нисколько не похожа на нашу мерзкую, нравственно-грязную охлократию. Вот эта охлократия ныне и подтачивает церковную жизнь. Охлократия избирает дурных пастырей, охлократия расточает церковные суммы, охлократия пренебрегает церковными канонами, будучи в них вполне невежественною. Но нужно заметить, что и наша иерархия не находится на высоте своего призвания; ранее она пребывала в полном молчании пред цезарем; теперь она так же послушно молчаливо исполняет нелепые требования разнузданной охлократии. Ранее цезарь отдавал приказания пастырям; теперь толпа

предъявляет требования к своим пастырям и пасущие стали пасомыми... Во многих местах церковная жизнь пришла в самое полное расстройство.

На этой почве могут быть еще такие "углубления революции", которые св. Церкви ничего хорошего не обещают: поэтому в настоящее время, пользуясь созывом Поместного Собора, нужно положить предел всяким антицерковным явлениям в церковной жизни — по крайней мере, — не допускать их принципиально.

В церковной жизни могут принимать участие только церковные люди, принадлежащие к св. Церкви. Они и могут, и должны жить соборною жизнью, так называемым — внутренним самоуправлением, — разумеется, на основании общецерковных правил. Никакое постороннее для Церкви течение не может влиять на жизнь церковную; тем более никто не имеет права предъявлять требования нецерковного характера к церковным деятелям.

Поэтому и наше охлократическое засилье, этот цезаропапизм наизнанку должны прекратить свое проявление, а все любящие св. Церковь должны энергично защищать ее каноническую самобытную жизнь[25].

[25] Заволжский летописец. 1917. № 18. 15 сентября.

IV. 1917 год

Моей Уфимской пастве

Дорогие мои, возлюбленные о Господе чада!

Срочно вызванный Правительством в Петроград, я вынужден немедленно выехать. Но поверьте, мои братия, что всем помышлением остаюсь с вами. Прошу ваших святых молитв пред Господом, чтобы Он укрепил меня, если наша родина потребует моего служения ей. Обещаю вам непременно скоро вернуться, если будет малейшая возможность. Еще раз умоляю вас сохранять самое полное спокойствие, как подобает добрым христианам, но это для нас необходимо сейчас и как для добрых граждан. Наше мнение, когда нужно будет, спросят; тогда мы это мнение и скажем, а никакими другими средствами нам ничего не добиться. Да и добиваться-то нечего, — по правде говоря, — после благоразумного, прекрасного поступка Вел. Князя Михаила Александровича. Этот шаг его, предоставление народу права его переизбирать, — его исторический подвиг и великая его заслуга. Сейчас писать мне об этом некогда, но поверьте, что это так. Да хранит же вас всех Господь. Главное: только дайте себе твердое обещание не делать

человеку зла, даже словом никого не оскорбить. Это лучшее средство для исправления нашей жизни. Простите же меня и усердно помолитесь обо мне.

Андрей, Епископ Уфимский

7 марта 1917.

* * *

К русскому духовенству

Обращаюсь к редакции "Нового Времени" с покорнейшею просьбою напечатать нижеследующие строки. Это делаю потому, что старые "Церковные Ведомости" ныне временно прекратили свое печальное и вредное существование (это я могу говорить потому, что этого никогда не скрывал). Но и "Новое Время" не доступно духовенству или, по крайней мере, мало доступно.

Поэтому усердно прошу всех, кто будет читать настоящую мою заметку, переслать ее знакомому сельскому священнику.

Обращаюсь к духовенству из Петрограда, где только что изучил, хотя и поверхностно, все совершившееся за последнее время.

А случилось то, что я предвидел и о чем я духовенство предупреждал уже в течение двенадцати лет. Все мои газетные статьи о необходимости организовать церковно-приходскую жизнь были всегда воплем отчаяния! Я видел, что петроградское правительство наше ничего не видит и не понимает, что, видя беспринципное распадающееся правительство, все приступили к организации взаимопомощи или в своих религиозных общинах (например, евреи), или в национальных (как татары). Я взывал о необходимости, насущнейшей необходимости

организовать "приход". Но в это время "Церковные Ведомости", наш официальный орган, издевались над моими мыслями и уверяли несчастное сельское духовенство, что оно по-прежнему должно только ограничиваться требоисправлением и не вмешиваться в организацию приходской народной жизни. Духовенство, конечно, верило своему "начальству", а теперь осталось вполне беспомощным. Под большим сомнением остается не только вопрос о материальном обеспечении духовенства, но даже и те гроши, которые получает духовенство в настоящее время, едва ли останутся в его руках. Что касается пенсий, то дело нужно поставить сейчас так, чтобы всякая пенсия была наградой духовенству со стороны церковного народа за труды пастырей на его пользу.

На наше счастье, то есть на счастье духовенства и Церкви, кто-то не успел провести по какой-то беззаконной статье жалованье духовенству, которое так смаковали "Церковные Ведомости" и наш "Всероссийский Вестник" церковной бездеятельности... Если бы эти 126 миллионов прежнее правительство успело дать духовенству в порядке обычного насилия над законом, то духовенство вконец было бы оскандалено, а денег все равно не получило бы.

Итак, настал последний час, когда духовенство, столкнувшееся с действительною жизнью и не загипнотизированное своими близорукими руководителями, может настроить приходскую жизнь, — вернее: удержать народ в церковной ограде для пользы самого же народа.

Духовенство должно дать себе клятву: ни в какую политику не лезть, никаких политических речей не произносить, а только делать свое великое церковное дело организации народа вокруг Церкви. Это совсем не значит, что духовенство должно снова чего-то испугаться и не отвечать на запросы смущенной народной совести

и пытливого народного ума! Нет! Совсем нет! Духовенство не должно принимать участия в митингах, уважая свою церковную кафедру; оно не должно унижать себя до политики, но всегда должно заниматься культурой народного духа, народного самообладания. Это будет его заслуга перед народом, тогда народ пойдет за своими пастырями во всех отношениях. Иначе... иначе нашею паствою овладеют чужие пастухи.

Никаких запросов по начальству для организации приходских братств, церковно-приходских советов, церковных попечительств, богаделен и пр<*очих*>, — никаких запросов ныне не нужно. Разумеется, всякий архиерей благословит доброе начинание! Поэтому никакой перепиской не нужно в настоящее время тормозить дело. Нужно только всякое доброе дело немедленно начинать, кто как может. Наши сельские батюшки должны умолить сельскую интеллигенцию помочь им, научить их приспособиться к жизни и к ее новым формам. И дело пойдет тогда на лад. Мы должны в своей деятельности уподобиться тем социалистам, в руки которых, повидимому, всецело попала наша жизнь. Но социалисты заботятся о народной сытости и вообще о народном благополучии, а мы, клир церковный, должны позаботиться не только о сытости, но и о народной совести. Повторяю: мы должны позаботиться и о сытости, и о совести, как это делала первая христианская община.

В Петрограде уже получено известие, что екатеринославское епархиальное начальство превосходно учло потребности настоящего момента русской народной жизни и в несколько дней организовало в епархии церковно-приходские учреждения, забрав для этого все местные интеллигентные силы. Вот это великолепно! В добрый час! Но пусть то, что сделано в Екатеринославе, будет сделано по всему лицу великой Русской земли.

Итак, настала новая пора русской жизни вообще и церковной жизни — в частности. Духовенство должно все понять, все оценить и, не теряя ни минуты, начинать свое великое дело.

Все иллюзии теперь рассеялись. Все обманы, сознательные и бессознательные, вполне обнаружены. Надеяться нам, духовенству, не на кого. Мы должны и можем надеяться только на Бога, на Его помощь и на себя.

Прошу духовенство иметь в виду, что все церковные братства по закону имеют права юридического лица. Поэтому, пока можно пользоваться уставами старых братств для организации новых, — организуйте же поскорее эти братства!

Андрей, Епископ Уфимский[26].

* * *

К духовенству Уфимской епархии

Ввиду нынешнего исключительного времени, когда чувствуется крайняя нервозность в обществе, усердно прошу весь Епархиальный клир быть наиболее осторожным во всех отношениях. Наше дело только устроение Церкви Божией и умиротворение смятенной человеческой совести. Наша ближайшая обязанность — это устроение церковных общин по примеру древнецерковной жизни. Это превосходное и необходимое условие для осуществления всей великой деятельности духовенства. Приходское Братство — это приходская трудовая республика, освящающая всю свою жизнь благословением Божиим. Местный причт в этой республике — первый слуга ее. Диаконы по образу перводиаконов книги Дея-

[26] Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 5–6. С. 135–138.

ний должны заботиться о приходском хозяйстве (гл. 6, 1–5)! О, какая прекрасная возможность! О, если бы духовенство хоть в нынешнюю тяжелую годину жизни нашей родины было на высоте понимания своего служения! Мы не должны оставлять народ, как овец без пастыря, мы должны собрать овец своих в такое стадо, которое никто, никакая сила разогнать и разъединить не может. Это первейшая обязанность наша! — Вторая обязанность: всемерно укреплять в населении доверие к Временному Правительству. Это необходимо для спасения отечества, для избавления нас от внутренних потрясений и анархии. Все это пишу потому, что получил из родных мест сообщения, что духовенство разными двусмысленными толкованиями событий вводит многих в беспокойство. Усерднейше повторяю духовенству свою просьбу: организовать свои приходские общины, устраивать свои церковно-приходские кооперативы и радоваться, что никто уже не мешает нам в этом великом деле; все остальное — почти не наше дело![27]

* * *

Две проповеди преосвященного Андрея[28]

Слово, сказанное преосвященным Андреем, епископом Уфимским, 4-го апреля 1917 года в женском Благовещенском монастыре в Уфе

Христос Воскресе, возлюбленные братие!

...Сегодня я буду говорить вам о том, о чем говорил и вчера, и пятнадцать лет тому назад. Но в то время мои

---

[27] Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 7–8. С. 195.

[28] Послужили поводом к возникновению в Уфе при Крестовой церкви Братства заступницы "Всех Скорбящих Радости".

слова мало производили впечатления. Одни меня просто не слушали, другие не понимали, третьи прямо смеялись надо мною...

Вот и теперь мои слова все те же, но происшедшие события все изменили и изменили нас самих. Смотря на нас, церковных людей, мне вспоминается то время, когда апостолы спали в Гефсиманском саду в тот час, когда Иуда предавал Господа...

Братие мои! А что же мы делаем сейчас, как не спим? Взгляните кругом! Все организуются в партии, и только мы, церковные люди, растерялись и не знаем, куда нам пристать. Но, братие мои, мы не должны пристать ни к одной из партий, и вот почему. Где партии — там и разделение, и несогласие, и осуждение, а где осуждение — там нет христианского духа... Пусть нас, верующих во Христа, объединяет Святая Церковь... Она-то и будет нашею партией.

Но взгляните еще на то, что люди партий деятельно работают и члены одной партии проявляют друг к другу любовь. А мы? Христиане мы или нет? Кто же мы, братие? Ведь мало, если мы постоим в церкви, потолкаемся друг о друга, послушаем без всякого смысла и толка прекрасное церковное пение, а затем пойдем домой и возвратимся к своим часто недостойным для христиан развлечениям! Какой же толк в этом? Ведь нужно действовать, помогая друг другу словом и делом!

Теперь я спрошу вас: все ли из вас, верующих христиан, были в церкви в эти святые дни праздников? Нет, не все. Почему же не все были? Одни не были в храме по домашним обстоятельствам, другие по бедности, третьи... просто поленились. А что же вы, пришедшие вот сюда, сделали что-нибудь, чтобы побудить их прийти в храм Божий? Говорили вы им это? Убеждали их сходить в церковь, в которой вы черпаете столько утешения? Ведь нет, братие? Вы позаботились только о себе?

Вот и сегодня! Ведь многие не пришли в этот храм лишь потому, что сидят в своих подвалах с своими детьми, которых им не на кого оставить. Так в другой раз сойдите же к ним в их подвалы, пошлите их в церковь, а сами тем временем посидите с их ребятами! Только *непременно это сделайте*. Я говорю это тем, кто часто бывает в церкви. И если вы так будете хоть три дня делать, то в церкви будет в три раза больше народу. Вы скажите им, что это не я, Ваш грешный епископ, а вообще епископ прислал вас к ним.

Мало верить нам самим! Нужно нашу веру укреплять в других! Надо всячески содействовать тому, чтобы во всех вера ширилась и росла... А как это сделать? Да и понимаем ли мы, что такое вера? Как мы верим? Умом? Нет! Мы верим не умом, но сердцем, чувством нашим. Для того, чтобы считать звезды, я смотрю на них глазами, но чтобы узнать, горячая ли печка, мне мало смотреть на нее глазами, нужно пощупать ее руками...

Так же маленький ребенок... Чем он узнает, что мать его любит? Он чувствует это сердцем. Так же и вера в Бога ощущается лишь сердцем. Для того, чтобы получить веру в Бога, мало почитать хороших книжек о Боге. Нет, для этого нужно пережить в своей жизни такой поворотный момент, когда наша душа вдруг точно озарится и Бог ей откроется. Так всегда и со всеми бывает. Каждый верующий непременно пережил в своей жизни такой поворотный момент, когда он вдруг ясно ощутил Бога... Так и я ясно помню, когда у меня были такие переживания. Своей верой я обязан двум женщинам — одна из них была православная: она научила меня молиться; другая — старообрядка... Она научила меня твердо стоять за Церковь. И я ясно сознаю те поворотные моменты, в которые моей душе открылся Бог.

Такие моменты, когда Бог открывается людям, бывают почти у всех. Их не бывает лишь у людей с особен-

но чистою душою, с младенческими переживаниями, с детскою верою. Так же и Священное Писание нам повествует о внезапном откровении Бога людям. Прочитайте Евангелие от Луки о путешествии учеников Христовых в Эммаус. Как долго эти ученики были слепы и не замечали Христа, идущего рядом с ними. И вдруг в один миг, в преломлении хлеба они узнали Господа, словно с их глаз спала пелена.

Так же было и с апостолом Павлом. Бог открылся ему в явлении на пути и спросил его: «Савл, что ты гонишь меня?» Этот момент был поворотным в жизни ап. Павла. Из яростного гонителя христиан он сделался с этого момента горячим ревнителем и поборником Христова учения.

Так же пусть и каждый из вас отчетливо припомнит, когда в его жизни были такие моменты Божьего откровения.

Но все-таки мало того, что мы сами нашли Бога, верим в него и черпаем утешение в Церкви, мы должны всячески стараться и других приводить к Христу. А потому, заканчивая эти слова, я еще раз обращаюсь к вам с просьбой: завтра вместо себя пришлите в церковь тех, кому трудно выбраться из дома, а сами замените их в их домах и посидите с их детьми. Христос с вами. Амины![29]

* * *

Слово преосвященного Андрея, епископа Уфимского, сказанное после литургии 7-го апреля 1917 года в Вокзальной церкви города Уфы

...Я поистине очень обрадовался возможности служить в вашем храме и помолиться вместе с вами. Ведь

[29] Заволжский летописец. 1917. № 16. С. 446–449.

что такое вы для меня? Все! Вы — моя семья, мое утешение, мое радование, мое украшение. Что такое епископ? Он отец семьи. Ведь все мы, христиане, представляем из себя одну большую семью людей, которых возлюбил Христос и которые возлюбили Христа и друг друга во имя Христа. Итак, если мы настоящая семья во Христе, то мы и должны представлять из себя эту семью, единое, соборное, сплоченное, любящее друг друга общество.

Итак, отец семьи объединяет семью. Также и епископ должен быть объединяющей главою церковной семьи. Таким должен быть и я. Но какой я отец, когда моя семья состоит из полутора миллионов людей? Что могу я один сделать для такой большой семьи, когда я не мог даже за три года моего служения объехать всей моей епархии и до сих пор осталось 100 приходов, в которых я еще не был. А вы и по отлучкам моим из Уфы знаете, что я неленостно исполнял эту мою обязанность, поскольку хватало сил. Если бы от меня зависело, я увеличил бы число епископов для того, чтобы епископы лучше знали свою паству. Пусть эти епископы будут в худших условиях, пусть они будут даже бедствовать, но пусть их будет много.

Теперь все объединяются в партии. Но какая же разница между этими партиями и нашею церковною семьею, то есть не тою семьею, какою она есть теперь, а тою, какою она должна бы быть? Разница эта состоит в том, что в настоящей христианской общине, этой семье христианской — должны бы быть мир и любовь Христовы. В партиях же всегда, наоборот, бывают разногласия, а где разногласия — там всегда являются вражда и злоба. Вот этим-то истинная христианская община и отличается от партий. Но все-таки надо отдать справедливость людям партий: они умеют деятельно и энергично работать, а мы нет... и нам можно этому у них поучиться...

Мы церковное общество, мы только смотрим на других, а сами еще ничего не начинали делать. И той христианской общины, той идеальной семьи, которая была у первых христиан, все еще у нас нет. Между тем такая община должна быть у нас, а в ней должна быть соборная, христианская, церковно-общественная жизнь.

В древнем христианстве действительно была такая жизнь: о ней мы узнаем по отрывочным словам, дошедшим до нас в чине литургии[30]. Теперь мы иногда даже не понимаем этих слов. Так, например, в литургии говорится о *принесенных* честных дарах... О каких же это дарах говорится? Какие это мы с вами дары приносим, когда входим в храм, на это земное небо? Да никаких даров мы не приносим в церковь. Но древние христиане приносили в церковь от имущества своего, кто что мог: хлеб, вино, деньги и т<*ак*> д<*алее*>. На все то, что они приносили в воскресенье, пропитывали всех бедных членов древней христианской общины в течение целой недели.

На Кавказе мне приходилось жить среди абхазцев. Одни из них приняли магометанство... Но те из них, которые приняли христианство, во всей чистоте сохранили обычаи древней православной Церкви. Они считают позором для себя, если бедный попросит у богатого кусок хлеба, если бы среди их общества оказались нищие. Поэтому они сами идут отыскивать всех своих бедных, помогают им и тем предупреждают нищенство.

Где же наши дары Церкви Христовой? Они заменены у нас приношением в храм просфоры. Мы приносим в храм всего одну просфору, а когда ее вынут, уносим ее домой... Вот на это как хочешь, так и корми бедных!

---

[30] Смотри: "Литургийная жертва" епископа Андрея.

Так вот, братие, постановим себе с пустыми руками в храм не ходить. Пусть каждый из нас приносит в церковь что-нибудь из провизии, только не порченое, а годное к употреблению, хотя бы всего кусок хлеба... а тогда на все это принесенное и мы с неделю сможем кормить наших бедных.

А когда и неверующие увидят такую нашу жизнь, то и они поклонятся, не нам, конечно (нам-то не за что), но Христу. Мне часто приходилось слышать от неверующих следующее: «Христианское учение нам нравится, но ваша жизнь вовсе не нравится, потому что она с этим учением не сходится».

Так вот, братие, давайте с сегодняшнего дня начнем жить иначе. Давайте жить как бы одной любящей семьей. Организуем соборное, апостольское, братское общество (братство)...[31]

* * *

Социалистическое и церковное самообложение

Современные церковные деятели проявят всю свою мудрость, если исполнят два правила, повелительно выдвигаемые нашею жизнию. Первое правило — не опаздывать, второе правило — ни на чью помощь не рассчитывать, надеясь только на помощь Божию. Эти два правила особенно прочно должно запомнить наше духовенство; и если ранее оно давало своим слушателям в своих проповедях материал только нравственно-назидательный, то сейчас все проповеди наших батюшек должны быть на одну тему — на тему о церковно-

[31] Заволжский летописец. 1917. № 16. С. 449–451.

приходском устроении, о праве русского народа жить не по английским или французским образцам, а по своим собственным древнехристианским и древнерусским началам.

Мелкою земскою единицею должно быть нечто близкое приходу. Этого нужно добиваться, об этом нужно молиться, это нужно осуществлять всеми мерами. Если у нас сорганизуется православный приход с миром и радостию, то к нам не проберутся какие-нибудь обманщики — тогда никто нам не будет мешать, и мы будем делать свое святое христианское дело. Батюшки-отцы духовные! Ради Христа, эти мысли сообщите вашим прихожанам; — пусть они обсудят, правду ли я говорю, а я твердо знаю, что я говорю единственную правду, которая спасет мирную, воистину христианскую жизнь и всю святую Русь.

Устраивайте же приход как можно скорее и позаботьтесь, чтобы мелкая земская единица устроилась около прихода, например, как Союз приходов. Если этого не будет, то, повторяю, в нашу жизнь ворвутся всякие волки даже и без овечьей шкуры.

Но откуда приход может достать средства на свое существование?

Об этом нужно много подумать. Мы люди, верующие в Бога: всякий из нас принадлежит к святой Церкви, то есть к святому обществу, основанному Господом Спасителем. Это нас ко многому обязывает. Вот и подумаем поглубже, чем жить нам, нашему православному приходу.

Чтобы легче был для нас ответ на этот вопрос, я расскажу один мой разговор с социалистом-рабочим. Я спросил его, какой взнос рабочие его партии делают в общую кассу. Ответ для меня был вполне неожиданный: он сказал, что он вносит уже четвертый месяц по тридцать рублей, да кроме того "на красные знамена"

уже больше десяти рублей внес... Теперь представьте, сколько по такому расчету партия в 1000 человек на каком-нибудь заводе в год вносит в свою социалистическую кассу. Просто страшно сказать: 360 000 рублей. Теперь возьмите себе сумму в сто раз меньшую: представьте единоличный ежемесячный взнос не в тридцать рублей, а в тридцать копеек, тогда приход в 1000 человек может в год иметь капитал в 3600 рублей. Для этого нужно иметь только одно желание и твердое убеждение, что принадлежность к св. Церкви нас обязывает ко многому: и помогать св. Церкви, помогать друг другу, содержать свои школы и пр<*очее*> и пр<*очее*>.

Для читателя, конечно, ясно, о чем я хочу сказать: для всех православных христиан, как членов своего прихода, совершенно необходимо самообложение. Без самообложения мы жить не можем. Наши антагонисты организуются и имеют свои огромные кассы, а у нас по-прежнему — ничего нет. Если ранее нам это было не нужно, то теперь это вполне необходимо.

Дорогие братие! Умоляю всех православных христиан послушаться меня, поверить и начать немедленные взносы по самообложению. Если люди, никогда не говорящие о Боге, делают огромные партийные взносы, то люди, верующие в Бога, должны же приучать себя к исполнению своего церковного долга, к долгу постоянной взаимопомощи. С Богом начинайте святую свою приходскую работу[32].

* * *

[32] Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 14. С. 431–432.

Открытое письмо министру-председателю А. Ф. Керенскому

Александр Федорович!

Я не решился бы беспокоить вас этим экстраординарным обращением, если бы не верил в ваш глубокий патриотизм; я не стал бы писать вам этого письма и в том случае, если бы — не был с вами знаком, хотя бы и в течение 15–20 минут, когда Вы не только согласились меня выслушать, но даже теоретически и согласились во многом со мной. Теперь газеты сообщают, что 10–11 августа Вы собираете народный совет в Москве для обсуждения создавшегося в России почти отчаянного положения; я не имею никакой надежды быть на этом совещании, но, будучи глубоко уверен в правоте своей, после долгого размышления сел написать Вам эти строки.

Я служитель Церкви и, следовательно, слуга всех тех, кого Господь пошлет мне на моем жизненном пути. Я — церковник и потому всемерно отрицаюсь клерикализма как гнилой язвы на церковном теле. Я — искренний слуга своей родины и потому, как христианин, желаю всем только всякого благополучия и презираю национализм как явление антихристианское. Всякое зло, всякое насилие, всякий грабеж, как бы они ни были партийно окрашены и оправданы, — для меня, как христианина, отвратительны, и мне, как русскому человеку, оскорбительны.

А что делается сейчас в России? Во что обратилось наше отечество. Ведь это же ужасно! — но это факт: наша родина — это арена для всяких преступлений и насилий... Грабят церкви, грабят монастыри, грабят богатых, грабят даже бедных, если у них имеется лишняя

корова или лишняя коса... А потом прибавляют: «Благодари еще Бога, что эта коса не прошлась по твоей голове», — а потом с награбленными косой, плугом, сапогами идут, не стесняясь и ничего не стыдясь, рядом в свою деревню — до следующего грабежа.

Это ли не расцвет русского социализма? Это ли не торжество демократии? Такой социализм дикарей скоро может выродиться в коммуну, от которой до людоедства останется только один шаг...

Еще немного, и все оружие, находящееся в руках нашего "Христолюбивого" воинства, обратится только на самоистребление, когда "постановят" сначала истребить буржуев первой степени, а потом будут грабить тех буржуев, у которых только имеются лишние сапоги...

Припомните, Александр Федорович, — наш разговор и согласитесь, что случилось сейчас то, о чем я предсказывал Вам в начале мая. Я говорил Вам, что отделение Церкви от государства не страшно для Церкви, но для государства страшно его собственное отделение от Церкви; я передавал Вам просьбу солдат — не уничтожать присяги и не вводить в солдатскую жизнь безрелигиозности. Солдаты чувствовали беду в этом и ее боялись, может быть, бессознательно. И это верно: отделить русский народ от Церкви — значит создать разбойничью толпу из людей, которые еще вчера были уверены в своей совестливости. Православная Церковь — это не католичество с папой, главой мирского государства, хотя и на религиозной почве. Православная Церковь — это царство человеческих совестей, отделить в России государство от Церкви — это значит отделить народ от его совести, лишить его жизнь всяких нравственных устоев. — Это сейчас у нас и произошло: мы переживаем эпоху уродливого отделения государства от Церкви, то есть всеобщего преступного грабительского настроения с полным забвением всяких

нравственных устоев... Грабят и прибавляют без всякой иронии: "такова народная воля"...

Был у нас один Распутин до 1917 года, теперь мы переживаем целое народное бедствие — сплошное распутинство. Тот оскорбил народную совесть своим скверным существованием; теперь? — теперь творится нечто ужасное: народная совесть отделилась от народа, от войска, от всей русской жизни; совесть раздавлена, церковные власти по-прежнему позорно молчат... Теперь Церковь фактически уже выкинута из жизни...

Моих слов недостает, чтобы описать весь ужас нашего народного падения. Хочется кричать на всю Россию, чтобы она посмотрела сама на себя, чтобы опомнились русские люди от тяжкого преступного кошмара, который висит над нами, который носит общее имя: бессовестность. В этой безрелигиозности, бессовестности русский человек страшен; стоит только вспомнить одного из героев Достоевского, который расстреливал святое причастие, унесенное из церкви.

Кто в этом виноват? — Я не буду решать этого тяжелого, почти неразрешимого вопроса. — "Виноваты все, все пред Богом согрешили" — так прекрасно в подобных случаях говорит народная мудрость. Но одной из главных причин всех наших народных бедствий является недоверие народа к своему правительству.

В этом отношении русский народ — несчастнейший народ. Ранее, при царском правительстве, народ плохо верил этому своему правительству — тем псарям, которые окружали царя, ибо "миловал царь, но не миловал псарь". Теперь наше правительство — социалистическое, — и оно окончательно для народа непонятно. Народ ни за что не согласится, что все эти Ленины, Троцкие, Нахамкесы, Даны, Ганы могут быть народными благодетелями. А поэтому — хлеба нет; подчинения власти, даже простого ее признания нет; нет никакого к

ней доверия, а потому нет и поступлений в государственную казну... Поэтому никто не уверен в завтрашнем дне, — никаких гарантий нет не только "конституционных", — а просто я не знаю, буду я избит вот сейчас ни за что, ни про что или нет... Так жить нельзя! А воевать с таким страшным врагом, как немцы, невозможно при подобных обстоятельствах внутренней жизни.

Нужна власть! Нужна сильнейшая власть! Но эта власть должна быть в руках людей, понимающих "религиозную психологию народа". Последние слова в кавычках — не мои; я их только повторяю, — они принадлежат моему собеседнику на Мойке в начале мая. — И теперь уже нельзя гадать, можно ли "пренебрегать религиозной психологией народа", то есть просто — народной верой, — а нужно только к этой народной вере и обращаться для спасения родины. Пусть это обращение к народной вере и к Церкви будет полное и искреннее, — тогда оно будет немедленно воспринято и им понято. А если подобное обращение произведет переполох в партийной программе наших социалистов — это вполне не важно. Нужно спасать не революцию, которой народ не понимает, — нужно спасать Россию от внутреннего нравственного разложения и от внешнего грозного врага.

Александр Федорович! Спасайте Россию! По-видимому, Вас Бог избрал спасти родину; Вам верят ближайшие ваши сотрудники. Теперь идите прямо в народ и к народу, заговорите с ним русским мужицким языком, и тогда вы будете сильны. Возьмите себе в сотрудники людей беспартийных и непременно верующих, любящих святую Церковь; берите хоть кого-нибудь из наших старообрядцев с их прекрасными, умными, не надтреснутыми головами... Эта народность министров и любовь их к родине немедленно почувствуется народом, и Россия будет спасена!

Я представляю себе великую, прекрасную, как Божие откровение, картину; 12-го августа собирается в Москве общенародное совещание; на этом совещании создается абсолютно беспартийное министерство, состоящее из таких прекрасных имен, как Керенский, Самарин, Трубецкой, Карташев, Маклаков (Василий), П. Б. Струве, Родзянко, Шеин и немногие другие, в числе которых должны быть наши мученики-генералы Алексеев, Брусилов и Корнилов. — Это будет блестящее московское русское родное министерство спасения отечества.

Это министерство — 15-го августа, в день открытия всероссийского Церковного Собора в полном составе, среди народной толпы, их знающей и их любящей, должно присутствовать в Успенском соборе и на Красной площади на всенародной молитве. Все иерархи русские с новым "московским министерством" преклоняют колена в общей молитве и зовут Русь к мощам ее строителей <*митроп.*> Петра, Алексия, Филиппа и <*патриарха*> Гермогена для того, чтобы спасать свою родину от гибели. — Общий святой голос московских богомольцев, церковно-народный набат с Красной площади может возродить распадающуюся Русь.

Этот час — для России может быть сверхисторическим, потому что он может спасти не только ее, но и все ее сокровище — ее нравственные и религиозные устои.

Я кончил, Александр Федорович, свое послание; моя совесть по-прежнему теперь покойна, как она была чиста и покойна, когда я печатно предупреждал бывшего царя Николая, что Распутин ввергнет Россию в страшную беду. Эту беду мы все сейчас переживаем, и наша обязанность из этой беды распутинства спасать народ и государство.

Поверьте: я говорю правду; и искренне убежден, что в моей программе — спасение России. — Сам Господь да

наставит всех нас на путь самоотверженного, беспартийного, истинно-христианского спасения родины.

Епископ Уфимский, Андрей [33]

* * *

Ищите земли и воли

Кричали, кричали о земле и воле, но от нашего всероссийского глупого крика ни земли, ни воли у нас не только не прибавилось, а еще значительнее убавилось. Огромный город Ригу русские солдаты отдали немцам, вся Галиция и Буковина, залитые русскою кровью, предательски преданы немцам... Русская святая земля, "мать русских городов", Киев, уже приготовляется встретить немцев. Великие всероссийские святыни в страшной опасности и могут достаться в руки врагов нашей православной Руси.

Русский народ! Где же слава твоя? Русский народ, где сила твоя? Где твоя "земля и воля", о которой ты молился, которую ты так искал и за которую так долго страдал?

Кто же погубил честь и доброе имя твое? Кто обессилил наше отечество? Кто загубил наше "Христолюбивое воинство" и из солдат-героев сделал солдат-трусов, солдат — насильников и грабителей? Кто виноват всему этому?

Я скажу вам: *все это сделали русские и нерусские безбожники*.

Безбожники разорили, разрушили всю нашу армию. Они запретили солдатам молиться. Они, безбожники,

[33] Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 14. С. 432–436.

научили солдат так называемой "классовой борьбе с буржуями".

И вот проклятая злоба, проклятая вражда всех против всех разлилась по лицу земли русской. С немцами русские солдаты братались, а своих же русских братьев стали уничтожать, притеснять и даже убивать. Брат восстал на брата! Везде злоба, везде споры, везде несогласие...

А в это время лютый враг немец забирает одну губернию за другою. Так гибнет русская земля!

Но для того ли русский народ сделал свою революцию? Для того ли он боролся с неправдою бывших царских министров, чтобы оказаться в руках еще более страшной неправды? И так ли русские рабочие начинали революцию, как нерусские безбожники ее кончают?

Нет, совсем не так! Я знаю, что многие рабочие в Петрограде начали революцию во имя правды Божией, чтобы накормить голодных, чтобы полиция не избивала безоружных бедняков. Многие рабочие не хотели начинать революционных движений в субботу, потому что, ожидая себе смерти, в воскресенье (26 февраля) "в последний раз" хотели в церкви помолиться Богу.

А потом — что случилось?

Потом явились из Германии господа Ленины и подобные им нечестивцы-безбожники, для которых не дороги русские святыни, которым не дорого и наше отечество. Они ни разу за полгода не сказали ни одного слова о Боге, а только кричали о борьбе, о мести, о злобе, о всеобщей ненависти.

И святая Русь обратилась ныне в страшную грешницу, на которую с удивлением и сожалением смотрят все народы мира, видя, как она падает все ниже и ниже и не замечает своего падения.

Русский народ! Где же ты? Где слава твоя? Где богатырская сила твоя? Русский народ! Встань же, восстань во весь твой богатырский рост!

Встань и непременно помолись; помолитесь все, и все хоть в душе, хоть мысленно покайтесь сами за себя и один за другого.

Все русские люди, идите в храмы приходские и собирайте церковно-приходские советы. В эти советы берите только русских, верующих людей — тех, кто любит заповеди Божии, кто помнит заповедь Христову о любви друг к другу, кто почитает храмы Божии. Из таких людей нужно создать новое войско, которое будет сильным, чтобы защищать родную землю. Многие православные наши русские солдаты говорят, что среди них не все еще предались немецкому обману, не все трусливо изменили родине, что почти все войско русское готово до смерти служить отечеству и защищать родную землю; но среди войска имеются и позорные трусы, и предатели, которые в самые трудные минуты перестают слушаться своих начальников, производят беспорядок и тем губят все.

Поэтому церковно-приходские советы должны сделать твердое постановление, чтобы вместо всякого беглеца солдата-предателя шел кто-нибудь из его дома защищать родную землю, пусть идет младший брат и сестра. Ведь девушки сейчас геройски сражаются в рядах армии — вот до какого позора дошли наши предатели! Пусть же все, кто имеет любовь к родной земле, — пусть идут на ее защиту! — Но все войско наше должно быть верующее в Бога, любящее Закон Божий. Замечательно, что этого же хотят и мусульмане, которые мне жаловались, что безбожие и их беспокоит, что безбожные люди оскверняют и мусульманский закон, за который верующие мусульмане готовы умереть.

Тогда и только тогда пошлет Господь нам победу! Иначе, если мы послушаемся безбожников, которые губят нашу жизнь, — тогда все пропало! Тогда от России останется только Москва, а Финляндия, и Украина, и весь Восток будут стремиться к отделению от России. Около Москвы будут жить немецкие рабы, которые будут выплачивать контрибуцию нынешним своим врагам. Так закончатся подлые, предательские крики, что мир должен быть без аннексий и контрибуций. Аннексии (это значит — чужой земли) Россия не получит, а свою землю всю раздаст соседям. Контрибуции (то есть чужих денег) Россия не получит, а свои долги будет русский народ уплачивать своим горбом.

Братие мои! Русский народ! Бросьте всякие ссоры и драки между собою, идите в храмы Божии; гоните от себя всяких смутьянов и пишите своим защитникам-сыновьям, чтобы они не запятнали себя трусостью и предательством, чтобы без победы не возвращались домой. Помните твердо, что если русский народ не победит, то вся наша земля отойдет в пользу наших врагов, а русский народ не получит ни земли, ни воли[34].

* * *

Об организации приходской жизни

«Православные, объединяйтесь!» — вот знамя нашей русской жизни в настоящее время, вот клич, который должен неумолчно раздаваться по лицу земли русской.

Православные! Идите в свои храмы, идите и молитесь; совещайтесь и снова молитесь! Поверьте, мои бра-

[34] Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 17–18. С. 509–512.

тья о Христе, что сейчас без приходского объединения мы погибнем! Я твердо уверен, что Россия сейчас на краю гибели только потому, что мы, православные, забыли свой православный приход и в свою русскую семью пустили всяких шпионов, изменников, безбожников, анархистов и предателей. И воинство наше православное переживает сейчас крайние бедствия и унижения только потому, что среди войска нашего находятся безбожники, богоненавистники, люди с совершенно сожженною совестью. — Поэтому все православные христиане в каждом приходе должны объединиться в самую тесную семью и принимать в эту семью так же, как прежде принимали к себе в общество молодцы-казаки.

«В Бога веруешь? Во Святую Троицу и в Господа Спасителя веруешь? Святую Церковь признаешь?» — Кто вам скажет на все эти вопросы: «Да», — того принимайте в приход, в вашу приходскую семью; а первого встречного незнакомого человека нужно остерегаться принимать к себе и доверять ему свои семейные, церковные тайны. Всякое общество, дорожащее своим именем, всегда поступает так — никогда не допускает в число своих членов людей сомнительных или неизвестных.

Итак, православные, объединяйтесь! Всячески пропагандируйте это объединение. Вы посмотрите: социалисты начали свою жизнь в России лет двадцать тому назад; при императоре Александре III их не было еще вовсе, а потом они начали кричать: «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и так сумели вести свою пропаганду, что сейчас командуют Россией. И эта команда дорого обходится несчастной России, несчастному русскому народу, совершенно неорганизованному и потому неспособному заявить свой протест ни по какому поводу. Возьмите в виде примера хотя бы отобрание в министерство церковно-приходских школ и почти готовый

проект изгнания Закона Божия из народных школ. Я уверен, что народ этим не доволен, но народного голоса не слышно, потому что народ не сорганизован, не объединен. А единственная организация, которая может быть у нас сильною, — это православный приход.

Умоляю наших духовных отцов, приходское духовенство не терять времени, ни часа и пропагандировать всеми средствами необходимость приходского объединения всех русских граждан, любящих св. Церковь и родину.

При этом, разумеется, необходимо признание прихода юридическим лицом, о чем я хлопочу с первых чисел мая, когда я приехал в Синод. Но мои хлопоты доселе вовсе не увенчались успехом. Наши порядки таковы, что мы всегда умеем только опаздывать, и к утверждению прихода юридическим лицом доселе встречаются непреодолимые препятствия то с одной стороны, то с другой — тут толку не дождешься!

Поэтому мои уфимцы, хорошо понимая, что "всякое промедление смерти подобно", начали регистрацию своих приходов, как и всяких других обществ, просто — в окружном суде! Это прекрасно! Дай, Господи, успеха этому доброму началу, и советую всем без исключения начать это утверждение за приходом прав юридического лица тем же общественным порядком. Нормальный приходской устав скоро будет опубликован, но уфимцы вводят свой собственный устав, довольно коротенький, однако очень содержательный.

Усердно прошу при введении этих частных, местных уставов не забыть, что приход имеет попечение о всей своей жизни, наипаче о своем украшении, — о храме, чтобы ни один безбожник не смел оскорбить святыни приходского храма. Кроме того, приход должен позаботиться о том, чтобы приходской священник был на высоте своего служения, чтобы был достойный пастырь.

Для этого ему нужно дать более времени свободного для работы приходской; нужно позаботиться о его обеспечении, то есть и о церковной земле. Приход непременно должен оберечь приходскую землю от захвата и взять ее на свое попечение. Пусть эти две обязанности будут лежать как бы церковною заповедью на совести прихода и приходских советов; это нужно ввести во все уставы.

И в добрый час — начинайте все заново строить русскую жизнь на церковно-приходских началах[35].

* * *

Вполне преступная бездеятельность

Объезжая по делам своего служения Россию, я посетил несколько епархий и видел много людей и слышал много речей. Одною из главных тем для меня, конечно, была тема об устроении приходских общин, о развитии сознательного отношения к общественной и государственной жизни со стороны нашего простого народа. Моими наблюдениями я и хочу поделиться с читателями-единомышленниками, любящими св. Церковь.

Мои наблюдения — самые безотрадные! Почти повсюду "углубляется" революция; она иногда "углубляется" до самого наглого большевизма и грабежа чужого имущества на почве теории этой удивительной партии. Кое-где революционный шквал прошел почти благополучно; это случилось в тех местах, где бессовестных агитаторов встретил определенный и твердый голос или умного священника, или просто порядочного человека. Но таких случаев так мало, что они почти не могут идти в счет; общая же картина деревенской жизни — самая

[35] Заволжский летописец. 1917. № 17. Л. 462–464.

безотрадная. На Руси широкой волною разлилось всякое беззаконие, захватное право, по-видимому, признается сейчас единственным правом, на которое может опираться свободный русский гражданин и на этом праве утверждает свое благополучие. Поэтому наглость тех, у кого большие и длинные руки, все растет и крепнет.

Это называется "углублением" революции!

А где же духовенство? Где руководители народной совести? Кому и когда они говорят слово вразумления и назидания, утешения и горькой правды?

Вот, к великому горю своему, я должен сказать, что мои сведения из многих епархий рисуют для меня до последней степени горькую и обидную картину полной бездеятельности духовенства. В этом отношении и высшее, и низшее духовенство чрезвычайно солидарны между собою — никто ничего не делает! У духовенства — единственное занятие вздыхать о всяких несчастиях, и своих и чужих, и в то же время оно не заботится о церковном деле даже тогда, когда интересы церковные совпадают с его собственными интересами. Это бездеятельность вполне преступная! Иначе я ее назвать не могу... Типы этой бездеятельности таковы.

Прежде всего обращает на себя внимание батюшка, всего боящийся и от жизни вполне уклоняющийся. У него под окнами приезжий агитатор собрал его прихожан; эти прихожане, иногда любящие своего пастыря, впервые слушают проповедь самого крайнего неверия и атеизма. Они слушают речь агитатора почти с негодованием; а батюшка со страху перед этим наглецом спрятался за занавеску окна и, выглядывая из-за нее, делает вид, что все совершающееся для него не интересно. Такой церковный деятель с мировоззрением пуганого зайца оставляет в приходе ужасную пустоту. Несчастный народ, неспособный ни в чем разобраться са-

мостоятельно, но доверяющий во всем на слово своему священнику, вдруг остается совершенно без всякого руководства, без всякой помощи! Такой батюшка, разумеется, никакой приходской жизни организовать не в состоянии, да и не хочет ее, так как совершенно не привык к какой-либо общественной, планомерной работе.

Второй тип нынешнего пастыря — это пастырь-демократ. Он наполовину обстригся, снял свой крест (куда-то "пожертвовал"), говорит о необходимости отмены духовного платья для духовенства, всех зовет "товарищами" — даже женщин; с особенным восторгом объединяется с товарищами-солдатами около цигарки с махоркой и пр<*очее*> и пр<*очее*>. Разумеется, такой пастырь-демократ — это даже не пустое место, а просто нечто вонючее, от чего всякий верующий человек должен бежать, зажав нос... И, несмотря ни на что, этакие пастыри существуют, занимают места, на которых должны бы быть только проповедники правды Христовой. Возможна ли приходская жизнь около таких пастырей? О, конечно, нет; около них возможно только всякое нравственное разложение!..

Третий тип пастырей-бездельников — это знакомые нам уже давно люди, ничем не интересующиеся, ничего не читающие, живущие день за днем и ни о чем не заботящиеся. Чем заполнена их жизнь — этого и сами они не знают, по крайней мере, отчетливо себе не представляют. Эти батюшки ищут только покоя себе и своей семье. Приходской жизни и устроения приходов они боятся как лишнего беспокойства. Это им нисколько не мешает искать места в каких-нибудь канцеляриях и искать "обеспечения" вне церковной жизни. Таковы наши церковные деятели!

Повторяю, что я знаю священников — истинных подвижников и добрых пастырей, которые делают все

для своего церковного общества, которые горько оплакивают нашу общую беду и в церковном, и в государственном отношении и спешат организовать около себя приходскую общину. Но такие труженики только редкое исключение, нисколько не влияющее на общую жизнь, на поднятие общецерковного благополучия. Нужно еще отметить, что около всякого доброго пастыря создается немедленно сеть из всяких сплетен и клевет, на борьбу с которыми уходит почти вся энергия самоотверженного церковного деятеля. А источником клевет и интриганства является ближайший его сомолитвенник и "сотрудник"...

Положение церковного дела вследствие всего вышеизложенного создается крайне безотрадное. Что же делать? Какой выход из таких обстоятельств? Выход единственный: необходимо, чтобы все верующие миряне, любящие Церковь Христову, пришли к своим пастырям и научили их церковно-общественной работе, которой пастыри не понимают и которой боятся. После этого обучения пастыри уже не должны забывать этой науки, а делать свое дело со всем должным вниманием.

Приход как юридическое лицо, хорошо организованный, объединивший около себя всех сознательно преданных св. Церкви прихожан, — такой приход — это огромная сила, которая должна возродить Россию и сохранить церковную жизнь. Если не будет прихода, мы вполне бессильны!

Пора приниматься всем за дело, пора забыть нашу бездеятельность и лень — они вполне преступны по нынешним временам!

P. S. Эта заметка была написана мною под влиянием виденного и слышанного в июле месяце во время моих путешествий по матушке Руси. Но в первых числах

августа я посетил свою родную Уфу; должен признаться в ошибке своей: во многих уголках нашей церковной жизни начинается хорошая, сознательная, умная церковная работа. В Уфимской епархии сейчас под руководством преосв. Николая, епископа Златоустовского, будет устраиваться общеепархиальный церковно-приходской союз, чтобы через этот союз епархия могла войти во всероссийский союз приходских общин. Там, где образовались приходские советы в Уфимской епархии, церковная жизнь быстро выросла в смысле подъема церковной дисциплины: в этом отношении, по общему отзыву, узнаваем город Златоуст, где прекрасно работают в церковной жизни "социал-революционеры". К великому сожалению, не налаживается утверждение прихода юридическим лицом, но и это скоро будет радостною действительностью[36].

* * *

Несколько слов о социализме

Я уже неоднократно получал упреки в моих пристрастиях то к социализму, то к старообрядчеству. Упреки раздаются со стороны тех, кто не хочет задуматься над моими взглядами и находит в них внутреннее противоречие. Недавно, уже на Поместном Соборе, один батюшка обозвал меня совсем плохо, а одна газетка — синодальным большевиком. Однако я верю, что если мы друг другу будем оказывать наибольшую любовь и наивозможное доверие, то кроме добра от этого ничего не произойдет, и церковный большевизм — это добродетель, а не порок.

[36] Заволжский летописец. 1917. № 17. С. 465–468.

Большевизм социалистический — это проявление наибольшего насилия; большевизм церковный — это стремление организовать жизнь только на почву Христова учения о том, что больший должен быть как меньший и начальствующий как служащий (Лк. 22, 26). Неужели так преступно не только говорить об этом, но и осуществлять это сверхсоциалистическое учение?

Однако упреки по моему адресу, будто я смешиваю социализм с христианством и будто я изменяю истине, когда проявляю любовь к старообрядчеству, эти упреки не только мне надоели, но и совершенно определенно стали вредить тому делу, которому я хочу служить. А между прочим, я хотел бы послужить и примирению наших социалистов с Церковью, возвращению этих иногда чистых душ в церковное водительство.

Для этого нужно совсем не много!

По моему мнению, нужно только исполнить заповедь Божию о любви к ближнему просто и искренне и социалиста-безбожника, социалиста-кощунника, социалиста-еретика возлюбить как своего ближнего.

Нужно, чтобы проповедники веры и любви веровали и любили сами.

Но что же, все эти социалисты-атеисты, они ближние наши? Это они, кто оскорбляет нашу родину, кто попирает народные святыни? Они наши ближние?

Да, да, отвечаю я: они, эти великие грешники, они наши ближние!

И это не мое мнение, а Того, Кто произнес великую притчу о милосердном самарянине.

Православный русский народ попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его, всю его душу, и ушли. Народ оказался в нищете и темноте, в великой обиде сердечной, нравственно униженным, оскорбленным и со всех сторон обманутым!

И вот священник, увидев израненного и изнемогающего, проходит мимо... Это тема для меня — слишком болезненная: я не могу на ней долго останавливаться.

Также и "левит", быв на том месте, зная тяжкое положение скорбящего и озлобленного, посмотрел и прошел мимо. Левит, гордый, самовлюбленный, в своих глазах непогрешимый, всех презирающий и ни с кем ни в чем несогласный, это был тип, очень близкий к нашим русским самодовлеющим "государственникам" и ученым, и не очень ученым.

И вот русский народ, всеми оставленный, бросился в объятия чужих социалистов!.. И сам стал почти нерусским социалистом!

Кто же виноват в этом? Кто толкнул русских людей в чужие объятия? Мне думается, что виноваты и священники, и левиты. Поэтому мы должны сознать свои ошибки и грехи и врачевать язвы народа своего искренним смирением и готовностью искать новых путей к обновлению нашей русской жизни.

Заграничный социализм нагло обманул простодушных русских людей. Он сделал попытку накормить нуждающихся, но и этого обещания не исполнил. Он дал русским людям фальшивую свободу, свободу разнузданного хулиганства, но не научил свободному труду и чистой радости.

Это должна сделать святая Церковь! Она учительница любви и всепрощения. Она, Церковь Христова, должна идти к социалистам и научить их тому социализму, который есть деятельная любовь церковной общины и который был известен еще во времена апостольские и отразился в самом слове "литургия" — общее дело.

Идеалом же церковной общины, пока недосягаемым для нас, является старообрядческая. Вот нужно стре-

миться к этому социализму, и поскорее всем русским людям нужно выучиться не только говорить красноречивые проповеди, но и служить людям согласно своим словам. Иначе мы на себе испытаем силу слов Христовых: «Горе вам законникам, что вы взяли ключ разумения; сами не вошли и входящим воспрепятствовали». Пора на помощь народу! [37]

* * *

Ответ уфимцам и всей моей братии

Благодарю всех, кто спрашивает меня из Уфы о моем благополучии и о текущих событиях... Отвечаю: я благополучен, но можно ли сказать сейчас это, если у каждого русского человека вся душа изранена? Какое может быть благополучие под пулями братоубийственной войны?

Мы переживаем какой-то кошмар, какой-то личный ужас при виде всего совершающегося. А наша родина, весь русский народ, сбитый с толку, переживает ныне последние недели своего свободного бытия. Кончается одна страница русской истории и начинается страшная другая... Россия, несчастная Россия, — променявшая свою свободу на революционный угар, — вероятно, будет четвертована между Германией и теми союзниками, которым мы, русские, изменили. После этого погибнут наши русские фабрики, обнищают наши рабочие, и мы будем на своей шее возить чужой воз — будем кормить своим хлебом своих врагов.

Все это нам устроили наши большевики, обманувшие народ обещанием мира и земли... Мир мы можем

[37] Заволжский летописец. 1917. № 21. С. 587–589.

купить ценою измены Англии и Франции, но за этот мир мы сейчас же отдадим нашу землю. За немедленный, предательский мир мы продаем свою землю и весь народный труд. Этого не понимают только глупцы и предатели. Но и большевики — только несчастные люди. Сами они обмануты своими руководителями. Их обманули — до безумия; их заставили стрелять в братьев своих. И они стреляли.

На улицах Москвы разыгрывалась диавольская пляска. Вся Москва, голодная, сидела по домам и по подвалам, а по улицам бессмысленно свистели пули по всем направлениям. Гремели раскаты пушечных выстрелов.

Это русские люди громили свой родной Московский Кремль, который уцелел при Наполеоне. Поврежден центральный купол Большого Успенского Собора, разбиты келии Чудова монастыря... А в это время происходили беспощадные грабежи с оружием в руках всего мирного населения.

Кремль и русское честное имя защищали юнкера и офицеры. Защищали шесть ночей и пять дней. Наконец, видя бессмысленное разрушение Кремля, они вышли из него. Можно только теперь, вспоминая о пережитых ужасах, разобраться во всем случившемся.

Напишу только то, что неоднократно проверил. Вот факты.

После сдачи юнкеров в Кремль явились большевики-солдаты и офицеры в русской форме. Эти офицеры (четверо из них) натравливали русских солдат на разрушение памятника Александру II и между собою говорили все время по-немецки. Это были, несомненно, офицеры немецкие!

Вместе с русскими солдатами в русских буржуев стреляли немецкие пленные, которым солдаты дали и винтовки... Так русские мозги усвоили принципы

интернационализма. Можно твердо сказать, что русские мозги — единственные во всем мире.

Были случаи, что стреляли уличные мальчишки... Когда одного спросили, почему и в кого он стреляет, он ответил: «Мне кто-то дал двадцать рублей и винтовку и велел стрелять во всех офицеров; обещал еще прибавить».

Почти все образа, стоящие на улицах, или разбиты, или расстреляны. Разграблен греческий монастырь на Никольской улице.

Так русские люди разрушают свою землю. Они, обученные немецкими шпионами, требуют мира — бесчестного. Может быть, они и купят этот мир и продадут себя в рабство на сто лет, но продадут и русскую землю! Русский нищий народ пойдет в плен к немецкому капиталу.

Пишу я эти строки, и меня душат слезы! Никогда от рождения моего не было у меня такого горя, как сейчас. Когда я хоронил свою родную мать, я не испытывал ничего подобного! Теперь мне приходится переживать гибель народа русского, его позор и грядущую нищету. И я не скрываю, что я плачу горькими слезами: плачу день и провожу безумные ночи бессильного отчаяния... Я уже молчу! Ни писать в газетах, ни говорить на церковном соборе я не могу. Меня раздавило мое горе: это горе — горе русского народа!

Нужно чудо, чтобы прозрел русский народ свою беду. Но как некогда еврейский народ не познал дня своего спасения и не послушал пророков Божиих, а слушался пророков ложных, так и мы, русские люди, отошли от заповедей Божиих и погибаем.

Пусть хоть из моей родной Уфы раздастся голос, что еще не умер здравый рассудок у русского человека, что дорога ему своя земля и своя воля, что не хочет он рабства немецкого! Где наш Пожарский? Где наше спасение?

Стыдно сказать: мусульманская кавказская дивизия жертвует собою, жертвует своею жизнью, защищая русскую землю и понимая, что они защищают и себя, а русские бездельники, потеряв всякую совесть, бегут по домам или стреляют в своих офицеров.

Люди русские! Спасайте родную кормилицу землю русскую! Спасайте себя от горя и нищеты[38].

* * *

О борьбе с современным умопомешательством

Речь преосвященного Андрея, епископа Уфимского, произнесенная 17 декабря 1917 года на собрании Правления приходских советов церквей города Уфы

Простите меня, возлюбленные братие, если моя исповедь, которую я сейчас выскажу, покажется кому-нибудь очень тяжелой, но я не привык быть неискренним. Сейчас вы слышали, было брошено обвинение Правлению приходских советов в большевизме... Простите меня, но на этот упрек в большевизме Правления большевики справедливо могут обидеться, потому что плохо или хорошо, но они дело делают, а у нас и первый состав Правления (32) ничего не делает, и нынешний состав тоже ничего не делает, да еще перессорились между собою... Это на большевизм не похоже! Ведь организация приходской жизни в настоящее время — государственное дело. Что же делает наш совет? Он прежде всего издает постановление об ограде кладбища и о том, чтобы провожать покойников на кладбище с крес-

[38] Заволжский летописец. 1917. № 22. 15 ноября. С. 619–621.

тами... — Вот это начало! Но это начало похоже на издевательство — не правда ли? Далее идут протесты по поводу изгнания Закона Божия из школы... Но ведь эти протесты в воздух лишь успокаивают совесть пишущих, эти никому не интересные протесты, позволяя им думать, будто они что-то делают... Нет, братья, уже если дело делать, то делать... А все наши покорнейшие просьбы в воздух только возбуждают хохот у наших идейных противников! Но русские головы этого не замечают и лишь продолжают покорнейшие просьбы писать... Прекрасное занятие! — И это занятие доселе практикуется везде у русских смиренных граждан.

Так было и на Соборе нашем в Лиховом переулке, в Москве. Между прочим, на Соборе решили обратиться с протестом к Керенскому по поводу изгнания из школы Закона Божия... Я был против этого и остался один со своим мнением, как и часто остаюсь совсем одиноким. Я заявил в общем Собрании Собора, что я глубоко не согласен с этим обращением к Керенскому. Но о моем мнении даже не поинтересовались узнать. Через две недели оказалось, что Керенский очень мило выслушал делегацию от Всероссийского Собора Церковного и сказал, что удовлетворить ее просьбы не может, что дело уже сделано. Да, мы вовсе не привыкли работать, предвидеть предстоящее дело, бороться с ближайшей опасностью. Но пора же начинать! — И нужно начинать с прихода... Около правильно организованного прихода мы можем теперь спасти осколки общественной жизни. — Про государственную я уже не говорю. Она пока вовсе развалилась! — А для этого надо действительно сорганизоваться, а не одни бумаги писать.

Предшествующий оратор сделал мне честь, назвав меня вождем духовным Уфимского церковного общества. Но если так, то мне только как можно скорее нужно уехать на покой в Успенский монастырь и сознаться,

что если мое церковное общество столь мало церковно, то я никуда негодный вождь...

В настоящее время я чувствую себя почти бывшим человеком... Я так устал и измотался за октябрь и ноябрь, будучи в Москве, что точно не живу теперь. Мне все мерещится то разгромленный Чудов монастырь, то разбитый купол Успенского собора, то разграбленная патриаршая ризница... В моей душе совершился какой-то перелом, и я не знаю, что мне нужно сделать для того, чтобы восстановить свои силы, быть прежним патриотом. Но быть патриотом — значит любить свой народ, свое отечество. А народ русский сам отказался от своего отечества, и быть русским патриотом, когда солдаты русские предали свою родину, — это слишком тяжело! Патриоты должны сделаться только церковниками, только служить св. Церкви. И, милостью Божией, молитва не покидает меня. Как патриот я совершенно износился! И устал страшно! Если бы меня спросили наши политические деятели, я сказал бы, что родину я не мыслю без живых людей, без народа. А русский народ ныне обессилен и опозорен, и ему предстоят и еще ужасные страдания. Если этот предательский мир с немцами состоится, то весь русский народ будет закабален на столетия в экономическое рабство! Солдаты наши совершенно не понимают положения. Один из них еще вчера развивал свою теорию, как они думают с немцами жить, как братья; станут после войны отдыхать на германских дачах, а за это отдадут им наши поля. Если этот мир будет заключен — бедствия русского народа будут неисчерпаемы. В этом я уверен и этим тяжко страдаю. Я не могу не любить этих обобранных, одураченных людей.

— Но помочь русскому народу я не могу. — Буду говорить только о своей Уфе. Не все в Уфе я нашел плохим. По милости Божией я нашел здесь один приход с

утвержденным уставом. Это — Ильинский приход. Так вот, братья, прошу вас всех завтра же, слышите: не теряя времени, идите в суд и утвердите ваши приходские уставы... Но этого мало, непременно отнесите на это свои сбережения. Это необходимо! Это дело важности первостепенной. Итак, умоляю вас, возьмите устав Ильинской церкви, переделайте его применительно к вашим церквам и утвердите его, а затем соберите как можно больше денег. Эти деньги необходимы: они никуда не потеряются, останутся вашими, но, оставаясь вашими, они могут много сделать пользы. — Посмотрите, как за последний год работало бедное "Восточно-русское общество" и что оно заработало... Вот соберите средства и устройте какое-нибудь коммерческое предприятие. Не думайте, что подобными коммерческими предприятиями вы унизите церковное общество. Как в древней Руси купцы являлись нашими колонистами и коммерсантами, так и сейчас пусть все делается по приходскому общественному Совету и все будет свято и хорошо. Самый капитал будет работать для того, чтобы прокормить бедняков, а не для того, чтобы эксплуатировать их труд. Без труда человек становится трутнем и загнивает и душевно, и телесно... Труд необходим, но труд с любовью, а не со злобою и проклятием. И капитал необходим, чтобы труд был легче и продуктивнее: иначе это будет труд нищих дикарей.

Итак, организуйте немедленно приходы, завтра же... Женщины-христианки должны быть равноправны в этом великом приходском деле. А то посмотрите, что у нас делается. — Мужчины заняты политическими речами и сплетнями, — это они государство спасают, — а женщины вовсе ничего не делают. Но ведь женщины могут очень много сделать! Так, в Бельгии они, пользуясь правом голоса, провели в парламент исключительно христиан. Этот христианский парламент создали

исключительно женщины! Они провели в парламент таких людей, которые ввели в школы Закон Божий и в полной силе восстановили значение Церкви. Таково значение организованной христианско-религиозной общественности, здорового христианского социализма.

Меня обвиняют в том, что я будто бы мечтаю об отделении Церкви от государства. Да, я не скрываю, что надеюсь на это, но я ожидаю, что в составе нашего будущего правительства вами будут избраны люди честные и религиозные, и если у нас не найдется русских религиозных людей, то будем избирать религиозных мусульман. В день отъезда из Москвы я прочел объявление о том, что русские люди додумались до того, чтобы назвать себя русскими людьми, и собирают великорусский Собор для обсуждения вопросов нашей русской жизни. Дай Бог, чтобы великороссы по славянской привычке не переругались между собой и правильно поставили дело организации русской народной жизни. — Если будут устроены приходы, то выдвинутся и деятели общественные; а если, к сожалению, у нас Русь будет раздираться партиями, то — мы погибли!

К сожалению, и у нас не везде правильно налаживается приходская жизнь. Так, в Бирском уезде не приходы, а союзы духовенства и мирян, то есть уже партии, а приходская жизнь уходит на задний план. Но, главное, мы все-таки остаемся с прежними взглядами в то время, когда надо строить жизнь на новых началах. Новый строй жизни с корнем вырвал все прежние устои нашей общественности, и мы должны изучить новые законы ее, чтобы не быть всегда в хвосте других деятелей.

Революция выдвинула много деятелей, часто преступных, но все-таки деятелей. У нас же много всякой благонамеренности, еще более косности и лености и совсем не имеется настоящих деятелей. Но помните твердо, не забывайте, что если вам дороги Церковь, церков-

ные уставы, семья, семейные устои, то защищайте их. Кроме вас никто их защищать не может. Меня обвиняют мои друзья и в социализме, и в старообрядчестве. Это соединение двух обвинений довольно неожиданно... И я, разумеется, не социалист! Но в старообрядчестве я вижу древнюю русскую общину. Старообрядчество, которое верно донесло до наших дней весь свой церковно-бытовой уклад жизни, способно помочь и нам устроить нашу церковную общину. Эта старообрядческая, или древнерусская, община предупредила западный социализм; она дала пример христианской заботливости о неимущих классах. Это был прекрасный социализм, основанный только на любви. Я и люблю древнерусскую — ныне старообрядческую общину. Она и есть то, что на греческом языке называется *Литургия*, то есть общее дело — на нашем языке; это социализм, но здоровый, основанный на взаимном доверии, — это святая общественность, которую благословляет св. Церковь. По моему мнению, литургия молитвенная никогда не может достигнуть должного значения и напряжения, если не будет сопровождаться литургией в жизни. Нынешний же наш злобный, проклятый социализм и мог вырасти только потому, что у нас была разрушена (императором Петром I) наша церковная, древнерусская община, наша общественность. У нас не было оснований явиться социализму, если бы существовала повсеместно старообрядческая община. Другое дело на Западе. Там он мог вырасти на почве борьбы рабочих с капиталом... А в нашей бедной стране и настоящего капитала-то нет и бороться-то не с чем!..

Но как уяснили себе учение о социализме глупые солдатские головы? Борьбу с капиталом они поняли как борьбу с русской интеллигенцией, которую принялись истреблять... Ну, а когда истребят русскую интеллигенцию, то ее место займет немецкая интеллигенция

и палестинская интеллигенция. Ведь такой дьявольский план разрушения целой страны, какой проводится теперь в России, и придумать трудно! Вы посмотрите на то, как у нас разрушаются все области русской жизни — церковь, школы, городские самоуправления, суды... А далее нас ждет, вследствие оголения фронта, вторжение немцев, голод, тьма (я только что узнал, что погибла вся нефть и керосин) и, наконец, чума, появившаяся в Трапезунде... Те несчастья, которые мы переживаем теперь, это только начало тех неизбежных бедствий, которые на нас обрушатся в ближайшем будущем. И как нам бороться со всем этим? Нам нечем взяться, чтобы начать культурную идейную борьбу. Нужна общественность; без нее мы погибли, нужны деньги, хотя бы для того, чтобы найти агитаторов, способных в деревне разъяснить то, чего мы желаем и к чему стремимся. У большевиков 22 000 агитаторов, из которых каждый получает в год 2,3 тысячи; эти агитаторы распространяют их учение... Нам же необходимы деньги, чтобы хоть несколько человек послать. Это настоятельная необходимость! Ведь настоящая война только начинается... теперь немцы голыми руками заберут у нас богопротивный Петроград и все города вплоть до Москвы... Одна Украина и Южная Русь с казаками поняли истинную опасность от немцев и предательство по отношению к России со стороны продажных русских предателей и изменников, и на юге все вооружаются...

Итак, в деле борьбы с немцами нужны помощники, и вы их дайте, а иначе дело будет плохо... Я хочу назвать два, три адреса людей, к которым можно обратиться за помощью! Идите, организуйтесь! Затем мы сами должны подумать о нашей охране. Ведь теперь по вечерам невозможно безопасно ходить. Идет открытый грабеж днем; убийства совершаются совсем безнаказанно... Надо как-нибудь выпутаться из этого состоя-

ния. Какие-то 30 иностранных насильников Хамкесов и Нахамкесов завладели всей нашей страной! Ведь более унизительного положения и представить невозможно! Ни в одной стране ничего подобного никогда не было! История не знает такого крушения государства, какое делает миру глупая Россия; — разрушаем сами себя! Внутри страны разные немецкие наймиты собрали корпус военнопленных, вооружили их и покоряют Россию! — русские пленники стали хозяевами России. — Это ли не мировое чудо?! Итак, немедленно устройте свою приходскую охрану.

Но иду далее. Как наблюдатель над преподаванием Закона Божия в школе обращаюсь к вам с просьбой, чтобы все приходы взяли все школы своего прихода под свое наблюдение. Приехав сюда, я узнал, что многие батюшки собственными руками разрушили свои же церковно-приходские школы и передали их земству. Бог им судья! Но это страшный показатель того, как наше духовенство не церковно, как оно не дорожит церковностью вообще и школой в частности. Помните же, что приходы должны сами наблюдать за жизнью школы. Перечисляю далее обязанности приходов. В настоящее время учреждено новое и полезное учреждение — это министерство призрения. Но у него нет никаких своих органов для устройства приютов, богаделен, домов трудолюбия и подобных организаций... Поскорее организуйте при приходах приюты для детей и для этого просите у министерства призрения помощи. Но приход мог бы сослужить и еще большую службу в настоящее время; если бы у нас были выборные от приходов, они могли бы столковаться и со сбитыми с толку большевиками. Это — ведь глупые дети, руководимые мошенниками и предателями.

После ужасных бесчинств солдат, когда большевики возили на грузовиках, автомобилях немцев, которым

приказали расстреливать "буржуев", вдруг на солдат, которые вышли победителями из этой борьбы, напал какой-то ужас, и они толпами бежали из Москвы. И раз они испытывают такое состояние души, если у них бывают такие мучения совести, — с ними переговоры возможны. И говорить с ними было бы полезно. Я к ним пошел бы, но ведь я для них теперь лишь "буржуй", и мое слово для них будет неавторитетно. Также и батюшка какой-нибудь успеха иметь не будет. Если бы нашелся какой-нибудь простец, они скорее бы ему поверили; тогда бы явилась и нравственно-воспитательная сила приходских внепартийных организаций. Теперь я еще раз повторяю, что немедленно должны делать христиане в приходах: 1) утвердить свои приходские уставы, 2) организовать охрану наших свободных граждан, ныне свободно ограбляемых, 3) взять на себя заботу и попечение о школах, приютах, домах трудолюбия, 4) заботиться об исправлении нравов путем распространения здравых понятий в народе — прививать здоровые идеи.

Теперь мое последнее слово будет к женщинам-христианкам. В настоящее время разгромлен один из больших женских монастырей. Может быть, пострадают и другие женские обители.

Прошу христианок-женщин обратить на это внимание. Вы, христианки, должны исполнить несомненный долг ваш и обратиться к нашему Святейшему Патриарху, чтобы женские монастыри были защищены от всяких посягательств на их благополучие. У нас, христиан, почему-то женщин больше, чем мужчин (у магометан обратно). Много женщин неустроенных, не вышедших замуж. Так вот теперь за эти годы войны этих невест и вдов остались целые миллионы; а что такое монастырь, как не коммуна христиан? Поэтому христианки должны обратиться с петицией, с требованием, чтобы каж-

дая христианская коммуна-монастырь была наделена землей по количеству живущих в них душ. Печатайте эти петиции и распространяйте их.

Теперь закончу свое слово и расскажу один эпизод, бывший в вагонах под Рыбинском.

Со стороны большевиков во все стороны разосланы тысячи агитаторов, народных развратителей. Но встречаются и благородные антибольшевистские агитаторы. Об одном из них я и расскажу вам. Подъезжая к Рыбинску, ехал один старичок среди толпы солдат. Солдаты говорили между собой о том, что буржуев надо бить. — "Вы разбойники!" — вскричал старичок... и стал защищать буржуев. Солдаты схватили его и хотели выбросить из вагона, как вдруг их остановил один с ними ехавший человек... — "Не позволю трогать невинного старика, — сказал он, — а если хотите его выбросить, то бросьте и меня с ним, а лучше поговорим сначала". — "Да кто ты такой?" — спросили солдаты. "Я такая же дрянь, как и вы, удрал с фронта (пропускаю сильную терминологию, потому что она не подходит к моему сану), такой же погромщик, как и вы. Отец мой был буржуй — нажил землю и деньги; таким же и брата моего сделал! Я не хотел учиться, остался благородным пролетарием и мог только свиней пасти. Когда выросли мы, то отец завещал нам разделить поровну наследство после него; брат взял землю, а я деньги — 6000 рублей. Деньги, конечно, я пропил — велики ли это деньги для хорошего пролетария? А тут на мое счастье война подоспела; пошел я на Карпаты, грабил и воровал, что плохо лежало у мирных жителей. Потом вот с большевиками соединился, потому что все пролетарии должны соединяться... А теперь к брату иду, он буржуй, землю имеет, значит, должен меня содержать во всем; а проживу одно буржуйское хозяйство — дальше поеду... Скажи-ка мне твой адрес", — обраща-

ется проезжающий к солдату, который более всех шумел и подговаривал выбросить старичка...

— Я из Тульской губернии; еду к себе...

— Нет, ты скажи как следует твой подробный адрес...

— Да зачем тебе?

— Я к тебе и приеду. Я что-то слышал, ты говорил, что едешь домой, у тебя земля, пять коров, лошадь?.. Вот я к тебе и приеду... Ведь ты тоже, видно по всему, буржуй. Вот и приду я к тебе не просто, а с паспортом! — И вдруг этот пассажир-пролетарий вытаскивает огромный кинжал: "Вот мой паспорт. Доволен ли, товарищ, пролетарским паспортом?" Когда подъехали к Рыбинску, солдаты у старичка прощения уже просили!

Вот это умелый агитатор!

Этот рассказ — горькая ирония над нашей жизнью. Заканчивая свои слова, я еще раз настойчиво прошу немедленно утвердить уставы ваших приходов, чтобы через месяц это были действительные приходы, а не только куча бумаг у секретаря Консистории. Эти приходы могут бороться с тем массовым умопомешательством, которое мы все наблюдаем вокруг себя[39].

[39] Заволжский летописец. 1917. № 24. С. 685–693.

V. О СТАРООБРЯДЧЕСТВЕ

Святительский призыв к старообрядцам

Преосвященнейший Андрей, Епископ Уфимский, 30-го января *<1917 года>* служил литургию в Саткинской единоверческой церкви. В конце литургии Владыка сказал приблизительно следующее слово (восстановляем по памяти): «В день памяти Великих Святителей Господь судил мне помолиться в Святом вашем старообрядческом храме. В этом вижу указание мне, чем я должен быть и каков я на самом деле. Но если я и недостойнейший из всех старших и младших братьев моих, то все-таки есмь и должен подражать великим Святителям по крайней мере в послушании св. Церкви и несении трудов на ее прославление. Исполняя это послушание, я и ездил по вашим горам и лесам, чтобы помолиться со всеми добрыми христианами, кто хотел этой молитвы и слова назидания. С радостью я молился среди старообрядцев, радовался их уставности, чинности и ревности о спасении.

Воистину, это люди убеждения, люди чистой совести и строгих жизненных правил. Они выносили свои убеж-

дения, выстрадали их и, среди житейских треволнений, донесли древний строй жизни через 300 лет до наших дней. И замечательно: где "православные" живут среди старообрядцев, там и у них более уважения к Церкви, там даже в храме дети стоят скромнее, там более церковного порядка.

Но моя мысль невольно останавливается на старообрядцах, еще не принадлежащих к Церкви. Ах, как мне жаль их, как щемит сердце при сознании, что они близки к Церкви и ради грехов наших (и моих, и моего нерадения) не подходят к ограде церковной; — они несомненно любят, хоть и бессознательно Церковь Святую, Святый град церковный. Они не любят только нас и считают нас грешниками. Много причин их не любви, и во многом они правы; во многом и я не прав: вот не могу выбрать и найти в себе сил, чтобы идти к этим сынам дома Израилева, ушедшим "на страну далече". Недавно мои лошади сбились и повезли меня к ним, в их скиты, а я все-таки не поехал туда, куда меня, может быть, Господь посылал. Но исповедую вам мою любовь к ним. Там вера, там твердое сознание того, во что и как нужно веровать и почему нужно жить так или иначе. Там держат предание и любят его, и защищают его. Поэтому молю Господа, чтобы Он, по милости своей, даровал радость нам видеть их, братьев наших, сильными духом, не только словом, но и чувством, любви к братии, хотя и согрешающей. К сожалению, к великому общему несчастию, *любовь у них оскудела*. Вот это горе страшное! Они помнят несчастия отцов, помнят все страшные неправды и тяжелые гонения, которые претерпели их отцы за свою веру и за свою совесть. Это они помнят и, к общему нашему несчастию, не могут забыть и не хотят забыть. Но они забыли, что и православная иерархия имела не менее их обид и искушений от общего врага рода человеческого (стоит только вспомнить

Арсения Мацеевича[40], святителя Ростовского). И теперь эти обиды, эти гонения еще более усилились, хотя и переменили свой внешний облик.

И теперь мы, все православные христиане, должны бы почувствовать себя братьями, а мы... все разошлись в разные стороны и *все по-своему заблудились*. Только стоит Святая Соборная Церковь и всех зовет: "Покайтесь". И православная иерархия, в лице одного своего великого иерарха, предлагала старообрядцам слово примирения и любви; этот иерарх сделал попытку восстановить общение любви среди русской Церкви. Но получил в ответ только горделивые насмешки. Это грех старообрядческой иерархии; *это ея страшный грех пред Богом*, пред св. Церковью. Из-за этого греха горделивой иерархии будут только погибать вне церковного общения самые ревностные сердца.

Но не хочу никого судить. Я не призван к тому. А призван вас, дорогую мою братию, просить и молить: любите друг друга; помогайте, поддерживайте друг друга, любите все братство свое. Но любите и братий ваших, пред вами согрешающих и не принимающих вашей любви. И о них молитесь, и их зовите в дом Отчий. В частности, передайте им от меня привет по заповеди Божией, скажите им, что ваш Епископ хотя и грешный, но молится об их душевном спасении и ждет от Господа милости, когда все единым сердцем и едиными усты прославим Святую Неразделимую Троицу на полное посрамление врага нашего спасения, который всегда только мешает братскому чувству и сеет разногласие».

---

[40] Митрополит Ростовский Арсений (Мацеевич Александр Иванович, 1697 1772), выступил против секуляризационной политики Екатерины II, за что был предан суду Синода в 1763 году: лишен сана, отправлен в ссылку, затем вновь судим, приговорен к тюремному заточению, умер в каземате Ревельской крепости.

Владыка едва мог окончить это слово, так как слезы душили его; все богомольцы тоже плакали и рыдали. Невольно вспомнилось, как некогда один богодухновенный муж сказал своим ученикам: «Братие, давайте плакать!» И все пролили слезы. Но только разница в том, что тогда плакали каждый о грехах своих, а теперь все плакали о грехах праотцев и горькой 250-летней разлуке в церковном общении со старообрядцами, еще не принадлежащими к Церкви[41].

* * *

На Рогожском кладбище

Газеты уже сообщили, что я был на Рогожском кладбище; по этому поводу уже начали ходить слухи, совершенно извращающие действительное отношение ко мне старообрядческих архиереев во главе с архиепископом Мелетием. Известные круги выражают даже почти злорадство, что мое посещение старообрядческого собора не имело последствий.

Да не смущается сердце чье-либо, я решил написать эти строки.

Я приехал на Рогожское кладбище с преосв. Иосифом[42], епископом Угличским, неожиданным для меня идейным союзником, и единоверческим протоиереем о<*тцом*> Симеоном Шлеевым[43]. Моя встреча со старообрядческими епископами была простая и сердечная; особенно меня обрадовало внимание ко

---

[41] Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 5–6. С. 141–143.

[42] Епископ Угличский Иосиф (Петровых Иван Семенович, 1872–1937), будущий митрополит Петроградский, священномученик.

[43] Симеон Иванович Шлеев, будущий единоверческий епископ Уфимский (1873–1921), священномученик.

мне и к преосв. Иосифу со стороны старообрядческих иереев.

Не могу сейчас точно припомнить, о чем я говорил на старообрядческом соборе в течение получаса, но приблизительно могу сказать, что моя речь имела следующие основные мысли.

Старообрядчество русское заслуживает самого глубокого уважения за свое исповедничество, за готовность умереть, защищая свои убеждения. Оно неповинно в искушении цезаропапизма.

Если бы наши православные миссионеры не испортили в значительной мере дело воссоединения со старообрядцами православия, то это воссоединение теперь было бы несравненно возможнее.

Тем не менее я признаю при изменившихся условиях церковной жизни вполне необходимым для русской Церкви наше полное сердечное примирение со старообрядчеством. Пал цезарь, не стало цезаропапизма — нет главной причины разногласия. Старообрядцы должны идти навстречу и принять братски протянутую им руку; иначе они будут повинны перед Христом и Его правдою. Объединение ни в коем случае не может и не должно быть механическим, внешним. Оно должно быть полным, сердечным, чтобы каждая сторона внесла в общую сокровищницу церковной жизни свой талант и преумножила его.

Старообрядцы должны остаться со всеми своими книгами, чинами, обрядами, со всею своею церковно-бытовою организацией. Они должны многому хорошему научить нас, православных. Мы, православные, должны позабыть все прежние приемы злоречия и хулы против братий своих и дать им благодать любви Христовой, дать им силы забыть все пережитые обиды. Но эти обиды были сделаны не православною Церковью, а мирскою властью, что всегда должны старообрядцы помнить.

В самом искании собственной иерархии старообрядцы заслуживают полного уважения; старообрядцы искали себе архиерея в то время, как православные все далее и далее уходили от своей иерархии.

Теперь ввиду общего врага, крайне усиливающегося безбожия, мы все, христиане, должны быть мудрыми и не упускать ни одной возможности к примирению.

Такова была приблизительно моя речь, в этом же направлении говорили и преосвященнейший Иосиф и о<*тец*> протоиерей Шлеев.

После этого последовал продолжительный обмен мнениями.

Наибольшим препятствием к примирению с обеих сторон признавались многочисленные предрассудки и взаимное недоверие, веками накопившиеся. Миссионеры и ими составленные книжки, с одной стороны, и начетчики с их нетерпимостью, с другой, могут перепортить первые шаги в великом деле примирения.

Один из старообрядческих епископов спросил меня, как я смотрю на Белокриницкую иерархию. Я ответил, что смотрю на нее так, что епископы белокриницкого посвящения если пожелают объединиться со св. Церковью, то могут быть признаны "в сущем сане", как это позволено свящ. Канонами. Но это лично мое мнение, как и нескольких иерархов православной Церкви. Решить же этот вопрос может собор, а с нашей стороны долг — подготовить все к благоприятному решению.

Далее я предупредил епископов Белокриницкой иерархии, что дело примирения старообрядцев с новообрядцами — это дело святое, дело милости Божией и благодати Христовой. А благодать нужно выпросить у Господа в долгой молитве, а это подвиг. Мы, епископы,

должны безбоязненно взять на себя этот подвиг и не смущаться скорбями, которые будут встречаться нам на пути. Много будет недоумений, недоразумений и просто — клеветы. Мы все должны перенести и довести дело до святого конца, чтобы не посмеялись над нами враги Церкви Христовой.

Многие говорят: мы не нуждаемся ни в каком объединении ни с кем... Да, говорят и плохо делают! Святые отцы, строители св. Церкви так никогда не говорили. Они ревновали о славе церковной, они просили и умоляли Господа о мире всего мира и о соединении всех во едино стадо с Единым пастырем.

Премудрость Божия обходит мир и ищет заблудших и не гнушается никаким грешником, а всех вразумляет и всех прощает.

Так говорил я и повторю свои мысли в печати.

После продолжительной беседы в мире и любви поздним вечером весь клир и миряне, бывшие на Рогожском кладбище, меня и преосв. Иосифа проводили домой. Я отбыл от старообрядческих церковных деятелей с глубокою радостью и сознанием исполненного долга; кроме того, я радовался, что в лице новых знакомых, о Христе братии, я видел людей глубоко верующих и христиански настроенных, способных на подвиг любви и великодушия.

В заключение приношу им глубокую благодарность за доверие, которого я вполне не заслужил.

Андрей, Епископ Уфимский[44]

* * *

[44] Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 12–13. С. 308–310.

Открытое письмо к старообрядческим епископам Белокриницкой иерархии

Боголюбивые братья о Христе!

Помолившись Богу и призвав Господа на помощь, начинаю писать эти строки. Молю Господа, чтобы не моя воля была в этом писании, но чтобы Сам Господь за молитвы московских чудотворцев, в град которых мне приходится писать это послание, моему слабому слову дал силу послужить Его вечной правде. Молю Господа и о том, чтобы не только вы, столь ответственные пред Богом за свою паству, но и вся паства ваша почувствовали вместе, единым сердцем, что в моих словах нет никакого грешного намерения, никакого потайного плана. Я ничего для себя не ищу, ни о чем ином не хлопочу, как только о том, чтобы любовь Христова росла и умножалась и чтобы в нашей жизни, в нашем церковном объединении святилось имя Божие. Ради этого я и был на Рогожском кладбище в памятный день 31 мая 1917 года, когда я передал собору Белокриницких епископов письмо от единоверцев г<*орода*> Петрограда с просьбою-предложением объединиться в общей церковной молитве.

На это предложение последовал ответ Белокриницких епископов, на который я ныне отвечаю этим письмом, и должен сказать правду: горько мне было его читать, горько мне было показать его тем, кто в своем легкомыслии не ценит вечного спасения братии своей и не имеет к ним заповеданной Господом любви.

Так мне и говорили: «Отличный ответ! Мы предсказывали, что ваша (то есть моя) затея с посещением Рогожского кладбища кончится таким ответом».

Но дадим себе слово, братие, что не будем обращать внимания на все эти препятствия к исполнению нашего святого дела. Пусть всякие наемные говоруны, злые клеветники, завистники и просто говоруны, только сеющие раздор и разделение, — пусть они делают свое недостойное дело; а мы в любви к Господу будем взирать только на его Пречистый лик и постараемся в чистой совести послужить св. Церкви; постараемся нашу совесть сохранить чистою для Господа. Да, вы правду пишете: «Два с половиною века продолжается этот богоненавистный раскол церковный в нашем отечестве», — и все мы повинны в том своими грехами. Верно и то, что *пропасть велика утвердися между нами и вами.*

Но наша обязанность ныне эту пропасть засыпать, уничтожить. Мы знаем, что вечная и уже непроходимая пропасть утвердилась только между праведниками и грешниками, между добром и злом. А мы — все, конечно, не праведники; все мы — грешники и только надеемся на милосердие Божие, что не до конца прогневается на нас Господь. Поэтому и пропасть между нами, утвердившаяся по грехам нашим, может быть уничтожена; — в это я твердо верю.

О, я твердо знаю и то, что дело это великое и трудное. Нужно преодолеть многие препятствия, нужно уничтожить многие преграды, которые диавол поставит по пути воссоединения к Церкви Православной всех, от нее отошедших и ее хулителей. Но невозможное от человека возможно для всепобеждающей силы Божией. Только мы все должны быть сильны этою силою, все мы должны быть сильны тою любовию друг к другу, которую Господь заповедовал нам.

А вот, братие, вы этой любви и не имеете. Я думаю, что вы ошибаетесь; я думаю, что не только вы сами грешите, но и всю паству вашу во грехе содержите. Я пошел к вам с открытым сердцем, в любви к Богу и к

вам, своей братии. А что вы сделали? Вы и не подумали прийти ко мне! Вы считаете себя такими праведными, что говорите слова евангельские, что "*пропасть велика утвердися*" между нами. Я не согласен с этим. Такой приговор может произнести только Единый Сердцевед и Судия Праведнейший. Вы должны жалеть заблудшихся и вразумлять их. А вы этого не сделали, а только написали ваш ответ. По моему мнению, я и преосвященный Иосиф Углицкий когда пошли на Рогожское кладбище, то сделали истинно христианское дело, и когда епископы Белокриницкой епархии с любовию приняли нас, то тоже сделали доброе дело. А когда эти епископы, вместо ответа делом, ответили только суровым словом и отказом говорить с такими заблудшими, как я, то это не очень свято и не очень угодно Господу.

Простите меня, Христа ради, за эти слова. Правда, вы пишете, что не перестаете молить Господа о мире всего и о совокуплении всех во едину святую соборную и апостольскую Церковь. А я прошу вас, чтобы вы не только молились об этом, но и делали бы то, что требуется для объединения всех в граде Церкви Христовой.

В этом отношении те архипастыри, которых вы порицаете и которых вы не признаете даже и православными (это меня и такого духовного и самоотверженного святителя, как преосвященный Иосиф Углицкий), пошли впереди вас и проявили более любви, чем вы.

Но и вся Церковь святая наша проявила всю свою любовь к старообрядцам, как только жизнь ее освободилась от прямого насилия. В этом отношении мы, православные, подготовили уже почти все, что необходимо для исправления исторических, ужасных ошибок со стороны прежней правительственной власти. И прежде всего обращено внимание на так называемое единоверие или православное старообрядчество в этих вопросах, как и во всех, касающихся старообрядчества, мно-

го и свято потрудились члены так называемого предсоборного совета, бывшего в июне — июле с<*его*> г<*ода*> в Петрограде.

Этот предсоборный совет, отметив высокие религиозно-бытовые особенности быта православных старообрядцев, постановил, что для церковного дела полезно иметь этим старообрядцам свою иерархию, находящуюся в полном братском единении на областных и поместных соборах со всею Православною Церковью русской. Лично я глубоко согласен, что доселе православное старообрядчество было организовано вовсе ошибочно и, лишенное своих епископов, которые имели бы их на своем попечении, — вносило много недоразумений в общецерковную жизнь. К сожалению, были и такие случаи, когда единоверческие приходы, наиболее бедные, не имевшие возможности содержать своих священников, присоединились к ближайшим православным приходам, что даже и поощрялось. Однако теперь есть надежда, что единоверцы будут более дорожить своею церковностью и будут радоваться, видя деятельность своих архипастырей.

Кроме этого решения предсоборный совет постановил единогласно, что необходимо снять клятвы, поскольку они касаются древних обрядов. Лично я думаю, что эти клятвы были наложены только на церковных раздорников, а не на самые обряды, потому что наиболее древние святые образа, все с двуперстным перстосложением, и ныне украшают наши святые храмы; кроме того, никому из православных епископов и в голову не приходило считать под клятвою всех двуперстников, а ведь почти весь Заволжский край, весь Север и весь Урал крестится двуперстно. Ясно, что или собор 1667 года не был признан вполне авторитетным всею русскою Церковью, всем верующим церковным народом, или постановления его нужно понимать как-то

иначе, чем это делают старообрядцы. Но повторяю, что соборные клятвы на старые обряды предсоборный совет решил снять. Таким образом, старообрядцы могут указывать на ошибки прежней власти (и гражданской, и церковной) в отношении к старообрядчеству, но пока не имеют основания упрекать новую церковную власть в невнимании к запросам церковной жизни. Но вот старообрядцы требуют участия восточных патриархов в снятии клятв, а, по моему мнению, это внутреннее дело Русской Церкви и вмешивать в него патриархов, которые могут отнестись к нему только формально, не влагая в него душу, — это значит только осложнять и затруднять все святое дело объединения русских людей в единое церковное стадо на радость Единому главе Единой Церкви, Господу Спасителю. Кроме этого соображения можно добавить, что Патриарх Антиохийский Григорий, когда был в Петрограде, то в служении в единоверческой церкви совершал крестное знамение двуперстно — иначе, он делом указал свой взгляд на этот крест.

Последний упрек, который Белокриницкая иерархия делает Православной Церкви, состоит в том, что «не исполняется богослужебный чин, даже по ее книгам и уставам, служба совершается с пропусками, какими-то отрывками, антицерковным пением (концертным)».

Вот это воистину горе! И хуже всего то, что миряне, простой народ, хоть по привычке, по народным воспоминаниям, еще любит весь уклад церковной жизни, любит св. посты, любит уставное богослужение и пастырей-молитвенников, и постников, а многие пастыри наши, воспитанные на всякой философии, по временам вполне пренебрегают и постами, и церковным уставом, и горем своих прихожан, когда последние жалуются, что у них вместо пастыря доброго Божию службу правит какой-то нигилист, явно ни во что не верующий и ничего не любящий.

Эти же пастыри наши буквально живого слова не могут сказать во спасение скорбящей души — все у них заучено, безжизненно, скучно! Они не умеют и приступить к делу церковному, они просто не понимают его... Да, это горе! Но всем этим и озабочена наша иерархия, которая главною своею целью поставила за последнее время отыскать добрых церковных деятелей, пастырей ревностных, преданных церковному делу и соблюдающих церковные уставы. Мое личное мнение таково, что в настоящее страшное для Церкви время, если бы старообрядческая иерархия пошла навстречу воссоединению с иерархией православной, то она много послужила бы сохранению церковного строя на святой Руси. И великий грех старообрядческие иерархи примут на свои души, если они не только не уравняют пути к воссоединению старообрядцев с православными, но вместе с нашими печальной памяти миссионерами будут стоять стеною или пропастью между этими двумя близкими по духу церковными обществами.

В заключение я скажу, как я находил бы возможным установление молитвенного взаимообщения и примирения между православными и старообрядцами. Все дело во взаимном стремлении к любви Христовой, к установлению церковного единения. Поэтому обе стороны должны идти навстречу друг другу, то есть все подготовить к объединению, а потом — буквально выйти навстречу друг другу. Иерархи Белокриницкой иерархии должны идти великим крестным ходом в святой Московский Кремль, к московским чудотворцам, а навстречу им из Кремля со всеми святыми древними образами должны идти всем собором иерархи православные. Встретившись на Красной площади, все участники обоих крестных ходов падают в землю друг другу и взаимно испрашивают друг у друга прощение за вольные и невольные двухвековые прегрешения. И верю и исповедую, что Сам Господь с высоты небесной благословит это взаимное всепрощение и по-

шлет Свою благодать, и в слезах неземной радости святая Русь начнет новую жизнь. После взаимного братского лобзания старообрядческий первосвятитель совершит Божественную литургию в Архангельском соборе с епископами Андреем Уфимским и Иосифом Углицким, а первосвятитель новообрядческий — с двумя епископами старообрядческими будет литургисать в Успенском соборе. Все это должно произойти в согласии со всем верующим народом обеих сторон. Весь народ должен участвовать в радости этого торжества единым сердцем, хотя внешний обряд будет во многом различаться. А потом мудрость объединенной иерархии должна на общих соборах (может быть, на многих) через общие молитвы объединить все свое стадо церковное и в обряде; и да даст нам всем Господь ту любовь к церковным обрядам, которую имели и сейчас имеют ревностные хранители Церковных преданий русские старообрядцы.

Братие-святители иерархии Белокриницкой! Простите меня, что беспокою вас этим письмом, но совесть моя в нынешние ответственные дни требует от меня слов и дел, а не только благонамеренного молчания. Прошу же вас и умоляю вас именем Божием, кланяюсь вам и прошу вас: во имя любви Христовой будьте выше привычных взглядов и мнений, сами забудьте и паству вашу убедите забыть всякие пререкания и обиды и постарайтесь соделать всероссийскую и даже вселенскую радость, постарайтесь совершить объединение Церкви православной со старообрядцами.

Да укрепит Господь вас на этот великий подвиг. Прошу ваших молитв обо мне грешном.

Епископ Уфимский Андрей[45]

* * *

[45] Заволжский летописец. 1917. № 22. 15 ноября. С. 635–637.

О древнерусском пении

Слово, произнесенное преосвященным Андреем, епископом Уфимским, 28 декабря 1917 года в Крестовой церкви

Братья мои! Вы, конечно, замечаете, что вот уже третий раз в этом храме совершается божественная Литургия не по привычному для нас уставу. Это и есть русский церковный древний патриарший устав, по которому молились наши отцы и великие Московские святители Петр, Алексий, Иона, Филипп — митрополиты Московские, святители Гермоген, Гурий, Варсонофий и Герман. Сначала Бог привел меня случайно, по просьбе старообрядцев, участвовать в подобном богослужении, а теперь я захотел и Вас познакомить с этой службой и с моими впечатлениями от нее.

За последнее время мне не раз приходилось выслушивать мнения относительно древнерусского церковного пения. «Какое скучное пение! под него можно разве только спать!» — говорят многие. И пусть они спят, скажу я, — пусть спят все, кому неинтересны содержание и смысл церковной службы. Но еще лучше сделали бы те, кто так говорит, если бы спали дома и даже вовсе ушли из церкви. На это обвинение я могу лишь сказать: богослужение и звуки церковные созданы не для развлечения и не для увеселения. Идти в церковь Божию для развлечения — это уже прямо святотатство... И несчастия-то все наши, которые все мы переживаем, и произошли оттого, что мы перепутали все церковные представления и забыли, для чего, собственно, установлена церковная служба. Посмотрите только, какое пение совершается в наших церквах! В каждой церкви поют различно, в одной так, в другой иначе, в третьей еще по-иному. В одной церкви поют

"Херувимскую" Чайковского, в другой Бортнянского, в третьей поют нечто такое, что и разобрать ничего нельзя. Мне лично приходилось, например, в одной церкви слышать такую херувимскую: "Иже херувимы, тайно образующие — отложим попечение".

Нет, братья! Церковное пение — это святыня, оставленная нам святыми отцами. Эти святые звуки должны не услаждать, не увеселять молящихся, но содействовать их молитвенному настроению. А что касается развлечений, то их сколько угодно можно найти вне церкви, хотя бы на катке около собора, где играет музыка во время богослужения.

Нет, Церковь создана не для увеселяющего пения и не для развлекающих звуков, а для подвига и слез молитвенных. Пение должно не увеселять, но укреплять нас в несении нашего креста. Кроме того, *церковное пение должно нас всех церковно объединять*. Не напрасно ведь мы молимся "едиными усты", и пусть и пение наше будет единообразное, а не самочинные напевы Бортнянского, Чайковского и т<*ак*> д<*алее*>.

Мне скажут, что это мелочи, пустяк, что не все ли равно, какое будет у нас пение... Но нет, это не мелочи. Самый упадок веры нашей оттого и произошел, что на всю церковную жизнь стали смотреть как на мелочь, а потом этой мелочи перестали придавать значение. Стали смотреть на церковную службу как на развлечение, а вследствие этого все в нашей жизни и развалилось, ибо не осталось в ней ничего святого. Но повторяю, что эти звуки молитвенные должны нас объединять со святыми отцами, которые нам их после себя оставили. Еще возьму разительный пример: наш октоих, по которому совершается почти все наше богослужение, нам оставил после себя Преподобный Иоанн Дамаскин; но наши современные регенты и не думают с этим считаться, и наши хоры почти вовсе не знают гласового пения.

И служба наша, перестав быть уставной, перестала нас объединять друг с другом и со святыми отцами, которые молились по этим гласам и завещали их нам.

Еще раз повторяю, церковное пение должно не увеселять и не развлекать нас, но воспитывать в нас святое чувство, которое спасало святых отцов и всех ранее нас живших братьев наших; оно должно объединять нас, делать нас одной церковной семьей. Сегодня мы не выполнили в точности этого древнего патриаршего устава, и некоторые из вас заметили, братья, конечно, что я и сам не вполне твердо его знаю. Но вы-то и вовсе его не знаете! Так, при пении "Приидите, поклонимся Христу" и при пении Трисвятого нужно делать три поклона, а вы вовсе их не сделали, потому что у нас это считается за пустяк, за мелочь... Как будто можно их сделать, можно и вовсе не делать. Но если бы вся церковь вместе со своим архиереем делала установленные поклоны, то в этих общих поклонах все верующие объединялись бы со своим архиереем и друг с другом и со святыми отцами, установившими для нас эти поклоны. И я, молясь с вами, не был бы одинок в моей молитве; вы этим единообразием в обряде как бы исповедовали свое единомыслие и единочувствие и взаимно друг друга поддерживали в молитве. Но мы все это забыли, считая это пустяками.

Далее, — это богослужение находят слишком продолжительным. Но ведь вся наша молитва должна быть продолжительна, как сама жизнь. "Непрестанно молитесь, да не внидите в напасть". А мы укоротили и изменили церковное пение, сократили весь устав, многие забыли дорогу в храм Божий, и вот — вышла у нас только одна напасть. Наконец, находятся люди, которые называют уставное древнерусское пение мужицким!.. Но каким образом могло появиться такое мнение, эта ужасная дерзость по отношению к народу нашему? В появлении этого обвинения и таится вся причина беспорядков

нашей современной жизни. Это мнение могло появиться 200 лет тому назад, когда при Петре Первом новое итальянское партесное пение было введено сначала при царском дворе, а оттуда стало распространяться и в другие церкви; московское святоотеческое пение стали мало-помалу забывать, а вместе с тем — жизнь церковная стала расстраиваться, а ныне вовсе развалилась, и остался народ наш только со слабыми воспоминаниями о своем прежнем уставном богослужении, а ныне этот народ, всеми оставленный и всеми покинутый, представляет из себя ту толпу, которую мы все теперь наблюдаем. Одни только старообрядцы сохранили свою жизнь по старому укладу и, несмотря на оскорбления и притеснения и явные гонения, которым подвергалась их Церковь со стороны русского правительства, донесли неизменным старинный церковный устав до наших дней. А этот устав сохраняет всю жизнь старообрядцев почти не затронутой современными беспорядками.

Итак, не скучайте же, слушая древние простые церковные напевы; помните, что это пение спасало прежнюю мужицкую Русь.

Вот если бы ныне наши интеллигенты пошли в народ, отыскали бы теперь в сердце народном, несмотря на его преступность, тоску по правде Божией, если бы поделились с ним своей ученостью, а у него сами многому поучились, было бы для всех полезно!

А в настоящее время что же мы видим?

Сам народ гонит от себя своих же учителей-интеллигентов, потому что не понимает их. А если бы интеллигенты пошли в народ, то и народ бы спасли от той неправды, которой нас заразили нерусские люди. Аминь[46].

* * *

[46] Заволжский летописец. 1917. № 24. 15 декабря. С. 693–696.

Слово преосвященного Андрея в кафедральном соборе Уфы 4 февраля 1918 года

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Братие мои дорогие!

Сейчас я начинаю свое слово с большим волнением, потому что душа моя преисполнена столькими чувствами и воспоминаниями из русской истории, что я не знаю, с чего начну и что буду говорить. Вы сегодня слышали те звуки молитв, которые некогда украшали Кремлевские Соборы. Под эти звуки молились великие иерархи русской земли: Петр, Алексий, Иона и Филипп, митрополиты. Можно сказать, что звуки эти созданы были Московскими Кремлевскими храмами. И вот они раздаются у нас! Мы слышим их в этом святом храме в исполнении наших особых гостей, которые приехали из разных углов Златоустовского уезда. Они приехали к нам, чтобы доказать нам свою любовь и помолиться вместе с нами... и подумайте... за 200 лет это случилось в первый раз. Что же заставило их поехать к нам? Кто заставил их пропеть у нас литургию и разделить нашу молитву. Наша с вами любовь. Помните твердо, что никто в мире, никакая наука, никакие теории не могут объединить грешное человечество — только одна любовь объединяет людей! Две недели назад я просил вашего разрешения пригласить их к нам, и получив его, я послал к ним приглашение от вас, на которое они и приехали. Таким образом наша с вами любовь привела их сюда. И вот за 200 лет в первый раз древнерусское пение огласило православный Кафедральный собор.

Благодарю же вас за то доверие ко мне, которое вы мне оказали, разрешив их пригласить, благодарю за любовь вашу к ним. Но многие из вас, я знаю, смущены. С недоумением они спрашивают: «Каким это образом могло случиться, что в православном храме стало раздаваться старообрядческое пение?» Но ведь это то самое пение, под какое молились Московские святители, в их сонме и митрополит Филипп, частица мощей которого имеется в этом храме. И я верую, что в эту минуту святитель Филипп благословляет нас с вами.

Но вот вам и другое великое нравоучение из прочитанного за этою службою Евангелия (Лк. 19). В нем повествуется о посещении Господом Закхея — мытаря, который был начальником над заведомыми грешниками. И гордые в своем высокомерии евреи, не понявшие любви Христовой, роптали, смеялись и осуждали Спасителя за посещение Закхея — мытаря-грешника. А этот грешник сказал: *«Се пол имения моего, Господи, дам нищим и аще кого чем обидел, возвращу четверицею». Рече же к нему Иисус — яко днесь спасение дому сему бысть.*

Что же мешало гордым иудеям оценить этот поступок Иисуса Христа, который проходил перед их глазами? Им мешали предрассудки религиозные... Эти-то предрассудки и теперь часто мешают нам оценить великие происходящие перед нами события так, как они заслуживают. А чтобы нам не ошибиться, я дам вам совет. Для проверки ваших суждений всегда берите св. Евангелие. Только оно одно и поможет вам узнать правду.

Но перед нами теперь вовсе не грешники-мытари, а старообрядцы. Перед нами — братья наши, забытые русской иерархией. По отношению к ним была совершена великая историческая неправда!.. И какова же

моя радость видеть их здесь! Благодарю же еще раз вас за доверие ко мне и за любовь вашу к ним. Я не на воздух терял свои слова, когда спрашивал вашего разрешения пригласить их, и рад, что получил его, иначе я и пальцем бы не пошевельнул для того, чтобы пригласить их, ибо стараюсь помнить о своих архиерейских обязанностях более, чем о правах.

Теперь я перехожу к чрезвычайно трудному для меня вопросу... Я в некотором роде хочу сейчас исповедать перед вами мою веру. Сегодня мы молились с вами по тем самым старым книгам, по которым молились Московские святители и Казанские святители — Гурий, Варсонофий и Герман — первые просветители светом христианского учения здешнего заволжского края. Они, несомненно, молились по этим древним книгам и крестились этим двуперстным крестом. Так было до времени патриарха Никона, который решил исправить богослужебные книги. Цель была хорошая, но исполнил он свое намерение очень нехорошо — он захотел в церковной жизни проявить свою собственную архиерейскую волю и свой личный архиерейский разум. Он начал церковную жизнь реформировать нецерковным способом и проявил свой архиерейский произвол и свое архиерейское самовластие. Случилось это от того, что патриарх Никон презрел мнение своей паствы. Часть этой паствы пошла за ним, а другая, лучшая часть, более сильная духом и более проникнутая свободной национальной культурой, за ним не пошла и сказала так: «Ты, может быть, прав, но ты проявляешь гордыню, и мы за тобой не пойдем». Так началось тяжкое недоразумение между патриархом и паствой; так появились зародыши раскола. Никон скоро начал понимать свою ошибку, и можно думать, что хотел ее исправить, но тут вмешался авторитет царской власти. — Царь Алексей Михайлович вме-

шался не в свое дело и силою своего авторитета поддержал ошибки Никона, и дело умиротворения сделал почти невозможным. Но окончательно погубил церковное дело на Руси император Петр I, уничтоживший патриаршую власть и подвергший Церковь неслыханным оскорблениям.

Наша интеллигенция все время говорит о культуре, о необходимости всяких свобод — слова, печати, личности и т<*ак*> д<*алее*>. И вот этой-то культурой и свободой слова, свободою личности и религиозных убеждений и отличалась именно та часть русского общества, которая не пожелала идти за Никоном и за это пострадала от самовластия царского и архиерейского. Эта часть русского общества была самою свободолюбивою, независимою и культурною, но культурность ее была всецело национальная.

Под влиянием Петра I образовалась русская интеллигенция, она откололась от народа и подпала под немецкое влияние. Церковная же иерархия подпала под влияние греческое. Таким образом, русские люди, не пошедшие за Никоном, остались совсем одни... Русские старообрядцы по-прежнему продолжали исповедовать, как и раньше, свободу совести и полную свободу церковной жизни, но при этом вся древнерусская жизнь была освящена и украшена и твердо скована Христовым церковным законом и ограждена от распущенности. Все наши нынешние свободы — свобода совести, религиозных убеждений, печати, личности и т<*ак*> д<*алее*> вполне укладывались в древнерусской церковной жизни. Для каждого была свобода исповедовать свою веру, свобода правдивого слова, свобода сказать всякой мирской власти правду... И в то время не было никакой свободы для нравственной распущенности. Всякое преступление наказывалось по закону, и свобода никогда не смешивалась с преступной распу-

щенностью. Так, за правду, за свободу родной жизни раскольникам приходилось страдать и в далекой Сибири, и в Архангельске... И теперь этот прекрасный свободолюбивый искренний русский быт кое-где сохранился в разных уголках нашего отечества — в Златоустовском уезде, в Вологодской губернии, в Сибири... Я не знаю, воскреснет ли наша прежняя святая, а ныне преступная Русь. Но я верю в то, что она воскреснет, если хоть сколько-нибудь будет подражать древней Руси, если будет подражать нашим старообрядцам.

Будем же стремиться к этому. Прежде всего начнем немедленно объединяться в молитве, а для большего объединения будем и поклоны класть единовременные уставные, а не случайные, будем молиться едиными устами и чувствами, чтобы на самом деле составлять одну любящую дружную благодатную семью, начнем пока с этого немногого, и, если с Божией помощью у нас это дело пойдет, мы послужим возрождению духовному и гражданскому нашего общества. Мы забыли о церковном общении, растеряли многое, что имели. А старообрядцы стоят, как столп на камне, и, привыкнув переносить всякие гонения, переживут и эту бурю.

Итак, все вместе начнем строение Русской культурной общественной жизни, и пусть этот день 4-го февраля 1918 года останется для нас историческим памятным днем нашего объединения... А теперь позвольте мне от нашего имени поблагодарить наших гостей за их приезд и за их участие в сегодняшнем богослужении[47].

* * *

[47] Заволжский летописец. 1918. № 2. С. 41–44.

О воссоединении со старообрядцами

Доклады преосвященного Андрея, епископа Уфимского, Поместному Всероссийскому Церковному Собору

I

Почитаю своим долгом доложить Церковному Собору те сведения, которыми я располагаю о возможности великой радости в жизни Русской Церкви — о воссоединении старообрядчества в Единой Святой Соборной Апостольской Церкви. С августа месяца 1917 года я вел по этому поводу переговоры с одною из главных ветвей русского старообрядческого раскола, и все руководители этого согласия единогласно утверждают, что главная причина их пребывания в отделении от "никониан-ской" Церкви — это клятвы Московских соборов 1653 и 1667 годов. Они считаются не с Синодским толкованием этих клятв, а с подлинным их соборным текстом и с болью считают под клятвою не себя, а "никониан", которыми эти клятвы неправильно наложены. В видах общецерковной пользы я и полагаю, что нынешний Поместный Собор должен великодушно стать на точку зрения наших старообрядцев и должен снять эти клятвы как потерявшие при всяком их толковании всякий смысл. Этим актом будет сделан великий шаг к примирению старообрядцев со св. Церковью: этим решением нынешний Собор увековечит свою память и свои деяния, и воссоединение старообрядцев со св. Церковью пойдет уже без больших препятствий. В противном случае наши старообрядцы, сильные духом и сознанием того, что они свято сохранили, несмотря ни на какие

гонения, древнеотеческую русскую старину, навсегда отойдут от "новообрядческой" Церкви, и Единая Святая Соборная Апостольская Церковь лишится великой радости иметь наших религиозных и боголюбивых старообрядцев в числе верных своих чад.

II

Поместному Всероссийскому Собору среди других важных вопросов предстоит решить вопрос об устроении церковной жизни среди единоверцев. Этот вопрос, очень значительный сам по себе, приобретает особое значение, потому что с ним связан вопрос об отношении вообще всех старообрядцев к Православной Церкви.

Три решения могут быть в решении этого дела: 1) оставление единоверцев вовсе без Епископа, то есть продолжение к ним той же несправедливости, какую они терпят ныне; 2) дарование им епископов викарных, неспособных по своему положению проявлять собственной инициативы в церковном строительстве; 3) учреждение единоверческой иерархии самостоятельной, с самостоятельным управлением, подчиненным только Всероссийскому Церковному Собору.

Я усерднейше прошу Поместный Собор принять последнее решение при всех неудобствах, которые для иерархии "новообрядческой" могут встретиться в жизни. Но эти неудобства будут сугубо возмещены процветанием церковной жизни как среди единоверцев, так и среди старообрядцев вообще. Самое незначительное внимание со стороны православной иерархии к старообрядцам, не избалованным этим вниманием, вызывает в них самые горячие ответные чувства благодарности и любви ко св. Церкви. По возвращении с Собора в декабре месяце 1917 года я начал еженедельное служение

литургии в Крестовой церкви по старообрядческим книгам, и только это одно обстоятельство вызвало в Уфимских старообрядцах всех согласий такую радость, что многие главари беспоповчества вместе с поповцами подали мне заявление о желании воссоединиться с Православной Церковью. Если же православным старообрядцам будет дана иерархия, способная проявлять творческую инициативу в церковной жизни и в глазах старообрядцев свободная от подозрений в своей преданности древнему благочестию, то в ближайшее время раскола старообрядческого более не будет — он весь примет православную старообрядческую иерархию и воссоединится чрез нее с Православною Церковью, об этом открыто говорят даже беспоповцы. К этой же старообрядческой Церкви присоединятся и епископы Белокриницкой иерархии, которые ныне искренне приветствуют мысль об учреждении самостоятельной иерархии.

Все вышеизложенное и дает мне мысль настоятельно просить Всероссийский Поместный Собор в целях церковного мира и расцвета Православия учредить самостоятельную Единоверческую иерархию. По моему мнению, иного Соборного решения даже быть не может — так очевидна величайшая польза для св. Церкви от учреждения этой иерархии[48].

[48] Заволжский летописец. 1918. № 2. С. 52–53.

VI. 1918 год

Призыв ко всем пастырям Уфимской епархии и к разбежавшейся пастве

Прошу и умоляю именем Божиим всех пастырей Уфимской Епархии немедленно собрать всех своих прихожан, кто не отрекся от Христа и Христовой Церкви, и всех их переписать в приходскую книгу. — Кто не исполнит моей епископской просьбы, того считаю недостойным пастырем, не понимающим своих обязательств пред Богом и св. Церковью. — При этом прошу насильно никого не вносить в приходские списки. Насильно нельзя загонять в Церковь Христову. Напротив, нужно сказать всем, что оглашенные и сомневающиеся должны уйти из ограды Церкви Христовой. После составления приходских списков в каждом приходе нужно отслужить общенародный молебен к Пастыреначальнику нашему Господу, и пусть прихожане дадут в храме Божием пред Крестом и Евангелием торжественное обещание во всем друг другу помогать и друг друга поддерживать по Заповеди Христовой. Всякий отвергшийся от Господа и его св. Церкви, всякий оскорбитель

храмов Божиих по заповеди св. Апостола Павла — анафема да будет! Когда будет исполнено все это, тогда пусть все приходы без исключения составят церковно-приходские советы для охраны собственного народного имущества от всяких грабителей, от всякого греха, и пусть каждый приход, каждое село и каждая деревня составят свои церковно-народные советы под руководством пастырей, чтобы вся жизнь наша была основана на общем разуме и общем совете и чтобы нашим разумом руководил сам Господь, основавший свою Святую Церковь. Я прошу, чтобы у нас во всей Уфимской Епархии все церковные приходы устроились так, как живет в Уфе приход Ильинской церкви (устав этого прихода напечатан в "Уфимских Епархиальных Ведомостях" и имеется у каждого священника).

Умоляю всех, кому дороги заповеди, умоляю всех, у кого есть совесть, делайте немедленно то, о чем я пишу, иначе вся Уфимская губерния весною будет полна горя и слез, будет полна преступлениями и злобою. А за всякое зло и преступление придется всем нам нести Божие наказание.

Итак, прошу пастырей начать эту работу, а если они чувствуют, что не способны ее выполнить, то пусть честно передадут ее в другие руки, в руки честных верующих-мирян. Иначе над нами будет тяготеть приговор Божий: «Горе вам, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете» (Мф. 23, 10).

Будем помнить слова Божии, сказанные пророку: «Блуждают овцы Мои по всем горам и по всякому высокому холму и по всему лицу земли рассеялись овцы Мои, и никто не разведывает о них и никто не ищет их... За то пастыри выслушайте слово Господне. Так говорит Господь Бог, вот я на пастырей и взыщу овец Моих от руки их» (Иезек. 34).

Итак, горе нам, пастыри, если и мы заслужим от Бога такой же приговор! Идите же и пламенным словом своим собирайте в Церковь Христову запуганных духовных чад своих, идите в народ и собирайте овец своих в приходские церковные семьи, устраивайте немедленно приходы по указанному мною образу и собирайте своих разбежавшихся духовных овец в Единое Христово стадо. Собирайте их для того, чтобы их объединить, для того, чтобы научить церковной жизни и сделать сильными, собирайте их для того, чтобы они поняли, что такое Церковь Христова, и чтобы возрадовались духовною радостью и возблагодарили за нее Господа. Аминь[49].

* * *

В дополнение к призыву...

Деревенские впечатления[50]

За последнее время я перестала узнавать тот простой народ, среди которого выросла и которому служу в качестве учительницы. Желая узнать настроение крестьян в моей родной деревне в Уфимской губернии, я отправилась туда, желая лично поговорить с теми мужиками, которых я знала и любила с детства.

---

[49] Заволжский летописец. 1918. № 1. С. 4–5.

[50] Эта статья принадлежит не владыке Андрею; автор ее — сельская учительница Уфимской губернии. Но ее статья или письмо, помещенное в том же номере журнала после речей и статей владыки Андрея, является их ярким дополнением, как нельзя лучше отражая то страшное положение, в котором оказался русский народ и в котором он продолжает пребывать доныне.

В своей деревне я нашла уже возвратившимися всех "защитников отечества". Но о переживаемых событиях я разговаривала в большинстве случаев не с ними, а с их отцами-стариками, голов которых не коснулся большевистский хмель.

— Старички, знаете ли вы, мои родные, что России уже почти нет, что она если не умерла, то умирает, что мы сами хороним ее в своей братоубийственной бойне, в грабежах, пожарах?

— Ох, знаем, доченька, знаем! Чуем, что достукались до великого горюшка! — отвечали мне со слезами на глазах мужики.

— Да как же вы можете говорить это? — в страшном изумлении закричала я, — да почему же вы не спасаете, не спасли ее? Ведь она ваша ведь Россия — это вы, ваши дети, внуки!.. Да можно ли допустить это?

— Не знаем мы, матушка, как спасать, не знаем, за кем идти! Не знаем, кому верить, давно потеряли правду! Ну, скажи нам, кому верить? — обратились они ко мне. — Кому ты сама веришь? Кто бы ни приходил к нам, каждый друг дружку ругает, ох, ругает шибко! И нет в них ни в ком правды! Сбили нас с толку, оратели проклятые!.. — постепенно завладевал речью самый серьезный, самый любимый мною мужик.

— Ну, скажи ты нам, ради Христа, кого за эти 8 месяцев они не заплевали? Чье имя оставили так без ругани? Тьфе, стервятники, без вина сделались пьяными и только и делают, что лаются! — он начинал сердиться, голос его стал дрожать от волнения.

— Вы пропадете, а мы — солдаты уже пропали! Вот я солдат! — выступил вдруг крестьянин лет 30. — Я пропал! Я не знаю, где правда. Я хотел жизнь отдать за родину, да и не я один, пошел в батальон смерти, пошел с Корниловым — его назвали изменником, а ударников — врагами отечества. Пошел с Керенским — его

объявили черносотенцем и врагом народа! Ну, что же я теперь, раз я не знаю, где правда? — с тоской, с явным страданием в лице и голосе говорил этот солдат.

— Да, Машенька, родная наша! — заговорил, обращаясь ко мне, первый мужик. — Да если бы мы знали, куда ее — правду-то спрятали да как найти ее, так неужели бы мы только разговоры разговаривали, неужели бы мы дали этим стервятникам растаскивать Русь-матушку да обманывать нас темных! Ведь сколько обманутых-то, мильоны!

— Они — политиканы-то эти, социалисты разные, для своего кармана только работают, а на нас плевать хотят, — безапелляционно заявил мне солдат в вагоне, — натравили нас друг на дружку да смотрят, как мы грыземся! А что будет из этого, только Богу известно, да и забыли мы Его. Вон приезжают теперь молодчики-то наши, "защитники отечества", так те только научились кричать: "свобода совести, а потому — долой иконы, долой богов". Курить сядут в шапке в переднем углу, а матерщина так и висит в воздухе. Послушай-ка хоть здесь в вагоне, — обратился он ко мне, — два слова только забыли русские люди: "Бога" и "родину", — ан вот и гибнем... Да так и надо! Собаке собачья смерть! — совершенно озлившись, закончил солдат.

Итак, русский народ, то есть солдаты наши, как будто изменили самим себе, правде Христовой и ринулись за шайкой сумасшедших, именуемых народными комиссарами. Как это произошло? Кто в России знает и понимает этот ужас?

Я не знаю, в силу чего произошла эта перестановка нравственных понятий у русского человека, и страдаю от этого и пишу, потому что силушки нет молчать! С каких пор Ленин и К° стали дороги русскому солдату? Знал ли их русский солдат 8 мес<*яцев*> назад? Любил ли их?

Да он, этот Ленин, столько же дорог нашему солдату, сколько мне китайский богдыхан! И тем не менее они идут

за ним, идут, послушные его веленью, разгоняют Петроградскую Думу, убивают Духонина и множество офицеров, разгоняют свое же, веками жданное и выстраданное Учредительное Собрание, расстреливают свои храмы...

Это ужасный сон, от него страдает и сам народ, по крайней мере, целиком та его часть, которая не одета в шинели и не переименована в "товарищей".

Но где же причина этих ужасов?

Ведь не социализм же дорог нашим мужикам, солдатам. Кажется, это ясно. Безусловно, что теории Маркса остаются для него чужды и сухи. Нет, что-то другое, что-то ужасное сгустилось над Россией. Что же? Ответ один, и ответ не мой, а тех мужиков, за которыми я наблюдала в родном селе, на базаре, на станции, в вагонах: «Над Россией тяготеет великий провокационный обман!» Он повис над русской жизнью, окутал русские мозги и затуманил, притупив здоровое чувство правды, русское сердце.

1918 года 10 января
М. Осипова[51]

* * *

Речь епископа Андрея на собрании Восточно-русского культурно-просветительского общества 11 января 1918 года

Братие! Я уже вас предупредил, что сегодня я не могу быть красноречивым и потому прошу простить мою нескладную речь.

[51] Заволжский летописец. 1918. № 1. С. 22–24.

Полтора года назад на открытии этого Общества я сказал речь о печальных последствиях русской некультурности и о лучшем будущем в этом отношении. Теперь я опять готов повторить те же самые мысли. Все горе, вся беда нашей жизни как прежде, так и теперь зависят вот от этой нашей некультурности. Более того, наше настоящее ужасающее положение, которое мы теперь переживаем, зависит от некультурности нашего великорусского племени. Раньше оно завладело более культурными окраинами и не только ничего не сумело им дать, но лишь позволяло своему некультурному правительству разрушать их же культуру. Отсюда ненависть всех наших окраин к нам и их стремление отъединиться от нас. Наглядно эту их ненависть мы видим теперь, когда революция освободила из-под нашей опеки все народности. Так, православная Грузия спешит от нас отделиться. В былое время мы положили руку на Польшу, страну более культурную, чем Россия... Польша теперь заявляет протест против нас, хочет быть отдельным от нас государством; также Финляндия, Сибирь, Кавказ, даже Малороссия. Почему все это? Да только потому, что мы, будучи не культурны сами, умели лишь разрушать чужую культуру. В настоящее время мы, великороссы, остались в своей традиционной некультурности и расплачиваемся за наши "режимы" и "прижимы". В настоящее время мы уже разрушаем свою собственную культуру.

Некогда великая по своему объему Россия теперь распалась на несколько отдельных республик. Соберется ли она когда-нибудь воедино?.. И не будет ли она отодвинута от всех морей? И мы, русские, останемся ли самостоятельным народом, или в ближайшее полугодие страна наша сделается только прусскою провинцией и наша "передовая" демократия будет управлять не Россией, но немецкими колониями.

Да — я твердо уверен, что если мы не сумеем в ближайшие же месяцы справиться с теми ужасами, которые дал нам большевизм и прусские наймиты, то те господа, которые ныне разоряют наше отечество, сделаются русскими губернаторами, и тогда мы прямо погибли! Ведь поход уже идет на наш быт, на нашу родную землю, на нашу кровь. Эти декреты о конфискации церковных имуществ разве не поход на наш быт? А эти аресты ни в чем не повинных русских людей разве не есть поход на нашу кровь? Малороссы прозрели надвигающуюся на них опасность и в ограждение своей земли от вторжения врагов разрушили свои железные дороги. А наши бесшабашные с пустыми головами солдаты только грабят население да избивают своих же офицеров.

Еще недавно в газетах вы могли прочитать мнение честного и умного революционера Бурцева о том, что у нас теперь происходит. И теперь Бурцев сидит в тюрьме. Немцы вместо войск напустили на Россию только одного нашего симбирского помещика Ленина, Ленин окружил себя разными бронштейнами, хамкесами и нахамкесами, которые и разрушают Россию. В Петроградских советах рабочих и солдатских депутатов нет ни одного человека, близко стоящего к власти, без псевдонима... И под псевдонимами они все потому, что всем им за себя стыдно! Стыдно назвать свои имена. — Такова наша власть, таковы люди, управляющие Россией. Вот до какого мы дожили позора! Наше пресмыкание перед всякою властью сделало то, что нас стали презирать решительно все. Но, впрочем, есть симптомы, указывающие на то, что мы не совсем разложились. Это начавшиеся забастовки, на которые русские люди имеют бесспорно полное право. В этих забастовках русский народ проявляет здоровые начала. Благодаря этим забастовочным движениям, проявлениям

жизни народной, является надежда на то, что мы, Бог даст, как-нибудь выберемся из нашего положения, есть надежда на конечную победу.

История говорит, что в 1612–1613 годах Россия переживала подобное критическое положение. Но тогда нашим Кремлем Московским владели поляки, а теперь немцы и евреи. Кто из них лучше, я не знаю. Во время обстрела Кремля в октябре мой товарищ, Епископ, ходил между солдатами и лично слышал немецкую речь переряженных в русские шинели немцев, которые командовали пьяными русскими солдатами. Я сам слышал немецкую речь, конечно, не русских офицеров и не французских; эти офицеры говорили по-немецки на улицах без всякого стеснения. В газете "Речь" есть выписка из древней русской Летописи. — Большевики воображают, что они оригинальны в своем расстреливании московских святынь. Между тем в 1613 году Троицко-Сергиевскую Лавру осаждали не одни поляки, среди осаждавших было три четверти русской сволочи, тогдашних большевиков, как назвал один русский профессор.

Такое состояние, как теперь, наша родина уже переживала, когда русские грабили собственный дом и по бревну растаскивали свое достояние. В настоящее время эта банда носит кличку большевиков. Я должен предупредить вас, что мне на Соборе тоже усвоили кличку церковного большевика, но церковный большевизм — это проявление максимума любви и добрых дел. Если бы наши социалисты были умны, они подражали бы своим старшим братьям — социалистам европейских стран. То есть социалисты хотят достигнуть того, чтобы рабочему классу жилось так же хорошо, как обеспеченным классам. Наши же русские социалисты говорят так: нам скверно, пусть и всем будет так же скверно, как и нам...

И теперь, видя деяния наших социалистов, социалисты западных стран в ужасе шарахаются в сторону от русских социалистов. С нескрываемым презрением относятся и немцы к своим друзьям большевикам, услугами которых они так пользуются.

Да, большевизм — это болезнь серьезная и глубокая, и ее надо лечить и серьезно, и глубоко. И для того, чтобы от нее вылечиться, средство есть. Мы должны делать то, о чем я говорю неумолчно. Единственное средство, единственный выход, какой я знаю, — это образовать православные приходы, устроить правильную приходскую жизнь. По своей сущности приход более социалистичен, чем сам социализм. И когда эти приходы у нас устроятся, в них войдут все православные люди, не исключая и большевиков, которые в большинстве случаев бессознательно творят чужую волю, то я уверен, что эти-то бессознательные большевики и будут самыми деятельными членами приходов, действительными проводниками в жизнь добра. Церковная жизнь есть осуществление самого глубокого, самого народного социализма — это истинный социализм духа. — И вот об этом социализме, которым была полна древнерусская жизнь, и приходится вспомнить на развалинах нашей государственности в настоящее тяжкое время.

Большевизм — это болезнь духа, социализм брюха, это истинное служение мамоне. А жизнь во св. Церкви — повторяю — социализм духа, истинное христианство. В своей полноте Церковь захватывает все области человеческого духа. Так и жила Церковь в древней Руси, поэтому и была сильна Русь своим несокрушимым духом. Таковы и доселе наши старообрядцы, они — истинные социалисты в своей внутренней жизни, в организации своей приходской общины. И если мы, православные, будем устраивать приход на этих же началах, то от нынешнего, злого, безбожного социализма и следа

не останется, он прямо растает, растворится в приходских общинах.

Мы переживаем момент совершенно критический. Мне пишут о голоде во многих губерниях. А из Уфимской губернии сообщают, что к весне во многих местах готовится нечто неладное, мне сообщают с разных сторон, что если так будет продолжаться и далее, как теперь, то к весне при разделе помещичьей земли мы просто перережем друг друга и останется всего куча тел да груды развалин и пепла от русских деревень. Произойдет везде безбожная и братоубийственная брань.

Так вот, для того, чтобы этого не было, мы, представители культуры, должны принять все меры к тому, чтобы предупредить эти бедствия. Я получил на Соборе известие, как крестьяне делили двадцать десятин поповской земли. В результате дележа оказалось — 17 человек убитых, 32 изуродованных и 100 просто раненых...

Последствия нашего доморощенного социализма, не сумевшего справиться с хлебной монополией, таковы, что в Нижегородской губернии люди пухнут от голода и мрут, как мухи. Они уже и мер никаких не принимают, чтобы спастись. Сидят у себя дома и ждут смерти... И в Рязани поголовный голод, и нечем прокормить население... И вот, когда все будут сожжены, причем вероятно, что и сожгут нас не русские люди, мы прозреем. Несомненно, что мы накануне крупного народного волнения. Если мы хоть сколько-нибудь дорожим страною нашею и чувствуем жалость к бедным братьям нашим, мы должны сорганизоваться для предотвращения всех этих бедствий. Заметьте, братие, преступность растет среди нас с каждым днем. Русские люди научены злу, направлены друг на друга, но от них зараза переходит и на инородцев... Мы должны оберечь этих несчастных... Что же делать, братие? Я не знаю. Я сказал свое мне-

ние. Я — недостойный епископ — и только. Скажите мне, что я должен делать, где я должен быть, я туда пойду. — Но один я предотвратить все эти бедствия не в силах. Мне нужны помощники. На кого я могу рассчитывать? Священники, но они "буржуи", как теперь всех называют, не понимая этого слова. Священники мало авторитетны, потому что заподозрены в несочувствии народным интересам. — Это, разумеется, чистая неправда, но нельзя соглашаться с толпою, нельзя не оберечь ее от неразумия. Между тем один священник мне пишет, что решил называть все вещи своими именами и осудить иные выходки невежественных людей — за это он жестоко пострадал.

Я теперь верю, что если интеллигенция и духовенство вместе пойдут в народ, то принесут огромную пользу ему — а порознь они бессильны.

Нужно организовать культурную помощь народу. С своей стороны я готов сделать то, что вы найдете для меня необходимым. Но меня одного недостаточно. Для большого дела нужны большие интеллигентные силы: вся интеллигенция должна броситься в народ для его спасения. Русская молодежь должна пойти в народ. Но прежде, чем туда идти, наша интеллигенция должна покаяться в том, что до сих пор она учила народ не тому, что нужно. Теперь она должна идти в народ с проповедью о Боге, о церковном социализме, основываясь на народных началах. В настоящее время народ наш брошен всеми, покинут, забыт. Он исстрадался, глядя на всевозрастающую разруху, и теперь всякое доброе слово им будет принято к сведению. Необходима широкая организация добра по приходам. Ведь каждый приход — это самостоятельная ячейка, церковно-социалистическая единица. Другого выхода из нашего положения я не знаю. Впрочем, есть еще выход: запереться у себя на крючок и ждать, когда кто-нибудь к нам придет

и не поленится нас съесть. Я при этом вспоминаю остроумную брошюрку проф<*ессора*> Сергеевича под заглавием "Ешь меня собака". Он говорит, что долготерпение русского человека столь велико, что он готов сидеть смирно даже и тогда, когда знает, что его непременно скормят собакам. И сидит, и ждет, когда его съест собака, и думает: «Ну, что же, пусть меня ест собака», — и не решится ей противоречить. Не играя этой глупой роли, мы должны что-нибудь да делать.

Но интеллигенция одна тоже ничего не сделает... *Приход — свободно-народная социалистическая единица — вот наше спасение.* Эту мысль интеллигенция должна твердо усвоить и немедленно принять участие в приходской жизни, записаться в приход. Если все так и совершится, то, Бог даст, и колесо русской истории повернется в другую сторону и не даст немцам довести до конца издевательства над Россией. За возможность этого могут поручиться все 60 000 штыков, которые не дадут полуленинцам осуществить их программу из Берлина и не дадут им больше притеснять нас.

Если мы в России устроим приход и организуем его на свободных началах саморазвития, то мы сможем сказать, что мы — социалисты духовные, не забывающие ни о смысле жизни, ни о ее последней цели[52].

* * *

Об уфимских большевиках

Как известно, с августа месяца 1917 года произошел огромный и совершенно открытый раскол между интеллигенцией и русским народом по вопросу о бли-

[52] Заволжский летописец. 1918. № 1. С. 5–12.

жайшем будущем нашего отечества. Московское совещание общественных деятелей, происходившее в Москве в августе, совершенно определенно установило и подчеркнуло это глубокое недоверие народа к интеллигенции. Через два месяца на октябрьском совещании общественных деятелей народ уже отсутствовал, а в конце октября началась бойня на московских улицах — это красная гвардия и представители Советов солдатских депутатов расстреливали свою собственную русскую интеллигенцию. Это был бунт сумасшедших, избивавших свою охрану, своих ближайших телохранителей. Это был один сплошной ужас!

Ныне во всем нашем отечестве распространилась власть Советов депутатов, при отсутствии в этих Советах русской интеллигенции. В России царствует ныне невменяемый симбирский помещик Ленин, привезенный в Россию из Германии в запечатанном вагоне, и все Советы русских солдат исполняют приказания этого гостя.

Я говорю это твердо, потому что твердо знаю, что это правда, очевидная для всякого зрячего человека. — И однако, эта правда так ужасна, так непонятна в своем ужасе, что в нее совершенно не верят наши большевики — в том числе и уфимские большевики.

Это полностью сделалось для всех очевидным в открытом заседании Восточно-русского общества в реальном училище 11-го января. — Лично я глубоко удовлетворен этим собранием. Восточно-русское общество, преследующее исключительно культурные цели, оказалось чрезвычайно удобною почвою для того, чтобы дать возможность всем высказать совершенно свободно свои взгляды, не рискуя подвергнуться оскорблениям. И вечер-митинг 11 января был в некоторые моменты прекрасен по неожиданности тех открытий, которыми он обогатил людей, даже и малонаблюдательных.

Выступали со своими речами два большевика. Один — из солдат, другой — рабочий, назвавшийся членом Уфимского совета рабочих депутатов. Вот эти два русских социал-большевика и были во всех отношениях интересны.

Солдат уверял, что большевики все очень религиозны и что все буржуи позволяют всякие беспорядки потому, что не хотят по совести дело делать; что Керенский и Корнилов о русском народе плохо заботились и что поэтому необходимо, чтобы все подчинились "советам", потому что они лучше всех могут сберечь русский народ.

Когда я сказал этому солдату, что издан декрет Ленина об отобрании церковных имуществ, о закрытии церковных организаций, — то наш большевик сказал, что это "може только одна ложь"... На мое заявление, что так называемые Советы солдатских депутатов пляшут под дудку немецких музыкантов, которые стыдятся назвать свои имена, наш солдат-большевик ничего не мог ответить. Наконец, у нашего солдата-большевика, очевидно, совершенно безграмотного, об Учредительном Собрании в голове образовался совершенный сумбур — он уверял, что в Учредительном Собрании хотели засесть только одни буржуи, и решительно не соглашался с тем, что в Учред<*ительное*> Собр<*ание*> были избраны в большинстве социал-революционеры. Этим бедный солдат ясно показал всем, что он ровно ничего не смыслит в том, о чем говорит, хотя и говорит сердито. Замечательно, что он вполне согласился с моим замечанием на мое предложение заменить Советы солдатских депутатов (которые он назвал "наши советы") советами приходских-крестьянских общин. Все дело в том, чтобы существовали советы!

Таковы наши солдаты-большевики. Посмотрим, каковы наши большевики-рабочие. Один из них выступал

как представитель русских социалистов. Он был тем более хорош, что он член Совета рабочих депутатов. Он избран рабочими как их представитель в этот совет.

Вся его речь дышала искренностью. Он начал с того, что горько упрекнул русскую интеллигенцию за то, что она оставила народ, что ранее она худо ли — хорошо ли служила народу, а теперь народ, получивший свободу, — предоставлен самому себе, все "люди с мозгами" (его выражение) разбежались...

На это я ответил, что русская интеллигенция во многом повинна пред русским народом, но что сейчас она искупает своими несчастьями свою вину пред народом. Что сейчас настроили русский народ против "людей с мозгами" враги народа, германские гости — Ленин, Троцкий-Бронштейн и другие. Рабочий промолчал, а во второй своей речи он принес собранию свою исповедь. Он говорил (читатель, прошу верить, что я ничего не выдумываю; я только могу пропустить коечто, но ничего не прибавил), что он, «когда царя не стало, то целый год плакал о царе, что он человек верующий, что сделался большевиком после того, как его квартиро-хозяин обидел и запросил с него плату более вдвое, что этот буржуй-хозяин в Бога не верует и что в сочельник рождественский, в такой святой день, испортил ему печь, чтобы выжить с квартиры, что в рождественский сочельник верующие хорошие люди до звезды ничего не едят, а буржуй-хозяин его в сочельник озорничество выдумывает...»

Так вот — видите ли, — после всего этого он и сделался большевиком, членом Совета рабочих депутатов.

Добрые читатели! Разберитесь же теперь, кто такие наши большевики! И я вполне убеждаюсь, что 70 % наших большевиков — это невинные младенцы, руководимые опытною преступною рукою. Они сегодня

большевики, а завтра могут превратиться в самых ретивых монархистов.

В такую трясину застряла сейчас наша несчастная Россия.

Позволю себе сделать вывод из наблюдений над жизнью и из вечера 11-го января в Восточно-русском обществе.

Вывод один: интеллигенция русская, вся — до единого человека должна броситься в народ и спасать его из беды. В частности, обращаюсь к уфимской интеллигенции с тою же просьбою, которая была сущностью речи моей 11-го января: пойдемте спасать русских большевиков от их непроходимого большевизма, пойдемте в народ, как ходили ваши деды и отцы; и начнем созидать русскую жизнь на святых началах духовного социализма, на социализме духа[53].

* * *

Епископ Андрей в Совете рабочих и солдатских депутатов

По настойчивому приглашению солдата, товарища Мальцева, того самого, который выступал с речью на первом собрании-митинге Восточно-русского общества 11-го января, преосвященный епископ Андрей отправился после всенощной в Троицкой церкви 13-го января 1918 года в революционный комитет. Преосвященный Владыка отмечает тот факт, что председатель Совета отнесся к нему с безукоризненным вниманием. Впечатление, которое преосвященный Андрей вынес из этого посещения, было самое неожиданное...

[53] Заволжский летописец. 1918. № 1. С. 15–18.

«Это какие-то святые праведники, фанатически настроенные, но они сбиты с толку и обмануты умными людьми, которые преступно пользуются их неумением разобраться в самых простых вещах», — говорил Владыка. Когда Владыка Андрей явился в Совет, там час говорил речь какой-то брюнет, который доказывал, что банки устроены буржуями для эксплуатации народного труда, и ссылался на Евангелие, в котором говорится: если имеешь две рубашки, отдай неимущему, а о банках ничего не сказано...

Возмущенный столь лицемерной речью оратора и тем, что русские дурачки, ничего не понимая в этой речи, аплодировали ей, Владыка с глубоким негодованием сказал следующее. Начал он с указания на то, что по своему положению он принадлежал к буржуазии, но сознательно ушел от нее, чтобы служить народу, и променял обеспеченное светское положение на положение монастырского послушника. Далее он возмущался эксплуатацией труда русского крестьянина и высказал свой идеал, состоящий в том, чтобы цену на каравай русского хлеба назначал сам крестьянин, а не международные финансовые тузы. Он выразил пожелание, чтобы русский крестьянин был силен экономически, свободен и независим и за все это всегда благодарил Бога. Он предложил тем, кому банки не нужны, спасаться где-нибудь в пустыне и быть отшельником, но высказал, что нельзя приниматься за строительство государственной жизни, имея о ней скудные сведения только из Евангелия, неправильно к тому же понимаемого.

«Я русский, люблю русский народ и желаю ему полного процветания, я хочу, чтобы он был сильный и богатый и всегда помнил Небесного Подателя земного богатства и был ему благодарен. А если русский народ будет богат, то у него должны быть и банки; если же он хочет быть свободным-нищим и надеть на себя немец-

кий хомут, то это его добрая воля, но о нищете русского народа я, епископ Андрей, не перестану плакать»! Говорил Владыка и о том, что русские социалисты не похожи на западных своих учителей, которые очень умные люди и прекрасно знакомы даже с университетскими науками. Заграничные социалисты хотят равенства между людьми, но они хотят сравняться с теми, кто выше их по жизни, а наши социалисты хотят все разрушить и всех уравнять с собственным невежеством. Они ничего не знают, кроме нескольких строчек Евангелия, да и те неправильно толкуют. Пусть эти социалисты со своими знаниями Евангелия и апостола приходят ко мне в Крестовую церковь, я могу им, пожалуй, дать место псаломщиков, но для того, чтобы строить государственную жизнь, они прямо не годятся с такими познаниями. Они только губят страну, народное достояние и образование.

Воспитанные на режиме самодержавия, они сами опираются на штыки солдат и, таким образом, лишь подготовляют в скором времени самодержавие какого-нибудь прусского принца, которого они бессознательно сами проводят на русский престол. От русской свободы скоро останутся одни лохмотья и ужасающая народная нищета.

Если бы русская интеллигенция сколько-нибудь позаботилась о своем народе и нашла бы общий язык для разговора с ним, если бы она не гнушалась понюхать часа два мужицкой махорки, а в любви народу растолковала бы весь смысл совершающихся событий, то она сделала бы великое благо и спасла бы русский народ от великих бед. К сожалению, народ оставлен без руководителей и творит волю врагов своих.

На следующий день после этого собрания 13-го января преосвященный Владыка Андрей служил обедню в Никольской церкви и, по своему обычаю делиться со

своими прихожанами всем, что переживает сам, высказал своим слушателям свое впечатление от посещения революционного комитета с соответствующим пастырским назиданием. Владыка перечитал только что слышанное апостольское чтение (к Колоссянам гл. III, 8–22) «*Ныне вы отложите все гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его. И облекшись в нового, который обновляется в познании по образу создавшего его. Где несть ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос*».

— Это самое послание, которое вы сейчас слышали, я слышал сегодня ночью в революционном комитете, — сказал Владыка, — куда меня завел один добрый человек. Вот там-то мне и доказывали, что я не понимаю ни Евангелия, ни этого послания, но замечательно, что, растолковывая это послание, все толкователи старательно избегали последней строчки: *НО ВСЕ И ВО ВСЕМ ХРИСТОС*. О Христе-то и позабыли. Одним словом, несть ни эллин, ни иудей, ни француз, а только один Совет рабочих и солдатских депутатов.

И вот я видел русских людей, которые из священного Писания не понимают ни одного слова.

Ведь и дьявол, искушая Господа в пустыне, предлагал Ему броситься вниз, и при этом дьявол проявил *свое* знание св. Писания и ссылался на него. И все-таки Господь его не послушался и вниз не бросился.

В Совете рабочих и солдатских депутатов проповедуют равенство и любовь, и там же стоят 50 солдат со штыками наголо. Если уж проповедовать любовь и равенство, то уж с голыми руками, без штыков, по крайней мере, со священным Писанием на устах. Со штыками в руках и пустыми головами — вот каков русский социалист.

Ах, по временам мне казалось, что я попал в сумасшедший дом. 15 социалистов говорили свои речи, но из них восемь сказали только проповеди на темы из Евангелия и из апостолов и доказывали, что я не понимаю св. Писания. Вы удивляетесь? И я тоже удивляюсь! Хотя давно один русский писатель (Достоевский) говорил, что даже русский атеист всегда готов проповедовать. Но все-таки я должен сказать, что эти люди просто подвижники. Ведь они так свято верят в свои новые догматы о царстве небесном на земле, так верят, что они своими штыками устроят этот рай, что завтра могут сделаться мучениками своей идеи. И Господь простит им все их заблуждение за то, что они любят эти святые слова, хотя и неверно их понимают. Это какие-то исповедники христианства. И в то же время оставленные своими учителями без любящего руководительства.

Они — святые люди! Это лишь дьявольское наваждение в том, что они в ослеплении губят и разоряют свою родину. Эти несчастные люди обмануты на каждом шагу, и Бог знает, кто в этом виноват, они или мы, оставившие их одних, без церковного попечения.

Они почему-то празднуют не воскресенье, а вместе с евреями — субботу. Вот в субботу как-нибудь вы придите к ним, скажите им теплое слово.

Но чтобы вас послушали, вы сами должны устроить вашу жизнь, как заповедал Христос. Мы же так далеки от этой цели, что не только дальних любить не умеем, но и ближних наших. И вот во имя христианской любви я умоляю вас — избегайте всякой ссоры, всякой вражды. Не сердись, если твой ближний не послушает тебя. Научитесь понимать друг друга и прощать друг другу несогласия во взглядах. Если будете любить друг друга, то и жизнь ваша приходская укрепится. Терпимостью к чужим убеждениям вы не разобьете вашу приходскую

семью, а только укрепите, и тогда каждый неверующий убедится, что вы не только на словах, но и на деле христиане. Будьте же терпимы к большевикам, с мнением которых вы не согласны. Пусть и они вступают и записываются в приходы. Со своим одушевлением, со своею горячею верою они принесут неисчислимую пользу приходам и души свои спасут. Если же мы возлюбим друг друга как следует во имя Христово и по заповеди Христовой, то этим исполним завет апостола Павла — ни эллин, ни иудей... но все и во всем Христос.

А если будет в нас Христос, то мы будем любить не только ближнего, но и дальнего. Не верьте тем, которые говорят, что любят каких-то дальних пролетариев, не любя своих братьев по плоти. Укрепляйтесь взаимною любовью, устраивайте приходскую жизнь и идите к заблудшим... Зовите их к себе, чтобы и они не оставались преступниками против духа Христова. И пользуясь словами Евангелия, исполняйте великую заповедь Спасителя о любви к ближнему[54].

* * *

Речь-слово, сказанное епископом Андреем перед открытием Государственного Совещания в Уфе 26 августа 1918 года на площади перед Кафедральным собором

Братие!

Страшное и ответственнейшее время переживаем мы все и являемся свидетелями, а отчасти и участниками грозных вековых событий. На наших глазах соверши-

[54] Заволжский летописец. 1918. № 1. С. 18–22.

лось крушение нашей государственности, а сегодня наше несчастное отечество делает попытку (уже не первую) к тому, чтобы встать из глубины своего падения и всемирного позора. Сейчас мы и творим молитву о том, чтобы Господь благословил попытку эту, чтобы умудрил строителей нашей жизни сказать нашему погибающему в междоусобной войне отечеству слово мира и успокоения, слово любви и утешения.

Прежде всего отмечаю прекрасное совпадение (разумеется, случайное). Сегодня Уфимское Государственное Совещание начинает свою работу в день воспоминания о том, как некогда Владимирский образ Божьей Матери спас погибающую некогда Москву от конечного разрушения ее Тамерланом. Молитва перед этим святым образом вызвала тогда среди москвичей такую волну религиозного одушевления, такой подъем патриотизма, что Тамерлан, имевший при себе огромное войско, даже не решился на сражение с москвичами.

То было бесспорное чудо милости Божьей, чудо, которое заслужили москвичи своей верой и любовью и решимостью на всякое самопожертвование для спасения отечества.

Так было ранее.

А теперь?

Теперь в настроении русских людей сравнительно с прежними (и даже недавними) временами произошла существенная перемена. Ранее спасали нашу родину два чувства: идея церковности, святой общественности, и идея отечества. Глубокий патриотизм русских людей и сознательная взаимопомощь неоднократно и ранее спасали русский народ от гибели, спасли и от Тамерлана. Так было ранее, — а теперь не то! Теперь Россия не только просто несчастна, но она больна, она носит в себе глубокий внутренний душевный недуг. Вздорные, нелепые, безнравственные идеи дошли до народа и в душе

многих произвели полный переворот в мировоззрении. Мало способный разбираться в словах, доверчивый до крайности, русский народ перестал верить в догматы Церкви о том, что он создан по образу и подобию Божию, и поверил на слово утверждающим, что не Бог, а — просто какая-то неведомая сила создала их по образцу и подобию — обезьяны. Ведь это же один из главных догматов социализма, будто религия есть предрассудок, о котором уже пора забыть! И поверил русский народ своему обезьяньему происхождению, и перестала русская молодежь исполнять заповеди Божии, и превратилась святая Русь просто в социалистическое отечество, — проще говоря, — в огромный зверинец!.. Русский народ прекрасно иллюстрировал на себе, к чему ведут людей социалистические обещания земного рая, основанного на классовой борьбе. В конце концов социалистический зверинец занялся взаимным самоистреблением. Совершилось полное отделение русских социалистов и от Церкви, и от совести, и вообще от человеческого достоинства. "Издохла совесть у русского человека", — сказал некий исследователь русской бессовестности... И вера поругана, и святые алтари осквернены.

Что же "спасать" при таком положении вещей? Кого спасать? Какую Россию? Заслуживает ли она своего спасения?..

Страшные вопросы, к сожалению, по-видимому, безосновательные... Но это только "по-видимому"! Можно сказать с уверенностью, что не весь русский народ подвергся такой душевной болезни... Нет! Русские люди и любят свою родную землю, и дорожат своей верой православной. Только глупая, зеленая молодежь, прочитавшая две-три глупые книжки, думает, что она победила все вопросы и сомнения духа. Я проехал более тысячи верст на лошадях за последние два месяца, видел десят-

ки тысяч русских людей, и все они мне кричали, что им нужна власть, которая берегла бы веру народную и оградила бы мирный народный труд от всяких внутренних и внешних врагов. "Покою ни днем ни ночью не знаем, ночей не спим, вся душа измоталась" — вот единогласная оценка современной жизни со стороны народа.

Но какая же власть способна сделать чудо и дать мир нашей измученной стране? Где эта власть и неужели снова за нею нужно посылать к варягам?

О нет! Нужна власть очень простая, но твердая и определенная, нужна власть, которая в себе носила бы нравственное право напомнить другим, что мир общественный основывается только на исполнении самых простых заповедей: "не укради"... "не пожелай дому ближнего твоего... ни вола его, ни осла его"... Гордые безумцы забыли эти заповеди Божии, решились заменить их другими, изобретенными немецким евреем Марксом и его последователями, — и вот, забыв Божии заповеди, мы и ходим сейчас по колено — в братской крови... Но не весь русский народ совершил это преступление заповедей Божиих! Не весь русский народ поддался социалистическому соблазну жить по-воровски, на чужой счет... Не весь русский народ забыл веру и совесть, нет, — русский народ тяжко страдает за грехи своих слепых руководителей, за эту ошибку, что поверил русский народ людям неверующим, — он теперь и страдает, и плачет, и ищет себе какого-нибудь спасения.

Где же спасение народа нашего?

Чтобы ответить на этот вопрос, возьмем себе на помощь святую Библию. Там в истории еврейского народа, среди которого и в библейское время находилось достаточное количество революционного духа, — в Библии мы находим время, очень похожее на время, переживаемое нами. Это эпоха Судей Израилевых. Время от времени народ Израильский переживал тяж-

кие политические потрясения и подпадал под чужеземное иго. Но после покаяния и молитв грешного народа Бог посылал ему избавление от врага и мир. Народ спасли от бед так называемые Судьи.

Судьи — вот великие герои Израиля, великие воплотители народных чаяний и народного духа. В тяжелые времена жизни своего народа они вели его на путь духовного обновления и национального возрождения. И народ, чувствуя нравственное превосходство своих вождей над собой, — уверенно и радостно шел за своими любимыми руководителями. Имя каждого из них уже вполне ручалось за то, что они никогда не останутся одинокими. Судия Израильский, он — носитель народных идеалов, он — воплощение народного духа, — он был спасением для своего страждущего народа, — грешного, но кающегося, слабого собственными силами, но сильного верою в помощь Божию.

Полная аналогия с русским народом и его нынешним положением! И если мы способны учиться на уроках истории, то должны использовать это указание истории: нам нужно сейчас для спасения отечества не анонимное общество, тем более не новый ряд псевдонимов, а одно честное, прекрасное, патриотическое имя, нужен вдохновенный вождь, сильный делом и словом...

Это имя мы все должны вымолить, выпросить у Господа; и я верю: Господь даст нам это имя, пошлет вождя к нашему обновлению.

Это имя будет символом и нашего национального знамени. Наше знамя: вера, свобода и патриотизм. Такого знамени у нас сейчас нет, как нет и национального гимна. Теперь наш гимн один: "На реках Вавилонских — тамо седохом и плакахом".

Но проходит это страшное время! Нам нужно имя и нужно национальное знамя, — чистое и не запятнанное никакою житейскою скверною.

Братие! Я не знаю никого из наших нынешних строителей жизни, никогда не видал их в глаза и едва ли увижу и не имею лично никаких поводов к знакомству с ними. Но вы — пойдите к ним и скажите им, чем они должны теперь заниматься и о чем заботиться. Ныне время не классовой борьбы (будь она проклята во веки веков!), — а время святого самоотверженного строительства государственной жизни. Ничего нельзя выстроить на началах борьбы и злобы, — эти начала сами в себе носят разложение. Нет! Только любовь и взаимные уступки могут быть надежным фундаментом общественного строя. Вот к этой христианской любви я и призываю через вас, мои слушатели, неведомых для меня членов Государственного Совещания. Повторяю, что для нашего общественного благополучия нам нужно осуществление свободного, христианского братства, а для спасения отечества от иноземного нашествия нужен вождь, который бы воплотил в себе и воскресил нашу несчастную родину. Пойдите, скажите нашим строителям жизни, что они должны показать ныне всем прекрасный пример государственного строительства, пример взаимных уступок и любви. История одного из древних народов дает нам пример, что для важных решений полезно всякие совещания удалять от влияния толпы и вполне изолировать его до принятия им окончательных решений. Так должно поступить и Государственное Совещание наше: оно не должно покидать Уфы, пока не построит новую власть нашу внутреннюю и пока не изберет вождя для спасения нас от ига немецкого. Будем молиться, — чтобы это было так, будем молиться, чтобы Господь был им помощником и советником в их трудном деле[55].

* * *

[55] Заволжский летописец. 1918. № 12. С. 387–391.

О торговле по учению святой Библии

Речь преосвященного Андрея, епископа Уфимского, на молении перед открытием Всероссийского Торгово-Промышленного Съезда в Уфе

Братие, с величайшей радостью я принял приглашение Ваше помолиться перед началом Ваших работ. Это во всех отношениях полезно; к этому давно привык русский народ, который и доселе молится во всех важных случаях своей жизни. Я поэтому вдвойне радуюсь: радуюсь непосредственно Вашей молитве, радуюсь и тому, что в этой молитве Вы не только не отрываетесь от своего народа, а твердо удостоверяете ею, что Ваша работа будет протекать в полном единении с народом, что Ваша деятельность будет отражением стремления русского народа жить "по Божьи".

Теперь мне надлежит сказать Вам несколько слов в напутствие Вам при начале Ваших трудов. Откровенно говоря, менее всего я подготовлен говорить о торговле и промышленности; в этой области я вовсе не специалист; поэтому, чтобы не быть для Вас очень скучным, я, по возможности, готов сделать речь свою не очень продолжительной, но предупреждаю Вас, что единственным источником для моих торгово-промышленных предположений и построений — будет Библия. Нужно ли говорить, что я предпочитаю эту книгу всяким другим, даже и при решении таких вопросов, как вопрос о расширении торговли и о новых путях построения промышленности.

Итак, открываем святую Библию и постараемся найти в ней что-нибудь интересное. Открываем книгу пророка Исайи и находим там главу о величайших тор-

гово-промышленных центрах древнего мира — о Тире и Сидоне.

Тир и Сидон в одном конце древнего мира и Вавилон в другом, — вот о ком часто вспоминает святая Библия, предостерегая нас, ее почитателей, от многих ошибок в устроении общественной и государственной жизни.

Прежде всего я отмечу нечто замечательное; мы переживаем попытку социалистического уравнения всех на одну мерку. Библия знает такое уравнение, но, по учению Библии, такое уравнение может быть только уравнением при народной нищете, при полном разложении государственной жизни. И "что будет с народом, то будет и со священником; что со слугою, то и с господином его; что с покупающим, то и с продающим, что с заемщиком, то и с заимодавцем" (Ис. 24, 2). Итак, уравнение возможно, но только как признак и последствие полного крушения государственности. "Земля опустошена в конец и совершенно разграблена" (Ис. 24, 3) — так читаем у пророка Исайи, так это остается и ныне, во времена нашей Русской социальной революции. И там, и в нашем отечестве произошло крушение общественности и государственности, и началось падение всей народной жизни и ее своеобразное уравнение. Все это происходит от развращения народного, от неправильной постановки народной жизни, — в частности от неправильных принципов в торговле. За ошибки, за грехи, за разврат, за расточительность и Тир, и Сидон погибли страшной гибелью. И снова Тир стал цветущим городом после того, как "торговля его и прибыль его будут посвящаемы Господу; к живущим пред лицом Господа будет переходить прибыль от торговли его, чтобы они ели до сыта и имели одежду прочную" (Ис. 23, 18). Постараемся эти простые слова святой Библии перевести на наш современный мудреный язык; чтобы они были яснее, постараемся сделать вывод из этих слов.

Братие, прежде всего нужно нам всем помнить, что *всякая экономика по существу своему есть этика.* Экономика — значит строительство, это воистину наш русский домострой. Но дом нашей государственности тогда только будет приведен в порядок, когда он будет нравственно опрятен, когда во главу угла нашей жизни будет поставлена этика. Вспомните — что было в нашей государственной и общественной жизни года два-три назад. Это был какой-то кошмар, когда каждый думал о себе, о самой ненасытной наживе, о безграничном нарастании капиталов... А чем это кончилось? Кончилось почти всеобщей катастрофой, вроде катастрофы с Тиром и Сидоном.

Братья, Вы сейчас собрались, чтобы перестраивать нашу жизнь, нерв почти нашей жизни государственной, привести в порядок нашу торговлю и промышленность. Положите в основание Вашей работы мысль библейскую: *торговля должна быть построена на этических началах, на началах самой широкой общественности, на принципах народной кооперации.* Тот строй государственной жизни, когда все группы населения были разделены между собой искусственными перегородками, оказался чрезвычайно непрочным, и если Вы хотите выстроить что-нибудь сильное и устойчивое, то повторяю: стройте всю Вашу торговлю и промышленность на началах Вашей христианской взаимопомощи. Помогите народу устроить сильное народное торгово-промышленное предприятие; докажите на деле народу, что мы служим ему, а не себе, вернее, что, служа ему, служим себе, и тогда Вы будете сильны до несокрушимости. Иначе? Иначе нас постигнет снова судьба Тира и Сидона.

Торговля и всегда должна быть организованной, систематической, общественной помощью сильных слабым. Теперь же она не может быть чем-либо иным. — Торговля

будет сильна, когда будет сильна общегражданская жизнь, а общегражданская жизнь будет сильна тогда, когда весь капитал народный будет направлен на помощь, на служение народу. Но что такое капитал народный? Что значит моя просьба, чтобы народный капитал был направлен на служение народу? Ведь у народа уже имеются деньги, целые груды денег. Какой же еще нужен капитал?

Вот видите ли: у большевиков денег было очень много, а капитала не было. И у нашего русского народа сейчас много денег, а капитала нет. Простите меня, может быть, за некоторую игру слов, — но, конечно, я называю сейчас капиталом главным образом Ваш богатый умственный капитал, совершенно ничем не заменимый и при утрате ничем не вознаградимый. Такого капитала, такого запаса нравственного у народа и нет до сих пор, как не было его у большевиков. А без этого капитала народная жизнь обречена на разложение и гибель. Повторяю: деньги не капитал; настоящий капитал — это ум народный. Идите к народу с Вашим капиталом, и Вы будете сильны. Объедините народные деньги с Вашим нравственным капиталом — вот это будет Ваша историческая заслуга перед отечеством. Эту мысль я повторю другими словами: *Русская народная кооперация — вот основа нашей жизни и в частности Вашей торгово-промышленной жизни.* Если Вы хотя положите основание к такому переустройству русской торговли, то Ваш нынешний Уфимский Съезд положит начало новой эпохе Русской жизни. Позволю себе еще сделать один вывод из моей основной мысли. Я говорю, что все мы должны заботиться только об общем благе, — это наша обязанность христианская, это наш долг гражданский. Если это так, если Вы принимаете эту мысль, то будьте добры принять и вывод из этого положения. Если торговля и в частности Ваш Съезд примет эту основную мысль, то примите и

вторую мысль, мы должны объявить беспощадную войну с барышничеством вообще и в частности с барышничеством в государственной жизни. Если мы боремся со спекуляцией, если мы ее презираем и торговые спекулянты по нынешним временам страшнее и преступнее, чем красноармейские банды, то спекуляция и барышничество в области государственной — это преступление самого ужасного коллективного типа. Братие, я прошу Вас провозгласить этот принцип твердо и открыто. В частности, я прошу Вас высказать порицание попытки снова устроить государственную торговлю водкой. Эта попытка переносит нас к временам самого ужасного, самого беспринципного барышничества со стороны Министерства финансов. Это было начало всей последующей русской распутной жизни. — Возвысьте свой голос против попытки воскресить ее.

Итак, я зову Вас, братья, к переоценке очень многих ценностей; я призываю Вас, конечно, ко Христу, к христианизации всей нашей жизни и всей Вашей торговли и промышленности. Я призываю Вас к служению народу через организацию нравственно безупречных торговых кооперативов. А если будущее наше Уфимское Государственное Совещание вместе с Вашим Торгово-Промышленным Съездом на тех же принципах создаст и нашу государственную власть, то эта власть, основанная на принципах христианской общественности, несомненно соберет вокруг себя всю рассеянную нашу Родину. И тот Камень, о который споткнулись большевики и который их раздавил, этот Камень будет несокрушимым фундаментом нашей государственности. *"Камень же бе Христос" (1 Кор. 10, 4)*[56].

* * *

[56] Заволжский летописец. 1918. № 12. С. 402–406.

Народ должен быть хозяином своего счастья

Речь, произнесенная епископом Андреем в Общем собрании Восточно-русского общества 19 августа 1918 года

I. О русской культуре и русской некультурности

В Восточно-русском культурно-просветительном обществе уделяется всегда много внимания вопросам высшей культуры — культуры народного духа; несомненно, если это общество хочет оправдать свое название культурного общества, то и должно заниматься прежде всего этой стороной народной жизни. Народную культуру составляют все духовные сокровища народной жизни, которые народ с течением времени накопил и которыми живет. Поэтому культурность народа можно измерить, с одной стороны, количеством этого народного богатства, а с другой — степенью преданности народа своей истории, любовью народа к заветам родной старины. Прилагая эту мерку к русскому народу, как можно определить его культурность? Имеется ли у русского народа в его истории, искусстве, литературе, поэзии — что-либо ценное, достойное внимания и охраны? — О, да — сокровища русского народа в этом отношении великолепны и многочисленны: как древняя русская культура, так и новая — чрезвычайно богаты по своему содержанию; и поэзия русская, и искусства могут составлять предмет зависти для других народов и племен.

Но культурен ли русский народ в том смысле, что дорожит ли своими собственными родными духовными ценностями?

В этом отношении, к великому сожалению, мы должны согласиться с теми, кто признает русских людей глубоко некультурными. В этом отношении русский народ можно признать каким-то печальным исключением из общего правила: мы плохо знаем свое народное богатство, многое из него растеряли, а вообще всем своим народным достоянием мало дорожим.

И чувашенин, и черемисянин, и тем более мусульманин-татарин глубоко проникнуты своим бытом и любят его, — это ближайшие соседи уфимских великороссов; а сами великороссы поразительно не дорожат собою и своей жизнью, и в этом отношении стоят несравненно ниже этих численно слабейших племен.

Этот грустный факт был более или менее известен ранее, но революция проявила его еще более во всей его неприглядности.

II. Значение русской революции 1917 года в истории русской культуры

Революция дала для историка русской культуры материалы огромной важности! Оказывается, мы жили до 1917 года среди величайших самообманов. Я не говорю об обманах сознательных и всякой жизненной лжи, я хочу сказать только о целой сети самообманов, которыми жили и на которых долго успокаивались русские люди.

Самые искренние люди, по временам люди громадных талантов, — уверяли себя и других, что русский народ сознательно царелюбив и сознательно — "богоносец". Таково мнение нашего гениального Достоевского.

Увы! — Ничего подобного не доказала нам революция. В марте 1917 года русский народ не шелохнулся в защиту идей царской власти и, напротив, проявлял по

временам благодушную, хотя и крайне близорукую радость, что "старый прижим" прекратил свое печальное существование.

Правда, здесь имела огромное значение фатально несчастная и мало симпатичная личность последнего императора, но — во всяком случае полное равнодушие народа и войска к крушению царской власти было глубокою неожиданностью для всех наблюдателей русской жизни.

Однако русский "богоносец" еще более удивил всех, когда обнаружилось, что вся религиозность русского человека была вполне бессознательная, что христианство коснулось души русского народа очень слабо, что идеализация народа нашего, как какого-то аскета, — решительно ни на чем не основана. Это было в некотором отношении — самое ужасное открытие! О, да — огромные толпы народа спасли наши храмы и монастыри от окончательного разграбления; это вполне верно, как верно и то, что тут постарались по преимуществу экспансивные женщины; но ведь весь народ в это самое время отбирал земли у монастырей, весь народ грабил монастырские хозяйственные принадлежности, весь народ-"богоносец" уводил монастырских лошадей и делил их между собою и пр<*очее*> и пр<*очее*>.

В защиту русского народа пытаются говорить, что его сбили с толку евреи, что народ обманут своими вожаками. Плохое извинение! Хорош же народ и хороша его религиозная христианская настроенность, что любой проходимец — пролетарий всех стран — может его "сбить с толку"!.. Одно из двух: или этого самого "толку" у русского народа мало, или его религиозность слишком слаба... В народе слишком долго культивировали "слепую веру", — вернее слепоту в вере, и последствия этой слепоты теперь для всех ясны.

Но Октябрьская революция 1917 года открыла еще нечто удивительное в истории русской культуры. Народ русский взбунтовался против буржуазии... При этом народ, с одной стороны, решительно ничего не понимал, что такое "эта буржуазия", — а с другой стороны, разрушал без разбора все, что стояло выше его собственного убожества. Это было своеобразное выравнивание всех, кто стоял чем-либо выше прирожденной человеческой глупости; эта революция была бунтом русских людей против собственной своей культуры.

Явление — чрезвычайно странное! Но если всмотреться поближе, то мы найдем для преступников наших несколько смягчающие их вину обстоятельства. Это был бунт не против культурности вообще, а против всяких нерусских наростов на русскую культуру, против наших национальных уродств.

Вспомните, пожалуйста, историю русскую Петербургского периода, вспомните безобразия императора Петра, Анны Иоанновны, Петра III, Павла; при этом стоит только мысленно перечислить эти уродства, чтобы изумиться долготерпению русского народа. — Постараемся установить, хотя бы кратко, какими суррогатами культуры мы жили.

Наша русская столица была Санкт-Петербург, построенный в Финляндии. — Этот Санкт-Петербург был переименован в Петроград только после того, как явилась опасность, что Гинденбург возьмет наш Петербург, а это признавалось верхом неприличия. Такова наша столица, такова голова колоссальной государственной машины великой державы! Воистину — дурная голова! — И в этой голове водились очень давно всякие звери — Блюмы, Блоки, Бурги, Гады и так далее — до Иуд Искариотских включительно. Все эти и другие пролетарии всех стран, очень давно и прочно утвердившиеся на нашем народном теле, систематически разлагали

нашу русскую жизнь. Это клевета на большевиков, будто они ввели интернационал в русский обиход, — наш Петербург всегда был интернациональным городом, рассадником интернационального "товарищества". А какова столица государства — такова и власть государственная... Вся она была по духу не русская! Вся она была даже антирусская.

При всяких реформах справлялись о том, что скажет и как будет смотреть на эти реформы Европа, и никогда не спрашивали, как эти реформы отзовутся на русском народе. Поэтому все эти реформы были взяты напрокат из других государств. Я помню, как один уфимский земец на юбилей Земства в 1914 году с гордостью говорил, что оно построено по английскому образцу. С таким же правом наш суд может сказать, что он есть копия с французского суда. — А наше школьное образование! — Да разве это было не величайшее уродство?! Разве наши земские школы, вместе с церковно-приходскими, не воспитывали из русских детей каких-то уродов без родины, без храма Божия, без всяких прикладных знаний; разве наши большевики не прошли через эти школы?!

Конечно, Ленин только использовал тот горючий материал, который представляла из себя наша молодежь, а честь воспитания этих негодников, разрушивших наше отечество, — принадлежит бесспорно нашей народной школе...

Такова же была и средняя школа, и высшая, воспитывавшая средних и высших чиновников, более или менее далеких от народной жизни и ее интересов. — Таковы крупные ненормальности в нашей народной жизни, которые можно определить кратко в таком положении: власть у нас была и высокая, и далекая от народа, и чрезвычайно дорогая!

Совершенно естественно было ожидать ее гибели, и эту гибель устроила ей революция. Революция — это

русский бунт против нерусской власти; это — разрушение нерусской культуры в России русскими дикарями.

III. Ошибки революции и их объяснение

При таких условиях вспыхнули две русские революции — Февральская и Октябрьская 1917 года.

Обе революции были достойным плодом достойной власти и потому были вполне законны.

Но к обеим революциям роковым образом сначала присоединились, а потом стали во главе революции — совсем нерусские люди: русский иностранец — Ленин и нерусский еврей Бронштейн. Как только это случилось — революция сделалась уродливою, злою, глупою и почти смешною. Это был — сплошной анекдот, — к сожалению, варварски жестокого, кровавого свойства. При тупом, безучастном отношении со стороны простого народа производилось разорение "буржуев" и разрушение всего, что было выше деревенской грязи и нищеты... Так продолжалось вплоть до тех пор, пока нерусские руководители революции не коснулись религиозного чувства народа. — Это была их первая и крупная ошибка! Объявлено было отделение Церкви от государства в полной уверенности, что это будет отделение народа от "попов". Потом всякие комиссары — товарищи — грабители были очень заинтересованы благородными металлами, находящимися в храмах. Когда же против проекта отобрания этих металлов высказались сами же русские верующие-большевики, то революция скоро пошла на убыль. Оскорбленное религиозное чувство не простило большевикам их ошибки и стало грозно присматриваться к их поведению; когда нерусские руководители революции сделали покушение на быт самого народа, то 3000 вооруженных чехов оказались настолько

сильными, чтобы освободить всю Россию от большевиков, потому что народ решительно стал на сторону всякой контрреволюции, откуда бы она ни исходила, хотя бы от чехов, и крестьянские восстания против советской власти сделались почти повсеместными.

Руководители революции стали на одной стороне революции, а народ — на другой — противоположной; — эти руководители, как настоящие пролетарии всех стран, то есть проходимцы, не поняли, что отделять русский народ от Церкви просто глупо, ибо русский-то народ и составляет всю русскую Церковь. Из русского народа выделяет себя только отбившаяся от Церкви интеллигенция, она не понимает своего народа и не составляет чего-либо органически близкого и родного для него.

Нерусские люди смешали неосторожно иерархию ("попов") с Церковью и еще более неосторожно провели "отделение Церкви от государства", сделав наше государство принципиально безыдейным; нужно было отделить только церковную администрацию от государственной опеки, а фактически отделили государство от всяких нравственных принципов. — Вот огромная ошибка, допущенная революцией 1917 года, и Февральской, и Октябрьской! Керенский начал плохо, а Ленин кончил еще хуже, — но начал-то все-таки русский интеллигент — Керенский... Он с удивительным красноречием и в белых перчатках отделил себя и свое правительство от Церкви, а русский мужик в грубых рукавицах и с самой скверной бранью пошел исполнять "заповедь Ленина" — грабить награбленное и забыл заповедь "не укради". Оба этих интеллигента, и Керенский, и Ленин, не знают, что такое Церковь, и наделали крупных ошибок, за что русская история едва ли назовет их своими героями. Они — социалисты, но не русские люди! Они интеллигенты, но опять-таки не рус-

ские люди; вот корень их ошибок и ошибок революции! Наша революция была в высшей степени либеральна, но оказалась очень мало народна! Ее руководители и до сих пор не понимают русского народа, потому что не знают его мировоззрения.

IV. Нужно исцелиться от болезней, чтобы исправить ошибки

Так постепенно сделано огромное количество всяких ошибок: и властью дореволюционной, и властью революционной, и властью советской. Главнейшая из этих ошибок та, что все эти власти были не народны, а смотрели на народ только как на объект для своих экспериментов. Это обстоятельство и сделало всякие наши власти очень хрупкими. Но этого мало, — кроме ошибок, у нас в русской жизни стали очевидны и органические болезни. В этих болезнях повинна, несомненно, *самодержавная власть Санкт-Петербурга*. Эта власть совершенно извратила самое понятие о власти. Власть стала не христианской; она перестала считать себя обязанною всегда быть на службе людям и перешла незаметно в некое властвование, в целую систему начальствования. Власть стала каким-то идолом, которому нужно было кланяться и служить, и в этом заключалась вся гражданская добродетель. Нравственная ценность власти вовсе не принималась во внимание, — а именно самая власть считалась чем-то самодовлеющим и дающим оценку всяким ценностям. Был даже русский талантливый идеолог русской схемы народного управления (К. Н. Леонтьев), который уверял, что священное миропомазание на царство русских императоров делало священным всякого урядника и околодочного надзирателя, что власть самодержца органически

связана с властью урядника и обе эти власти священны, только, разумеется, в разной степени. И что, конечно, — в конце концов "несть власти, аще не от Бога!"[57]

Искренне или не искренне, но такое мировоззрение и такие чувства культивировала и наша иерархия. Таким образом, народную душу постепенно разъедала болезнь двух видов, но единого характера. Сверху — это была прививка болезни морали деспотической, а снизу — рабский трепет перед властью и жалкая мораль рабов. И вдруг в эту тяжелую, болотную, затхлую атмосферу прорвался совершенно непонятный для многих, странный и совершенно не нужный звук: "свобода"...

«"Свобода"? — бешено кричал один. — Я тебе покажу такую свободу, что забудешь долго о ней! Ты у меня "попадешь со свободой, куда ворон не залетал"», — и слышалась брань, от которой здоровые листья падали.

«"Свобода"? — недоуменно почесывались другие. — Ладно, ладно: выпьем, выпьем, коли такую свободу нам дали. Выпьем кислушки, выпьем самогонки, выпьем денатуратки, керосину, — чего угодно», — а потом на этом месте долго опять слышалась скверная, русская, мужицкая беспричинная брань ...

А четвертые искренне или неискренне при этом шепелявят: «"Свобода"? Зачем вам еще грешная какая-то свобода? Нужна свобода от грехов. Познайте истину — она вас освободит от грехов ваших! А если вы не знаете, так уж это ваше дело, если же вы хотите еще гражданской свободы — это все суета сует. Умирать-то будешь, так с собой в гроб эту свободу не возьмешь».

---

[57] Совершенно так же жонглировали свящ. Писанием и большевики, когда говорили, что они "раздают имения нищим" по заповеди Христовой, что в их руках тот меч, который принесен Христом, и прочие кощунства. — *Прим. епископа Андрея.*

Вот на всех этих настоящих ужасах лицемерия, фарисейства, глупости, самовластия и пьянства и выросли махровые цветы сначала царскосельского придворного распутинства, а потом распутинства большевистского, — это два плода с одного российского кустика...

Но разница большая в одном отношении: против большевистского распутинства можно воевать, можно надеяться на его нравственную гибель и на его окончательное уничтожение. А ведь о распутной жизни Распутина запрещалось говорить даже священникам, и их молчание признавалось даже добродетелью, а многие искренне или неискренне считали распутную жизнь Царского Села или терпимым злом, или даже милой забавой, которая при случае может быть полезна для получения теплых местечек. И этой забавой пользовались одинаково ретиво всякие чины всякой иерархии — и гражданской, и духовной.

Вот эта страшная болезнь народного духа и произвела на свет наших большевиков: нравственная болезнь на верхах произвела нравственное разложение внизу... От этих болезней нужно немедленно лечиться.

V. Врачу, исцелись сам

Как лечиться? У кого лечиться? Кто может дать добрый пример честной, свободной, братской гражданской жизни? Конечно, — вся истина, вся здоровая общественность, вся подлинная свобода, — все эти прекрасные начала заключаются в настоящей христианской церковности, в восстановлении древнерусской общественности на христианских началах. *Вот к этому и нужно русским стремиться всеми силами*, — это давнишняя, хотя и самая неотложная задача нашей общественности. — Эту задачу восстановления — организации

древнерусского прихода нужно было решить очень давно, — когда до этой мысли дошло славянофильское Московское Губернское Земство в 1882 году. Но... но против этого проекта, против организации прихода стали возражать и возражали до самого последнего времени наши архиереи. Это было самое тяжелое явление в истории нашей русской церкви! Те, кто должен был организовать свою паству, — они были против всяких организаций.

Те, кто должен был знать свои обязанности — собирать своих словесных овец в одно стадо, — они забыли эту обязанность. Мало того что не искали они заблудших овец, — а отталкивали тех, кто еще не забыл о настоящей церковности, об истинной жизни в Церкви. Правда, — это сделал не собор церковный, а только лишь Победоносцевский Синод; но архиереи не только не протестовали против этого, но почти приветствовали решение Синода, во всяком случае с удовольствием молчали по этому поводу.

Таким образом, общественная церковная жизнь в Церкви принципиально отвергалась, и это признавалось чуть ли не признаком истинного православия!.. Это ли не уродство? И оно могло вырасти только на почве Петербургского самодурства, которое воспитало целые тысячи самодержцев во всех областях русской жизни, — в том числе и в церковной жизни. В епархиальных городах были свои Владыки-самодержцы, совершенно не терпевшие никакой соборности, не желавшие никакого собора, боявшиеся всякой церковности. — Зато государство их довольно прилично обеспечивало внешним личным комфортом, что позволяло им нисколько не нуждаться в помощи их паствы. Пастве было объявлено открытое недоверие в самых оскорбительных выражениях, и это делал синодский печатный орган — "Церковные ведомости"! Это была эпоха ци-

ничного издевательства над церковной жизнью со стороны профессоров богословия, вроде Михаила Остроумова и Бронзова; это было время наглой лжи протоиерея <*Иоанна*> Восторгова и других миссионеров. И все это было удивительно недавно! Еще двух лет не прошло, как все это было ужасной действительностью и признавалось терпимым. Деятели той недавней эпохи — все налицо, — живы и здоровы! Правда, они себя чувствуют несколько не в прежней обстановке; правда, — нет прежнего Олимпийского величия, но взгляды на жизнь, но старые привычки, но неумение строить общественную жизнь остались те же! Вот почему у нас силен большевизм, вот почему у нас так упорно не налаживается никакая общественность! И замечательно, что церковная — христианская общественность есть прототип всякой другой общественности и лучший для всякой общественности образец, — и однако же эта-то идеальная общественность у нас и не устраивается! Между тем я глубоко уверен, что наш русский социализм брюха и расцвел так быстро только потому, что не было здорового, умного, святого, церковного социализма духа. Вот где корень наших болезней. А этот корень вырастил нам свои плоды, не менее горькие, чем сам корень.

Утрата самой идеи церковности у высших степеней церковной иерархии сказалась и на ее представителях, занимающих более скромное положение. Духовенство сельское, получившее воспитание на идее послушания предержащей власти и в этом полагающее всю духовность, — духовенство воспитано в своих "духовных" школах, от которых народ держали в почтительном расстоянии. Народ для духовенства не был церковным обществом. Наше духовенство знакомо с сельским обществом, способно считаться с голосом этого общества, но организовать около себя общество церковное и жить

жизнью и интересами этого общества духовенство наше отчасти не умеет, отчасти не желает. И несмотря на требование времени, несмотря на очевидную необходимость сплотить около себя всех верующих людей, — наши батюшки доселе ограничивают свою деятельность только требоотправлением и праздничным богослужением. Поэтому почти повсеместно приходская жизнь вовсе разбита: батюшка живет сам по себе, не любя ни прихода, ни своего приходского храма; приход живет замкнуто и отдельно от батюшки, а на пригорке — сиротливо стоит храм Божий, вечно запертый и использованный в самой незначительной степени. Печальная картина разрушения церковного общества!

Характерно, что на мои по этому поводу замечания многие пастыри говорят, что и они не бесполезны для народа, что они состоят, например, счетоводами в кредитном товариществе или ревизорами в потребительской лавке... Тем и исчерпывается пастырская деятельность этих "пресвитеров", понимающих всякую деятельность, кроме приходско-церковной.

Жизнь этих "пресвитеров" — сплошная эксплуатация религиозного чувства у верующего народа, которому эти пастыри ничего не дают и от которого почти всем пользуются.

Что сказать о народе? Ему было до последнего времени милостиво предоставлено право молиться и жертвовать, жертвовать и молиться...

Когда верующий народ начинал находить недостатки в церковной жизни и протестовать против них, ему категорически говорили, что это — не его дело. И этот чудовищный "порядок" церковной жизни, когда народ должен был терпеть молча и опустошение церковной кассы на неведомые нужды, и священника-кощунника, и полное пренебрежение к его религиозным запросам, и невероятную волокиту во всех церковных делах, — этот

"порядок" жизни так и считался порядком; а когда в конце концов народ терял всякое терпение, то это обстоятельство и признавалось беспорядком.

Почти такой же порядок остается и доселе! Последствием этого явилось уродливейшее явление: народ, даже верующий, почти вовсе утратил представление о Церкви как обществе.

Я посетил за последнее время до семидесяти церковных общин и лишь кое-где видел проблески сознательной церковности; напротив — почти везде можно заметить самое основательное забвение истинной церковности. Народ как бы инстинктивно еще пытается в некоторых местах решать "всем миром" церковные вопросы, но почти без исключения эти вопросы касаются только храма и никогда не относятся к жизни общественной и к ее устроению. Тут дело обстоит ужасно: церковного строительства вовсе нет! Мало того, никто до последнего времени даже не замечал этой ужасающей пустоты в церковной жизни. Церковная жизнь никак не проявляется, ее нет! А руководители церковной жизни преблагодушно уверяли себя и других, что все в Церкви благополучно. Руководители оказались слепцами!.. Вдвойне несчастны оказались руководимые... Таковы последствия ненормальных отношений государства к церкви.

Но, может быть, мною сгущены краски? Может быть, дело обстоит уж не так безнадежно? — О, конечно, — церковное дело может быть скоро исправлено и быстро развиваться и в глубину, и в ширину, но что церковное дело чрезвычайно испорчено государственной опекой, это несомненно! — Это мое убеждение, и, к моему удивлению, я единомышленником своим по данному вопросу имею такого осторожного мыслителя-историка, как проф<*ессора*> В. З. Завитневича. Он пишет: «Вмешательство государства с его внешними ме-

роприятиями во внутреннюю жизнь Церкви непременно влечет за собой атрофию нравственного начала, на котором зиждется последняя, и к параличу всех важнейших функций Церкви, как нравственно-воспитательного института... Особенно характерным в данном случае является факт понижения нравственного уровня среди членов высшей иерархии. Условия исторической жизни превратили их из любвеобильных пастырей, какими они должны быть по Евангелию, в властолюбивых чиновников, развив страсть властвовать и повелевать в ущерб потребности любить и нравственно воздействовать. В этом отношении приходится констатировать иногда как будто утрату нравственного чутья и даже прямо простого приличия... Как могло это случиться? На церковной почве это не могло произрасти. Ни Евангелие, ни каноны Церкви не могли этого породить; это плод проникновения в недра Церкви, где должны царствовать любовь и свобода, начал государственно-бюрократического деспотизма... Такие пастыри стада Христова скорее разгонят его, чем упасут; такие воспитатели христианских душ никого не воспитают ни для Церкви, ни для государства. Здесь один из главных источников омертвения Церкви в наши дни, а омертвелая, парализованная в своих силах Церковь не может служить ни своим прямым задачам, ни культурным задачам государства. И это необходимый результат вмешательства государства во внутренние дела Церкви». Это было написано в 1906 году; тогда справедливость слов профессора нельзя было проверить в жизни, теперь же его диагноз церковно-общественной болезни оправдался в полной мере:

1) Пастыри никого не способны объединять около себя;

2) Они даже не понимают сами церковных принципов, а предпочитают иные принципы — государствен-

ного устроения самой Церкви, которую хотят создать по образу и подобию государственной.

VI. Положение совсем не безнадежно!

Итак, положение безнадежно? Итак, у русского народа нет объединяющих принципов? У него нет идейных работников? Итак, русскому народу остается быть в большевиках, забыв религию, родину, забыв всякую правду и заботясь только о сытости? Итак, святая Русь безнадежно должна быть признана только социалистическим отечеством дарвиновских обезьян?

О, нет! Совсем нет!

Верно только, что мы, русские люди, жестоко больны; верно, что Петербургский период русской истории всех нас разъединил, и мы на себе оправдываем римское изречение: человек человеку волк, — вернее: товарищ товарищу волк. Да, среди русских людей ужасное взаимное недоверие друг ко другу! Духовенство и миряне, интеллигенция и народ, буржуи и пролетарии — все это отдельные лагери, почти враждебные...

Но пойдите вы к народу в любую деревню. Начните там говорить об оскорблении церквей Божиих, и почти поголовно вам ответят: «За церкви Божии мы умрем, грабят церкви только разбойники». Такой ответ можно услышать везде и неизменно, в каждом приходе. Ясно, что у русского народа сохранилось не только врожденное нравственное чувство, но и инстинктивное тяготение к своему храму, к своей церкви, — как храм обыкновенно называется, — как лучшему месту для душевного отдыха, как средоточию всей "мирской" жизни. Припомните, что русский народ все жизненные недоумения стремится решать непременно миром, — а ведь мир-то, состоящий из Иванов и

Петров, Агафий и Акулин, любящих свой храм, — это и есть Церковь. К сожалению, этой простой истины никто народу не подсказал, а все дружно эту Церковь разрушали... Оказывается, что у народа русского имеется налицо церковное настроение; нужно только использовать это настроение. Прояснить народу его сущность и закрепить его в жизни. Тогда духовенство будет ближе к народу, а может быть, вернется к народу и интеллигенция. *Церковь есть общество, а без своей собственной общественной жизни оно, конечно, мертво.*

Между тем эту жизнь в церковном обществе губила сама иерархия, да и доселе она к этому склонна... Общественная же жизнь в Церкви должна выражаться во всем, захватывая все стороны жизни. Например, в церковном обществе должны быть свои школы, совершенно определенно христианские-церковные. Это будут отнюдь не духовные школы отжившего ужасного типа, в которых ничего не было ни духовного, ни церковного, кроме вывески и недоразумения; нет, — должны быть церковно-народные земледельческие школы, церковно-народные профессиональные учреждения, церковно-народные общеобразовательные училища.

Замечательно, что против русских церковно-народных, безупречно-народнических школ возражают по преимуществу марксисты, то есть последователи немецкого еврея Маркса. Неужели они не знают, что евреи только и сильны своей кагальной общественностью и своим национальным школьным воспитанием?! И замечательно, что в Москве в октябре 1918 года везде русские марксисты, по-русски ничего не видящие далее своего носа, разрушали свои национальные школы, а в это время еврейские марксисты огромными буквами печатали объявления на всех московских улицах: "От-

крывается частная еврейская гимназия. Главные предметы обучения: Закон Божий, История еврейского народа" и пр<*очие*>.

Таким образом, русские марксисты почти во всем исполняют заповеди еврейских своих "товарищей", а — в построении жизни нисколько на них не похожи!

Итак, у Церкви должны быть ее собственные церковные учреждения; у нее должен быть и свой кооператив. Вспомните кооперативную жизнь христианской общины по книге Деяний! — Вот ведь где начало истинной кооперативной жизни! А потом припомните кооперативную жизнь древнерусского прихода, разрушенного тем же Петербургом; у этого прихода были собственные и благотворительные, и просветительные учреждения, созданные на началах кооперации. Кооператив церковный, церковная взаимопомощь — это самая жизнь Церкви, это ее сущность, поскольку Церковь живет и действует среди людей. — Такую церковную взаимопомощь сохранили и имеют наши старообрядцы, и только ею они и сильны.

Повторяю: мы должны устраивать во что бы то ни стало церковно-народную жизнь, основанную на взаимном доверии и любви. В этой жизни непременно должны участвовать все: и интеллигенция, и буржуи... Вернее — в Церкви не должно быть никого, кроме только братьев. Кто не хочет жить в церковной жизни, — кто не желает служить ей, — тот лишается всякого общения с Церковью, становится для Церкви вполне чужим...

В Церкви — полная свобода и полная любовь! Но церковная свобода ни в коем случае не может переходить в нравственную распущенность. Это свобода — честно жить, честно трудиться, свободно защищать общественную правду.

К такой настоящей общественной свободе русский народ очень близок, — для этого должны стать во главе жизни церковно-приходские советы. Тогда русский народ будет свободным хозяином своей жизни, полным хозяином всего своего свободного счастья. Жизнь его будет тогда живой иллюстрацией к прекрасным словам одного учителя Церкви: "люби по-христиански и живи, как хочешь", — тогда ты ничего худого не сделаешь при самой широкой свободе. Русский народ имеет все данные к тому, чтобы ему сделаться таким хозяином своего счастья.

Вот этого прекрасного будущего я и желаю русскому народу; на службу такой сознательной христианизации и воцерковления русского народа я и призываю Восточно-русское общество в его ближайшей деятельности; народ русский только поблагодарит наше Общество за такую деятельность[58].

* * *

Христиане последних веков

Мы верим, что настоящая тяжкая болезнь русского народа еще не к смерти, но к славе Божией.

Однако нельзя не согласиться, что в текущих событиях подчас необыкновенно ярко проявляются те самые черты и образы, в которых древнецерковные книги характеризуют нам эпоху "последнего отступления". В этом отношении достаточно познакомиться с церковными чтениями, положенными уставом в неделю мясопустную: словом Ипполита Римского, Ефрема Сирина об антихристе и Синаксария названной недели. Познакомьтесь с ними, читатель!

[58] Заволжский летописец. 1918. № 12. С. 391–402.

И именно пред лицом текущих событий является потребность вспомнить о том, что ожидается церковною мыслью в грядущем.

Автору настоящих строк пришлось делать доклад в одном обществе. Речь шла о том, как русский народ истари страшился возможности быть вовлеченным незаметно для самого себя в "мечтательное и скверное царство Противника". Под этим опасением тщательно взвешивалось всякое новое событие народной жизни, из этого опасения люди покидали насиженные места, свои имущества и семьи и удалялись в лесные пустыни; это опасение раскалывало существующие согласия, вело к появлению новых.

Через несколько дней после доклада я получил замечательное письмо от одной народной учительницы, которая спрашивала, как же смотреть на настоящее-то положение нашего народа: не приходится ли признать, что люди все делали ради того, чтобы избежать Антихриста, и все-таки не могли они от него уберечься? Они все делали для того, чтобы соблюсти истину, но истина все-таки не спасла их от владычества Противника! Не значит ли это, что истина не спасает? Не значит ли это, что Противник оказывается сильнее ея? Где же тот "оазис" посреди мира, в котором христианская истина остается непоколебленною и непоколебимою от Антихриста?

Вот сколько трагических сомнений и вопросов зарождается в современном русском человеке под впечатлением того, что делается с нашей несчастной родиной, "впадшей в разбойники", и при воспоминании о том, как много труда и подвига было положено за спасение "Святой Руси" отшедшими печальниками русского благочестия.

Как ответить на эти горькие недоумения? Как отвечает на них церковное сознание?

I

Без всякого сомнения, Истина спасает. Можно сказать, что понятие *Истины* уже заключает в себе понятие *Спасения*, так что суждение: "истина спасает" не прибавляет ничего к понятию "истины" — сказуемое здесь лишь развивает содержание, данное в подлежащем.

Вопрос в том, где истина. Для нас христиан Истина не есть "абстрактное приложение", "спекулятивный продукт" человеческого ума, "цепь умозаключений". Не есть она и простое «формальное согласие наших мыслей между собой».

Истина для нас *есть судящая нас, живая, независимая от нас реальность*, обладающая свободою и личными свойствами — Христос. Жизнь и содержание этой живой и воплощенной истины не ограничивается тем, что дано нам в Евангелии. «Еще много имам глаголати вам, говорил Христос, но не можете носити ныне. Егда же приидет Он, приимет и возвестит вам» (Ин. 16, 12–14). Все верное Духу Христову историческое предание Церкви (историческая жизнь "Тела Христова") есть новое и новое, непрестанно растущее раскрытие Христа — Истины.

Значит, верность Христову Преданию, как реальное условие пребывания в историческом Христовом Теле, есть вместе с тем и условие пребывания в Истине, и условие спасения во Христе.

II

Совесть и самонаблюдение говорит нам, что никак нельзя нам подумать каждому за себя, будто человек «сделал все, чтобы уберечь себя от силы Антихриста, и

все-таки не убережется» (цитирую письмо, о котором сказано выше). В том-то и дело, что люди делают слишком мало для того, чтобы сохраниться верными Христову Преданию! В громадном большинстве своем люди "плывут по течению" и ищут наслаждений и сытости при совершенной готовности поклониться всякому, кто обеспечит им эти вещи. Поэтому и нет ничего "рокового" или чрезвычайного в том, что в огромном большинстве человечества может и будет пользоваться успехом всякая достаточно хитрая, изворотливая и изобретательная власть, хотя бы по существу она была глупа, лжива и злобна!

Впрочем же не подлежит сомнению, что и власть Антихриста, и власть самого дьявола перед лицом Истины есть величина ничтожная и не внушающая опасений. «Порок, хотя бы он имел на своей стороне всю вселенную, слабее всего, а добродетель, хотя бы она оставалась одинокою, сильнее всего, — имея на своей стороне Бога. В самом деле, кто может спасти того, против кого действует Бог? Кто может погубить того, кому помогает Бог?» (Св. Иоанн Златоуст 5, 62).

Согласно всему церковному преданию Антихрист может и будет иметь успех *только в тех, кто не верен Христу*, пред лицом же действительно верующих Христу будет *бессилен*. Знаменитое место из послания Апостола Павла Солунянам (2 Сол. 2, 10–12) говорит, что за Антихристом пойдет лишь тот, кто не имел настоящей любви к Истине, но служил себе и своим страстям: «Зане любве Истины не прияша, во еже спастися им, и сего ради пошлет им Бог действо льсти, во еже веровати им лжи». Не было силы и решимости быть до конца верным Христу — Истине, зато будут верить лжи и обману, и приветствовать их всем сердцем! Златоуст по этому поводу говорит: «Антихрист возобладает только над погибающими, которые, хотя бы он и не пришел, не

уверовали бы... но он придет с той целью, чтобы изобличить их» (IX, 599). По своему смыслу в истории Антихриста есть собиратель (концентратор) лжи. Ложь и плевелы, рассеянные по всему полю вместе с пшеницей и правдой, собираются в конце истории и отбираются отдельно. А так как носителями этих плевел и лжи в действительности являются свободные и сознательные люди, то и собирание их мыслится как привлечение людей через их внутренние склонности и скрытые вожделения, которым обещается удовлетворение. В этом, собственно, и трагедия, внутренняя трагедия человечества, что удовлетворять большинство будет обман, хотя бы и подкрашенный под Истину.

Но у кого окажется достаточно острым чутье к правде, тот будет сильнее Антихриста; и Противник не будет в силах обмануть тех, кто будет твердо держаться своей Главы — Христа, то есть Главы исторического церковного тела.

III

Кто ж остающиеся до конца верными своей Главе — Христу? По каким внешним чертам и признакам можно будет указать членов Христовой общины в последние антихристовы времена?

Древние церковные мыслители явно предчувствовали, что в будущем христианству предстоит значительное перемещение посреди вещей мира и в связи с этим значительное изменение внешнего выражения христианства в мире. Был древний период гонений. Он сменился периодом господства, когда христианство поддерживалось государствами и властями мира. Этому отвечало блестящее развитие церковного ритуала, церковной каноники, превознесение пред миром Епископ-

ской власти, которая соперничала с властью мирских владетелей... Мы, по-видимому, доживем этот период! Был ли он идеальным и исключительно благоприятным для жизни Христовой Церкви? Если бы он был таким, то он, без сомнения, не закончился бы в истории; потому что Тот, Кто блюдет судьбы Церкви, — больше всех, «Царство Его — Царство всех веков и Владычество Его во всяком роде и роде!». Очевидно, что если период внешнего блеска и господства в мире сменится для Церкви каким-либо другим периодом, то это так надо для блага Церкви! Как же представляется положение христианства в конце веков?

«В последнее время, — говорит блаженный Нифонт Цареградский, — те, которые поистине будут работать Богу, благополучно скроют себя от людей и не будут совершать среди них знамений и чудес, как в настоящее время, но пойдут путем делания, растворенного смирением, и в Царстве Небесном окажутся большими отцов, прославившихся знамениями, потому что тогда никто не будет делать перед глазами человеческими чудес, которые бы воспламеняли людей и побуждали их с усердием стремиться на подвиги. Занимающие престолы священства во всем мире будут вовсе неискусны и не будут знать художества добродетелей. Таковы же будут предстоятели монашествующих, ибо все будут низложены чревоугодием и тщеславием, и будут служить для людей более соблазном, чем образцом... Многие, будучи одержимы неведением, падут в пропасть заблуждения в широте широкого и пространного пути»[59]. Так рисовалось древнему отцу отдаленное будущее христианства — эпохи, близкой к "последнему отступлению". А вот, в параллель предыдущему, еще характерное место

[59] Варсонофия Великого и Иоанна, Руководство к духовной жизни / Русский перевод изд. Тузова. СПб., 1905. С. 495.

из древнеотеческой письменности: «Святые отцы Скита пророчествовали о последнем поколении, говоря: что сделали мы? И отвечая, один из них по имени Исхирион сказал: мы сотворили заповеди Божии. Еще спросили: следующие за нами сделают ли что-нибудь? Сказал же: они достигнут половины нашего дела. А после них что? И сказал: не будут иметь дел совсем люди рода оного, придет же на них искушение, и оказавшиеся достойными в оном искушении окажутся выше нас и отцов наших»[60]. Таково представление о христианах последних лет! То самое "последнее отступление", которое послужит к отбору плевел лжи и гордыни со всемирно-исторической нивы, будет для подлинных христиан очищающим пламенем, которое приведет их ко Христову Царству еще скорее и прямее, чем великие подвиги и знамения древних отцов! Надо, чтобы бдительно и бодро были встречены и проведены великие страдания и искушения последних времен! *«Бдите и молитеся, да не внидите в напасть»*.

«Иов был не так славен в то время, когда владел богатством, отверзал дом свой для бедных и раздавал имение, как во время, когда услышал, что дом его обрушился, и не возроптал... Когда он владел богатством, дьявол имел хоть какой-нибудь предлог сказать: еда туне чтит Тебя Иов? Но когда дьявол все отнял у него, всего лишил, а он сохранил то же самое почтение к Богу, тогда заградились наконец бесстыдные уста и более уже не могли ничего сказать, потому что праведник оказался еще славнее, чем прежде... Когда у Иова были только добродетели, то дьявол, хотя и с крайним бесстыдством и наглостью, но все же попрекал его, говоря: еда туне чтит Иов Бога? Когда же случились эти несчастья, то со стыдом обратился в бегство, не смея уже бро-

[60] Древний Патерик / Русский перевод. М., 1900. С. 341.

сить и тени какого-либо бесстыдного попрека» (Св. Златоуст XII, 637–639).

IV

Ясно, что при новом положении христианства в мире внешнее оказательство его будет весьма незначительно по сравнению с прежним, — оно не будет «бросаться в глаза». Носители предания и Духа Христова будут возрастать как скромные и мало кому ведомые, незаметные для поверхностного взора цветы луга Христова! Это надо представлять себе по образу того, как, по древним сказаниям, великим преподобным отцам открывалось, что они еще не достигли в духовную меру какого-нибудь никому неведомого александрийского поденщика или эфиопа-дровосека, а при выборе кандидата в Епископа в целом городе достойнейшим оказывался угольщик, о котором прочие граждане только и знали, что он, выпачканный сажею, возил мимо их окон уголь в телеге.

В Прологе и древних житиях можно найти немало подобных сказаний. Наверное, и сейчас недалеко от нас, хотя и незаметно для нас, где-нибудь на задворках, в светелке, за городским предместьем, живет какой-нибудь Христов простец-молитвенник, один из тех, ради которых сохраняется еще и стоит прочий, столь блестящий и шумный, но духовно-скудный и неплодящий мир! Когда некоторые батюшки говорили бывало, что их не удовлетворяет приходская деятельность, ибо приход "не развит", "непросвещен" и с таким приходом где-нибудь в "Заручье" не стоит и дела начинать, то невольно приходило в голову, что батюшки близоруки и не замечают, что очень близко от них, в заброшенной "заручьенской" хате есть просте-

цы, духовно более плодовитые пред Христовой правдой, чем сами богословы и профессиональные проповедники Правды. Плодовитых пред Богом христиан гораздо больше, чем мы думаем, и они тут, близко от нас, только мы их не замечаем и не оцениваем! И есть уже сейчас такие около нас, которые спасаются добрым несением бедствий и искушений!..

В заключение приведу удивительное сказание, характерное для древнего церковного сознания и говорящее именно об этих смиренных и тайных лилиях луга Христова и о значении их в Церкви. В знаменитом "Лимонаре" Софрония, премудрого патриарха Иерусалимского, есть глава, говорящая о том, что совершение самой Евхаристии и пресуществление Святых Даров совершается за молитвы простецов, стоящих, может быть, где-нибудь сзади всех, тогда как сам возносящий Дары священник, может быть, и не достоин! Авва Юлиан сомневался в благочестии патриарха Макария и оттого уклонялся от общения в тайнах с его священством. Когда он обратился за советом к преподобному Симеону Дивногорцу, то последний сказал ему следующее: «Ни сомнися, ни отлучайся от Соборные церкви, не имать бо ни коего же зла, ни зазора, благодатию Господа нашего Иисуса Христа Спаса Сына Божия: тем же и се веждь, брате, кто ли проскомисает в общем житии вашем, имате же тамо старца велика, именем Патрикия. Сей же старец стоит вне чина священнического, и нижае всех, близ еже на западе церковные стены, и глаголет святую молитву проскомисания о всех, и сего вменится Анафора свята» (Лимонарь, гл. 96, л. 75). Таким образом и при сомнительности патриарха Макария церковная жизнь продолжалась и святая Евхаристия вменялась *за молитвы того, кто стоял ниже и позади всех, на кого не обращали внимания, — простеца, смиренно молившегося у западной стены.*

V

Так и ныне, по нашему убеждению, церковная жизнь продолжается и благодатные дарования не оставляют нас за молитвы незаметных, смиренных людей, живущих рядом с нами, но не оцениваемых нами именно за их слишком смиренный и уничиженный, обыденный вид и нрав! И это тогда, когда верхи и правительство Церкви, может быть, давно и глубоко поколебались в своих путях!

Кто-нибудь, пожалуй, скажет: ну, какую же историческую роль можно приписать таким незаметным и скрытым в людской массе личностям? Не значит ли это низводить христианство в его будущем на положение третьестепенной силы в истории, если носителями его признать таких смиренных и таящихся, уничиженных деятелей, которых мы и сами не замечаем, хотя они около нас?

Вы чувствуете, что это прямое продолжение того же вопроса, который задавался некогда о Христе: можно ли признать этого странного нищего, уничиженного паче всех, ставшего между рабами, поруганного, заплеванного и распятого, — за какую-нибудь историческую силу, не говоря уже — за Сына Божия и Бога? Тот, кто оказывается неспособным почтить образ нищеты и смирения, сам — непременно раб!

В этом и кроется "камень преткновения и соблазна" для нас, что «уничиженное мира избрал Бог». «Исполняюсь гневом и скорбью за моего Христа, — разделите и вы мои чувствования, — когда вижу, что бесчестят Христа моего за то самое, за что наиболее чтить Его требовала справедливость. Скажи мне, потому ли Он вещественен, что смирился ради тебя? Потому ли Он тварь, что печется о твари?.. Потому ли Он мал, что для тебя смирил Себя? Что к заблудшей овце пришел Пастырь

добрый?» (Григорий Богослов III, 178, 203). Так древние ариане интимным образом становились на путь иудейского отрицания Христа на том основании, что рабское разумение никак не хотело признать равного Отцу в уничиженном образе плотникова сына, тогда как Бог воображался в виде пышного Деспота, потрясающего громами!

Незаметное, малое и скрытое для поверхностного взгляда оказывается тем бродилом (ферментом), которое поднимает и перерабатывает в корне великую опару всемирной истории, доколе не вскисло все (Мф. 13, 33)[61].

[61] Заволжский летописец. 1918. № 8. С. 234–241.

ЧАСТЬ II

Письма и труды владыки Андрея (Ухтомского)

I. Документы из фондов Московского Политического Красного Креста и Помощи политическим заключенным. 1921–1934[62]

1. Опросный лист Московского Политического Красного Креста

«Москва 11 ноября дня 1921 г<*ода*>.

1. Фамилия, имя, отчество	Уфимский Епископ Андрей.
2. Где содержится (тюрьма, кор... лагерь; Ч.К. и т. д.)	Бутырская тюрьма, 3-й кор<*и-дор*>, 18 камера.
3. Возраст, национальность, подданство	48 лет, русский. Российский подданный <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	Кончил курс в Московской Дух<*овной*> Академии <...>.

[62] ПКК — «Московский Политический Красный Крест», функционировавший с 1918 по 1922 год. Помполит — «Помощь политическим заключенным», работал с 1922 по 1938 год; возглавлялся первой женой М. Горького, Пешковой Екатериной Павловной (1876–1965).

12. Чем занимался перед арестом	Служение слову Божию.
13. Занимал ли какую-либо должность по выборам, какую и где	Избран с 1918 г<*ода*> старообрядческим епископом для единоверцев с<*ела*> Сатки Уфимской еп<*архии*>.
17. Когда арестован по настоящему делу	28 февр<*аля*> 1921 г<*ода*>.
18. Где арестован	В г<*ороде*> Омске.
19. Когда доставлен в Москву	5 ноябр<*я*> 1921 г<*ода*>.
21. Повод к аресту	Церковная Проповедь <...>.
25. В чем обвинение	Предъявлено обвинение в организации Крестьянского Союза, до очевидности, ни на чем не основанное <...>.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ (по возможности подробнее изложить сущность дела и допроса)

Мое "преступление" состоит в том, что я в церкви проповедь сказал, что слово крестьянин происходит от слова христианин, а слово литургия филологически значит республика. Поэтому я продолжаю считать мой 8-месячный арест досадным недоразумением. — Я считаю нужным сказать, что я просил у Сибирского Револ<*юционного*> Комитета утверждения Устава Союза Ревнителей Свободы религиозной пропаганды без различия исповеданий. Сиб<*ирский*> Рев<*олюционный*> Ком<*итет*> оказал мне исключительное доверие и утвердил мне этот прекрасный Союз для деятельности по всей Сибири, а не только по гор<*оду*> Омску, как я просил. Я стоял в январе — феврале 1921 г<*ода*> на точке зрения Влад<*имира*> Дм<*итриевича*> Бонч-Бруевича,

который в сентябре сего года начал устраивать инославные религиозные коммуны (Прошу устроить мне свидание с Бонч-Бруевичем, Пречист<*енский*> бульвар, Наркомзем); на той же точке зрения стоит и Уфимский Губ<*ернский*> Исп<*олнительный*> Ком<*итет*>, который весной 1920 г<*ода*> утвердил Устав Союза Приходских Советов. В этих двух Союзах можно прекрасно трудиться в создании религиозных коммун на почве этического социализма. Но Ом<*ская*> Губ<*ернская*> ЧК моим арестом все разрушила; впрочем, представитель этой ЧК лично мне 16 апр<*еля*> сказал, что я ни в чем не "виноват", что он "завтра меня освободит"...

В Омской тюремной больнице, заразившись цынгою на почве постоянного недоедания, я все-таки написал новый православный катехизис (вместо Филаретовского), выясняющий принципы христианского социализма. Прошу Красный Крест принять эту брошюрку и издать ее или в пользу голодающих, или для усиления собственного фонда. А мне прошу помочь — чем возможно. Мое освобождение — это элементарное требование справедливости.

Подпись: Андрей, Епископ Уфимский»[63].

В июле 1922 — владыка Андрей (Ухтомский) был освобожден из заключения, в ноябре вернулся в Уфу.

* * *

[63] ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 260. Л. 95. Автограф.

2. Об Ухтомском А. А. — в ОГПУ и Пешковой Е. П.

В декабре 1922 — А. А. Ухтомский вновь был арестован и доставлен в Москву. В январе 1923 — в ОГПУ с заявлением обратилась Н. А. Бабакина, духовная дочь епископа Андрея (Ухтомского).

<5 января 1923>

«В ГПУ

Сестры милос*<ердия>*
Н. И. Бабакиной

Заявление

Прошу сообщить, в каком положении находится дело Александра Алексеевича Ухтомского (Епископа Андрея Уфимского), заключенного в Бутырской тюрьме.

Сестра Н. И. Бабакина.
5/I — 1923 г*<ода>*»[64].

На письме — две пометы заведующего юридическим отделом Помполита:

«Копия. Оригинал передан Ек*<атериной>* П*<авловной>* в ГПУ».

«По спр*<авке от>* 12/I дело в следствии».

Через три недели медицинская сестра Н. И. Бабакина обратилась с заявлением в Помполит.

---

[64] ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 5. Л. 139. Автограф.

<26 января 1923>

«В Полит<*ический*> Кр<*асный*>Крест

Сестры Н. И. Бабакиной

Заявление

Прошу узнать, на каком основании до сих пор не дается ответ мне о свидании с Алек<*сандром*> Алек<*сеевичем*> Ухтомским (Епископом Уфимским Андреем), находящимся в Бутырской тюрьме.

Прошу походатайствовать о разрешении свидания. Бумаги все переданы в ГПУ.

Сестра Н. Бабакина.
26/I — 1923 г<*ода*>»[65].

* * *

3. Об Ухтомском А. А. — в Помполит

В марте 1923 — в Помполит обратилась за помощью Александра Евграфовна Романова[66]*, приемная дочь архиепископа Андрея (Ухтомского).*

---

[65] ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 5. Л. 253. Автограф.

[66] Романова Александра Евграфовна, родилась ок. 1897 в Казани. Получила среднее образование. Проживала в Уфе, работала медсестрой в больнице, возможно, входила в Уфимское сестричество. 9 августа 1922 — арестована и заключена в тюрьму. 15 января 1923 — освобождена. В конце 1920-х — проживала в Казани, работала фельдшером в Адмиралтейской больнице. 30 августа 1930 — арестована по групповому делу и заключена в тюрьму. 27 октября 1930 дело прекращено «*за отсутствием состава преступления*», освобождена из тюрьмы.

<10 марта 1923>

«В помощь политическим заключенным

Александры Евграфовны
Романовой

Заявление

Прошу Помощь политическим заключенным взять на себя любезность выяснить в ГПУ о причине перевода Епископа Андрея (Александра Алексеевича Ухтомского) из Бутырской тюрьмы в ГПУ. Постановлением ГПУ от 23/II с<*его*> г<*ода*> он назначен к высылке в Туркест<*анский*> край.

Приемная дочь Епископа Андрея

А. Романова.
10/III — 1923 г<*ода*>»[67].

На письме — помета секретаря Помполита:
«По спр<*авке*>17/III будет освоб<*ожден*>».

* * *

4. Ухтомский А. А. — Пешковой Е. П.

3 мая 1923 — перед отъездом в ссылку А. А. (Ухтомский) посетил приемную Помполита, оставив Пешковой Е. П. записку:

«+

Дорогая Екатерина Павловна,

приходил от всей души поблагодарить Вас за любовь и внимание Ваше ко всем страждущим и ко мне грешному. Простите, что не могу ожидать Вас.

[67] ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 5. Л. 446. Автограф.

Грешный богомолец Андрей, епископ Томский и Уфимский.

1923, мая 3»[68].

* * *

5. Об Ухтомском А. А. — Пешковой Е. П.

В июле 1924 — к Екатерине Павловне Пешковой обратился за помощью Транквиллин Земляницкий, духовный сын архиепископа Андрея (Ухтомского).

<14 июля 1924>

«Екатерине Павловне Пешковой.

Обращаюсь к Вам с просьбой об освобождении архиепископа Андрея УХТОМСКОГО, находящегося давно уже в заключении при ГПУ в Ташкенте. Слышно, что ему не предъявлено никакого обвинения.

Я думаю, что Власть оценит его заслуги перед родиной, когда он один среди русских архиереев в царское время с церковной кафедры и в прессе восставал против Распутина и против "Союза Русского Народа". Тогда он один из архиереев отстаивал национальные интересы загнанных народностей — чуваш<*ей*>, черемис<*ов*>, вотяков и т<*ак*> д<*алее*>. Он был и есть любимец низшего, бедного, загнанного люда. Казань и Уфа, где он служил в самых бедных слоях населения, помнят его добрую, ласковую, отзывчивую душу; беженцы Западного Края одеты были только им.

Помогите ему. Прошу я за него, как духовный сын его, хорошо знающий всю его трудовую, скромную,

[68] ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 8. Л. 84. Автограф.

подвижническую жизнь. Я знаю по опыту своему, как тяжело жить в заключении, и, особенно, такому живому человеку, каков арх<*иепископ*> Андрей.

Транквиллин Аполлинарьевич Земляницкий.

14/VII. 24 г<*ода*>. Самара <...>»[69].

* * *

6. Об Ухтомском А. А. — в Помполит

В ноябре 1924 — Александра Евграфовна Романова вновь просила помощи Помполита.

<22 ноября 1924>

«В Общество Помощи Политическим
Заключенным

Заявление

По постановлению Коллегии ГПУ от 1923 г<*ода*> 24 февраля Епископ Андрей УХТОМСКИЙ был выслан в Туркестан в г<*ород*> Ташкент на 3 года. По приезде в Ташкент 24 мая 1923 г<*ода*> он пробыл на свободе 1,5 недели, а потом был арестован, под арестом пробыл 1 м<*есяц*> + 1 неделю и выслан в г<*ород*> Теджен Туркменской волости, в Теджене он был после 3-х месячного пребывания на свободе опять арестован и направлен вторично в г<*ород*> Ташкент. В Ташкенте он содержался под арестом с 5/XI 1923 по 14/XI 1924 г<*од*>. 14 ноября 1924 г<*ода*> он телеграммой от Моск<*овского*> ГПУ был затребован в Москву, куда и прибыл

[69] ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 43. Л. 69. Автограф.

17 ноября с<*его*> г<*ода*> и был с вокзала направлен в ГПУ. Ташкентское ГПУ и Туркменский Прокурор на вопрос, за что арестован Еп<*ископ*> Андрей УХТОМСКИЙ, отвечали, что обвинений ему политических нет, но под стражею содержится по "особым соображениям". Прошу Вас выяснить дальнейшую судьбу Еп<*ископа*> Андрея УХТОМСКОГО. Неделю тому назад родная сестра Еп<*ископа*> Андрея М. А. ДМИТРИЕВА обращалась к т<*оварищу*> Смидовичу, и он ей ответил, что Еп<*ископ*> Андрей освобожден, а между тем вот уже пять дней, как он сидит в Москве в ГПУ.

Приемная дочь Епископа Андрея А. Романова»[70].

* * *

7. Об Ухтомском А. А. — в Помполит

В июле 1929 — в Помполит обратилась за помощью П. Чалкина, духовная дочь архиепископа Андрея (Ухтомского).

<10 июля 1929>

«Не будете ли так добры сообщить, где находится в настоящее время, очевидно, заключенный Епископ Андрей Уфимский (Александр Алексеевич Ухтомский), который был в ссылке в Кзыл-Орде в 1928 г<*оду*>, а в конце 28 или в начале 29 года он был там арестован и неизвестно куда переправлен. По слухам, должен быть в Москве или Ярославле. Прошу сообщить его адрес. П. Чалкина»[71].

---

[70] ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 43. Л. 68. Автограф.

[71] ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 369. Л. 225. Автограф.

В августе 1929 — заведующий юридическим отделом Помполита сообщил П. Чалкиной:

<2 августа 1929>

«П. Чалкиной. У<*ведомление № 6*> 893. 2/VIII–29.

В ответ на Ваш запрос, согласно справке ОГПУ, сообщаю, что Ал<*ексан*>др Ал<*ексеевич*> Ухтомский содержится в Ярославском политизоляторе»[72].

* * *

8. Ухтомский А. А. — Пешковой Е. П.

Осенью 1932 — владыка Андрей (Ухтомский) находился в ссылке в Алма-Ате. В ноябре он просил помощи Екатерины Павловны Пешковой, но не для себя.

<15 сентября 1932>

«+

Г<*осподи*> б<*лагослови*>
В Политический Красный Крест
(Екатерине Павл<*овне*> Пешковой)

Глубокоуважаемая
Екатерина Павловна,

Пользуясь Вашим уже многолетним вниманием, я прекрасно сознаю, что сейчас не имею права обращаться к Вам со своею просьбою; но когда утопающий

[72] ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 369. Л. 224. Машинопись.

кричит и просит о помощи, то не спрашивает о правах...

Итак, прежде всего — простите за беспокойство и за мою просьбу. Дело в том, что в Красно-Вишерском лагере, на севере б<*ывшей*> Пермской губ<*ернии*> в больнице находится мой д<*уховный*> сын, еписк<*оп*> Вениамин (Александр Вас<*ильевич*> Троицкий). Он также физически бессилен и беспомощен, как и я; тем не менее он был поставлен на тяжелые физические работы и вскоре получил гнойный плеврит. Ему сделана была операция, выломали ребро, он был уже приговорен к смерти. Однако он вынес операцию. Но теперь осенью ему грозит чахотка, если ему не удастся изменить климат.

Умоляю Вас: помогите.

Троицкий — вполне одинок, теперь вполне инвалид. Он имеет только брата (монаха), но разошелся с ним в церковных убеждениях. Его преступление (как и мое) заключается только в том, что он христианин-коммунист, а не идолопоклонник. Если Вы спасете Троицкого, то спасете одного из честнейших русских людей.

Глубоко Вам благодарный и искренне уважающий

Андрей Ухтомский
(Епископ).

15 сент<*ября*>.
Алма-Ата. Новая Слобода, Полевая ул<*ица*>,
д<*ом*> 17.

P. S. Сейчас перечитал письмо и хочу рассеять Ваше возможное недоумение: "неужели ныне имеются идолопоклонники?" Представьте: и кажется, это довольно распространенная секта катаскопов, людей вовсе бесчестных, поклоняющихся с одинаковым почтением и вправо и влево, смотря по тому, что выгоднее и безопас-

нее. — Троицкий не таков, но неужели это так дурно? Помогите же!

Е. А.»[73]

* * *

9. Ухтомский А. А. — в ГПУ

<21 декабря 1933>

«В Государственное Политическое Управление
в г<*ороде*> Алма-Ата
гражданину Сажину (ком<*ната*> 28)

Гражданин Сажин

Когда Вы 5 ноября с<*его*> г<*ода*> приказали мне собираться в Сузак, то этот жестокий Ваш приговор смягчили всеми доступными для Вас средствами: я ехал без собственных расходов и в сопровождении той доброй женщины, которая ныне спасает меня от голода.

Я глубоко и искренне благодарю Вас за это. Благодарю и гр<*аждани́на*> Балахова, моего спутника до Чимкента, за его попечение обо мне и о моем благополучии.

Но далее случилось событие совершенно фантастического свойства, о подробностях которого Вам, вероятно, будет известно из рапорта здешнего нашего начальника, гр<*аждани́на*> Баранова: здешний комендант лишил меня наиболее ценной части моих вещей (отправленных гражд<*ани́ном*> Балаховым на имя ГПУ), а потом застрелился.

Теперь прошу Вашего великодушия еще в большей мере, чем 5–7 ноября.

---

[73] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 775. Л. 70–71 об. Автограф.

Всецело по вине здешнего коменданта Гизеттулина я теперь в Сузаке сижу совершенно без белья (проще говоря, сижу во вшах) и без возможности даже в долг его приобрести, потому что купить негде, даже если бы у меня были деньги.

А у меня нет буквально ни копейки (не могу купить керосину, сижу впотьмах).

Потому и прошу Вас: из Ваших запасов ГПУ будьте добры прислать мне хоть три смены белья. Это для меня крайне необходимо, а по существу, совершенно справедливо.

Будьте же милостивы и справедливы, ведь я лишился сейчас почти всего моего имущества! Помогите!

Ухтомский Андрей.

1933, 21 декабря. Сузак»[74].

* * *

10. Ухтомский А. А. — Винаверу М. Л.[75]

<29 декабря 1933>

«В Политический Красный Крест.
гражданину М. Винаверу

Спешу известить Вас, что посланные на мое имя деньги за № 2331 от 8 дек<*абря*> с<*его*> г<*ода*> благо-

[74] ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1000. Л. 84. Автограф.

[75] Винавер Михаил Львович (1880–1942) помощник Пешковой Е. П. в Помполите.

получно получил — 50 руб<*лей*>. Приношу Вам глубочайшую благодарность за попечение.

Андрей Ухтомский.

29 дек<*абря*> 1933,
п<*очтовое*> отд<*еление*> Сузак»[76].

Благодарственное письмо сопровождалось вторым письмом с описанием тяжелой ситуации с продовольствием в Сузаке.

«В Политический Кр<*асный*> Крест
гражданину М. Винаверу

Очень и очень прошу Вашего прощения, что беспокою Вас этими строками. Но я имею слишком много доказательств Вашей доброты ко мне, поэтому в Вашем прощении уверен: Вы мне помогали в Бутырке еще в 1923 г<*оду*>, помогали в Ярославле в 1930–31 г<*одах*>, а теперь я увидал Вашу подпись и на денежном переводе в Сузак...

Сначала буду писать не о себе. Хочу писать о погибающих детях и боюсь. Боюсь всего и всех!

Помогите! Помогайте. Каждый кусок хлеба может спасти на день-два хоть кого-нибудь.

Пришлите сюда хоть Серафимовича посмотреть, что здесь делается. Повторяю: я боюсь писать; но вызовите мою сестру...

Представьте себе, что меня здесь обокрали; а я вот не могу написать Вам, кто это сделал. Это будет почти преступление: так это фантастично.

Вообще такого безнадежного ужаса жизни я еще не встречал.

---

[76] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1078. Л. 22. Автограф.

Помогите же!

Помогайте же!

Берегите каждый кусок хлеба! Не бросайте ни крошки! Все шлите нам. Этими крошками мы будем спасать погибающих.

И, — честное слово! — ни одной крошки из таких святых крошек я сам не съем...

Искренне благодарный Вам Ухтомский.

1933, дек<*абря*> 29.

Сузак.

А где же Екатерина Павловна? Если она благополучна, то прошу передать мое приветствие»[77].

* * *

11. Об Ухтомском А. А. — Пешковой Е. П.

В январе 1934 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью Лидия Александровна Купреянова, духовная дочь архиепископа Андрея (Ухтомского).

<10 января 1934>

«Обращаюсь с глубокой сердечной просьбой. Вы, Екатерина Павловна, неоднократно помогали Александру Алексеевичу Ухтомскому, который является 2-м моим отцом почти с 7-ми летн<*его*> возраста (1-й отец при царск<*ом*> правит<*ельстве*> в 1906 г<*оду*> был сослан в Сибирь), поэтому вместо его и пишу Вам я; он сам не

[77] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1078. Л. 26–27 об. Автограф.

стал Вас еще раз беспокоить и, будучи совершенно больным, подчинился своей тяжелой участи и уехал. Когда Вы ему в начале этого года прислали телеграмму о том, что он остается в Алма-Ате до окончания срока высылки, то я решилась приехать к нему, т<*ак*> к<*ак*> он сильно был болен и просил меня хотя в тяжелый момент его жизни не побояться и приехать. Помня, что он мне в детстве, еще будучи слабым ребенком, не дал не только подвергнуться тяжелой участи голода, но и дал мне возможность пройти среднее образование, я после долгой разлуки, будучи сама уже инвалидом III группы (я врач), решилась поддержать его в последние годы его жизни и приехала в Алма-Ату.

Чистосердечно говорю, что, несмотря на все тяжести, которые пришлось пережить моему отцу-воспитателю, я никогда не имела на сердце горечи против власти, которая его этому подвергает, а, наоборот, буду убеждена до конца, что если бы он очутился волею судьбы во власти противоположного лагеря, да еще под гнетом духовн<*ой*> власти, то безусловно подвергся бы более тяжелой участи, чем сейчас. Таков, очевидно, его жизненный удел!

Но вот тяжелое совпадение, я приехала, а его вскоре же куда-то выслали. Я крайне удручена мыслею, что его высылка из Алма-Аты как будто связана с моим сюда приездом. Работая честно и преданно на медицин<*ском*> посту в Сов<*етском*> Союзе, я искренне заявляю, что близость больного старого отца не только не помешает мне, но чувство благодарности за разрешение даст мне силы с большей энергией и преданностью отдаться своему долгу.

На основании всего вышеизложенного я решилась беспокоить Вас, Екатерина Павловна, своей глубокой сердечной просьбою — не откажите выхлопотать мне документ, что я, как его приемная дочь-воспитанница,

имела бы право беспрепятственно жить около него последние годы его жизни.

Он настолько измучен нравственно и больной, что просил меня обратиться и от его к Вам с этой просьбой.

Даю слово, что все это не помешает мне честно и преданно работать, как я и работала до сих пор.

Врач Купреянова
Лидия Александровна.

Выслали его в Сузак — 120 км от жел<*езной*> дор<*оги*> от стан<*ции*> Туркестан, и находится в тяжелых материальных условиях. Ст<*анция*> Туркестан Ташкентской жел<*езной*> дор<*оги*>. Почт<*овое*> Отд<*еление*> Сузак.

Алма-Ата. 2-я Клеверная, 6»[78].

* * *

12. Ухтомский А. А. — Пешковой Е. П.

В феврале 1934 — епископ Андрей (Ухтомский) сообщал Екатерине Павловне Пешковой о получении посылок.

<6 февраля 1934>

«В Политический Красный Крест.
Председательнице Екатерине Павловне Пешковой.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Мною получено в совершенной исправности от Вашего имени три посылки: две от 21 января с<*его*>

[78] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1078. Л. 23–24 об. Автограф.

г<*ода*> с хлебом-мукою и одна от 27 янв<*аря*> — с бельем. Все три были за одним номером — 2331.

От всей души приношу Вам за них глубочайшую благодарность; земно Вам за них кланяюсь.

Андрей Ухтомский.

6 февраля 1934 г<*ода*>.
Сузак»[79].

К благодарственному письму было приложено основное письмо владыки Андрея (Ухтомского), описывающее отчаянную ситуацию с продовольствием в Сузаке.

«+
Г<*осподи*> б<*лагослови*>

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна,

Написав Вам "официальную" благодарность и извещение о получении Вашего подарка, я чувствую потребность написать Вам эти строки.

Когда я получил Вашу муку, — я не удержался от слез... Здесь я переживаю такой ужас жизни, которого я еще нигде не чувствовал. Ничего не может быть страшнее, как страдание беспомощных детей. А этих страдальцев у нас — целый город!

В "Дет-Доме" дети у себя дома по ночам отмораживают себе ноги!.. Стоимость хлеба-муки — 6 руб<*лей за*> фунт! Продуктов дополнительных никаких нельзя достать ни по какой цене, вследствие полного их отсутствия.

И параллельно с этим САМО-дискредитация власти совершенно невероятная. Нигде с 1919 года никого подобного здешним губернаторам я не видал...

[79] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1078. Л. 30–30 об. Автограф.

Поэтому — при собственных своих горестях и при созерцании невероятного горя других — я испытываю страшные душевные мучения... Я готов быть не сексотом[80], а самым открытым сотрудником ГПУ, чтобы говорить правду тем, кто хочет ее слушать, чтобы этой правдою спасти хоть одну жизнь.

Я это пишу совершенно серьезно.

Поверьте, что мне сейчас стыдно смотреть на ящик с Вашею мукою тогда, как рядом сидит голодная мать с двумя голодными детьми. И таких — на каждом шагу! Я им помогаю, хочу помочь; но за это меня бранят те, кто меня здесь опекает. Горе со всех сторон!

Простите! Еще раз примите мою благодарность и за себя, и за многих.

Ваш искренний (все-таки только богомолец!) и очень-очень грешный

Андрей Ухтомский, старый дармоед.

34. II. 6»[81].

[80] Сексот — секретный сотрудник.

[81] ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1078. Л. 28–29 об. Автограф.

II. Письма владыки Андрея. 1922–1936[82]

1. Архимандриту Ефрему (Ефремову). 4 октября 1922[83]

«Дорогой отец архимандрит Ефрем,

Спасибо Вам за любовь Вашу и за приветы. И хотелось бы исполнить Ваше предложение и доехать до Вашей святой обители, и нет никакой возможности! Пишу вам не для того, чтобы напомнить о себе, а для того, чтобы просить Вас, чтобы вы съездили в Казань и удержали казанцев от участия в страшном преступлении, которое совершается над православием. Имейте в виду то, что я твердо знаю: Высшее Церковное Управление — это учреждение определенно реформаторское с тайным Обер-прокурором; я это знаю наверное и умоляю Вас сказать это в Казани всем верным. Архиереи новые и большая часть старых предались этому ВЦУ и

---

[82] Изъяты при обысках и приобщены к материалам следственных дел.

[83] Архимандрит Ефрем (Михаил Иванович Ефремов), родился в 1899. Окончил духовную семинарию и академию. Пострижен в мантию с именем Ефрем. Возведен в сан иеромонаха, затем — архимандрита; настоятель Свияжского мужского монастыря.

изменили церковно-православному народу. Вот страшное горе. Повторяю: я это знаю твердо и умоляю Вас не участвовать в страшном <*нрзб.*> пред родиною и св. Церковью.

Нужно организовать всех верующих около храмов в приходские советы, и приходские советы должны владеть всею жизнью народною. В этом все спасение православного народа. Говорите это всем на всех перекрестках[84].

Господь да хранит Вас.

Грешный богомолец Епископ Андрей.

1922, окт<*ября*> 4. От Казанских Святителей»[85].

* * *

2. Ко крещенцам. 25 июля 1926[86]

«Во имя Отца и сына и св. Духа

Возлюбленные о Господе братья мои крещенцы. Уже десять лет прошло, как я был у вас и молился с вами. За это время я шесть лет терпел всякие несчастья, и только

---

[84] Очевидно, архимандрит Ефрем исполнил просьбу епископа Андрея, реакция властей на это была предсказуемой. 16 декабря 1922 архимандрит Ефрем был арестован. В "Обвинительном заключении" значилось: «*Как продолжатель контрреволюционной политики Патриарха Тихона, возле которого группируется контрреволюционное духовенство, создал религиозную школу без разрешения и преподавал детям закон Божий*». 25 ноября 1923 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Зырянскую область.

[85] Архив УФСБ РФ по Республике Татарстан. Д 2-10921. Л. 63 64. Автограф.

[86] В правом верхнем углу первой страницы письма помечено карандашом — «письмо ко крещенцам».

для того, чтобы научить вас, как лучше устроить богоугодную жизнь, чтобы нам, христианам, не стыдно было смотреть в глаза всяким неверующим.

Но в то время, как я сидел в тюрьмах и в ссылке, многие пастыри (трусы и себялюбцы) изменили Церкви Христовой, изменили и церковному народу. Да будет грех их с ними, пусть Господь простит им беззаконие их, если они достойны прощения.

Но вы, мои возлюбленные братья, не изменяйте Господу Спасителю, не изменяйте святым Апостолам и устраивайте вашу жизнь, как заповедали святые Апостолы. Пастыри должны жить одним сердцем с паствою. Пастыри не должны командовать своею паствою, а должны жить примерною христианскою жизнию: свято, чисто, целомудренно. Христианин должен очищаться, обновляться святым Духом; тогда дух разврата и беззакония не прикоснется к нему. Вот и заботьтесь, чтобы около вас была честная и трезвая приходская жизнь и чтобы с вами были истинные пастыри Церкви Христовой, а не предатели. Да укрепит вас Господь! Да утвердит вас Господь Своею благодатью во всяком благочестии и чистоте.

Ваш грешный богомолец

Епископ Андрей.

1926, июль 25»[87].

* * *

3. К Уфимской пастве в годовщину разлуки с нею. 30 мая 1928

«Возлюбленная о Христе паства моя Уфимская!

[87] Архив УФСБ РФ по Республике Татарстан. Д. 2-8845. Л. 3–4 об. Автограф.

Сегодня исполнился год, как я разлучился с вами. Такова воля Божия! И сегодня вся душа моя в Уфе и весь день я провожу среди тех, кому я отдал уже четырнадцать лет своей жизни. — Братие мои! Дорогие мои! Вот я и радуюсь сегодня, что несмотря ни на какие преграды (по преимуществу со стороны духовных лиц) жизнь церковная — истинная, неподдельная — около Уфы постепенно укрепляется и в сердцах, и в умах православных христиан. Это потому, что мы в Уфе строим церковную жизнь на подлинно церковных святых началах без всякого политиканства, или интриг, или человекоугодничества. Наша жизнь еще полна всяких грехов, но наши цели, наши идеалы безукоризненны и святы. — И вот, братие, моя к вам просьба: исполняйте заповедь Христову и любите друг друга, и служите друг другу делом, а не словом. Лучшая христианская политика — не заниматься политикою, а только неустанно строить церковную жизнь по великим образцам, указанным в свящ. Писании. Запомните это правило и исполняйте его, и это даст вам и мир, и радость, и победу над злом. — Святые Апостолы только своим терпением покорили мир Христу, и мы в терпении должны строить свою церковную жизнь. А если кому Бог велит при этом пострадать, то по слову апостола Петра — прославляйте Бога за такую участь (1 П. 4, 16).

Господь да хранит вас! Прошу ваших святых молитв

Епископ Андрей
(Архиепископ Уфимский)

1928, мая 30»[88].

* * *

[88] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 88–89. Рукописная копия.

4. Письмо старообрядцам. 1928

«За <*м<олитвы>* с<*вятых>* о<*тцов>*
Г<*осподи>* И<*исусе>* Х<*ристе>* С<*ыне>* Б<*ожий>*,
помилуй нас.

Бугурусланской Общине древле-православных христиан, приемлющих священство от Греко-Российской Церкви.

Возлюбленные о Христе, братие,

Я получил Ваше письмо за полною подписью всего приходского совета вашего. И преисполнилось скорбью мое сердце! — Ведь об этом вопросе я говорил два месяца с Львом Алексеевичем Молехоновым в Москве в сентябре и октябре 1917 года; говорил не с одним, а с представителями ваших общин из Тулы, Вольска, Брянска, Калуги и других городов. Говорили долго, помолясь Богу, сделали постановление. А теперь все снова приходится говорить, и только потому, что вы, братие, единое на потребу церковную забываете и правды Божией не ищете.

Слушайте же, мои братие, что я Вам скажу. Поверьте мне, ибо буду говорить ради Христа и Его Св. Церкви. Послушайте меня не краем уха, а сердцем.

1) Вы требуете от меня, чтобы я назвал себя и чтобы я считал себя никонианином. Но ведь это же неправда! Я об этом говорил в 1917 г<*оду>*, и тогда ваша братия мне поверила, а теперь вы мне не верите. Между тем я четыре года высидел в тюрьме только из-за того, что я не никонианин, т<*о>* е<*сть>* отвергаю цезаропапизм, который признают никониане.

2) Помните, что никонианство осталось в Живой Церкви, а все, кто отверг Живую Церковь, — они не никониане. Когда вы архиепископа Николу, одного из

основателей Живой Церкви, приняли вторым чином, вы поступили справедливо, ибо он был никонианином; к сожалению, он и сейчас в душе никонианин.

Но повторяю: я своею тюрьмою доказал, что во мне нет никонианства, и потому мое положение и положение Николы в отношении вас совершенно различно.

3) Архиепископ Никола ушел к вам, потому что православные начали его от себя гнать. А за мною по милости Божией идет народ, и если я скажу о себе, что я никонианин, то буду лжец и приведу этою ложью в смущение многие чистые души, которые искренне ищут спасения.

4) Это будет преступление с моей стороны великое, и Господь не даст благословение мне.

Вы знаете, что епископ Филипп Балахнинский "перемазывался" в Москве (26 декабря 1924 г<*ода*>), а потом вы знаете, что случилось.

Я хочу, чтобы все было на пользу Св. Церкви и чтобы не было никакого скандала, какой допустил епископ Филипп.

5) Даю вам клятву, что во вред старообрядчеству я никогда ничего не делал и не сделаю. Примите с меня эту клятву и ради <*пользы*> Церкви исполните то, что постановила комиссия Л. А. Молехонова. Я не никонианин, и для меня и для других моих епископов (Аввакума <*Боровкова*>, Марка <*Боголюбова*>, Серафима <*Афанасьева*>, Питирима <*Ладыгина*> и др<*угих*>) у вас должен быть выработан отдельный чиноприем.

Меня и этих моих викариев вы должны принимать через повторение архиерейской присяги по большому требнику патриарха Иосифа, который мы рассматривали в 1917 г<*оду*> на совещании в комиссии Л. А. Молехонова.

6) Представьте себе, что к вам приехали бы исповедники Православной Церкви, епископы из арабов, ны-

нешние новые мученики. Они и не слыхивали ни о каком никонианстве; они никогда и не знали, что есть "Греко-Российская Церковь", как вы говорите. А заметьте, что сейчас нет ни Греции, ни России (а есть Эллада и СССР); нет и Греко-Российской Церкви, а есть одна вселенская Православная. Неужели вы, братие, потребовали бы от этих епископов-мучеников какого-то нелепого отречения от "никонианства", вместо того чтобы христианскою любовью облегчить язвы этих мучеников. Это бы *<нрзб.>* противоречило духу всей церковной жизни и духу свящ*<енных>* *<канонов>*.

Итак, я не католик, не лютеранин, не никонианин; я "епископ Единой Святой Соборной Апостольской Церкви". — А вы, братие, принимающие "бегствующих", к какой Церкви принадлежите? К Единой или к какой? Братие, друг друга во имя Христово объимем, и пусть Дух Христов живет в нас; вот о чем я вас прошу, а вы остаетесь глухи к слову истинной любви к вам. — Ваше письмо заканчивается словами: "Прояви же любовь свою к нам, к старообрядчеству, не на словах только, но и на деле, чтобы эта любовь нас согрела".

Вот я и проявляю эту любовь тем, что не хочу сделать ни одного шага во вред церковной жизни, чтобы не было лжи между нами даже в полуслове. А вы требуете от меня явного греха, чтобы я сознался в том, в чем я никогда не был повинен и в чем решительно невиновна моя паства, которая и в изгнании не покидает меня.

Старообрядческий ~~Единоверческий~~[89]
Епископ Андрей»[90].

* * *

[89] Зачеркнуто в тексте письма. — *Прим. сост.*

[90] Архив Управления ФСБ РФ по Республике Татарстан. Д. 2-18199. Т. 1. Л. 128. Рукописная копия.

5. Диакону Андрею Казарезу[91]. 16 июня 1928

«Господи, благослови.

Священнодиакону Церкви Христовой
отцу Андрею Казарезу.

С великою любовию о Христе — приветствую тебя, отец Андрей, с получением благодати диаконства. — Да дарует тебе Господь благодатные силы послужить Церкви Христовой и народу своему — на радость, утешение и духовное возрастание. Подобно великому перводиакону Стефану вещай всем неумолчно, что только во Христе наша радость, что только чрез святой Крест Христов придет святой мир Христов на землю грешную.

Да пребудет благодать Господня с тобою отныне и до века. Ежедневно читай свящ. Писание для себя и для других.

Епископ Андрей

1928, VI, 16.
Кзыл-Орда.

Из Давлеканова мне пишут, что отец Михаил Попов совсем переменился, перестал пить вино и даже не ест мяса. Может быть, его Господь и направил на путь истины?

Е<*пископ*> А<*ндрей*>.

---

[91] Казарез Андрей Леонтьевич, родился в 1872 в Гродненской губ. Получил начальное образование. Диакон. 9 апреля 1932 арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Северный край. В конце 1930-х — находился в Уфе. 23 августа 1940 — арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

Адаму Александровичу Коту[92] и всей общине Вашей шлю благословение и приветствие.

Е<*пископ*> А<*ндрей*>.

Жаль Ал. Мих. Зенькович!»[93]

* * *

6. Священнику Алексию Унгвицкому. Лето 1928

«Г<*осподи*> Б<*лагослови*>

Мой родной батюшка, отец Алексей[94].

Всякое Ваше письмо для меня великое утешение! Да вознаградит вас Господь за вашу любовь. Когда я прочитал, что мой дорогой Андрей Леонтьевич[95] уже состоит диаконом Церкви Христовой, я от всей души возблагодарил Господа. Но все-таки мне очень грустно, что в вашем обществе лишили его и его сына права голоса. Значит, и к вам проникла городская сифилизация; значит, и у вас имеются антихристовы лакеи?! — Что город погибает в разврате и в безбожии — это всякий знает; но умная деревня должна идти своею умною дорогою — а не поддаваться проклятому городскому безбожию.

---

[92] Кот Адам Александрович, родился в 1878 в Гродненской губ. Неграмотный, крестьянин-единоличник. 7 апреля 1930 — арестован, 3 декабря приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян.

[93] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 98–100. Автограф архиепископа Андрея.

[94] Унгвицкий Алексей Яковлевич, родился в 1874 в Татарии. Священник, служил в Татарии. Летом 1929 — арестован, 30 ноября приговорен к 3 годам ссылки.

[95] Имеется в виду Казарез Андрей Леонтьевич. — *Прим. сост.*

Андрей Леонтьевич — это украшение общества церковного! Наша дорога — это дорога крестьянской культуры (креста Христова), а не дорога городской сифилизации. Эту формулу скажите всем нашим единомышленникам.

Милый отче! Вот Вы извиняетесь за то, что делали предупреждение еписк<*ону*> Иову[96] относительно Чеменева[97] и других.

А я умоляю Вас, спасите епископа Иова[98] от гибельных ошибок. Иов может быть и очень полезен для св. Церкви и может наделать много вреда, если не будет слушаться церковного, любящего голоса. — Вот Вы возьмите своего отца диакона и съездите в Уфу и убедите еписк<*опа*> Иова в том, что мы все его любим и готовы ему во всем помогать, но что его ошибки будут гибельны для святой Церкви и что сам он может в них запутаться.

Об епископе Иове вышла брошюра печатная под заглавием "Святые развратники". Об этой брошюре я не знал, когда согласился на посвящение еп<*ископа*> Иова в этот высокий сан. Говорил ли он своему духовнику о ней, я не знаю. — Но теперь эта брошюра имеется в Уфе и может произвести много соблазна.

Научите уфимцев сделать вот как: приходской совет Воздвиженской[99] или Симеоновской (как центральной)

---

[96] Имеется в виду епископ Иов (Афанасьев). — *Прим. сост.*

[97] Чеменев Александр Петрович, родился в 1874 в Вятской губ. Священник, служил в Уфе. 7 октября 1937 — арестован по групповому делу, 15 ноября приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян.

[98] Афанасьев Яков (Иов) Иванович, родился 1882 в селе Гречишкино Харьковской губ. В 1913 — пострижен в мантию с именем Иов, рукоположен во иеромонаха. В 1923 — арестован в Уфе, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Среднюю Азию. В 1924 — тайно хиротонисан во епископа, викария Уфимской епархии. 10 сентября 1930 — арестован по групповому делу, приговорен к 8 годам ИТЛ и отправлен в Белбалтлаг. В начале сентября 1937 — арестован в лагере, 9 сентября приговорен к ВМН и 15 сентября расстрелян.

[99] Речь идет о Крестовоздвиженской церкви.

должны потребовать от епископа Иова письменного объяснения по поводу этой брошюры и до этого письменного объяснения епископ Иов не должен совершать богослужение в храме как епископ (как священник может). Это одна сторона. А епископу Иову посоветуйте теперь писать "Исповедь пред моею паствою". Пусть пишет как можно скорее, под руководством Владыки Вениамина, — эту "Исповедь", и если нужно, — пусть ее пришлют мне на просмотр. Тогда эта пакостная брошюра "Святые развратники" может сделать большое и полезное дело. Но попросите Святителя Иова, чтобы он свою "исповедь" писал действительно как "исповедь" — со страхом Божиим. — Вот, мой батюшка родной, какую задачу я вам поручаю.

Бог в помощь!

Любящий вас Е<*пископ*> А<*ндрей*>.

Всей Вашей общине — привет и благословение»[100].

* * *

7. Сестре Марии Алексеевне Дмитриевой. 16 марта 1936[101]

«Письмо, написанное 16/29 марта 1936 г<*ода*>. Апрельское — третье[102]

Дорогая сестрица! Получил я твое письмо от 19 марта и очень рассердился на все это письмо. А так как сер-

---

[100] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 88–89. Рукописная копия.

[101] Письма владыки Андрея были задержаны тюремной цензурой и не дошли до его сестры (обнаружены в материалах "Личного дела заключенного").

[102] Подчеркнуто владыкой Андреем. — *Прим. сост.*

диться все-таки грех, то этот ответ я тебе и пошлю уже не в Великий пост, — а после... А ответ тебе послать все-таки нужно, уж очень ты заслужила, чтобы тебя хорошенько побранить.

Вот уже два года, как я в тюрьме, — а мы все еще торгуемся с тобою о переписке, чтобы она была аккуратна. Я жду твоих писем, а ты ждешь меня, — и оба дождаться не можем. И оба беспокоимся... Очень умно!

Но я жду писем от тебя потому, что у меня новостей никаких не может быть. — Даже воробьи перестали летать на мое окно. Единственный мой собеседник — комар, который ухитрился прожить со мною всю зиму. Итак, я могу только отвечать. Правда? — А отвечать мне не на что, п<*отому*> ч<*то*> в это время ты ждешь моих писем... Ведь хоть что-нибудь новенькое можешь сообщить только ты, — а уж никак не я. А между тем вот твои мартовские два письма: первое от 1 марта и второе — от 19-го!! Итак, всего два...

Поэтому на будущее время помни: я буду писать тебе (хотя бы открытки) 1-го, 10-го и 20-го числа каждого месяца, и отвечай ты на мои письма, — а я буду хоть таблицу умножения выписывать, чтобы ты не беспокоилась о моем здоровье. И непременно мне хоть что-нибудь (хоть на что-нибудь!..) отвечай, — а то я пишу тебе про Ивана, а ты отвечаешь про Петра.

Я ответ-то твой т<*аким*> о<*бразом*> получу, но об Иване-то все-таки так ничего и не узнаю... Напр<*имер*>, я тебя спрашивал, не устроила ли твое дело с пенсией Екат<*ерина*> Павл<*овна*>[103]. Я очень подозреваю это по стечению обстоятельств. А ты так мне ни слова и не ответила на мой вопрос. Потом — о Борисе... Потом о Сереже Золотове... Так они для меня и пропали! А они для меня так интересны... Ведь 37 лет не видались!.. За-

[103] Очевидно, Пешкова Е. П. — *Прим. сост.*

то ты пишешь, что тебе "грустно озлобленное отношение (мое) к брату"... И прибавляешь: "Не хочет знать о нас, и не надо". Откуда ты взяла это "озлобленное отношение" мое? Когда Христос взял палку и палкою выгнал из храма мерзких торгашей, — то разве это было "озлобленное отношение" Его? Нет!! Это-то и была Его любовь и к храму, и к торгашам. И здесь ни о каком озлоблении речи быть не может... Поверь, что и у меня к брату есть только ревность о его душевном устроении (скажи это твоей внучке), а не другое чувство. Я его любил когда-то — почти до влюбленности. Я знаю его душу и безгранично жалею его и его природные способности (ведь он несравненно умнее и образованнее меня), но быть таким жалким эгоистом, таким мелким трусишкою, каким он теперь стал, — это хуже всякого торгашества! — Ты пишешь: "Не хочет знать нас, и не надо". — Нет, надо!! надо!! — Грошей мне его не надо и помощи его мне без любви не нужно. Но мне именно и нужна его любовь, а вместо нее я вижу его грубый, черствый эгоизм. Мне это больно до последней степени, а ты пишешь о моем "озлобленном отношении". Так ты меня ценишь и понимаешь?! Я через 15 (пятнадцать!!) лет не могу без содрогания вспомнить, как А. И. Зеленская после самоубийства ее дочери мне писала: "Единственный человек мог ее спасти — это ваш брат (т<*о*> е<*сть*> Алексей), но он этого не захотел". Ему было лень побеспокоиться исполнить просьбу умирающей девушки... Нет, такими гражданами, как наш братец, нужно только возмущаться и нужно, чтобы они это знали и исправились. Иначе мы сгинем! Я об этом недавно писал Сталину[104].

Теперь читай далее... Ты не хочешь моего письма даже показывать тете Фале?.. Этого еще недоставало!

[104] Подчеркнуто красным карандашом тюремным «цензором». — *Прим. сост.*

Мне хочется, чтобы тетя Фаля знала, как я ее ценю, как глубоко ей признателен и как люблю ее, а ты хоронишь от нее мои чувства? Да не хорони ты меня заживо! Меня хоронила Екатерина Петр<*овна*>, хоронила Лидия, хоронили еще многие. И все "любя"... Все они поголовно советовали мне — "быть осторожнее"... Т<*о*> е<*сть*> если бы я залез под койку и вылезал оттуда для того, чтобы кушать и отправлять другие естественные потребности, то это и был бы верх счастья и удовольствия для их любящих сердец... Так бы эти любящие сердца меня и похоронили, если бы не нашлись истинно христианские сердца, которые предпочли мои страдания моей смерти заживо... Итак, не хорони меня и читай мои письма тете Фале. Не устраивай еще цензуры над моими письмами, — достаточно и одной (в Т<*юрьме*> Ос<*обого*> Назначения)![105]

Еще читай!.. Ты пишешь, что роптала на меня и на маму — во время болезни Славушки; в частности, на меня роптала за то, что я не "влиял" на маму... И в конце концов — твой "пунктик", что ты в семье была "дурочкой" и что все "увлекались Лизой"... И чего ты тут не наплела на трех строчках! Слушай же!

1. Помнишь, как осенью 1911 г<*ода*> я был у тебя в Рязани? Мне тогда очень понравился Славушка, и я неоднократно писал маме, как он на нее похож, чтобы заинтересовать ее. Просил ее, чтобы она выписала его к себе... Но как на грех ведь она не любила детей (даже нас) и осталась глуха к моим просьбам.

2. Когда она бывала у меня в Сухуме, я всегда просил ее заезжать к тебе... И без последствий...

3. Мама после твоего замужества была почти всегда душевно больна. Я раз ее спросил, зачем она продала

---

[105] Подчеркнуто красным карандашом тюремным «цензором». — *Прим. сост.*

наш прекрасный рояль. Она мне сказала: "Да ты представь себе: я не могла ни одного звука его слышать. Как только кто к нему подойдет, так у меня и кольнет в сердце: вот у меня была Маша, она играла, а теперь я одна".

Раз она писала мне на Страстной Неделе: "Поздравляю тебя с Пасхою. А вчера я приобщалась Св<*ятых*> Таин<*ств*>. Прихожу домой, а меня встретил только батюшка да хвостиком меня поздравил... Я одна-одна и нужна только батюшке, и плачу, и плачу"... Ну, что ты потребуешь от такого больного человека? Молись о ней и прости ее.

4. Повторяю тебе в 1001 раз, что "дурочкой" серьезно ты ни для кого не была. И особенно для меня! Лиза для меня была ближе потому, что была гораздо ласковей тебя, — а ты ведь была в папашу, не очень-то ласкова! Но Лизу я всегда считал барышней-бездельницей, а ты была всегда за делом. Лиза была всегда очень гордая, а ты всегда смиренная и услужливая. В некоторые годы я просто благоговел пред тобою. В 1902 году я считал, что именно с тобою буду жить всю жизнь и, — помню, — несколько раз назвал тебя "старою девою", — так мамаша тогда мне выговор за тебя сделала: "Неужели тебе не жаль сестры? Зачем ты ее зовешь старою девою? Ведь ей же это больно!" — А я сам про себя в это время думал: и как это мама не понимает ее (т<*о*> е<*сть*> тебя), и как это мама не чувствует, как я ее (т<*о*> е<*сть*> тебя) люблю за то, что она старая дева... Вот какой я был тогда хитрый...

Знаешь ли ты, какая ты для меня тогда была "дурочка"? Ты для меня была единицею для всякого измерения женской добродетели: кто похож на тебя — тот хорош; а кто нет — тот даже не стоил измерения...

В Казани недолго был некто Хомутов, — родственник рыбинским Хомутовым, — старый холостяк. И у него была сестра Наталья Федоровна, старая дева. И

вечно она возилась со всякими обиженными, со всякими больными, калеками... И весь двор их был полон людьми, ждущими той или другой радости. И всю эту радость от Наталии Фед<*оровны*> получали.

А я думал: "Так и Маша будет жить около меня и помогать мне жить для других".

Когда я приехал в Уфу, там жил больной старец, а около него полубольная его жена. А около них обоих вечно возилось одно маленькое черненькое существо с великою светлою душою — Катенька Аногенова, — всем помогала, всех успокаивала... Это — их дочь.

Как только я это заметил, так и подумал: "Так моя сестрица когда-то возилась с папашею своим. И какое сокровище эта Катенька, совсем как будто незаметная, а на деле — для всех необходимая". С тех пор я эту Катеньку и люблю, как родную, люблю, как тебя любил... Скажи ей это!

И смеешь ли ты серьезно-то говорить, что в семье ты считалась дурочкою? Отец в последнее время его жизни души в тебе не чаял. Мама тоже, и я тоже. И всех нас ты променяла на своего красноармейца... Но ты и за красноармейцем была еще хороший человек; но когда ты подпала под гибельное влияние Бабаниной и очутилась у нее под каблуком, — ну, тогда вы обе уж нос подняли и говорить с вами стало трудно... "Мы — ста да вы — ста!.. Да мы ученые пролетарки — свободные женщины; а вы — презренные буржуи"... И пошли, и пошли!..

* * *

Итак, со всеми этими воспоминаниями покончим... Несмотря на шутки, все-таки трудно все это воспринимается... И по Заповеди ап<*остола*> Павла, будем забывать задняя, а думать только об устроении будущего во Славу Божию. И на будущее время не хорони меня.

Всем читай мои письма, а особенно тете Фале: она должна все знать обо мне, чтобы спасать меня от клеветы человеческой. Скажи ей это и поцелуй за меня.

А теперь единицей-то измерения у меня все-таки уже не ты... Ты, конечно, догадываешься, что это твоя внучка?..

Это письмо пошлю только в апреле — после праздников. Любящий тебя всем сердцем, грешный брат Христоном.

Ольге напиши от меня привет. Только спроси ее, нуждается ли она в нем? Ты приласкай твоего зятюшку-то, коммуниста!.. Это будет очень хорошо, и для него радостно.

Вчера 25 апр<*еля*> получил посылку. Благодарю за все! — Прекрасная открыточка! Именины отпраздновал прекрасно! Привет родной племяннице»[106].

* * *

8. Сестре Марии Алексеевне Дмитриевой. Июнь 1936

«Июньское второе.

Сестрица моя родная! Если бы ты знала, как твое письмо последнее заставило меня волноваться! Болезнь Марии Кузьм<*ичны*> для меня — тяжелое горе. Уж если всегда-то я мыслию не разлучен с ними, то эту неделю я только и думаю о болящей. И вместе с тобою досадую, что не могу хоть в чем-нибудь облегчить их горе. Так мне тяжело! Передай им от меня привет и выражение искреннего сочувствия. Желаю им всем и здоровья,

[106] Архив УФСБ РФ по Ярославской области. Д. С-1207. Л. 6–7. Автограф.

и счастья в их неомрачаемой взаимной любви. Попроси хоть за время болезни мамы, чтобы добрая ее дочь не хлопотала с посылками. Сейчас ведь пост, можно и попоститься; и даже очень должно, чтобы не увеличивать хлопот.

Вот это главное, что я хотел написать; все последующее — почти пустяки.

Радуюсь, что мои письма доставляют тебе удовольствие. Хоть выписки-то из чужих книг до тебя доходят! А в третьем апрельском и во втором майском я хотел кое-что написать не из книжек, — так вот ты этих писем и не получила.

Что твоя дочь больна — это очень грустно; но что она собирается к тебе — это очень для нее полезно. Придержи ее у себя подольше.

Вместо того, чтобы тратить деньги на штукатурку твоей перегородки, я советовал бы тебе эту перегородку на 2/3 сверху снять. Нужно оставить немного более, чем на рост человека. Тогда и твои соседи будут рады лишнему воздуху, и тебе хорошо.

Разумеется, что соседи должны быть "свои люди". А низкая перегородка не будет нисколько опасна в пожарном отношении.

Что касается задержки твоего приезда ко мне, то об этом не беспокойся! Я писал тебе (кажется, во втором майском), что я все-таки в тюрьме тоскую, — а пока жду тебя, — мне полегче. Если же мне уж некого и ожидать, то тогда тяжелее... Вот и не торопись! А пока непременно записывай, что нужно сказать мне, чтобы чего не забыть. Да и тебя мне жаль, что будешь трясти на меня последние твои деньжонки... Не тряси, если нечего трясти...

Ты пишешь, что Лидия, вероятно, долго пролечится в больнице. Мне один авторитет говорил, что астму можно излечить, но именно длительным лечением. По-

этому и не торопи Лидию выходить из больницы. Передай ей мой привет; желаю ей всего лучшего.

Что тетя Фаля устроилась в Москве, — это прекрасно. Ведь она драгоценная работница! И у меня на душе полегче, — а то я все себя считал виновником ее бед. Теперь хоть эта горькая мысль отпала у меня. Я ей глубоко благодарен за все, что она для меня сделала. Привет ей! Она — родная душа.

Лавровый отвар непременно пей, как тебе советует Алекс<*андра*> Яковлевна. Это очень помогает и от глухоты, и от многих болезней, но при условии, что Александра Яковл<*евна*> будет молиться о тебе и о твоем здравии. А иначе все не в прок... Она ведь живет на небе, — пусть и за меня там замолвит словечко, и за болящую Мар<*ию*> Кузьм<*иничну*>. О ее племянницах молюсь, — да спасет их Господь.

Каюсь тебе о большом грехе. Я не утерпел и решил выписать себе газету. До сих пор я читал только чужие; вот и стыдно стало пользоваться чужими!

Ты мне написала, что тетя Саломия была у тебя и собирается жить потом со мною. Это одно ее доброе слово для меня величайшее счастье. Но как ни думаю, не могу представить, что я еще буду отрывать человека от ее жизни и бросать во всякие передвижения и передряги. И вот что я у тебя прошу. Твоя внучка знает все мои болезни, и душевные, и телесные. Ее совесть — чутка до последней степени; поэтому ее решения для меня — окончательные и пересмотру не подлежат. Вот пусть она, как родная душа, по родственному решит, что полезно мне и что полезно тете. Я знаю, что тетя ее очень любит; тем легче обо всем договориться, ничего не скрывая. И если тетя Саломия решит умирать со мною — я буду бесконечно рад и счастлив. Но твердо знаю, что этого счастия я не заслуживаю. Однако с 32 года моим душевным устроением заведует внучка, и

я хочу, чтобы это было и далее — навсегда. Ведь тетя-то — старенькая! Она — старше меня! Жаль мне ее! Со своей стороны могу обещать ей полное благоповедение, как полагается младшим...

Господь да хранит тебя! Передай привет от меня всем. Как здоровье твоей тезки старенькой? Как поживает Сер<*афима*> Сергеевна с дочкою? Помолись обо мне.

Любящий Христоном.

За кренделькы, за сахар и масло — благодарю. Пришли или привези черной тесемки для починки обтрепанных рукавов.

P. S. Ты пишешь, что любишь мои выписки из здешних книжек. Ну, вот тебе продолжение этих выписок.

* * *

Люди во времени и в пространстве — только разъединены. Их может объединить только чувство, в частности чувство любви.

Подумайте, вникните, что такое русское православие. — Это вовсе не одна только показная церковность, не внешняя обрядность. Православие — это живое чувство, обратившееся у русского народа в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации. В русском христианстве даже и мистицизма-то вовсе нет, в нем только человеколюбие, один образ Христов. Апостол сказал: чистое и непорочное благочестие пред Богом есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях. И русский народ эту истину довел до своего чувства и живет ею.

В Европе клерикализм, рассудочный и мрачный, мешает течению живой жизни, — всякому развитию

жизни, и мешает, прежде всего, развитию самой религии. Но наше тихое, смиренное православие нисколько не похоже на жестокий и мрачный клерикализм Европы. Это нужно знать.

Есть бесконечность святая, духовная; и есть бесконечность дурная, состоящая в бесконечной смене конечного (во времени и в пространстве).

Время, разумеется, появилось с появлением материи; а измерение времени явилось на Земле только с появлением человека и его мысли»[107].

[107] Архив УФСБ РФ по Ярославской области. Л. 1–5. Автограф.

III. Архипастырские труды владыки Андрея (Ухтомского). 1925–1928

1. О святом таинстве миропомазания

Апостольская история показывает нам, что возложение рук следовало непосредственно за св. крещением и обыкновенно сопровождалось видимыми дарами св. Духа. Право возлагать руки принадлежало только апостолам, а впоследствии только епископам. Значение его было таково: человек, принявший крещение, но еще одинокий на земле, чрез возложение рук принимается в сообщество земной церкви и получает свою первую церковную степень. Поняв таким образом значение положения рук, легко понять, что власть совершать это таинство должна принадлежать исключительно членам общины, апостолам и епископам и что видимые дары Духа Святого являются вслед за возложением рук в прославление не лица, на которое возлагаются руки, а той общины, в которую это лицо принималось. Это таинство вводит нас в недра церковной общины, то есть земной церкви, делает нас причастниками благословения пятидесятницы, ибо и это благословение даровано было не лицам, присутствовавшим при чуде, а всему

собору их. Итак, апостольское возложение рук и потом святое миропомазание церкви вводило новокрещеного в церковное общество и делало его полноправным членом этого общества и участником всей его благодатной жизни. Поэтому святое миропомазание над человеком совершается однажды, как и св. крещение, ибо едина св. Церковь и едина благодать, в ней живущая.

* * *

До того несчастного дня, с которого начался русский раскол старообрядчества, русская Православная Церковь имела единую церковную иерархию, всеми признаваемую и всеми любимую; тогда в русской Церкви было и единое святое миро, освященное Московским первосвятителем: митрополитом или патриархом.

Когда русские архиереи после патриарха Никона и особенно после императора Петра Первого подчинились влиянию и приказаниям гражданской власти, старообрядцы не стали признавать этих архиереев, не стали признавать и ими освященного мира, старообрядцы остались без епископов, но они верили, что сохранили то святое миро, которое у них осталось от времен патриарха Иосифа. Чрез помазание этим миром они и принимали к себе в общину "бегствующих" священников из "господствующей" Церкви, которые таким образом принимают как бы второе миропомазание, как бы второй раз вступают в церковную жизнь, что — явная нелепость, ибо Церковь святая — одна.

Другое объяснение их поведения таково, что они отрицали спасительность миропомазания в Православной Церкви, а признавали спасительность миропомазания только в старообрядческом миропомазании. — Это дело их совести, которую будет судить Господь и которую мы судить не можем.

* * *

До последнего времени более двухсот лет старообрядцы искали себе епископов, которых бы они находили достаточными возглавить их религиозную общину. Они искали и не находили, потому что лучшие русские епископы не знали старых обрядов, а худшие соглашались изменить Православной Церкви и уйти в раскол, но старообрядцы не соглашались их взять. Из-за этого раскол только углублялся, и не было почти возможности надеяться на то, чтобы этот русский грех когда-нибудь был прощен Господом. Казалось, что русская Церковь так и останется в историческом параличе, но пути Божьи неисповедимы и милость Божия неизреченна. Господь послал гонение на Никонианскую иерархию, которая раньше только господствовала. Никонианские епископы, сколько-нибудь честные, начали переносить и утеснения, и гонения, и узы, и благодать Божия укрепляла их на перенесение этих скорбей.

Старообрядцы не могли не видеть этого, и вместо того, чтобы презирать по-прежнему никониан, они стали их уважать и даже любить о Господе, как крестоносцев. Они составили у себя даже целый список никониан-епископов, которых они готовы признать своими епископами. В этом списке значился и я, грешный епископ Андрей. И ко мне, недостойному, они обратились с просьбой быть их епископом, но с тем, чтобы я вполне ушел из православной общины и вполне как бы перешел к ним.

Я на это ответил старообрядцам, что я в Православной Церкви за молитвы святых угодников Божиих и вселенских праведников получил благодать св. крещения, радость благодатного общения со всею святою Церковью; в Православной Церкви я получил благодать пастырства и пастырской любви. Одним словом, в Православной Церкви

я получил все то, что во мне, грешном, любят старообрядцы. Как же я могу от всего этого отречься? Как я могу сказать, что я не имею в Православной Церкви благодати, если все я имею только от нее? Если я это сделаю, то буду лжец и потеряю все, что имел. Старообрядцы, наиболее духовные и церковные, поняли это и поверили мне, и стали просить, чтоб я сам себя помазал их святым дониконианским миром в знак того, что я люблю их и готов служить им во славу Божию. Я не имел основания не исполнить этой просьбы старообрядцев в знак моей великой радости, что старообрядцы перестают быть раскольниками, хотя и остаются преданными старым обрядам. Воистину ведь это радость, великая радость апостольская, что благодать Божия грешников кающихся привела за их смирение к взаимной благодатной молитве. Православные христиане в каждый большой праздник помазывают чело свое елеем: как же я мог в знак великой своей радости не помазать себя тем миром, которое так дорого старообрядцам? Как я мог отказаться от той радости, которую Господь послал всей своей святой Церкви? Эта радость воссоединения старообрядцев со вселенскою Церковью столь велика, что может сугубо вознаградить православную иерархию за те скорби, которые она ныне по грехам своим переживает.

* * *

Но, принимая в свою любовь пастырскую старообрядцев, я, конечно, вместе с тем подтвердил им, что я согласен с ними в их взглядах на то, что церковная жизнь и церковное управление должны быть вполне не зависимы от гражданской власти. Иначе говоря, я отрекся со всею решительностью от "живой церкви" и от "никонианства", как согласия епископов подчиниться власти обер-прокурорской или царской, как это было

при наших петербургских императорах. Если бы я смотрел иначе, то старообрядцы, разумеется, и разговаривать бы со мною не стали, не вверили бы мне свое миро, ибо это бы для них было вполне невозможно.

Вместе с тем, как я помазал себя дониконианским патриаршим миром, я отрекся от того ложного взгляда многих русских людей, что русская Церковь может жить только под покровительством и под пятой гражданской власти. Да, от такого "никонианства" и я отрекся. Я верую в единую святую соборную и апостольскую Церковь, живущую Святым Духом, а не духом мирских страстей.

1925 г<*ода*> 30 ноября[108].

2. О радостях митрополита Сергия. 1928

+

Возлюбленной о Христе духовной дочери Иустине на молитвенную память грешный еписк<*оп*> Андрей

Церковь есть общество чистых совестей, а где есть сознательная бессовестность и ложь, там нет святой Церкви.

Е. А.[109]

О радостях митрополита Сергия

Только что вышла в свет новая чрезвычайно важная рукопись под заглавием "Где правда"; в этой рукописи

---

[108] Архив Управления ФСБ РФ по Республике Татарстан. Д. 2-2527. Т. 1. Л. 250 259. Рукописная копия на тетрадных листах. Орфография сохранена.

[109] Первая страница рукописи, кроме заголовка надписи, — рукой владыки Андрея.

автор (вероятно, Ник<*олай*> Дм<*итриевич*> Кузнецов) стремится доказать, что митрополит Нижегородский Сергий — единственно достойное лицо для того, чтобы ему стоять во главе церковного управления, и что все нападки на него вполне не справедливы. Этот вопрос решается с канонической точки зрения и с точки зрения церковной пользы, что, дескать, уж лучше признать, чем не признавать, ибо все-таки митрополит Сергий лучше же пустого места!

Прочитав эту горячую защиту церковного беззакония, автор этих строк не счел себя в праве молчать и решил сказать фактическую правду о митроп<*олите*> Сергии, которую перетолковывать нельзя и которая красноречивее всяких украшений доказывает великий вред для Церкви от митроп<*олита*> Сергия и всех его единомышленников и последователей. Но прежде чем говорить о митроп<*олите*> Сергии, нужно сказать два слова об этой брошюре: "Где правда".

Прочитайте ее, читатель! Эта брошюра написана очень остроумно — так писать может только бывший присяжный поверенный, способный защищать все, что ему прикажут! Так вот, в этой брошюре "Где правда" — в самой основной фактической ее части — полная неправда. Вся брошюра основана на 34 правиле св. Апостолов. Но самое то правило приведено в обрезанном и поэтому совершенно извращенном виде. Таково начало. Далее в этой брошюре написано, что патриарх Тихон, умирая, оставил после себя Заместителем митрополита Петра.

Это — основная ложь, ибо всем известно, что не Петр, а митроп<*олит*> Кирилл Казанский был предназначен патр<*иархом*> Тихоном в первые кандидаты на заместительство патриаршего престола, а митр<*ополит*> Петр попал на его место "по независящим обстоятельствам". Далее читаем, что митр<*ополит*> Петр, отправляясь в ссылку, оставил после себя митро-

п<*олита*> Сергия своим заместителем. И эта третья крупная неправда! Ибо Петр по своей природной ограниченности оставил после себя около десяти заместителей, из которых первым стоит митроп<*олит*> Агафангел Ярославский (и самый достойнейший), и только изумительная ловкость рук позволила митр<*ополиту*> Сергию фактически, почти захватным путем, утвердиться ныне заместителем митроп<*олита*> Петра и добиться первенства в своем собственном Синоде, и стать во главе Русской Церкви. Но тут необходимо вспомнить, что Константинопольский патриарх Василий не признает ни за митр<*ополитом*> Петром, ни за митроп<*олитом*> Сергием никакого главенства и считает митр<*олита*> Сергия просто Нижегородским епархиальным епископом. Так читается в грамоте самого патр<*иарха*> Василия.

Итак, в брошюре "Где правда" — нет самой основы для отыскания канонической правды за митр<*ополитом*> Сергием. Это автор (человек неглупый), разумеется, чувствует и потому с канонической почвы быстро сходит на почву церковно-экономическую, т<*о*> е<*сть*> начинает рассуждать, что митр<*ополит*> Сергий человек приятный во всех отношениях, что лучшего не найти и т<*ак*> д<*алее*>, что все, кто с ним не согласен, возводят, по мнению автора, клевету на эту "светлую личность", митроп<*олита*> Сергия, "известного своею верою, любовью и чистотою, своею богословскою ученостью и преданностью святой Православной Церкви".

Так пишет автор этой брошюры "Где правда", желая убедить читателя, что правда — только у митр<*ополита*> Сергия, а не у митроп<*олита*> Кирилла и не у митр<*ополита*> Агафангела и не у митр<*ополита*> Иосифа... Все эти митрополиты — это люди, ничего не стоящие по сравнению с Сергием, "светлая личность"

которого — вне сравнения. Вот с этими-то выводами и их обязательностью мы никак не можем согласиться! А так как митр<*ополит*> Сергий сейчас занимает огромный церковный пост, то мы считаем долгом сказать о нем несколько иную правду по сравнению с той, которую говорит автор брошюры "Где правда". Это наш долг — в исполнении слов свящ. Писания (Мер. 24,4; 1 Кор. 15, 33; Кол. 5, 21).

* * *

Прежде всего объясним читателю, почему мы озаглавили эти строки: "о радостях митр<*ополита*> Сергия". Это сделано на основании того, что о своих радостях заговорил сам митр<*ополит*> Сергий в ответственнейшем своем документе, в своей пресловутой Декларации 1927 года (в июле). Так он говорит по адресу нашей Советской власти: "ваша радость — наша радость; ваше горе — наше горе". Разумеется, Советская власть от этого заявления ровно ничего не выиграла и, конечно, новоявленному "товарищу митрополиту" не поверила. Но как бы то ни было, митр<*ополит*> Сергий заговорил о своих радостях, и вот эти его слова и дали нам повод написать свои воспоминания о многочисленных и многообразных радостях Сергия.

Да! Это человек при всяких обстоятельствах способный радоваться. Бывают же такие характеры, что при всяких обстоятельствах люди радуются и устраивают свое благополучие...

* * *

Мы не будем говорить о мелких радостях митр<*ополита*> Сергия. Мало ли какие у кого в молодости бывают искушения и ошибки! Мы будем говорить о его крупных радостях в общецерковном масштабе. Эти ра-

дости у Сергия начались давно, с 1905 года, с сентября месяца. Это были бурные дни, когда петербургское императорство доживало последние дни; честнейшие русские люди во главе с князем Трубецким говорили русскому императору, что жить по немецкой указке нельзя, что Россия теряет терпение от издевательства над ее здравым смыслом. В самый разгар этой борьбы за правду Сергей Трубецкой скончался. Вся честная Россия охнула от боли. Пригласили на торжественную панихиду над гробом Трубецкого самую светлую личность, известную своей верой, любовью и чистотою, тогдашнего ректора Петербургской Духовной Академии епископа Сергия... Но он знал, что его радость не у этого гроба, и отказался от служения этой панихиды; и за это дождался своей первой крупной радости: Победоносцев через неделю после этого назначил его архиепископом Финляндским. Это ли не радость! Это почетная синекура была куплена только верой, любовью и чистотою!.. то есть благовременным отказом от молитвы о нечестивом конституционалисте Сергее Трубецком.

А через две недели Победоносцев ушел со своего поста, и вместе с ним кончило свои дни петербургское самодержавие. Началась "конституция" и обещание России всяких конституционных благ. Эти дни застают Сергия Страгородского уже членом Синода — почти бессменным! С 1906 года по 1917 год митроп<*олит*> Сергий не покидал Синода и все радовался при всяких переменах и при всяких обстоятельствах и получал за это положенные награды.

Но особенно памятны следующие его радости:

В 1906 году, как человек известный богословскою ученостью, он был приглашен в Предсоборное присутствие для подготовки работ к созванию церковного Собора. В этом Присутствии архиепископ Сергий говорит превосходные речи об устройстве церковной жизни и, в

частности, о необходимости приходской самодеятельности. Но что он говорил в Присутствии, то систематически отвергал в качестве члена Святейшего Синода — ибо из всех его проектов Синодом не было утверждено буквально ни одного! А все постановления Синода подписаны и самим Сергием. Такова его чистота и кротость!

Нужно отметить еще одно обстоятельство: в Финляндской епархии приходская жизнь всегда была поставлена очень высоко — на основании Финляндской конституции параллельно протестантским приходам. И архиепископ Сергий в качестве архиепископа Финляндского признавал и благословлял то, что решительно отвергал в качестве члена свят. Синода. Так время текло, и все благие проекты Предсоборного Присутствия мало-помалу были забыты, был забыт и самый собор, и его необходимость. А наши архиереи все радовались и радовались, и в первом ряду их был архиеп<*ископ*> Финляндский Сергий со своею голубиною чистотою.

* * *

1911 год. Так дело шло до 1911 года. А о радостях митр<*ополита*> Сергия за 1911 год рассказывает очень красноречиво бывший председатель Госуд<*арственной*> Думы Родзянко. Он пишет (Крушение империи, стр. 25–27)[110], что к 1911 году Распутин был на высоте своего положения, императрица Александра была вполне под его влиянием и требовала от Обер-Прокурора свят. Синода посвящения Распутина в сан священника. Синод под председательством митр<*ополита*> Антония Вадковского отказывался от этого; а

[110] *Родзянко М. В.* Крушение империи (Записки председателя Русской Государственной Думы). Л.: Прибой, 1927.

отдельного архиерея для посвящения не находилось. Но когда митр<*ополит*> Антоний заболел и уехал лечиться, то в конце концов Обер-Прокурор "уломал-таки большинство членов Синода под председательством (архи)епископа Сергия Финляндского, который замещал митр<*ополита*> Антония, вопрос о возведении Варнавы, безграмотного монаха (бывшего до пострижения в монашество простым огородником), во епископы был разрешен большинством голосов в утвердительном смысле". Да, хлыст играл святителями, а архиепископ Финляндский Сергий уже тогда радовался, что хлыст Распутин им доволен. В это время в Синоде рядом с Сергием сидел другой остроумный епископ, который так характеризовал деятельность этого Синода: «Мы по распоряжению Обер-Прокурора готовы черного кабана в архиереи посвятить». Это буквальные слова архиерея! Так вот с каких пор, с 1911 года, архиепископ Сергий стал "известен своей любовью и голубиной простотою (или чистотою?)".

* * *

1912–1916 годы. Эти годы в жизни свят. Синода были ознаменованы постоянными, мало вероятными скандалами:

1) Удалением на покой Саратовского епископа Гермогена, который в Синоде не соглашался исполнять придворные капризы. Все остальные члены Синода и митр<*ополит*> Сергий, конечно, соглашались и радовались...

2) Назначением митрополитом Московским невменяемого старика, Томского архиепископа Макария, за покорность Распутину;

3) Изгнанием из Петрограда в Киев митр<*ополита*> Владимира за непокорность Распутину;

4) Назначением в Петроград митр<*ополита*> Питирима и в Грузию экзарха Алексия по прямому распоряжению Распутина;

5) Назначением в Тобольск, на родину Распутина, "распутинца" епископа Варнавы для сокрытия всех темных дел Распутина;

6) Наконец, в 1916 году разыгрался в Синоде страшный скандал с открытием мощей святителя Тобольского Иоанна. Ставленник Распутина еп<*ископ*> Варнава явно оскорблял Синод и оставался вполне неуязвим.

И за все эти годы митр<*ополит*> Сергий был неизменно в Синоде и очень мило улыбался, всегда радовался и радовался... Ибо пред сильными мира сего разве можно не радоваться? Не любо, да радуйся, если начальство велит!

* * *

1917 год. Так дело дошло до революции 1917 года. Грянула революция. Синод оказался в нелепом положении по отношению к новой власти. Все время ранее радовался Синод, глядя на царя и царицу, а тут вдруг пришлось радоваться, глядя на Влад<*имира*> Львова! Львов требовал от Синода одного, а Синод думал всегда и неизменно "совсем напротив"... И из всех Синодских архиереев ухитрился действительно радоваться опять-таки только митр<*ополит*> Сергий! И вот как это случилось.

Во время пасхального перерыва в занятиях пленума Синода в Петрограде оставались только трое: архиеписк<*оп*> Финляндский Сергий, архиеп<*ископ*> Литовский Тихон (будущий патриарх) и один протоиерей. Обер-Прокурор Львов решил воспользоваться отсутствием других (несговорчивых) членов Синода и ловко перекрасил с помощью архиепископа Сергия Сино-

дальные издания в революционные цвета. Архиепископ Тихон Литовский, оставшись в полном одиночестве против Сергия и против Шавельского, принужден был беспомощно подписать чужие решения. Но будущий патриарх не забыл этого унижения и уже более никогда Сергию ни в чем не верил, чего и не скрывал.

Наконец, Львов вызвал новый состав Синода вместо последнего царского. Члены прежнего Синода дали взаимное обещание друг другу не идти в новый «львовский» Синод. — Но митр<*ополит*> Сергий оказался верен себе и "верой, и любовью, и чистотой" остался служить при Львове... Единственный! Вот что значит сердечная чистота!

Но на Соборе 1917 года произошел крупный скандал, когда митр<*ополита*> Сергия архиереи не пустили в председатели одной из главнейших комиссий Собора, явно выразив ему недоверие. Митроп<*олит*> Сергий при всей своей "чистоте" почувствовал, что его положение чрезвычайно неловкое, собирался даже уехать с Собора, но, конечно, благоразумно не собрался, и все осталось по-старому; а после избрания патриарха он стал радоваться с патриархом; и эти радости митр<*ополита*> Сергия продолжались до 1922 года, до первой крупной беды, которая постигла патриарха Тихона.

1922 год. — Страшный исторический год для русской Церкви! Год расплаты за прежние беззакония русской иерархии. Патриарх Тихон был арестован; а его аресту помогла и содействовала организация недостойнейших священников под названием "Живая Церковь". Они предательски оболгали патриарха, выкрали у него канцелярию и пригласили себе в сотрудники заведомо бессовестных епископов Антонина и Леонида. Создалась настоящая пресвитерианская организация, а для отвода глаз приглашены были архиереи-катаскопы. Патриарх Тихон был в узах. Положение церков-

ного управления было отчаянное. Москва не верила Антонину и Леониду, потому что это были явные пройдохи-скандалисты. Москва не признавала этого ужасного подлога в замене патриаршего управления. Вся Россия не знала, как оценить совершившееся...

А кто оценил? Кто все понял? О, — все тот же неизменный, приятный во всех отношениях, известный верой, любовью и чистотой — митроп<*ополит*> Нижегородский Сергий!! Он-он все запутал, всех обманул и признал ВЦУ единственной канонической властью в России. И только за ним, за его "чистотою" потянулись все мелкие сошки духовного звания. "Уж если многоученый Сергий признал каноничность ВЦУ, то чего же рассуждать?!" — так говорили русские простецы. И попались в страшную ловушку, которую устроил всем митроп<*олит*> Сергий.

Он, только он со своим авторитетом ректора Академии, утвердил в Русской Церкви этот позор "Живой Церкви" и обновленчества, когда беззаконие стало признаваться в Церкви Законом и когда Иудино окаянство стало расцениваться как гражданская добродетель. Правда, Сергий теперь уверяет, что при его подписке воззвания в пользу ВЦУ против него (и Евдокима) была организована чуть не газовая атака, но от этого никому не легче! Все-таки митрополит Сергий главнейший виновник укрепления "Ж<*ивой*> Ц<*еркви*>" среди русских простецов для их развращения. И как признавший ВЦУ, Сергий признавал и все его распоряжения: о низложении патриарха Тихона, о лишении его сана и монашества и признавал правильными все обвинения против патриарха. Итак, пока п<*атриарх*> Тихон был под арестом, м<*итрополит*> Сергий радовался с развратным Антонином, и так до 1923 года.

Однако многие жители Н<*ижнего*> Новгорода недоумевали, как же все-таки это могло случиться? Тогда

митр<*ополит*> Сергий с неподражаемою верою и чистотою (и цинизмом) говорил: «Ладно, мне надоело таскаться по тюрьмам! Теперь у меня главный догмат: не сидеть в тюрьме» (слова инженера Тяжеловесова в Бут<*ырской*> тюрьме в 1922 году).

* * *

1923 год. — Весною патриарх Тихон неожиданно оказался на свободе. Добродушная и мало думающая Москва немедленно с легким сердцем забросила свое гнусное ВЦУ и вернулась к своему Первоиерарху... Потянулись к нему назад и архиереи. А во главе их? Во главе их вернулся наш знакомец, известный кротостью, ученостью и чистотою митр<*ополит*> Сергий... Он, конечно, признал свою ошибку! Да как же было и не признать? Ведь народ, узнав всю ложь "Живой Церкви", буквально в шею изгонял своих "живоцерковников". После такого поощрения к покаянию, разумеется, каяться было довольно легко, хотя и не очень радостно.

И Сергий покаялся. —

Да, для того, чтобы признать ВЦУ, нужно было еще хлопотать. Свою измену патр<*иарху*> Тихону нужно было подтвердить хоть 34 правилом св. Апостолов, что у всякого народа должно быть одно церковное Управление; а чтобы снова признать патр<*иарха*> Тихона, можно было обойтись и без канонов, ибо здоровенный кулак нижегородского крючника был и без канонов достаточным аргументом в пользу признания со стороны митр<*ополита*> Сергия прав оскорбленного Патриарха.

И пришлось признавать, хотя и горько было.

Но даже тишайший Тихон потребовал от Сергия довольно унизительной процедуры покаяния — всена-

родного и во всяком смирении. Сергий всему подчинился! Но после этого патр<*иарх*> Тихон уже окончательно лишил его своего доверия, чего и не скрывал. Разумеется, радости в этом для митр<*ополита*> Сергия было немного. Но если нечему было радоваться, то, во всяком случае, из двух зол Сергий избрал для себя меньшее...

* * *

1925 год. Патриарх Тихон чувствовал приближение смерти... Он решил оставить себе преемника. После долгого раздумия он оставил себе трех преемников: митр<*ополита*> Кирилла, митроп<*олита*> Агафангела и митроп<*олита*> Петра. Это решение патр<*иарха*> Тихона нельзя назвать удачным, ибо сразу, в случае его смерти, управление Церковью разбивалось этим трехглавием. Но замечательно, что патр<*иарх*> Тихон, человек безукоризненно честный, оставил себе преемниками людей несравненно менее ученых и несравненно менее заслуженных, чем митр<*ополит*> Сергий, но решительно вычеркнул из числа своих Заместителей именно этого многоученого Сергия, ибо вовсе ему не верил.

* * *

1926 и 1927 годы. После всего случившегося и пережитого митр<*ополитом*> Сергием всякий человек на его месте постарался бы сидеть смирехонько и позаботился бы только о том, чтобы о его учености и о его грехах добрые люди забыли. Но не таков митр<*ополит*> Сергий! Его вера в себя и любовь ко всяким радостям не позволили ему сидеть в Н<*ижнем*> Новгороде, и с его стороны начались бесчисленные интриги, чтобы опять влезть в барские хоромы. Без всякого

преувеличения трудно перечислить, что он предпринимал для того, чтобы попасть на первое место и чтобы играть роль большого человека. Для этого ему нужно было рассориться с архиеп<*ископом*> Григорием, с архиеп<*ископом*> Димитрием, с митр<*ополитом*> Агафангелом, с митр<*ополитом*> Иосифом, с архиеп<*ископом*> Серафимом... почти всех он запретил в священнослужении!.. И хорошо, что никто не послушал этого безумного веления мучителя злочестивого! А иначе могла получиться такая дикая картина церковной жизни, что все честные епископы запрещены на радость врагам Церкви, а все явно бесчестные каскопы на свободе на радость митр<*ополита*> Сергия... —

Никакая фантазия не может выдумать ничего более тяжелого для святой Церкви. Но на это решился митр<*ополит*> Сергий, человек — на все способный.

А конец и венец всем его радостям — это его пресловутая "Декларация", в которой он пишет комплименты Советской власти и заканчивает: "ваши радости — наши радости; ваше горе — наше горе"...

Эта "Декларация" не прошла без последствий! Пока митр<*ополит*> Сергий радовался на свои хитрые планы, непосредственно за его "Декларацией" — в сентябре и октябре 1927 года были закрыты монастыри в Сарове, Дивееве, в Понетаевке, а потом пять монастырей в Казани, в Оренбурге и т<*ак*> д<*алее*> и т<*ак*> д<*алее*>. А сколько храмов обращены в клубы и уничтожены — трудно перечислить...

Так дорого оплачиваются в жизни архиерейские радости. И в то время как митроп<*олит*> Сергий позорно радовался вместе с "обновленцами" своим позорным благополучием, — только немногие верующие люди поняли, что им нужно делать, и сделали вопреки всяким хитростям митр<*ополита*> Сергия.

* * *

Еще два слова о "Декларации" митр<*ополита*> Сергия. Конечно, — о вкусах не спорят. Но если у агентов Советской власти есть чувство брезгливости, то они, конечно, отказались бы от сотрудничества с митр. Сергием (хотя и не секретного), — уж очень скверно пахнет от его "Декларации".

Есть мудрое наблюдение классической древности: "Покажи мне твоих друзей, и я скажу, кто ты"...

Советская власть хорошо сделает, если вспомнит это мудрое правило.

* * *

Какие же выводы мы можем сделать из всех "радостей" митроп<*олита*> Сергия? — Вот какие:

1) Да, он бесспорно человек ученый и даже не глупый, и тем он опаснее;

2) Канонически его пребывание у церковной власти вполне не может быть оправдано;

3) Нравственно, как руководитель духовенства, — он тоже вполне неприемлем, как человек вполне беспринципный.

И последний вывод — ответ на вопрос: "Где правда"? (ибо мы вынуждены отвечать на это заглавие брошюры о митроп<*олите*> Сергии). Этот последний вывод такой: правда там, где нет митроп<*олита*> Сергия, где нет ничего, подобного обновленческому предательству[111].

---

[111] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 104–129. Рукописная копия на тетрадных листах. На первом листе автограф владыки Андрея.

3. Моя политическая исповедь (в десяти письмах)

1

О причинах и цели моей "Исповеди"

Ко мне уже неоднократно обращались мои друзья с просьбой написать что-нибудь о смысле русской революции, о Ленине, как ее идейном вдохновителе, и о его сподвижниках. Но писать о русской революции только случайные "письма" можно лишь при крайнем легкомыслии, ибо это огромное мировое явление требует для своей оценки всеобъемлющего таланта, которым автор этих строк не обладает. Точно так же и писать о Ленине нельзя без серьезной подготовки. Поэтому я и откладывал это дело — тем более что читателями моими могут оказаться не более чем 10–15 человек, а мои дорогие старушки-читательницы все равно моих мыслей о Ленине и революции не поймут...

Жаль было напрасно терять время.

В настоящее время я снова имею возможность располагать своим досугом и почти вынуждаюсь написать свои мысли о нашей революции, ибо мне официально сказано, что "мое лицо не ясно", а потому я оказываюсь во всяком стеснении и унижении (проще говоря — под арестом).

Вот это для меня чрезвычайно досадно! Переносить всякие несчастия и невзгоды ради ясно выраженных целей или вследствие совершенного преступления — это довольно легко, потому что, по крайней мере, осмысленно. Но находиться в узилище только из-за "неясности лица" — это положение не представляет ни ма-

лейшего удовольствия... И я без колебания решаюсь сделать попытку нарисовать свое "политическое лицо".

Так эти десять писем сначала и были озаглавлены.

Но потом я вспомнил совет какого-то русского писателя — никогда не писать таких автопортретов. Ибо в таком случае из-под пера невольно и неожиданно будет появляться хоть маленькая ложь! Автор, пишущий о себе или себя рисующий, — непременно себя приукрасит и нарядит в костюм, для него вовсе чужой. И поэтому первое заглавие этого литературного произведения — отменено; и я начинаю писать "Мою политическую исповедь". Эту "Исповедь" свою я адресую по преимуществу моей пастве, моим дорогим уфимцам, с которыми я встретил февральскую революцию 1917 года, с которыми пережил все события 1918 года. Пусть они проверят мои слова во всех отношениях. Адресую эту "Исповедь" тем рабочим, которые с 1918 года с великой любовью заботятся обо мне; адресую ее вообще всем искренним и мыслящим христианам, которые в жизни ищут правды Божией и стремятся ее осуществить. Пусть мой жизненный путь одних сохранит от ошибок, а другим даст две-три полезные мысли. Я буду рад и этому; а свою личную жизнь я считаю давно конченною и мой путь жизненный — уже пройденным.

Жизнь моя была очень простая: не было в ней ни увлечений, ни разочарований! Поэтому она для многих кажется мало содержательною. Против этого я горячо протестую: моя жизнь — очень содержательна и, по милости Божией, — очень радостна, чего от всей души желаю всем.

Еще должен сделать маленькое добавление: в исповеди говорят обыкновенно только о грехах... Да, по преимуществу о грехах. Но я пишу свою политическую исповедь, и цель этой моей исповеди вовсе не

личная, я хочу и этими строками послужить всем тем, кто любит меня и кто вместе со мною хочет послужить людям.

Но этого мало! В свое время я печатно выступал против всесильного временщика Распутина; тем я исполнял свой гражданский долг. Ныне печать для меня абсолютно не доступна. Мои враги печатают против меня целые книги; враждебные мне архиереи по всей России рассылают ложь обо мне; а я не могу до сих пор исполнить своего гражданского республиканского долга и сказать правду тем, кто должен требовать только правды от всех граждан СССР.

Одним словом — эта моя "Политическая исповедь" есть мой гражданский долг, и я рад, что этот долг я, наконец, уплачиваю. Ранее я свои мысли изложил кратко только в письме к Г. В. Чичерину в 1924 году, но это письмо едва ли дошло до адресата; а Гос<*ударственное*> Полит<*ическое*> Управление интересовалось мною только в отношении сыска и никогда не спрашивало меня о моих убеждениях вообще.

Теперь ГПУ меня спросило; и я считаю своим долгом дать ответ, написать эту "Исповедь", обрисовать свое лицо.

2

О моем социальном положении

Мне сказано официально, что мое "политическое лицо не ясно". Еще мне сказано официально, что мое социальное происхождение особенно вредит прояснению моего "лица" в политическом отношении. Иначе говоря, мой княжеский титул наводит тень на мое "лицо", и это прежде всего! Положение мое, — можно ска-

зать, — безвыходное. Родился с тенью на лице, да так вот и сиди в этой тени!

Но в данном случае мне на помощь может прийти самая простая арифметика. Я родился в 1873 г<*оду*> по н<*овому*> ст<*илю*>. Принял монашество в 1895 году. Значит, я пользовался своим "княжеством" — 22 года, когда был в пеленках и юношею-учеником. Итак, не революция меня лишила моего "княжества", а сам я произвел в 22 года революцию в своей жизни и ушел в монахи, несмотря на многие утехи, которые обещала мне жизнь с княжеским титулом. Далее — от моего монашества в 1895 году до революции 1917 года прошло тоже 22 года моей сознательной, а не детской жизни — поэтому можно ли говорить, что мое социальное положение (или происхождение) может наводить на меня какую-то тень. Ведь я 22 года до революции провел без всякой "тени"; зачем же искусственно напускать на меня эту "тень"?

Между тем эта несправедливость тяготеет надо мною чуть не десять лет. Единственный момент светлый за эти 18 лет был 23 (или 24) июля 1922 года, когда в московских газетах было опубликовано сообщение от Верховного Трибунала такого содержания: «Дело епископа Андрея, бывшего князя Ухтомского, по обвинению его в контрреволюционных деяниях, прекращено за отсутствием состава преступления, и епископ Андрей освобожден из-под стражи». Да, это был счастливый момент моей революционной жизни; и этим моментом я воспользовался, чтобы написать мой закон о религиозных общинах, принятый ныне в СССР. Так арифметика на моей стороне. Мне ныне 55 лет. 33 года из этих 55 лет я не князь; а остальные 22 года моей жизни (детство и юношество) я ни один час не успел использовать свое "княжество".

Но почему же я сделал с точки зрения людей, материалистически настроенных, такую дикую глупость? Что заставило меня отказаться добровольно от многих привилегий светской жизни? Я могу с чистой совестью сказать, что я ушел из своей среды потому, что кроме беспредельной глупости и беспринципности я в этой среде ничего не видал. Особенно меня поражал разврат этого лжеинтеллигентного "общества". Можно сказать, что я бежал от греха...

По дороге, во время этого моего бегства, мне встретились два огромных русских мыслителя: А. С. Хомяков и И. С. Аксаков. Эти два мыслителя определили всю мою дальнейшую жизнь даже до 1928 года. Хомяков — это русский гений религиозной и философской мысли. Аксаков — не гений, но очень крупный талант, великий мастер русского слова. И оба они: и Хомяков, и Аксаков, — были величайшими патриотами, жестоко бичевавшими отечественные пороки, за что несли те или иные преследования. Эти два мыслителя вполне и навсегда пленили меня. Говорить о них — нужно писать целое сочинение; я скажу только несколько слов.

Хомяков жил в царствование Николая 1-го. Это царствование было одно из самых самодержавных, внешне — самых блестящих... Когда император Австрийский и все маленькие короли германские целовали руку императору Всероссийскому, то национальная русская гордость не имела предела; и один только Хомяков с маленьким кружком своих единомышленников (да Герцен из другого кружка) говорил, что это — великая ложь, что эта русская гордость есть грех языческого Рима. Наконец, Россия была разбита в Севастополе. В это время А. С. Хомяков был бесконечно весел... Его упрекнули за это веселье среди национального горя; на это Хомяков ответил: «Тридцать лет все смеялись, а я плакал. Теперь позволительно мне порадоваться нрав-

ственному исцелению моей родины». Таким патриотом был Хомяков.

Аксаков с величайшим одушевлением доказывал царскому правительству ту простую мысль, что самодержавие не есть самодурство, что самодержавие должно само себя нравственно оправдать, что иначе власть русского царя превращается во власть древневосточного деспота. На это Аксакову возражали, что Русь была и останется святою Русью под руководством своего духовенства. В ответ на это Аксаков писал громовые статьи о том, что наше духовенство есть продажная каста, что оно признает всякую "ложь во спасение", тогда как всякая ложь должна быть только в омерзении, что Русь его времени нельзя назвать святою потому, что в ней нет простой справедливости.

Вот каковы были мои главные учители; вот на каких чувствах и мыслях я вырос. И я благодарю Бога за то, что хорошие педагоги толкнули меня на изучение этих великих людей. Они меня научили всему доброму; они научили меня любить людей, несмотря на их пороки, отделять людей от их пороков и находить в них образ Божий.

3

Мое старообрядчество

18 лет я пошел изучать христианство, изучать церковную жизнь. И за четыре года моего обучения я создал себе христианское мировоззрение, которое я и сейчас в старости только дополняю, но не исправляю. Это случилось потому, что я христианство изучал по первоисточникам, а не по отвратительным семинарским учебникам, вполне схоластическим и потому — почти не православным.

Составив себе христианское мировоззрение, я составил себе одновременно и мировоззрение, которое можно назвать политическим. Во главе угла моего христианского мировоззрения стоял, конечно, Христос, как величайшее украшение всей мировой истории; а в основе моего мировоззрения политического стояла святая Русь и прекрасная древнерусская христианская культура. Но, как известно, история Руси делится на историю Руси Киевской, Новгородской и Московской; и, однако, все это была единая свободолюбивая православная Русь: и в княжеском Киеве, и в республиканском Новгороде, и даже в царской Москве, когда цари московские считались только воплощением социальной правды и защитниками обиженных. На этом основании царь Иван Грозный перебил тысячи бояр, спасая народ от боярских обид. Поэтому даже этот жестокий и сумасшедший царь пользовался народной любовью.

Да, православная Русь бывала и великою грешницею, бывала часто "в судах неправдою черна"; но православная Русь никогда зло не называла добром, никогда не поклонялась злу и никогда не переставала бороться со злом. Такой взгляд на русскую историю делал меня патриотом. Я патриот не "механический", не в силу своего русского происхождения; я патриот сознательный и люблю свое отечество не зоологической любовью, а на основании нравственных принципов, которым служит мое христианское отечество. Несчастно сердце, не любившее смолоду; одинаково несчастно разбитое сердце, полюбившее то, что не достойно любви.

Я могу сказать, что я счастлив: я любил и люблю то, что воистину достойно любви, — что я не только люблю, но и уважаю! Итак, я люблю Россию и ее культуру. Из этого ясно, чего в истории России я не люблю. Я не люблю всего петербургско-императорского периода русской истории. Я не люблю того огромного насилия

над русской душой и, вообще, над русской землей, которым характеризуется весь этот период в двести с лишним лет. Какой-то историк сказал, что император Петр вывихнул голову всей России и что она после него так и осталась с вывихнутой головою. Это очень верно! С начала 18 века русские думают чужою головою, и это жестоко вредит русской жизни, даже извращает эту жизнь, извращает русскую культуру.

Тут я должен остановиться и дать небольшое объяснение, что я считаю культурою народа. Недавно на немецком языке написана книжка (переведенная на русский язык) под заглавием "Закат Европы"[112]. Это очень интересная книга, с которою я в главных мыслях вполне согласен. В ней доказывается, что культуру и цивилизацию никак нельзя считать за одно и то же. Культура — это все то, чем живет народ: его религия, религиозные легенды, народный эпос (его былины), сказки, песни, весь строй жизни, вся народная душа. А цивилизация — это внешняя гражданственность, даже государственность (для которой и пришел "закат"). С этой точки зрения всякий народ имеет и должен иметь свою душу, свою культуру; и немец по складу своей жизни никогда не будет похож на итальянца, как француз на англичанина; а самый сильный по культуре народ — это евреи с их несравненной историей и литературой.

Что касается русского народа, и в особенности великороссов, то его культура со времен импер<*атора*> Петра подверглась сплошному изнасилованию со стороны чуждой его духу немецкой цивилизации. В Петербурге сидели полунемецкие императоры с совершенно немецкими министрами и командовали всей

[112] Книга "Закат Европы" Освальда Шпенглера (1880–1936), первое издание на немецком языке вышло в 1918 году, на русском в 1923-м.

Россией и прививали ей совершенно не русские начала жизни. Это было совершенно определенное гонение на русское православие, на русскую общественность, на русский народный быт. Это было систематическое развращение русской души и издевательство над нею со стороны немецких цивилизаторов. Свободолюбивая, братская Русь мало-помалу обратилась в собрание запуганных рабов, дрожащих пред своей властью и лишенных чувства долга истинного христианина и гражданина. Русские граждане превратились в несчастных обывателей, которые не строили своей жизни, а только на своей спине наблюдали, что петербургские строители делали из того теста, которое представлял из себя русский народ.

* * *

Но не весь русский народ превратился в это немецкое тесто. Очень небольшая, но подлинно здоровая часть русского народа выделилась из этого стада обывателей и осталась хранителем русской народной свободы, русской народной души. Это наши русские старообрядцы, которые вынесли жесточайшие гонения от императорского правительства, но остались истинными гражданами, сознательными слугами правды Божией и правды человеческой.

Вот почему я — старообрядец, и, как старообрядец, я дал слово своим единомышленникам-старообрядцам ни под каким предлогом не вмешиваться в политическую жизнь и делать только свое церковное дело. Это обещание я и исполняю твердо, ибо в настоящее время и одного церковного дела так много, что даже на одно знакомство с ним недостанет ни времени, ни сил.

Итак, я вполне аполитичен и деятель исключительно церковный.

4

Я не был идолопоклонником при царе

Третье письмо я кончил указанием, почему я принципиально аполитичен; я должен быть аполитичен, как старообрядец по убеждениям и для того, чтобы не потерять единомышленников среди этой лучшей части русского народа. Но если бы я на этом остановился и сказал, что я до такой степени аполитичен, что даже не имею никаких мыслей и чувств, вынужденно находясь среди жизненного калейдоскопа, — это была бы полная неправда. Нет, я живу сам и живу жизнью любящих меня людей, моей паствы. Да, я и чувствую, и мыслю; у меня имеются и ожидания, и надежды. О них и будет речь далее.

Но чтобы прояснить свое "политическое лицо" в отношении будущего, я предварительно должен сказать, каково мое "лицо" в прошлом. Иначе — без этого воспоминания о прошлом — моя речь может показаться не искренней и не заслуживающей доверия. Начал я разбираться в политических книжках с 1898 года. Это было время торжества министра финансов Витте, когда он заключал огромные займы у заграничных банкиров. Мои политические учители громко протестовали против этого и называли эти займы "распродажею России", ее закабалением иностранному золоту. Мне было тогда больно за мою Россию. Но мои учители сказали еще одну для меня новую (в 1898–<*189*>9 г<*одах*>) мысль, что при таком положении власть русского царя обращается во власть верховного начальника полиции "по выколачиванию процентов для уплаты заграничным банкирам". Эта мысль для меня была почти тяжкой...

Потом в 1904 году началась бессмысленная война с Японией. Глупость этой войны для меня не была секретом. Но вот дошло дело до страшной даты — 9 янв<*аря*> 1905 года. Это событие для меня остается ужасным вдвойне. Дело в том, что в этот день 9 января русская Церковь празднует память — день смерти митрополита Московского Филиппа. В этот день московский самодержец Иван IV убил своего духовного отца — святителя Филиппа (хотя и не собственноручно). А в 1905 году, как раз в этот день именем Петербургского самодержца Николая II его министры расстреливали его верноподданных сынов.

Для меня было страшно это мистическое совпадение — два страшных преступления русских самодержцев произошли в один день — 9-го января. Оба преступления связаны с именем христианского царя; и нужно быть или вовсе бессовестным, или совсем слепым, чтобы не видеть всей глубины этих преступлений. Но я был слишком мал тогда — в 1905 году, чтобы протестовать с каким-нибудь успехом против великих событий. Я своими мыслями мог делиться только с ближайшими друзьями (а отнюдь не с архиереями).

В 1907 году я стал викарным епископом в Казани. Мне представилась возможность говорить правду, хотя бы в своей маленькой области просвещения инородцев. Я стал противником той грубой русификации, которая практиковалась во всем Приволжье. В это время я издавал свой собственный журнальчик "Сотрудник", в котором вел борьбу с "Союзом Русского Народа" как объединением лжеправославных лжепатриотов. Три года я отстаивал свои мысли, три года боролся с этою кампанией, которая проповедовала то же, что и знаменитый генерал Аракчеев: «Мне наплевать на Россию, мне нужно только, чтобы царь был доволен». И в то же время эти жалкие люди кричали о великой России! Мне

пришлось им говорить, что между Россиею большою и Россиею великою — огромная разница. Я хотел (и хочу), чтобы мое отечество было великим — в нравственном отношении.

Из-за борьбы моей с "Союзом Р<*усского*> Н<*арода*>" мне пришлось из Казани уехать в серьезное изгнание — в Сухум... Но в это время Распутин стал вести себя вполне не позволительно; и я стал писать в газетах и против него, и против его архиерейских назначений. Вскоре в ответ на эти распутинские назначения я сделал распоряжение по своей епархии (в 1916 году) о введении выборного начала в церковной жизни и об отмене назначенства. Это мое распоряжение вызвало бурю негодования среди архиереев; обер-прокурор Синода предложил мне подобру-поздорову уйти в отставку. Но я остался верен своим убеждениям и не уступил никому.

Наконец, в 1917 г<*оду*> 9 янв<*аря*> я написал статью "Равнение на среднюю совесть". В этой напечатанной статье я говорил, что наше государственное несчастие заключается в том, что наши власти нисколько не ценят ни знаний, ни талантов, ни даже героизма. Им нужны только средние люди, вечно подлаживающиеся под всякое течение, вечно торгующие своей совестью, почти бессовестные. Генерал Хабалов привлек меня к ответу за эту статью, и только революция спасла меня от изгнания.

Итак, я был некогда монархистом, но никогда не был идолопоклонником ни пред царем и ни пред кем. И при царе я был прежде всего епископом и гражданином. Остаюсь таким и ныне, но теперь мне приходится вести борьбу не с "Союзом Русского Народа", а с обновленцами и с сергиевцами, которые ныне делают дело Союза Р<*усского*> Н<*арода*> под этой новой вывеской.

5

Моя встреча с республикою

Я не был идолопоклонником при царе, потому что отчетливо видел бедствия и унижения моей родины, вызванные царским режимом. Тем легче мне было проститься с этим режимом. И когда я получил известие о низложении Николая II, я встретил это известие даже с некоторым нравственным удовлетворением. Незадолго до этой Февральской революции я получил отчаянное письмо от моего брата (двоюродного), в котором он упрекал меня, как епископа, за мое молчание при виде наших общественных бед. Он писал мне: «Смотри, что делается: наш царь почти невменяемый человек; министр Внутр<*енних*> Дел — вовсе сумасшедший и к тому же плут, спекулирующий на военных поставках. Духовенство — продажно; дворянство вовсе никуда не годится; народ пропивает свое здоровье и благополучие на самогонке. Одно спасение в революции». Так пред революциею был настроен я (с братом) по отношению к отживавшему режиму.

И вот пришла революция.

Во имя чего она явилась? Во имя свержения монархии? Но монархия сразу рухнула, а дальше у нашего республиканца Керенского никакого республиканского знамени не оказалось, да и во главе нашей республики стояли самые убежденные монархисты вроде Гучкова, Львова, Милюкова. Поэтому наша республика вначале дала картину довольно не ясную. Между тем толпа наших монархистов начала усердно, но вполне бессмысленно превращаться в республиканцев, и за неимением своих республиканских лозунгов стали просто кричать: "свобода, равенство и братство", — то есть повторять лозунг первой французской революции 1789 года. Тогда

мне пришлось вести большую борьбу с клеветниками на меня: честные монархисты упрекали меня, что я не помянул ни одним добрым словом монархию; а лжереспубликанцы в местных газетах кричали на меня, почему я без особого увлечения говорю об этом французском лозунге. Тогда и устно, и печатно я отвечал, что французы сначала с восторгом кричали эти красивые слова: "свобода, равенство, братство"; но очень скоро все восторги сменились другою формулою: "свобода, равенство и Наполеон"; а еще чрез несколько времени вся поэзия французской революции сменилась прозаичными словами: "император Наполеон". А за Наполеоном пошли его бесчисленные войны; а за этими войнами, как прямое их последствие, явился капитализм. Значит, дело не в формуле; назваться республиканцем — очень мало, нужно быть республиканцем, нужно приучить себя к исполнению гражданского, общеобязательного долга. Поэтому во французской формуле нужно ставить ударение не на первом слове: "свобода", ибо она может оказаться своеволием, и не на втором — "равенство", ибо внешнее идеальное уравнивание (старого и малого, умного и глупого, честного и бесчестного) — есть величайшая несправедливость... Нет, нужно и во-первых, и во-вторых, и в-третьих — только братство, а в братстве, в чувстве братства заключается и свобода, и равенство. По этому поводу прекрасно говорил А. С. Хомяков, что человеку нужно пережить таинство свободы, чтобы быть счастливым, иначе он и в свободе будет несчастным.

А русские люди всегда считали себя и называли себя и даже чувствовали себя только братьями. И не только между собою назывались братьями, но и других к этому своему братству привлекали. Я и считаю русских людей по природе республиканцами-социалистами. Но наш социализм — свой собственный, доморощенный, а не французский и, вообще, не западно-европейский.

Там — в Западной Европе — социализм вырос в процессе борьбы с королями и католическим духовенством. Там при победе над королевскою властью и выросли прежде всего лозунги свободы и равенства... А мы, русские, как справедливо говорит Лев Толстой, на несколько сот лет опередили Европу в своем нравственном развитии, потому что Православная Церковь воспитала нас на Евангелии (которое отняла у своих подданных Церковь римских пап, требовавшая от них не сыновней христианской любви, а только слепого послушания).

Таковы были мои мысли и чувства во времена республики Керенского; а когда эту республику в Уфе сменили большевики, то лично я пользовался с их стороны даже вниманием и полною свободою действий. В это время я организовал два великолепных кооператива (первые при большевиках, имели общеприходской детский приют, за который меня благодарил представитель социального обеспечения и т<*ак*> д<*алее*>). И единственно, чего мне не удалось сделать, — это примирить маленькую группу уфимской партии ка-де[113] с коммунистическим режимом.

Итак, я при царе не был идолопоклонником и стремился быть честным гражданином; и при республике я стал республиканцем, но без увлечений и иллюзий, ибо я твердо знаю, что на земле нет совершенства и все имеет ценность только относительную.

6

Моя защита республики

Это было в Томске — в течение первых двух недель ноября мес<*яца*> 1918 г<*ода*>. В Томске происходило

[113] Имеется в виду партия кадетов, то есть партия конституционных демократов.

Сибирское Соборное Совещание, когда Урал и Сибирь оказались отрезанными от Москвы чешским фронтом. Тогда члены Московского Собора 1917 года, находившиеся на этой территории, собрались в Томске, чтобы обсудить церковные дела. Нужно было принять некоторые решения для того, чтобы узаконить отсутствие патриарха.

И вот в Томске начались для меня сюрпризы во всех направлениях: и в политическом, и в церковном. Дело в том, что огромное большинство этого собрания были самые бессмысленные монархисты, возводившие монархизм в догмат и нисколько не желавшие считаться даже с самыми очевидными фактами. Они вспоминали только те проповеди, которые они когда-то слышали в царские дни, и далее этих проповедей их думы не шли. Соответственно с этим главным догматом о необходимости и неизбежности восстановления царской власти и начались работы этого томского Совещания. Я стал решительно и твердо протестовать против такого оборота дела, и моим активным единомышленником был только епископ Екатеринбургский Григорий. Остальные члены Совещания предоставили нам свободу действий, но сохранили и себе свободу устраивать жизнь "по-старому", то есть равняясь на самый нелепый вид монархии — петербургское императорство. При таком сохранении всего "по-старому" каждый епархиальный архиерей оставался "по-старому" маленьким самодержцем — командиром всех, кто с ним соприкасается. А это и есть полный развал иерархии.

С этим я боролся в 1918 году. С этим мне приходится бороться и ныне в 1928 году. Мои идейные противники ныне переменились персонально, но их мысли и чувства — остались те же: чтобы благочестивый монархист стал республиканцем, нужно его перевоспитание или перевоспитание целого поколения в подлинно респуб-

ликанских чувствах. А мне, как епископу, пришлось обучать республиканским идеям не только мою паству малограмотную, но и людей, совсем ученых. На мое счастье, я имел уже полуторагодовой жизненный опыт — совместной жизни с республикою, ибо мою жизнь Уфимскую я считал образцовою в церковном отношении.

Что же я говорил своим "верующим монархистам"? Что я мог сказать им на основании свящ. Писания? Я говорил, что в свящ. Писании есть целая отдельная книга "Судей", описывающая идеальную республику. А когда древние иудеи пожелали вместо этих благочестивых судей иметь своего царя, то это вызвало "гнев Божий". На это мне указывали, что "сердце царево в руке Божией". Я соглашался с этим положением, но указывал, что если это так, то у нас и должна быть республика, ибо два царя подряд на одной неделе отказались от своего царства, и ясно, что, если их сердца в руке Божией, то мы против республики протестовать не имеем права. Это я говорил и архиереям, и профессорам университета, и мирянам меньшего образовательного калибра. Об этом я и говорил, и писал; и достиг некоторых серьезных результатов.

Эти результаты сказались в Томске теоретически и в жизни — практически. Замечательно, что с 1916 года я состоял в Уфе председателем "Восточно-русского культурно-просветительского общества"; это было прекрасное учреждение, работавшее исключительно на общественные средства. Это общество издавало свой журнал "Заволжский летописец". И этот журнал не изменял своего направления ни в 1917 году — при республике Керенского, ни при большевиках в 1918 году, ни при Колчаке в 1919 году. Мы говорили только правду, и эту правду уважали наши читатели всех направлений. Мало того: этот журнал и печатался в 1918 году в большевистской типографии!..

Но, в конце концов, я должен был за всю эту деятельность и, главным образом, за мою "колчаковщину" — отвечать на следствии Московского Рев<*олюционного*> Трибунала. Об этом особенно хлопотали уфимские попы, среди которых было много моих врагов. Они собрали и переслали в Москву буквально кучи моих монархических проповедей (<*в*> 1914–1917 г<*оды*>), все мои писания о республике, о большевиках, о колчаковщине и пр<*очее*> и пр<*очее*>. Мое дело, состоявшее из двух огромных томов, было изучено двумя следователями (Тагамлицким и Ильиным); и я был освобожден без суда, ибо во всяких моих писаниях была усмотрена одна идея: служение правде. На моем церковном языке это называется борьба со грехом, ибо высшая неправда — грех.

Итак, я был освобожден Моск<*овским*> Рев<*олюционным*> Трибуналом в 1922 г<*оду*> 5 авг<*уста*>. А 10-го августа в газ<*ете*> "Правда" (московской) было напечатано мое "Открытое письмо". Оно было такого содержания (приблизительно):

«Получив оправдание во взведенных на меня обвинениях в контрреволюции, я испытываю нравственную потребность принести благодарность Московскому Рев<*олюционному*> Трибуналу за этот акт государственной мудрости, ибо этим его решением признана законно-приемлемою вся моя уфимская церковная деятельность; отныне Уфимская епархия может жить нормальною покойною жизнию по установившемуся в ней порядку».

Это маленькое письмо принесло много пользы в других епархиях, указав серьезному духовенству, что уфимская церковная жизнь может служить для него законно-приемлемою нормою. И на основании этого решения Моск<*овского*> Рев<*олюционного*> Трибунала я и решился внести в Нар<*одный*> Ком<*иссариат*> Внутр<*енних*> Дел мой проект приходского устава.

7

Об идеальной республике

На эту тему мною написано целое большое сочинение "Церковный катехизис". Это сочинение мне было разрешено писать, когда я сидел в качестве арестанта в Омской тюрьме в 1921 году. Писал я это сочинение по многим побуждениям; и главное из них — это научить православных христиан подлинно-церковной жизни, церковной республике. Дело в том, что я считаю семинарское богословие наше почти никуда не нужным, даже извращающим подлинно христианское учение. Но когда после 1917 года, после революции я встретился с людьми даже в архиерейском сане, решительно не понимающими основ христианства, я и решился писать свой катехизис. Спасибо начальнику Омской Че-Ки[114], который разрешил мне это писание. Однако при моих переходах (перевозках меня) по Москве, Уфе, Ташкенту, Асхабаду — я свой катехизис потерял на некоторое время и начал вместо него писать свои мелкие письма — отрывки на тему: "О смысле христианских догматов" и "О церковно-общественной жизни". Эти "Письма" были написаны с ведома и (потому) с косвенного разрешения Асхабадского ГПУ. Эти "Письма" дважды были у меня отобраны при обысках и однажды в Ташкенте у моего знакомого священника. И из-за этих "Писем" до самого 1927 г<*ода*> (вплоть до Чемберлена и "чемберленовских" арестов) у меня ни с какими властями не было никаких даже объяснений, до такой степени они казались и понятными, и, может быть, полезными (ГПУ в Асхабаде мне их возвратило). Но вот вре-

[114] Имеется в виду Омская чрезвычайная комиссия. — *Прим. сост.*

мена изменились, и понятное в 1923 году, в 1927 и 1928 годах стало требовать объяснения.

Вот я и вынуждаюсь кратко сказать, что основная мысль этих моих писаний — это в то же время и основная мысль моего мировоззрения: что свящ. Писание дает людям наилучшую философию истории вообще и дает смысл жизни каждому отдельному человеку в частности. В свящ. Писании мы находим и описание жизни идеальной республики! Так<*им*> обр<*азом*>, я думаю, что подлинные образцы жизни находятся сзади нас в пройденной истории мира, а не впереди. И наилучший образец республики — это коммуна духа, указанная нам историей свободной христианской Церкви. Эта коммуна духа — есть величайшая нравственная проблема человечества, процесс его всестороннего перевоспитания. Таковы мои убеждения.

Но эти мои мысли оказались чуждыми и вполне не приемлемыми для наших монархистов, и мирянского, и духовного звания. Для них я написал и мои "Письма о старообрядчестве", и "Письма о церковном обновленчестве" (в 1925 году). Во всех четырех сериях этих "Писем" я главным образом писал о след<*ующих*> предметах (перечисляю по памяти, потому что ничего не имею под руками и, может быть, многое и существенное пропускаю).

О догматах. Догматы христианские — это не отвлеченные и непонятные формулы христианской схоластики, а жизненно необходимые и практически понятные обоснования всей разумной жизни человека.

О Церкви. Церковь есть церковно настроенное общество; это живое тело, чувствующий организм, а не одни только архиереи, которые выдумали даже слово епископат и уверяют, что епископат-то и есть вместилище и хранилище всякой истины. Нет, Церковь есть общество людей, ищущих истины; это общество чистых со-

вестей, объединенных любовью к Единому Безгрешному.

О собственности. Установившееся представление о собственности есть чисто условное. Истинный христианин не знает слова "мое", а ищет возможности все свое сделать общецерковным. А если это так, то злоупотребляющий своей собственностью во вред ближним становится чужим для церковного общества и исключается из него.

Все эти мысли для наших верующих мирян-монархистов были (и даже остаются доселе) почти не известными и даже не понятными. А данные мои оппоненты из духовенства (высшего) приходили в полное отчаяние от моего толкования и перевода слова литургия. Это греческое слово в переводе на наш привычный (хотя и не русский) язык значит буквально: республика; и, следовательно, это слово республика совсем не так богопротивно и не так страшно, как думают наши самые благочестивые монархисты. Таким образом, жизнь Церкви и заключается в литургии как республике — общем, общественном деле. Литургия есть духовная кооперация, обнимающая своею духовною взаимопомощью всех членов Церкви.

Наконец, последняя мысль, находящаяся в моих "Письмах", — это мысль о том, что слово самодержец — чисто языческого происхождения, что даже благочестивые самодержцы, как Константин Великий, были иногда вредны для развития церковной жизни, а самодержцы-еретики были источником величайших церковных бед. Христиане первых веков не любили этого слова и противополагали этому языческому слову "автократор" библейское слово "пантократор" — вседержитель.

Итак, во всех своих писаниях за время революции я стремился доказать церковным людям, что Церковь

есть такое бытие, которое не нуждается ни в каких внешних административных подпорках. Церковь есть столп истины! Она нуждается только во внутреннем очищении своей жизни; а это очищение производится не иначе как в процессе внутренней жизни и никогда не производилось по приказанию начальства.

Вот мой идеал истинной идеальной республики. Вне чистого и ясного понимания христианства такая идеальная республика немыслима.

8

Формула русской революции

Мы видели, что французская революция имела на своем знамени слова: "свобода, равенство, братство". И мы знаем из истории, что эти прекрасные слова французская революция вовсе не оправдала, и в конце концов выросла из этих слов самая жестокая империя. Русская революция в момент своего появления на свет не знала никакого определенного лозунга — это была только "республика Керенского". А Керенский сам не знал, чего он хотел. Из его деятельности, преисполненной колебаний, можно было только заключить, что он хочет быть во что бы то ни стало героем.

Но еще во времена Керенского стали раздаваться лозунги большевизма, и из них главный — "правда". Прекрасное слово, за этим словом многие правдолюбцы потянулись с большим одушевлением. Но многих смущало то обстоятельство, что "правда" оказывалась чрезвычайно многоликою: была "Солдатская правда", "Окопная правда", просто "Правда", "Правда Уфимская", "Правда Уральская" и т<*ак*> д<*алее*>. Были и такие случаи, что в Уфимской губ<*ернии*> на Симском

заводе была одна "правда", а на другом заводе (насколько припоминаю, на Катавском) — другая. И Симский завод пошел походом против другого завода, защищая свою собственную "правду". Знаю я это потому, что во главе этого "похода" стоял священник — со всем своим крестным ходом. Так "правда" долго не была понятна огромному большинству русских обывателей. И это продолжалось очень долго!

Борьба большевиков за прекращение войны и за мир с немцами была понятна только измученным солдатам; а опять-таки огромное большинство населения не понимало, зачем нужно было немедленное прекращение войны тогда, когда ни немцы, ни русские не чувствовали себя побежденными. Такие возвышенные принципы большевизма, как интернационализм, пацифизм и подобное, тоже очень долго оставались (да и остаются ныне) вполне невиданными для городского и особенно деревенского населения. Зато более понятна возможность отомстить деревенским обидчикам: и кулакам, и помещикам. Эта мысль осуществилась с полным увлечением: это было море прорвавшейся злобы. Но это происходило, конечно, не во имя высших государственных соображений — это был только грабеж, рвачество и истребление иногда чрезвычайно нужного материала. И это был великий грех! Это было и великое народное несчастие, когда истреблялись огромные народные ценности, которые могли бы поступить в общее народное хозяйство.

Знамя русской революции в 1919–1920 годах значительно изменило свое содержание: в это время на этом знамени были написаны очень понятные слова: "спасение отечества", спасение его от иностранного порабощения: от англичан на севере, японцев на востоке, поляков на западе. И русский народ, действительно измученный трехгодовою войною при царе, все-таки отбил все нападения на родную землю.

Настало с 1921 года время мирного государственного строительства. Многое непонятное в первые годы революции — стало ясным. Многие слепцы прозрели. Многие ценности жизни потерпели полное крушение; вообще переоценка коснулась решительно всего, что заполняет нашу жизнь. Ныне на красном знамени русской революции отчетливо и твердо обрисовались серп и молот, как символ освобожденного труда от эксплуатации. Это знамя бесспорно прекрасное; и если бы оно сразу стало всем понятно с 1918 года, то не было бы очень многих несчастий и бед гражданской войны. К великому сожалению, одни это знамя намеренно фальсифицировали, а другие — искренне его не понимали. Вследствие этого накапливались недоразумения, и лилась напрасная кровь.

Но кроме фальсификации это знамя большевиков претерпевало и совершенно определенную клевету. Я помню, как одна колчаковская газета в самый разгар колчаковского наступления напечатала известие, что большевики воздвигли памятник Иуде Искариотскому. Эта совершенно очевидная глупость на русские, не думающие головы произвела впечатление; а люди, не брезгающие никакими средствами, использовали эту глупейшую клевету в своих целях. Но это была клевета, которую обличили в печати только мои уфимцы...

Итак, освобождение труда от злостной всемирной эксплуатации — великое дело, которое начала русская революция.

Но за этим длительным процессом освобождения должна быть поставлена окончательная цель, как содержание жизни освобожденного человечества. Какая же эта цель? Что предполагается русскою революциею? Какая ее последняя идея? На эти вопросы лучше всего отвечает одна из почтовых марок, которая была выпущена к десятилетию октябрьской революции. Эта мар-

ка изображает русского крестьянина — путеводителем во главе народов СССР. Это великолепная марка. Огромная христианская идея заложена в ней! Это блестящее указание на конечную идею русской революции — эта идея укладывается в два слова: "братство народов". Превосходное знамя. И можно ручаться, что это знамя может привлечь симпатии всех истинных друзей человечества. Лично я думаю, что эти слова и должны ярко гореть на знамени русской революции, и о них нужно гораздо более энергично говорить, чем это делается ныне.

9

Два слова о Ленине

Писать политическую исповедь в 1928 г<*оду*> 7 ноября, как раз в день годовщины октябрьской революции (я не понимаю, почему октябрьская революция празднуется в ноябре), и не написать ни слова о Ленине — это значит умолчать почти о самом главном. Да, об октябрьской революции нельзя говорить, не вспомнив о Ленине: Ленин — это все в октябрьской революции. Поэтому я решаюсь написать о Ленине то, что мною прочувствовано (хотя и два слова, две мысли). Впервые достоверные сведения о Ленине я получил от моего двоюродного брата, который учился в гимназии вместе с Лениным. Отзыв моего брата о Ленине был таков: «Он был в гимназии юношей удивительно чутким и не способным ни к каким компромиссам с совестью». Я этому отзыву верю. Далее — я буду говорить о Ленине не то, что пишут другие, а только "мою исповедь".

Ленина я ставлю наряду с первоклассными русскими людьми вроде Петра Великого и Льва Толстого. Императора Петра я считаю первым русским Революцио-

нером-большевиком. Лев Толстой — это воплощение русского большевистского духа во всемирной литературе. — Прежде всего — это чисто русские натуры, — действительно, натуры без компромиссов; они не способны останавливаться на полудороге. Их правило: "Бить — так бить; пить — так пить; любить — так любить!" Таков был Петр Первый, изломавший Московскую Русь и устроивший русскую столицу в Финляндском болоте. Таков был Толстой, отвергший всю Европейскую цивилизацию, обросший бородою и надевший здоровую русскую деревенскую рубаху.

Наконец — Ленин. Ленин изломал все, что дала нам, русским людям, петербургская цивилизация, и возвратил русским людям русскую столицу Москву. Ленин — интернационалист, перевел столицу своего социалистического отечества из самого интернационального Петрограда в старую Москву. Так удивительно иногда люди неожиданно для себя предпринимают великие решения.

Итак, я считаю Ленина одним из великих русских деятелей. Но он не был ни мыслителем, ни философом так же, как не были мыслителями и Петр, и Лев Толстой. Ленин был великий полководец на политическом поле сражения. "Глазомер, быстрота и натиск" — в этих трех словах выражается секрет успехов Суворова. В этих же словах секрет жизни Ленина. Да, у него глазомер был великолепен; так же огромен был и его политический кругозор. И кругозор, и глазомер Ленина в политическом отношении несравненны: из живых политических деятелей Европы он стоит, конечно, головою выше всех.

И тем не менее я считаю Ленина не самостоятельным даже в его политической деятельности. Ленин был человек огромного ума и всестороннего образования. И он, по моему мнению, не мог не знать русских полити-

ческих мыслителей. И он их знал, конечно, не хуже чем "Капитал" Маркса. У Маркса он почерпнул и усвоил "законы" капиталистического развития (вернее, беззаконие капитализма), — а у лучших русских мыслителей он заимствовал самую форму борьбы за социальную правду. Я говорю о советской власти, о самом принципе советизации.

Я глубоко убежден, что эта советизация есть истинно русское слово, которое русская культура внесла во всемирную сокровищницу мысли и жизни. Эта советизация потому так скоро и привилась к русской жизни, что этот принцип — наш родной, основанный на мысли о братстве, о братском равенстве, а главное — на чувстве братской любви, воспитанной христианством. Русский человек хоть и бессознательно, но все-таки твердо усвоил мысль о всеобщем братстве и вытекающих из этого братства обязанностях. Эту мысль и святые чувства, с нею связанные, воспитало в русских людях Евангелие. И вот Ленин и осуществил в жизни русского народа самую русскую мысль его — о всеобщем братстве.

Итак, мысль о советизации русской жизни я считаю огромною мыслью; но Ленин ее только осуществил, хотя она ему не принадлежит.

Были ли у Ленина ошибки? Конечно, были, и довольно крупные. Кронштадтское восстание 1921 года я считаю административною ошибкою Ленина. "Управлять — значит предвидеть", — а он не предусмотрел этого восстания. Это ошибка, но, как человек исключительно самоотверженный, он быстро осознал эту ошибку и исправил ее. Быстро была установлена новая экономическая политика.

Теперь Ленина нет! И это очень чувствуется, ибо если бы он был жив, то новая экономическая политика, несомненно, распространилась бы на очень многие стороны жизни, и от этого получилась бы огромная экономия и духовных, и материальных народных сил. Для полного счастья нашего отечества и нужно ведь еще только два-три НЭПа — тогда жизнь наша в государственном и общественном отношении может быть вполне образцовою для других народов. И наше счастье, наше нравственное преимущество, для всех очевидное, — обезоружит врагов нашего отечества и привлечет к нам всеобщие симпатии.

Это и будет то "новое слово", которое православная Россия должна дать всему миру. — Это "новое слово" будет действительно "новым", поскольку мир далек от христианского идеала. — Совершенство — только во Христе как личности; все остальное в мире имеет только относительную, временную ценность.

10

Мои пожелания моему отечеству

Моя духовная паства и мои ближайшие единомышленники знают, что я патриот. И это совершенно верно; да, я патриот.

Далее — мои сотрудники прекрасно знают, что я интернационалист и почти всю свою жизнь я провел среди инородцев: татар, чуваш<*ей*>, черемис, осетин, грузин, туальцев, мордвы, вотяков, абхазцев, эстонцев, греков, чехов, башкир. И везде я своим ученикам прививал любовь к родине, к родной земле. Вместе с тем я просил своих учеников не быть космополитами, не быть слепыми подражателями чужих нравов, не подражать и

русским, поскольку в их жизни много недостатков. Но в русском характере есть одно величайшее духовное сокровище. Это его всеобъемлющая братская любовь и искание вечной правды, стремление жить "по Божьи". Эти черты русского характера делали и делают русского везде "своим человеком", и везде он чувствует себя, как дома.

Русская революция дала огромные возможности этим добрым чертам русского характера реализоваться и сослужить великую службу человечеству. Но недоверие к себе и к своей внутренней правде и всевозможные предрассудки (и антирелигиозные) не позволяют русской революции довести дело до конца. А это — необходимо, нужно даже во имя простой элементарной справедливости. Поэтому я и хотел бы прежде всего, чтобы у нас республика была действительно республикою. Я хочу, чтобы в нашем отечестве все мои соотечественники (и я сам) чувствовали себя истинными гражданами, сознающими свои права и обязанности пред общим отечеством, и чтобы они ни в каком случае не превращались снова только в обывателей, созерцающих жизнь только в виде чужой картины.

Соответственно с этим я хочу, чтобы советский принцип жизни был незыблемым законом русской жизни, как способ практического осуществления социальной правды. Но при всеобъемлющем осуществлении советского принципа должна быть окончательно разрушена легенда о двух правдах. Правда — едина для всех! И закон один для всех. В советском отечестве не должно быть пасынков... все — сыны единой родины; и все — свободны; и все — должны пользоваться единым общим законом. — Если же не будет единого общего закона, то немедленно будут плодиться всякое беззаконие и обида.

(Приведу, — может быть, не очень своевременно, — такой пример: митрополиты Вениамин и Сергий могут ныне пользоваться и пользуются всеми удобствами свободы печати; печатают явные глупости вообще и явную ложь об епископе Андрее, рассылают безбоязненно свои брошюры и листовки; а епископ Андрей отвечать не может на эту клевету и ложь даже письменно; и всякая его рукопись считается преступлением с последствиями по всяким статьям Угол<*овного*> Кодекса; и таких бедных Макаров-Андреев в нашем отечестве очень и очень много.)

Когда у нас, в нашем отечестве будет осуществлена единая святая правда для всех граждан, когда наши граждане из рабов (которых воспитало императорство) превратятся в свободных республиканцев, тогда наше отечество без всяких усилий сделается центром великой славянской федерации. Для осуществления этого великого дела в настоящее время имеются все данные: весь украинский юг Польши, Галиция, Прикарпатская Русь, даже Чехия, — все эти земли тянутся на соединение с РСФСР. Замечательно, что в Чехии один мало ученый монах уже устроил больше сотни автокефальных религиозных общин (с 1921 г<*ода*>) по образцу таких же русских[115].

Ныне наша русская политика привлекает на свою сторону симпатии западноевропейских рабочих. Но этого мало! Нужно, чтобы руководители нашей политики подумали о завоевании симпатий среди сознательных христиан всей Западной Европы. А таких христиан — серьезных и образованных там очень много. Привлечь их на сторону нашей федерации очень просто! Для этого нужно прежде всего создать соответствующую литературу — не ту анекдотически неле-

[115] И этот монах — уфимский ученик! — *Е. А.*

пую, которую плодят наши "обновленцы", а идейную, достойную тех великих задач, которым она должна служить.

Наконец — последнее пожелание моему отечеству то, чтобы нынешний закон об отделении Церкви от государства остался действующим навсегда. Этот закон есть, бесспорно, один из лучших, которые дала нам революция. Но, разумеется, он должен существовать не только в идее, на бумаге, а должен быть осуществлен в жизни. К величайшему сожалению, у нас получается такое положение, что этот закон нарушается всеми архиереями, которые находятся на свободе, а те немногие епископы, которые хотят опереться на этот закон, — находятся в большем или меньшем утеснении (просто — в ссылках)... Почему так?! И для чего так делается?!

Итак, вот мои все пожелания моему отечеству и моя политическая исповедь. Коротко говоря, я желаю: чтобы в моем отечестве не было скорбящих и озлобленных; чтобы все были радостны и счастливы; чтобы счастливые делились своим счастьем с другими и чтобы правда Божия укреплялась в земле нашей. А единая правда Божия, конечно, не может быть в противоречии с правдой человеческой; правда же сынов человеческих должна подчиняться единой правде Божией.

Епископ Андрей
(Ухтомский)[116]

---

[116] ЦА ФСБ. РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 38–82. Автограф.

4. Об епископах и о катаскопах[117]

Caveant christiani!
(Будьте осторожны, христиане)

Об епископах и о катаскопах

Подозрительный читатель, прочитав это заглавие, может подумать, что мы, пользуясь революционною свободою, злоупотребляем ею и вводим в употребление доселе неслыханное слово "катаскоп", совершенно ненужное и излишнее. Между тем это слово в церковный язык введено очень давно и совсем не нами, а святителем Афанасием Александрийским, которому приходилось за всю его многострадальную епископскую жизнь много страдать от ложных епископов, которые не давали ему покоя даже в ссылке. Этих ложных, фальшивых епископов святитель Афанасий и называл катаскопами. Точный перевод этого греческого слова на русский язык мы дадим впоследствии; а пока напомним читателю, что слово "епископ" значит надзиратель, т<*о*>е<*сть*> надзиратель за святостью и чистотой церковной жизни. Можно, значит, предположить, что слово "катаскоп", по терминологии святителя Афанасия, — это нечто противоположное епископу.

А из предательской деятельности этих катаскопов мы увидим, что это и есть так: катаскоп это существо, которое выдвигается жизнью для того, чтобы заменить

---

[117] Текст данного документа даем в новой орфографии, оригинал полностью сохраняет дореволюционную орфографию. — *Прим. сост.*

собой истинного церковного епископа, когда этот истинный народный епископ для грешной земли неудобен.

Катаскопы — это люди, носящие костюмы епископа, но на деле антиепископы, как, напр<*имер*>, Каиафа был первосвященником по своему облачению, но в душе принадлежал к той толпе, которую церковная песнь называет: "иже праведников убийцы".

К великому сожалению, церковная история дает массу примеров гонения праведников-святителей со стороны беззаконных катаскопов. Откройте, читатель, Четьи-Минеи, и вы буквально с первых страниц вашего чтения найдете повествование о деятельности катаскопов. Вот январская Ч<*етья*>-Минея: жития святителей Василия Великого, Афанасия Александрийского, препод. Максима Исповедника, из русских святых — святителя Филиппа Московского. Миродержители тьмы века сего всегда боялись света и всегда стремились угасить всякий источник христианского света. Они изгоняли истинных святителей и ставили подложных, которые готовы поклоняться всякой тьме ради собственного благополучия. И бывали в жизни св. Церкви ужасные времена, когда целые сотни архиереев, целые соборы, отпадали от правой веры, и она сохранялась только в пустынях и среди гонимых мирян. Напр<*имер*>, Риминийский собор (359 года), на котором заседали 400 епископов, и Селевкийский собор того же года, собравший до 150 епископов, одновременно изменили православию и вере и исполнили волю беззаконного императора Констанция и его еретичествующей придворной партии. И эти 550 катаскопов, изменив вере, одновременно изгоняли такого праведника, как святитель Афанасий, который в то время и оставался единственным епископом и единственным светильником веры на всем православном Востоке. А в это вре-

мя на Западе возвысил голос против беззаконных архиереев святитель Иларий Пиктавийский. Он в ужасе пред отступниками писал им: «Слуга, — я уже не говорю — хороший слуга, но порядочный, — не может стерпеть оскорбления, нанесенного господину его. Воин защищает своего царя, даже с опасностью для жизни, даже прикрывая его своим телом. Сторожевая собака лает при малейшем шорохе и бросается по первому подозрению. А вы, епископы, спокойно слушаете, когда вам говорят, что Христос не есть истинный Бог; ваше молчание — знак согласия на это богохульство, и вы молчите! Что я говорю! Вы еще протестуете против тех, кто защищает истину, вы присоединяете свой голос к душителям правды».

Таковы могут быть лжеепископы-катаскопы, ради своего благополучия готовые продать правду и придушить своих же братьев.

Но почитаем жития святых, выше нами названных.

Когда святительствовал св. Василий Вел<*икий*>, то его современник, император Валент, сам арианин (считавший И<*исуса*> Христа простым евреем), постоянно вмешивался в церковные дела и изгонял православных епископов. Твердых в вере епископов Валент изгонял с епископских кафедр и заменял их своими катаскопами-арианами, а малодушных трусов заставлял изменять православию. Наконец, Валент встретился с Василием Вел<*иким*>, который проявил непоколебимое мужество в исповедании своей веры. Взбешенный император закричал святителю: «Но так со мною еще никто не осмеливался разговаривать!» На это св. Василий спокойно ответил: «Это только потому, что ты еще не встречал действительного епископа Церкви».

Все житие св. Афанасия Александрийского есть сплошная борьба по преимуществу с недостойными епископами-катаскопами, причем эти катаскопы всегда

пользовались гражданской властью для достижения своих темных целей. Даже равноапостольный Константин оказался в числе гонителей св. Афанасия после того, как целый Собор епископов во главе с недостойным Евсевием Никомидийским потребовал удаления великого Святителя. Но самое тяжкое гонение на Афанасия было последнее — четвертое. В это время царствовал некий Магненций, убийца императора Константа. Этот Магненций поднял жестокое гонение на святителя Афанасия и всех его единомышленников, признававших его своим законным патриархом; епископы связанными уводились воинами, дома вдов и сирот расхищались, девицы-христианки заключались в узы, в городах происходил чистый разбой. И все это делалось на глазах епископов, которые устраивали в это время свои собственные грязные делишки. В конце концов они добились того, что православные епископы Аммоний, Моин, Гай, Аделфий, Афинодор и многие другие были осуждены на изгнание, а ариане, угодные убийцу Магненцию, заняли их места.

А в это время православное население Александрии глубоко возмущалось беззаконием этих епископов-насильников; верующие бросились к своим храмам, чтобы защищать их. Но беззаконные епископы не останавливались ни пред чем: происходили побоища, сопровождавшиеся убийствами и увечьем при отобрании храмов. Таковы наиболее яркие штрихи в житие свят. Афанасия из борьбы его с епископами-отступниками.

А житие преп. Максима Исповедника представляет из себя сплошную историю его борьбы с императором-монофелитом и его сподручными патриархами — Сергием, Пирром и Павлом. Преп. Максим говорил: «Когда я увижу Константинопольскую Церковь такою, какою она была прежде, тогда я вступлю в общение с нею.

Пока же в ней будут еретические соблазны и еретики-архиереи, никакое слово или дело не убедит меня, чтобы я когда-либо вступил в общение с ними».

Когда лжеепископ Феодосий (царский катаскоп) убеждал преп. Максима исполнить волю царя, преп. Максим спросил Феодосия, помнит ли он те клятвенные обещания, которые он давал пред св. Евангелием. «Что же я могу сделать, когда благочестивый царь хочет совсем иного?» — сказал на это Феодосий... Тогда авва Максим грозно обличал епископа: «Зачем же ты и бывшие с тобою давали свои обещания пред св. Евангелием, если у вас не было твердого намерения исполнить обещанное? Поистине все силы небесные не убедят меня сделать то, что вы предлагаете. Ибо какой ответ дам я — не говорю — Богу, но моей совести, если из-за пустой славы и мнения людского отвергну правую веру, которая спасает любящих ее?»

Мы взяли лишь несколько примеров (и только из одной январской Ч<*етьи*>-Минеи), как много великие епископы-исповедники терпели мучений от современных им катаскопов. — Эти грустные примеры можно преумножить до чрезвычайности. Но оставим греческую историю: возьмем историю русской Церкви. И в русской церковной истории, к великому нашему горю, можно найти достаточное количество катаскопов. Но, конечно, в разное время их было разное количество.

Как известно, русская церковная история распадается на две части, очень не похожие одна на другую по характеру церковной власти. Первая часть до раскола старообрядчества и вторая — после пресловутого Собора 1667 года, который благословил и одобрил всякие насилия со стороны царей над религиозною совестью подданных. При импер<*аторе*> Петре Первом эти насилия и мучения христиан были цинично жестоки.

Петр ненавидел проявление какой бы то ни было свободы или самостоятельности в среде своих подданных, и, будучи сам глубоко неверующим человеком, он фанатически жестоко изгонял веру и из других. Поэтому до импер<*атора*> Петра епископы недостойные встречались лишь как редкое исключение, а после его государственного воспитания — наоборот — подлинные церковные епископы стали встречаться только как редкое исключение.

Насколько нам известно, ярких примеров измены среди епископов до Собора 1667 года было только три случая. Первый случай — это во времена Ивана Грозного в деле священномученика митр. Филиппа. Этот великий святитель бесстрашно обличал Грозного в его злодеяниях. Царь приходил от этого в неистовство и, наконец, предал своего духовного отца суду, а от суда потребовал осуждения невинного страдальца. Подходящие судьи, разумеется, нашлись во главе с архиепископом Новгородским Пименом, и они осудили Филиппа. Последние слова святителя были таковы: «Царь, не думаешь ли ты, что я боюсь смерти? Достигнув старости, готов я предать дух мой Всевышнему, моему и твоему Судии. Лучше умереть невинным мучеником, чем в сане митрополита безмолвно терпеть ужасные беззакония. Оставляю жезл и мантию митрополичьи. А вы, все святители и служители алтаря, пасите верно стадо Христово; готовьтесь дать ответ и страшитесь небесного Царя более, чем земного».

Но святители и служители алтаря давно забыли о стаде Христовом, и воля царя земного для них была гораздо страшнее всякого суда небесного... Митр. Филипп, преданный слуга св. Церкви и церковного народа, был лишен сана и убит.

Вторая крупная историческая измена правде Божией и церковному голосу со стороны архиерея была

измена митр<*ополита*> Крутицкого Геласия. Борис Годунов послал этого митрополита в Углич расследовать дело об убиении царевича Димитрия Угличского. И этот митрополит (воистину катаскоп) донес своему господину то, что Годунову было нужно, что Димитрий — просто случайный самоубийца. Таковы бывали митрополиты Крутицкие!

Следующий крупный лжеепископ в русской церковной истории был рязанский архиепископ Игнатий. Самозванцу Лжедмитрию был совсем неудобен любимый народом патриарх. Нужно было от него отделаться, и отделались. Патриарха Иова заточили в Старицкий монастырь. На его место был возведен, конечно, без всякого народного избрания — Игнатий. Когда Игнатий лицемерно просил благословения у бывшего патриарха, Иов сказал: «По ватаге и атаман, по овцам и пастырь». Новый лжепатриарх, разумеется, на все был согласен: он согласился возвести на престол и самого Лжедмитрия, и его сожительницу Марину Мнишек, католичку, и помазал их св. миром и приобщил св. Таин... Для таких катаскопов — все возможно!

Мелких измен мелких катаскопов из русской церковной истории мы не будем перечислять, ибо нисколько не заинтересованы описывать архиерейские измены св. Церкви. Наша цель только доказать читателям, что иногда послушание епископам чрезвычайно пагубно для всех, кто с ними соприкасается, Caveant christiani!

Итак, мы пропустим даже страшный Собор 1667 года, когда два восточных патриарха за великие взятки исполнили волю скудоумного царя Алексея Михайловича и прокляли всю русскую церковную историю со всеми святыми русской земли...

Это было что-то столь несуразное и неслыханное, что лучшие русские люди сразу и решительно отошли от

всякого казенно-официального церковного управления и образовали свою собственную Церковь, история которой есть сплошное страдание за самостоятельность и свободу церковной жизни.

Со стороны гражданской царской власти начались преследования этой церковно-общинной свободы, и самых лучших и твердых в вере русских людей стали морить голодом в тюрьмах, жечь в срубах, тысячами ссылать в тяжелые каторжные работы и рубить им головы... А кафедру московского митрополита-мученика (Филиппа) занимал в то время мучитель-патриарх (Иоаким), заботившийся не столько о благе церковного народа, сколько о собственном благополучии.

Но вот на русский престол сел император Петр, совершенно не верующий безбожник и безобразник, кощунник и развратник, как полагается безбожнику. Для него и его самодурства само существование патриарха было неприемлемо — ибо глава верующего народа даже в своем молчании был обличителем царских беззаконий. И Петр не задумался своею царскою волею вместо патриарха поставить "местоблюстителя патриаршего престола". Первым местоблюстителем был Стефан Яворский, имя которого в католичестве было Станислав... Отсюда и начались у нас на Руси всякие церковные подлоги и подделки — всякие местоблюстители, заместители и пр<*очее*> и пр<*очее*>.

Итак, Стефан Яворский был первым помощником безбожного Петра. Вторым помощником его был Феофан Прокопович, который в католической школе носил имя Елисей; это был второй "местоблюститель" и большой пьяница. При этих "местоблюстителях" духовенство русское было притянуто к системе полицейских доносов; оно обязано было доносить правительству о прихожанах, которые почему-либо были недовольны

правительством, при этом священники были обязаны доносить даже в том случае, если они что узнавали на исповеди...

Это была система самая предательская со стороны правительства. И против этой системы возражал только святитель Димитрий Ростовский; остальные епископы обратились в формальных катаскопов-шпионов. Из этих катаскопов и был сформирован "святейший правительствующий Синод", который и заменил собою патриарха. Фактическим местоблюстителем патриаршего престола стал Обер-прокурор Синода, который соответственно своим видам и подбирал себе состав "святейшего Синода". В числе этих обер-прокуроров были и тайные масоны, и открытые безбожники, и добрые офицеры, и доктора-гинекологи. И каждый такой местоблюститель находил себе сотрудников епископов (катаскопов) по своему вкусу... Можно себе представить, каково было это церковное управление! Имя этому управлению дала одна фатальная русская фамилия — это было одно сплошное распутинство!

Катаскопы и распутинство — совершенно неразлучны между собою и идейно, и фактически.

* * *

Но чем же так особенно страшны для св. Церкви церковные катаскопы? Постараемся ответить на этот вопрос. Наш ответ таков: катаскопы прежде всего вполне компрометируют церковную жизнь среди неверующих; катаскопы разлагают внутреннюю церковную жизнь и, наконец, — катаскопы своей полной беспринципностью вообще развращают ту среду, в которой им приходится вращаться. Постараемся пояснить эти три наши ответа.

Что такое христианство? Что такое церковная жизнь? Христианство есть пламенная любовь ко Христу Спасителю; христианство — это не отвлеченная идея, а непрестанное горение духа, молитва, радость, энтузиазм, жертвенное евхаристийное устремление ко Христу. В таком настроении пребывали первые епископы церковные, святые апостолы и их великие преемники-святители и священномученики, которые вокруг себя и создавали религиозные братские общины; в этих общинах всегда горел светильник благодатной веры и братской любви. Для этих общин весь смысл жизни был во Христе, каждый христианин мог о себе сказать, что для него жизнь — Христос, а смерть — приобретение... И всякий, кто принимал св. крещение, сознательно приготовлял себя на мучение ради Христа. Так пламенная вера епископов сама собою привлекала к ним и ко св. Церкви все чистые сердца.

Катаскопы ни в каком отношении не могут идти в сравнение с церковными епископами. Для катаскопов в существе дела и Церкви, как мистического, Богом учрежденного общества, вовсе нет, а есть только канцелярия, а в лучшем случае "Ведомство Православного Исповедания", учрежденное тогда-то, сформированное, переформированное, зарегистрированное и пр<*очее*> и пр<*очее*>.

В этом "Ведомстве" никакого горения сердца вовсе и не требуется! Требуется только авторитет архиерея, престиж архиерейской власти и всеобщее молчание с замиранием сердца. Вот и все содержание церковной жизни! Это содержание чрезвычайно похоже на абсолютную пустоту: оно и наплодило около Русской Православной Церкви огромную массу русского сектантства, ибо ни одна живая душа, конечно, не согласится на добровольное замирание всяких ее сердечных способностей.

Так, катаскопы систематически унижали и унижают церковную жизнь среди верующих и неверующих. Мы сказали, что христианское крещение было в первое время крещением в мученики: и образцом исповедничества были епископы церковные, защищавшие церковные догматы. Ныне времена не те![118] Мы слышали, как один остроумный епископ, просидевший в тюрьме в 1922 году несколько месяцев, говорил среди своей паствы, что "теперь мой главный догмат: не сидеть в тюрьме". Согласитесь, читатель, что такой "главный догмат" не способен никого одушевить ни на какой подвиг; напротив, такая крайняя беспринципность может оттолкнуть от Церкви не только немощную душу, но даже просто сколько-нибудь честную и искреннюю.

Поэтому вместо энтузиазма, вместо церковного крестоношения мы и видим ныне на каждом шагу только клятвопреступление, измену и жалкое подражание современным изменникам св. Церкви — катаскопам. Еще недавно в одном советском учреждении разыгралась такая сцена. Приходит туда один немолодой гражданин и просит места рублей на пятьдесят. В качестве своей заслуги пред советской властью он приводил следующее соображение: "Я — бывший священник, публично снял сан и объявил о том в газете".

— Для чего же вы это сделали?

— Для того, чтобы получить место в гражданском ведомстве.

— И только за пятьдесят рублей?

— Да.

— Так если вы свою веру продаете за 50 рублей, то за сколько же копеек продадите нас?

Характерный разговор! И как часто ныне можно было слышать повествование о таких разговорах! Так, ка-

[118] Подчеркнуто красной тушью. — *Прим. сост.*

таскопы из бывшего "Ведомства Православного Исповедания" развращают свою паству одним своим существованием!..

* * *

Но как же отличить подлинного епископа от подлинного катаскопа?

Этот вопрос очень важный! Ибо и епископы, и катаскопы одинаково носят рясы, у них в церкви "одинаковая служба"... Почти все "одинаково" для близорукого взора людей, незнакомых с церковною жизнию. На самом деле между епископом и катаскопом огромная разница, приблизительно такая же, как между живым существом и его чучелом, или как между подлинным священником и хулиганом, нарядившимся в церковное облачение.

Подлинный епископ совершенно немыслим вне своего церковного стада, вне своей духовной, церковной семьи. Он знает свою паству по имени, и паства знает голос его. Для него паства — это возлюбленные о Христе братья, которым он отдает свою душу, свое спасение. Для епископа церковного его паства — это его семья, с которою он связан органически и неразрывно. Он не может этою семьею "управлять"; семья эта не может своему епископу "подчиняться", ибо это слишком не "семейные" слова. Нет! Епископ в долгих "муках рождения", как некогда ап. Павел, "рождает" свою благодатную семью; эта семья "живет" в его сердце и питается его сердечной любовью. Истинный епископ опирается только на народ и знает только его церковные нужды.

Для катаскопа никакой семьи нет! Для катаскопа все это сентиментальные пустяки... Для него существуют только распоряжения начальства; для этого ему не-

обходим начальственный "центр". Без "центра" катаскоп не может жить, не может дышать. "Центр" ему нужен, как воздух: без "центра" он также немыслим, как "истинно-русские люди" были немыслимы без жандарма и истинно-русских оскорблений... Катаскоп должен по своей природе непременно кем-нибудь управлять, над кем-нибудь "господствовать", кого-то регистрировать, кому-то рапортовать, доносить, подносить, разносить и т<*ак*> д<*алее*> и т<*ак*> д<*алее*>. И при этом непременно пред кем-нибудь лакейничать и хоть немножко подличать...

Какое уж тут братство! Тут только господский оклик, молчание овец и их стрижка, стрижка и стрижка!..

Да-да! Между епископом и катаскопом — огромная разница! Между ними великая пропасть утвердися! Хотя у них по виду большое сходство, и кадят они как будто одинаково.

* * *

В заключение я должен извиниться пред читателем. В начале этой заметки обещал дать точный перевод слова "катаскоп". Но это для меня оказалось совершенно невозможным: я отыскивал греческий словарь и у сартов, и среди туркмен, и в других местах Средней Азии, и нигде этого словаря не нашел.

Поэтому могу только догадываться, что значит слово "катаскоп"; но моя догадка ни для кого не обязательна, тем более что читатель может оказаться еще догадливее меня...[119]

---

[119] Архив УФСБ РФ по Республике Татарстан. Д. 2-2527. Т. 1. Л. 236–243 об. Рукописный подлинник на тетрадных листах.

На обороте рукописи — запись владыки Андрея (Ухтомского):

«Прошу дать прочитать отцу Алексею Дружинину и другим батюшкам, кто боится Божьего суда более, чем суда человеческого...

Е. А.»

Приложение I

ВОСПОМИНАНИЯ СХИИГУМЕНЬИ СЕРГИИ[120]

«...Я ходила, конечно, с молодых лет в Церковь. В Уфе сорок церквей было. Много видела и епископов разных, но как-то после встречи с архиепископом Андреем, в миру князем Ухтомским, вся моя жизнь переменилась: я полностью обратилась ко Господу. Мне было двадцать два года тогда. Я слышала, как говорят, с каким восторгом: "Владыка приезжает в Уфу". И я тоже выразила желание большое повидать Владыку. Я почему-то опоздала к началу. Уже церковь была полна народу, и в ограде был народ. Пришла, тихонько пробралась, встала в уголочек. И смотрю, — как раз Херувимскую тогда пели, — Владыка стоит с распростертыми руками. Я не могу глаз оторвать от него. И других я видела, но это было что-то необыкновенное такое: я чувствовала, что он молится, а душа его прямо вся в Боге. И вот я смотрю, смотрю, за каждым движением его

[120] Обухова Анна Григорьевна (1904 1996).

слежу. И вот, когда он вышел благословлять всех, — а ведь сколько народу было, — его взгляд встретился прямо с моим взглядом, совсем неожиданно для меня. Я очень удивилась и почувствовала сразу какое-то горение, словно огнем обожгло сердце мое. Это длилось несколько мгновений, я не знаю сколько, но знаю, что очень немного времени было все это. Он благословил, ушел в алтарь. А я стою, молюсь и вот чувствую, что-то со мной случилось, как будто мне что-то понятно стало, раньше не так это было понятно. Я стою, прямо-таки ноги мои к полу приросли. Кончилась литургия, стал народ ко кресту подходить. Священник держит крест, а Владыка стоит рядом и благословляет. Люди идут-идут, а я не могу, не могу подойти никак. Уже народу немного осталось, и я подхожу под благословение. И такой у него какой-то орлиный взгляд, посмотрел так на меня серьезно, благословил, пожал мне руки: «Христос с тобою, чадо мое». Меня прямо-таки всю потрясло даже от таких слов. Ну, я прошла дальше, встала в сторону. Стали все уходить, и он вышел из храма. Народ был так рад, что он вернулся. Уфа очень любила его. И даже за оградой был народ, не уходили, ждали, пока он выйдет.

Не знаю, что такое со мной происходило, но я вдруг поняла: почему это Христос на землю приходил, почему все стремится к Нему, мне как-то стало понятно все. Пришла домой, — я с родителями жила, — и как в тумане на все смотрю. Взяла Евангелие, стала читать. Раньше я брала Новый Завет, и надо мне было нудить себя, чтобы что-то прочитать. А тут, когда я начала читать, что-то такое по-другому я поняла, как будто сердце у меня открылось. И я прочитала подряд, не за один раз, но я всех четырех Евангелистов прочитала, и у меня все больше и больше глаза открывались.

Владыка служил только в трех церквях, а остальные церкви были уже "подписанные", и он в них не служил.

Где он служил, туда и народ шел. В других церквях никого нет, десяток старушечек, и все. А у нас в Симеоновской церкви полно народу. И если в другом месте служил, мы все туда бегали. Тогда не было трамваев в Уфе, так мы пешком ходили все. Проповеди, конечно, хорошие говорил. Все были в восторге. И, где бы он ни был, меня ничего не могло удержать, я всегда ходила к нему.

В двадцать шестом году он приехал, а в двадцать седьмом году его арестовали. Арестовали в Духов день. Помню: раннюю литургию отслужил он, и повезли его на станцию. Люди, знаете, все плакали: было так тяжело расставаться. А я, — словно сердце у меня вырвали, — я места себе не находила нигде. Вот его привезли на пролеточке на станцию. Несколько мужчин окружили его, удерживая людей. А народ хватает, целует рясу. Он идет, благословляет, благословляет всех. Вышли на перрон, — там стоял московский поезд, — и сразу его провели в вагон. Близко уже нельзя было никому подойти. И стояли все, смотрели. Народу было... слезы капали у всех. Тут поезд тронулся. Владыка стоит в тамбуре, благословляет. Сначала поезд тихо-тихо стал удаляться, потом быстрее, и он платочек взял, и уже не видно ничего, только платочек видно было. И все, увезли нашего Владыку. И с тех пор мы его не видели. Это было в двадцать седьмом году, ему было тогда пятьдесят пять лет.

Собрались на вечерню. Начали молиться, стали все на колени. И заплакали все, сначала про себя, а потом общий гул появился. Поплакали-поплакали, но что же делать: увезли, и все, не видели больше Владыку. И храм у нас остался пустой»[121].

[121] Исторический альманах "Воздвижение". 2000. № 13 (33). Издание Московского подворья ИПЦ Греции.

Приложение II

ВЫДЕРЖКИ ИЗ МАТЕРИАЛОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ. 1918–1937

I. Из дела по обвинению Уфимского епископа Андрея *«в контрреволюционной агитации»* (1918–1920)

Состав дела[122]

— "Заволжский летописец"[123]. 15 февраля 1918. № 1; 1 марта 1918. № 2.

— Два прошения епископу Андрею.

— "Заволжский летописец ". 22 апреля 1918. № 6.

— Благословение о сборе на погорельцев.

— "Заволжский летописец". 1 июля 1918. № 8; 15 июля 1918. № 9.

— "За Родную Землю". Письма к русскому народу Андрея, епископа Уфимского[124]. 10 июля 1918. № 1.

---

[122] Следственное дело на 220 страницах. Начало дела — 15 февраля 1918 года, конец дела — 5 августа 1921 года.

[123] Издание Восточно-Русского культурно-просветительского общества.

— "Плач русского епископа о своем народе" ("За Родную Землю". 19 июля 1918. № 4)

— "Заволжский летописец". 1 августа 1918. № 10.

— "Уфимский Церковно-Народный Голос"[125]. 2 августа 1918. № 23–25.

— "Заволжский летописец". 15 августа 1918. № 11.

— Статьи из "Уфимской жизни" против епископа Андрея (о черносотенном характере Восточно-Русского Общества).

— "Заволжский летописец". 15 сентября 1918. № 13.

— "Уфимский Церковно-Народный Голос". 25 февраля 1918. № 5–6.

— "Народ-хозяин"[126]. 21 сентября 1918. № 2.

— "Уфимский Церковно-Народный Голос". 1 декабря 1918. № 29.

— Молитва о спасении Церкви Православной.

— К выборам в Городскую Думу. Об организации православной общественности (Воззвание епископа Андрея).

— Уфимский Епархиальный съезд духовенства и мирян о церковно-народном фонде.

— "Великая Россия"[127]. 13 мая 1919. № 41.

— *из Извещения епископа Андрея о лишении Церкви правительственного содержания:* «Вписание каждого мирянина в церковно-приходскую книгу и внесение 1 рубля. — Последний срок внесения православных христиан в приходские книги — Великий Четверг 1918 г<*ода*>, после этого они должны считаться не в лоне Православной Церкви, пастырь может не совершать для них треб, начиная с крещения и кончая отпеванием...»[128]

---

[124] Издание Восточно-Русского культурно-просветительского общества.
[125] Журнал Уфимской епархии.
[126] Издание Восточно-Русского культурно-просветительского общества.
[127] Орган Восточно-Русского общества.
[128] ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 712. Л. 199.

— *из Отношения Отдела юстиции Сибирского Ревкома Уфимской губернской* ЧК — «о передаче бывшего епископа Уфимского Андрея с другими бывшими епископами суду Сибирского Революционного Трибунала от 4 ноября 1920».

— *из Постановления заведующего Отделом юстиции Сибирского Революционного комитета:* «об освобождении епископа Андрея на основании его заявления о лояльности к Советской власти и приветствии § 13 Конституции Советской об отделении Церкви от государства — «дело по обвинению Епископа Уфимского Андрея, указанным выше, прекратить, из-под стражи его освободить и направить в Уфу с тем, чтобы там он находился под надзором самих верующих, которые в случае нарушения им принятых на себя обязательств будут отвечать как его соучастники»[129].

— *из Отношения председателя Уфимской губернской ЧК к председателю Омской губернской ЧК от 15 декабря 1920 года:*

«Уфимское духовенство представляет из себя 2 лагеря, из коего один — епископа Уфимского Андрея. Андрей находится в г<*ороде*> Омске, откуда тянутся все возможные провокационные нити, разлагающие местных граждан и духовенство.

Желая прекратить всю эту провокацию УФ<*имская*> губ<*ернская*> Чека просит Вас сделать соответствующее распоряжение о направлении еп<*ископа*> Уфимского Андрея в распоряжение Уф<*имской*> губ<*ернской*> Чека. О последующем прошу уведомить»[130].

---

[129] ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 712. Л. 200.
[130] ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 712. Л. 201.

— *из Отношения заведующего отделом Управления Уфимской губернией в Уфимскую губернскую ЧК от 18 декабря 1920 года:*

«Совет союзов церковно-приходских советов гор<*ода*> Уфы отношением от 23 ноября сего года... обратился с ходатайством о разрешении прибыть и жить в г<*ороде*> Уфе епископу Уфимскому Андрею, в настоящее время проживающему в г<*ороде*> Омске.

Сообщая изложенное, Отдел Управления губернией просит сообщить, не имеется ли каких-либо препятствий к приезду в г<*ород*> Уфу и к проживанию в г<*ороде*> Уфе еп<*ископу*> Андрею»[131].

— *из Ответа заместителя председателя Уфимской губернской ЧК в Отдел Управления губернии:*

«На отношение Ваше (от 18 декабря 1920 года за № 165) Уф<*имская*> губ<*ернская*> Чека сообщает, что в отношении еп<*ископа*> Уфимского Андрея сделано распоряжение о его аресте, почему ходатайство Союза приходских советов удовлетворено быть не может»[132].

— *из Сводки оперуполномоченного Омской губернской ЧК от 1 февраля 1921 года*: «Епископа Андрея не видел никто, прихожане говорят, что он еще в Омске... осведомитель С., вероятно, обознался»[133].

— *из Отношения Сибирского Ревкома в Уфимскую губернскую ЧК от 2 апреля 1921 года:*

«Дело епископа Андрея прекращено, он из-под стражи был освобожден, о чем копия была отправлена в Уфимский Губернский Отдел юстиции 4 ноября 1920 года»; «Епископ Андрей в настоящее время по распоряжению Ом<*ской*> губ<*ернской*> Чека арестован и содержится в

[131] ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 712. Л. 202.
[132] ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 712. Л. 196.
[133] ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 712. Л. 215.

Омском доме лишения свободы с 8 марта 1921 г<*ода*>, числясь за Ом<*ской*> губ<*ернской*> Чека»[134].

— *Из телеграммы Московской ВЧК Уфимской губернской ЧК от 29 июля 1921 года о назначении патриархом Тихоном епископа Андрея членом Синода*: «Примите меры собранию обвинительного материала о его работе <*с*> Колчаком»[135].

— *Из Протокола допроса благочинного церквей Уфы по делу епископа Андрея от 4 августа 1921 года* — «во время пребывания чехо-словаков и Колчака всегда старался разжигать страсти и внедрять ненависть к Советской власти... распространял словесно и в печати разные провокационные слухи и явную ложь о деятельности советских учреждений... углублял контрреволюционное движение...»[136]

— *из Заключения по делу епископа Андрея от 5 августа 1921 года:*

«В настоящее время среди верующих по Уфимской губернии замечается стремление отдельной группы, возглавляемой самым реакционным элементом, вернуть епископа Андрея из Сибири, чтобы он мог продолжать разжигать страсти и недовольство народных масс на почве недостатка продуктов питания.

Выходя из местных соображений, возвращение Андрея не желательно и появление его вызовет в Уфимской губернии волнение среди духовенства и прихожан, и усилит деятельность реакционной группы. Поэтому полагал бы весь материал по обвинению еп<*ископа*> Андрея направить в ВЧК на рассмотрение»[137].

---

[134] ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 712. Л. 217.
[135] ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 712. Л. 218.
[136] ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 712. Л. 219.
[137] ГА РФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 712. Л. 220.

II. Из дела по обвинению Ухтомского А. А. «*в распространении рукописных брошюр в целях пропаганды антисоветских идей*». 1927

1. Анкета...

для арестованных и задержанных с зачислением за ОГПУ[138]

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
Фамилия	Ухтомский
Имя и отчество	Александр Алексеевич — Андрей
Гражданин какого государства	СССР
Национальность	Русский
Место прописки, губерния	Уфа
Образование а) грамотен	грамотен
б) какую школу окончил...	Московск<*ая*> Дух<*овная*> Акад<*емия*>
Состав семьи, место жительства и место работы...	ХОЛОСТЪ
Партийная принадлежность...	беспартійный
Профессия	служитель культа
Место работы (службы)...	гор<*од*> Уфа служитель культа
Если состоял на государственной службе до 1917 г. ...	не состоял

[138] Все, давшие неверные показания в анкете, будут подвергнуты строжайшей ответственности.

Если не служил и не работал по найму, то на какие средства жил	на средства своей паствы
Владел ли недвижимым имуществом, каким и где...	никогда и нигде
Привлекался ли к ответственности по суду или в администр. порядке...	Привлекался к суду Моск<*овского*> Рев<*олюционного*> Трибунала в 1922 году — за то же преступление, как и ныне, и был оправдан без суда.
Отношение к воинской повинности:	Никакого отношения
Когда арестован	17-го июня 1927
Кем арестован	Сам пришел на Лубянку 2, без ордера, — ни на минуту не ожидая ареста.
Где арестован	в комнате 136, на Лубянке
Когда и кем допрошен	Был допрошен немедленно уполномоченным ГПУ — Казанским.
Предъявленное обвинение и в чем именно	Предъявлено дикое обвинение в борьбе с советской властью, тогда как моя деятельность есть защита советских законов.
Место жительства перед арестом	Уфа, Б. Ильинская, 33.

Примечания заключенного: «*Считаю свою деятельность полезной для СССР и для престижа советских законов; обвинение, взведенное на меня, считаю злостною клеветою заинтересованных лиц: продажного духовенства или легкомысленной администрации.*

Свое дело считаю чрезвычайно важным для общества.

Подпись заключенного *Ухтомский».*

«26» июня 1927 г<*ода*>[139].

* * *

2. Из Протокола допроса 17 июня 1927[140]

Вопрос: Вы выпускаете группами какие-нибудь письма принципиально идеологического характера?

Ответ: Да, мною выпущены 4 серии писем такого характера; каждая серия состоит из 10 писем.

Содержание серий следующее:

1) Письма о нравственном значении догматов;
2) Письма о старообрядчестве;
3) Письма о церковно-общественной жизни;
4) Письма о церковном обновлении.

Вопрос: Сколько Вы имеете разделяющих Ваши убеждения церковных общин и где именно?

Ответ: В городе Уфе у меня 4 общины зарегистрированных, затем есть общины близ города Уфы (около десяти) и есть община в селе Абдулине Самарской губ. Последняя недавно выразила желание присоединиться ко мне и меня лично еще не знает... Я в своей литературной и общественной деятельности ничего не скры-

[139] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 3–3 об. Рукописный подлинник на бланке ОГПУ. Автограф А. А. Ухтомского.

[140] Допросил уполномоченный 6-го отдела Секретного Отдела ОГПУ Казанский А. В.

ваю, и если отдельные лица по отдельным пунктам могут быть со мною не согласны, то в общем мои взгляды моими последователями разделяются... Вообще же, я пропагандирую мои взгляды только с церковной кафедры.

Вопрос: А письма эти, не разрешенные к изданию, кустарным порядком (списывание и т<*ак*> д<*алее*>) Вами распространяются?

Ответ: На вопрос (аналогичный) в местном Уфимском ГПУ я уже отвечал. Могу его повторить и здесь: я не желал прибегать к помощи каких-либо агентов, а для их распространения использовал безработных, которые получали награждение за переписку. Переписка велась от руки.

Вопрос: У меня есть письмо, на котором значится Ваше имя, относящееся — как это видно из надписи — к циклу о церковной общественности. Это действительно письмо Ваше, из того цикла, который на нем указан?

Ответ: Вероятно мое. А там ведь могу и не упомнить.

(Зачитываются отделы письма: "О православии в книге и православии в жизни": "Содержание церковной жизни и ее разрушение". "О свободе без равенства и о равенстве без братства". "О деятельном братстве и о новом катехизисе". "О литургии как республике". "О церковных символах и смысле их". "Нетрудящийся да не ест". "О правде, труде, о приходском производительном кооперативе".)

Вопрос: Это Ваше письмо?

Ответ: Я почти не сомневаюсь, что это мое, но не отвечаю за опечатки и описки. Хотел бы пробежать его

и подписать, если оно мое... Да, это мое. Могу подписать.

Подпись Ухтомский[141].

* * *

3. Из Постановления о предъявлении обвинения

24 июня 1927 года я, уполномоченный 6-го отд<*ела*> СО ОГПУ Казанский А. В., рассмотрев следственное производство по делу № на гр<*аждани*>на Ухтомского Александра Алексеевича (Андрея), нашел, что таковой распространял в целях пропаганды антисоветских идей рукописные брошюры, причем таковые распространялись во многих экземплярах. В брошюрах, а равно и в проповедях, Ухтомский доказывал необходимость спасти русский народ путем церковной общественности от завезенных из-за границы порядков и с этой целью приглашал всех сплотиться вокруг церковных советов, которые и должны провести его программу.

Принимая во внимание наличие в деятельности Ухтомского признаков преступления, предусмотренного ст<*атьей*> 58-14 УК, полагаю: предъявить Ухтомскому обвинение по ст<*атье*> 58-14 УК. Мерой пресечения до окончания следствия избрать арест <...>.

«Настоящее постановление мне объявлено, но я прихожу в полное недоумение, каким образом исполнение советских законов (безупречное, по отзыву Уфимского отд<*ела*> ГПУ) и защита их от произвола пред Совет-

[141] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 5 6. Автографы А. В. Казанского и архиепископа Андрея (Ухтомского).

ской юстицией есть преступление. Заявление об этом послано гражд<*анину*> Тучкову.

Ухтомский»[142].

* * *

4. Из Справки от 5 июня 1927

Экземпляр документа Андрея Ухтомского под названием "ДЕСЯТЬ ПИСЕМ О ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ" — изъят и передан тов<*арищу*> Агранову для тов<*арища*> Менжинского[143].

* * *

5. Из Постановления по делу

Июня 28 дня 1927 года я, Уполномоченный 6-го отд<*ела*> С<*екретного*> О<*тдела*> ОГПУ КАЗАНСКИЙ А. В., рассмотрев следственное производство по делу № 47866 на гр<*аждани*на> Ухтомского Александра Алексеевича (Андрея), 54 лет, быв<*шего*> дворянина, быв<*шего*> князя, по профессии — служителя культа, во время гражданской войны состоявшего советчиком по духовной части у Колчака, русского гражданина СССР, обв<*иняемого*> по ст<*атье*> 58-14 УК, арестованного 25/VI–27 г<*ода*> и сод<*ержащегося*> в Бутыр<*ской*> т<*юрьме*>, по рассмотрении означенного дела НАШЕЛ следующее:

---

[142] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 7–7 об. Автографы А. В. Казанского и архиепископа Андрея (Ухтомского).

[143] ЦА ФСБ. РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 8. Машинопись.

В последнее время по всему Союзу начали распространяться в большом количестве экземпляров переписанные на машинке и писанные от руки — "Письма о церковной общественности" епископа Андрея Ухтомского. В этих письмах Ухтомский говорит о крахе социализма, о свободе без равенства и равенстве без братства, о необходимости возвращения для "святой Руси" к тем общественным порядкам, которые были заведены дедами, прадедами, что ломать эти порядки — безумно, что новая общественность и государственность, завезенная из Германии, для русского народа гибельна. Безбожная власть много и не могла создать, по его мнению. Русский народ сам должен спасти себя. Для этого он должен объединиться, без различия классов и сословий, вокруг церковно-приходских советов, и через них обновится "святая Русь". А если трудящиеся "будут глупить", то все кончено, и "русская история не будет больше русской историей" и "наша русская жизнь будет кончена".

На следствии Ухтомский после небольшого запирательства признал указанные документы за действительно им распространяемые брошюры, указал, что они являются *«изложением его идейных взглядов, что эти же взгляды он проповедует с церковной кафедры (л<исты> д<ела> 5, 6) и что его общины, которых число 20, всецело разделяют его взгляды»* (*л<ист> д<ела>* 5).

По словам Ухтомского, для распространения (переписывания и т<*ак*> д<*алее*>) он использовал уфимских безработных (л<*ист*> д<*ела*> 5).

На основании изложенного ПОЛАГАЮ считать преступление УХТОМСКОГО доказанным <...>[144].

* * *

[144] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 9. Машинопись. Подписи — автографы.

6. Выписка из Протокола Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 8 июля 1927

СЛУШАЛИ:

Дело № 47866 по обвин<*ению*> гр<*аждани*на> УХТОМСКОГО Александра Алексеевича (Андрей) по 58-14 ст<*атье*>.

ПОСТАНОВИЛИ:

УХТОМСКОГО Александра Алексеевича — выслать через ПП ОГПУ в Казахстан, сроком на ТРИ года.
Дело сдать в архив[145].

* * *

7. Из Донесения начальника от 15 июля 1927

В секретном донесении начальника учетно-регистрационного отдела Управления ОГПУ по Казахской ССР от 15 июля 1927 года сообщалось в Москву — «сс<*ыльный*> Ухтомский Александр (Андрей) Алексеевич прибыл и оставлен для отбытия срока в г<*ороде*> Кзыл-Орда[146].

---

[145] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 10. Машинопись на бланке ОГПУ.

[146] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 11. Машинопись на бланке Управления ОГПУ по Казахстану от 6 августа 1927 года.

III. Из дела по обвинению ссыльного Ухтомского А. А. и Герасимовой М. Д. *«в распространении и хранении антисоветской литературы».* 1928

1. Протокол обыска от 17 октября 1928

1928 года октября 17-го дня я, уполномоченный СО ПП ОГПУ по КССР Нелюбов, на основании выданного мне ордера от 17/X с<*его*> г<*ода*> за № 44 производил обыск у гр<*аждани*>на Ухтомского Андрея, проживающего по переулку Абая в доме № 10. Обыск производился в присутствии гр<*ажда*>н: Сердиновой Марии и Софьиной Анны, проживающих в этом же доме.

Взято для доставки следующее:

1) Книга "Церковь и житта", ч<*асть*> 1 и 6 — 2 эк<*земпляра*>.

2) "Докладная записка Св. Синоду Украинской православной церкви" — 1 эк<*земпляр*>.

3) Журнал "Украинский Благовестник православия". № 13–14 — 1 эк<*земпляр*>.

4) Брошюры: "Выводы из писем в защиту Церкви Христовой" — 13 эк<*земпляров*>.

5) Брошюра: "Московскому Собору древле-православных христиан, приемлющих Белокриницкую иерархию". 1928 г<*од*> — 1 эк<*земпляр*>.

6) Брошюра: "История Уфимской Церкви" — 1 эк<*земпляр*>.

7) Брошюра: "Деятельность Еп<*ископа*> Вениамина в Уфе" — 1 эк<*земпляр*>.

8) Разной переписки на 8 листах.

9) Одна открытка на имя Е. И. Рудницкой.

10) Два конверта на имя Овчинниковой и открытка на имя Железняковича.

Жалоб не заявлено.

Обыск производил Нелюбов

Присутствовали: (подписи)
Копию протокола получил Ухтомский

14 окт<*ября*> 1928 г<*ода*>.

«Отобранную у меня переписку и книги за исключением:

1) "Письма в защиту Церкви Христовой".

2) "Московскому Собору древле-православных христиан".

3) "История Уфимской Церкви".

4) "Деятельность епископа Вениамина в Уфе" и переписки на 6 п<*олных*> л<*истах*> получил.

22/X 28 г<*ода*>»[147].

* * *

2. Из протокола допроса А. А. Ухтомского в Кзыл-Орде от 18 октября 1928

Ответ: Цель выпускаемых мною брошюр в период пребывания моего в Кзыл-Орде, как то: 1) "Письма в защиту Церкви Христовой"; 2) "О радостях митропо-

[147] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 20. Автографы Нелюбова и А. А. Ухтомского.

лита Сергия"; 3) "Письмо к уфимцам"; 4) "Об епископах и катаскопах" — реабилитация себе перед советской властью и всеми честными гражданами. В 1-м случае — что я не принадлежу и не принадлежал к какой-либо контрреволюционной организации и не принадлежал и не имею никаких контрреволюционных мыслей; а перед гражданами в том, что я никогда не изменял святой Православной Церкви. Этими мыслями проникнуты все мои брошюры.

Вопрос: Признаете ли Вы Конституцию СССР вообще и в частности о лишении гражданских прав лиц, указанных в последней?

Ответ: Конституцию СССР признаю; что касается лишения гражданских прав духовных лиц, то этот пункт даже приветствую и в Уфимской епархии осуществил ранее, чем была издана эта Конституция. Считаю лишь, что лишение гражданских прав детей духовных лиц не справедливо.

Вопрос: Не было ли у Вас случая, когда Вы в письменной или устной форме резко восставали против правил о лишении избирательных прав?

Ответ: Я этого говорить не мог, потому что это противоречит моим убеждениям.

Вопрос: Чем Вы объясните такое Ваше выражение в письме к г<*раждани*>ну Унгвицкому, сожалея о лишении избирательных прав дьякона Леонтьева и его сына, Вы пишете: "Значит, и к Вам проникла городская сифилизация; значит, и у Вас антихристовы лакеи"?

Ответ: Я крестьянина Андрея Леонтьева знаю хорошо лично. Знаю его как безупречного гражданина — честного, трезвого, истинно образцового. Я рад был, что этот образцовый крестьянин-гражданин стал дьяконом.

И лишение его права голоса я считаю несправедливостью по отношению к нему.

Под городской сифилизацией я разумею городскую безбожную жизнь; под антихристовыми лакеями разумею людей, подпавших влиянию этого безбожия. Я считаю лишение гражданских прав духовенства как касты, ранее в царское время ограждаемой покровительным законом, вполне справедливым и полезным. Но когда лучший крестьянин (личным трудом кормящий свою семью) становится служителем Церкви, он же не становится членом касты (паразитирующей), и, в силу закона отделения Церкви от государства, он мог сам отказаться от этого права — это и несправедливо, и вредно для жизни.

Вопрос: Распространялись ли Ваши произведения через других лиц?

Ответ: Распространялись.

Вопрос: Через кого именно?

Ответ: Распространялись и, вероятно, чрез <*нрзб.*> лиц, в частности, я думаю, что распространяли епископ Аввакум, епископ Вениамин, члены приходских советов в Уфе (многие).

Вопрос: Получали ли Вы ответы на свои запросы и, вообще, письма на подставные Вами лица, и для чего это делалось?

Ответ: Получал я письма на фамилии многих лиц: на своих квартирных хозяек (Софьину, Сердинову, Рудницкую, Овчинникову), получал даже через комендатуру ГПУ. Почему так писали мои адресаты, я не могу всегда догадаться; иногда потому, что путали фамилии домовладельцев и моей квартирной хозяйки. А иногда бывали такие письма: в письме, адре-

сованном на имя квартирохозяйки, вложено письмо с надписью: прошу передать епископу Андрею, если он еще в Кзыл-Орде. Что касается моих просьб, чтобы посылали корреспонденцию мне не по моему адресу, то это касалось денежных писем, потому что при получении денежных переводов в Ашхабаде и в Теджене были недоразумения, и два перевода вовсе пропали (я по документам был Александр, а посылали Андрею; потом вечно путали Уфимский, Ухтомский, даже Уткинский.

Вопрос: Стремились ли Вы к распространению своих брошюр среди масс?

Ответ: Я хотел их распространять, но особенных стремлений у меня не было.

Вопрос: Произведения, написанные Вами "о малоизвестном творчестве", "о священстве" и "о святой Церкви", Вы передали Герасимовой для распространения среди граждан, с тем, чтобы она выдала это за православное учение и за написанное ею самой, какую цель Вы этим преследовали?

Ответ: Духовенство (и епископы) так запугали моим именем всех (и православных, и не православных), что слово "андреевщина" действует на многих хуже жупела, ибо я, с одной стороны, еретик, с другой, контрреволюционер. Поэтому если бы Герасимова стала говорить, упоминая мое имя, то от нее просто разбежались бы; и она не достигла бы своей цели. Кроме того, лично я нисколько не хочу идеализировать свое имя и кому-нибудь его навязывать[148].

* * *

[148] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 23–24. Машинопись.

3. Из протокола допроса М. Г. Герасимовой от 17 октября 1928

При обыске 17 октября 1928 года у Марии Дмитриевны Герасимовой были изъяты несколько брошюр, написанных епископом Андреем, среди них "Письма в защиту Церкви Христовой", "Об епископах и каткскопах", "О радостях митрополита Сергия". Приведем ее показания на допросе от 20 октября 1928 года:

«Воззвание: православным жителям гор<*ода*> Оренбурга, мне было прислано Ухтомским в гор<*од*> Мерке Сыр-Дарьинского округа, когда я проживала там с месяц, распространить таковое среди верующих г<*орода*> Мерке, мне это не удалось, так как вскоре по его получению ссыпной пункт "Союзхлеба", где служил мой муж, был закрыт, и я выехала в Кзыл-Орду»[149].

* * *

4. Из Постановления по обвинению Ухтомского А. А. и Герасимовой М. Д. от 26 октября 1928

Я, Уполномоченный С<*екретного*> О<*тдела*> ПП ОГПУ по К<*азахской*> ССР — НЕЛЮБОВ, рассмотрев сего числа следственное дело № 262, по обвинению адм<*инистративно*> ссыльного УХТОМСКОГО Андрея-Александра Алексеевича и гр<*аждан*>ку ГЕРАСИМОВУ Марию Дмитриевну в распространении и хранении антисоветской литературы —

[149] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 25–25 об. Автограф.

НАШЕЛ:

Имеющимся в деле следственным материалом в достаточной степени изобличаются —

1. УХТОМСКИЙ Андрей-Александр Алексеевич в том, что он, находясь в ссылке в гор<*оде*> Кзыл-Орде, в период 1927–28 г<*одов*> написал и распространил ряд брошюр явно антисоветского характера, как, например, а) "О радостях митр. Сергия", б) "Епископы и катаскопы", в) "Письма о церковно-общественной жизни", г) "Письма в защиту Церкви Христовой" и др<*угие*>.

2. ГЕРАСИМОВА Мария Дмитриевна в том, что являлась активной приверженкой еп<*ископа*> Ухтомского, способствовала ему в распространении его антисоветской литературы, выполняла его отдельные поручения, а по сему на основании ст<*атьи*> 128 УПК —

ПОСТАНОВИЛ:

1. УХТОМСКОГО Андрея-Александра Алексеевича, 55 лет, грамотного, холостого, русского, б<*ес*>п<*артийного*>, дворянина по происхождению, неимущего, по профессии — служителя культа, судимого Коллегией ОГПУ и постановлением последней от 8-го июля 27 года осужденного к высылке в Казахстан, сроком на ТРИ года, каковую и отбывает в гор<*оде*> Кзыл-Орда, и

2. ГЕРАСИМОВУ Марию Дмитриевну, 24 лет, происходящую из кр<*естья*>н Воронежской губ<*ернии*>, русскую, грамотную, б<*ес*>п<*артийную*>, замужнюю, несудимую —

привлечь к уголовной ответственности в качестве обвиняемых, предъявив им обвинение по 58-10 ст<*атье*> УК, о чем объявить обвиняемым под расписку на сем же.

Копию настоящего постановления направить Пом<*ощнику*> Прокурора Каз<*ахского*> Н<*ародного*> К<*омиссариата*> Ю<*стиции*>, РСО ПП ОГПУ, для сведения <...>.

Читал: Мария Герасимова
Читал: Ухтомский[150].

* * *

5. Обращение к Начальнику Секретного отдела ОГПУ от 22 октября 1928

21 октября с<*его*> г<*ода*> я был на допросе в Вашем кабинете. Придя в свою камеру, я по памяти стал проверять свои ответы и нашел в них несколько неясностей и неточностей, которые я сейчас хочу исправить.

Первый вопрос, который был мне предложен вчера, заключался в следующем: "Какими целями я руководился, когда писал свои сочинения, находясь в ссылке в Кзыл-Орде". Я приблизительно так ответил на этот вопрос: "Я хотел реабилитировать себя пред Сов<*етской*> властью и пред всеми честными людьми".

В ответ на это гражд<*анин*> Казанский рассмеялся. Придя в камеру, я стал вспоминать, по какому побуждению я действительно начал писать "сочинения", — что меня на это подтолкнуло.

И я вспомнил, что мое первое сочинение было то, которое я пропустил в перечне моих работ (забыл о нем сказать). Это был "Ответ 12 епископов"; это — ответ на письмо московского архиепископа Бориса Рукина.

---

[150] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-10798. Т. 1. Л. 27–27 об. Машинопись, подписи — автографы.

Вскоре после "Ответа" моего в Кзыл-Орде по пути в Самару была у меня некая монахиня Олимпиада (фамилию ее я забыл), которая мне сказала, что, провожая ее, один из следователей Ташкентского ГПУ Станишевский поручил ей узнать: "на что я надеюсь и что думаю".

Это было мне очень обидно, потому что Станишевского я знаю с тех пор, как он у меня стоял на коленях. И я ответил Олимпиаде, что Станишевскому не стыдно было бы приехать ко мне и все узнать. — Но Станишевский, конечно, ко мне не поедет, и я решил написать "Об епископах и катаскопах", чтобы доказать всем Станишевским, что истинный епископ Церкви ни на что не надеется, а только стремится сохранить свою совесть чистою пред Богом и людьми; иначе епископ немедленно обращается в катаскопа.

А написавши "Об епископах и катаскопах", я решил развить свои мысли и написать "В защиту Христовой Церкви". В этом сочинении я хотел сказать всем (и научить незнающих), что самый смысл церковной жизни, все ее внутреннее содержание в мирном служении правде Божией и непременно в соборности.

В этом моем сочинении и раскрыта в историческом обзоре та мысль, которая Вас интересовала в последнем нашем разговоре 13 октября 1928 г<*ода*> относительно симбиоза Церкви и коммунистической власти.

Таково происхождение моих наиболее принципиальных писаний.

И еще я забыл сказать: я просил архиеп<*ископа*> Бориса как можно шире распространить мой "Ответ 12 епископам"; этим последним дополнением я делаю поправку к моему ответу гражд<*анину*> Нелюбову, стремился ли я распространить свои писания. Да, мой "Ответ 12 епископам" я хотел распространить как можно шире, и об этом я просил архиеп<*ископа*> Бориса.

Мне был еще задан вопрос: по каким чужим адресам я получал письма, живя в Кзыл-Орде. Я указал четыре фамилии, на кого мои знакомые писали мне письма. Но я забыл, что несколько писем я получил чрез священника Кзыл-Ординской церкви Сперанского (когда писали мне с явной целью разыскать) и чрез моего бывшего домохозяина — Митко. Уже чрез 8–9 месяцев после моего перехода на улицу Абая я все-таки получал письма, адресованные на Митко, несмотря на мои настоятельные просьбы, чтобы мои знакомые (почти исключительно женского рода) исправили мой адрес. Вот что я по своим воспоминаниям нашел нужным и полезным дополнить и пояснить мои показания от 21 октября.

Ухтомский
(епископ Андрей).

22 окт<*ября*> 1928 г<*ода*>[151].

* * *

6. Обращение Ухтомского А. А. к Прокурору Казахской ССР от 30 октября 1928

Решаюсь обратиться к Вам, как государственному деятелю, с моею просьбою.

Мне предъявлено обвинение по 58 ст<*атье*>, и я считаю долгом честного гражданина сделать по этому поводу свои замечания и выразить свои просьбы. Я считаю, что это обвинение есть величайшая несправедливость и ошибка, которую Советская власть делает по отношению ко мне и другим религиозным деятелям. Чтобы быть понятнее, я позволю себе выразить свои

[151] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 29–29 об. Автограф.

мысли по пунктам и добавить, что все мои мысли без исключения и без сокрытия (и без "обмана", в котором я получил несправедливый упрек) — я изложил в частных беседах начальнику секр<*етного*> отд<*ела*> гр<*аждани*ну> Козлову и получил от него лестное предложение; а после этого я получил арест и обвинение по 58 ст<*атье*>.

Мои основные мысли следующие:

1. Ныне действующий закон СССР об устройстве религиозных общин написан мною и в 1922 году был мною предложен Н<*аркомату*> Внутр<*енних*> Дел в Москве; а в начале 1923 года был утвержден как общий закон (с малыми изменениями).

2. Этот закон я глубоко приветствую, и против него я не виноват ни словом, ни даже помышлением; и это единственный закон, которым я соприкасаюсь с Советскою юстициею.

3. Однако этот закон всячески извращают и нарушают, и даже вовсе отменяют архиереи, почти все без исключения, насколько я их знаю, начиная с Уфы, где я состою избранным епископом, на основании Сов<*етского*> законодательства.

4. Мне приходится вести борьбу (или из тюрьмы, или из ссылки) только с бесчестными епископами, а не с Советскою властью — ведь это же совсем не одно и то же!

5. Я не "изготовляю" какой бы то ни было "литературы", о чем говорит 58 ст<*атья*>. Я пишу какие-то клочки ("письма") в ответ на те запросы, которые я тоже письменно по почте получаю. Между прочим, весною этого года я получил от московских архиереев письмо, в котором они предлагают мне раскаяться пред ними. Я ответил им тоже письмом, в котором просил их честно принять советский закон о религиозных общинах; а мои рукописи "Об епископах и катаскопах" и

"Письма в защиту Христовой Церкви" — это продолжение моего ответа московским епископам.

Но неужели же я не могу отвечать архиереям на предъявленные ими мне обвинения?

Неужели это можно назвать пропагандою или агитациею? Неужели эту литературу можно считать действительно литературою и неужели преступно хранить черняки[152] этой литературы?

Я вынуждаюсь сказать то, чего не хотел бы говорить (и еще никогда не говорил), что нынешние архиереи (и "обновленцы", и "сергиевцы") по отношению к Сов<*етской*> власти играют также предательскую роль, какую они играли при власти царской. — Тогда они всегда уверяли власть, что "все благополучно", и так это они повторяют в своих "Декларациях". А когда их упрекают за эти "Декларации", то они нагло говорят, что их "заставили так написать". Я это знаю как достоверное.

Меня обвиняют в "агитации" против Советской власти, именно как Советской. Я утверждаю, что это — чистая ложь, и вот почему:

а) Принципы Сов. власти я признал для себя в 1898—1900 годах, в эпоху энергичного введения капитализма в России;

б) Я сам признаю коммунизм идеалом общественной жизни;

в) Коммунизм я оправдываю и идеологией, и историей христианства (эта мысль заключается, как основная, в моих "Письмах в защиту Христовой Церкви").

Но обоснование коммунизма на безбожии — это для меня представляется самою основною ошибкою, которая совершенно очевидна в нашей повседневной жизни, когда "верующие" Сов. служащие потихоньку от власти бегают в Церковь, потихоньку крестят своих

[152] Так в тексте. — *Прим. сост.*

детей, потихоньку Сов<*етскую*> власть обкрадывают и всячески потихоньку ее обманывают. Это великая ложь нашего времени, не обличенная еще нашей литературою.

— Да, я верующий христианин и епископ; я защищаю веру в Бога и отрицаю безбожие, как веру в чистое ничто. И еще: я думаю, что если Сов<*етской*> власти будут служить открыто честные христиане, то они будут для нее несравненно полезнее, чем христиане бесчестные и бессмысленные.

Таково мое мировоззрение.

Есть ли в нем преступление против Сов<*етского*> Законодательства?

Нет, ибо свобода веры и неверия — это основной закон Сов<*етской*> власти.

Но мне инкриминируется одно выражение: безбожная сифилизация (вместо цивилизация), как доказательство моей "агитации" против Сов<*етской*> власти. Однако ведь это выражение есть выдержка из моего частного письма к священнику! И разве это частное письмо можно назвать агитацией? Разве это не будет еще только лишняя неправда по отношению ко мне?

Итак, я считаю предъявленное мне обвинение чистою несправедливостью, ибо я в своих письменных ответах на обвинения со стороны инакомыслящих (и клевещущих на меня) архиереев только защищался от них и от их единомышленников. Так же я защищался и в Кзыл-Орде — в храме, когда местное духовенство публично в моем присутствии меня оскорбляло.

Иначе — что я мог делать?

Еще добавляю: когда я уже был арестован, мне была передана для чтения книжка (печатная книжка!) украинского издания "Церква и життя" 4.1.1928. В этой

книжке (стр. 14–24) развита печатно вся моя вышеизложенная идеология. Очевидно, в Украинской ССР мои мысли нисколько не признаются антисоветскими и антигосударственными и открыто обсуждаются в печати. И я глубочайшим образом убежден, что на Украине государственная власть имеет в верующем народе более твердых и сознательных друзей, чем там, где церковною жизнью заведуют ленивые, лживые и потому вредные архиереи (катаскопы).

И если православным христианам не будет предоставлена та свобода совести, которая им уже дана Советским законом, то православные уйдут от этих архиереев в баптизм под руководство иностранных проповедников (о чем уже пишут советские газеты, и "Известия", и "Правда").

Все вышеизложенное дает мне твердую уверенность, что в отношении ко мне не будет допущена излишняя жестокость, и мое дело по обвинению меня по 58 ст. будет пересмотрено, и я буду от этого обвинения освобожден.

Ухтомский
(Епископ Андрей)

30 окт<*ября*> 1928 г<*ода*>.

Пишу карандашом под арестом, чернил не имею[153].

* * *

[153] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 30–33. Автограф.

7. Из Протокола допроса А. А. Ухтомского от 1 ноября 1928

Виновным себя в предъявленном мне обвинении по ст<*атье*> 58-10 УК не признаю. В свое оправдание показываю, что все выпускаемые мною брошюры по существу своему не являются антисоветскими, а исключительно направлены против духовенства, беззастенчиво клевещущего на меня, и в то же время <*оно*> само нарушает на каждом шагу советские законы в смысле организации церковно-приходских советов и жизни — в частности по вопросу выборности духовенства, об управлении церковным хозяйством и др<*угие*>.

Свою брошюру "Письма о церковно-общественной жизни", написанную мною в 1923 году за время пребывания в ссылке в г<*ороде*> Кзыл-Орде, не распространял ни среди духовенства, ни среди мирян, потому что все знакомое мне духовенство и миряне с моими мыслями было уже знакомо; не знакомое духовенство могло ее достать из Ташкента или из Уфы, где эта брошюра несомненно распространена, во всяком случае я не припоминаю, чтобы эта брошюра была кем-нибудь мне завезена, а лично я своих брошюр почти никогда не переписываю. Содержание ее не считаю антисоветским, т<*ак*> к<*ак*> она была дважды (Теджен и Асхабад) при обыске отбираема и возвращаема обратно.

За время моего нахождения в ссылке в г<*ороде*> Кзыл-Орда не было случаев, чтобы я назначал кого-либо или посвящал во священники или вообще служители Церкви, т<*ак*> к<*ак*> я вообще противник назначенства.

Вопрос: Чем объяснить появление в г<*ороде*> Сызрани у гр<*аждани*>на Городецкого Вашей брошюры "Письма о церковно-общественной жизни"?

Ответ: Прот<*оиерея*> Городецкого я никогда не видел в глаза и не слыхал о его существовании ранее получения от него письма, присланного через Уфу.

Он мне написал, что <*нрзб.*>, но отходит от митр<*ополита*> Сергия, и просил сообщить, как я устроил церковную жизнь в Уфе.

В ответ на это я мог написать ему отдельное письмо с изложением моих мыслей, но вместо этого от меня был послан ответ в виде моей брошюры "Письма о церковно-общественной жизни". Как я ее достал в Кзыл-Орде, я не могу сейчас припомнить; но возможно, что ее с собою привезла та Доминика Овчинникова, которая упомянута на адресе моем на письме П. Городецкому. Чьею рукою переписана эта брошюра, я совершенно не знаю[154].

* * *

8. Об Ухтомском А. А. — в ОГПУ

«В Полпредство ОГПУ по К<*азахской*> ССР

Гр<*аждан*>ки Рудницкой Евд<*окии*>
Иван<*овны*>, прож<*ивающей*> в
гор<*оде*> К<*зыл*>-Орде по пер<*еулку*>
Абая, № 10.

Заявление

В данное время у вас под стражей содержится епископ Андрей Ухтомский. Здоровье его настолько плохое, что вызывает ежеминутные серьезные опасения:

[154] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 34–34 об. Машинопись. Подпись — автограф архиепископа Андрея.

порок сердца, болезнь почек и много других осложнений. Содержание под стражей, лишающее обычной диеты и образа жизни, предписанных ему врачами, может привести к ужасному концу. Поэтому прошу Вас, дабы не оказалось мое заявление голословным, назначить Ухтомскому врачебное освидетельствование и отпустить его под подписку или на поруки, со своей стороны я и изъявивший согласие взять на поруки гражданин в полной мере гарантируем, что Ухтомский не будет мешать делу следствия. Надеюсь, что чувство человечности и справедливости дадут моей просьбе Ваше истинное разрешение. О последующем не откажите уведомить.

Со своей стороны сообщаю, что я являюсь квартирохозяйкой Ухтомского и веду его домашнее хозяйство.

Евдокия Рудницкая»[155].

* * *

9. Из Постановления по обвинению Ухтомского А. А. и Герасимовой М. Д. от 3 ноября 1928

Я, Уполномоченный С<*екретного*> О<*тдела*> ПП ОГПУ по К<*азахской*> ССР — НЕЛЮБОВ, рассмотрев сего числа следственное дело № 262, по обвинению адм<*инистративно*> ссыльного УХТОМСКОГО Андрея-Александра Алексеевича и гр<*аждан*>ку ГЕРАСИМОВУ Марию Дмитриевну в распространении и хранении антисоветской литературы —

[155] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 36. Автограф.

НАШЕЛ:

Собранным материалом по делу УХТОМСКИЙ Андрей и ГЕРАСИМОВА Мария в достаточной степени изобличаются в приписуемом им обвинении и что дальнейшее ведение предварительного следствия не требуется, а посему, руководствуясь ст<*атьей*> 207 УПК —

ПОСТАНОВИЛ:

Предварительное следствие по делу УХТОМСКОГО и ГЕРАСИМОВОЙ считать законченным и приступить к составлению обвинительного заключения, о чем объявить обвиняемым под расписку на сем же.

Копии настоящего постановления направить Пом<*ощнику*> Прокурора Каз<*ахского*> Н<*аркомата*> Ю<*стиции*>, РСО ПП ОГПУ, для сведения <...>.

«1928, н<*оября*> 5. Это постановление читал; постараюсь дать на него обширное письменное разъяснение и во всяком случае снимаю с себя всякое обвинение в злокозненности.

Ухтомский»[156].

* * *

10. Из Обращения Ухтомского А. А. к следователю Нелюбову

На последнем Вашем допросе меня Вы мне сделали упрек, что "мое лицо остается в тени". В ответ на это я

[156] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 37. Машинопись, приписка с подписью — автограф архиепископа Андрея.

обещал Вам прояснить свое лицо в политическом, конечно, отношении.

Это я готов исполнить и прилагаю при сем две тетради моей "политической исповеди". Я очень прошу Вас отнестись к этому моему труду не с точки зрения сыска, а с точки зрения исполнения мною и Вами больших обще-государственных обязанностей. На эту «исповедь» обратите внимание и прокурора республики (который был у меня в камере — не знаю его фамилии).

Ухтомский
(Епископ Андрей)

13 ноября 1928 г<*ода*>.

Еще прошу Вас: если я буду, несмотря ни на что, за мои христианские убеждения приговорен к сидению под арестом, то прошу меня оставить где-нибудь в одиночке или в той камере, где я сижу сейчас на дворе ГПУ. Потому что самое страшное для меня наказание — это слушать ужасающую богохульную брань и сквернословие. А в одиночке я буду от этого застрахован.

Пожалуйста, не забудьте этой просьбы.

Ухтомский»[157].

* * *

11. "Обвинительное заключение" по делу Ухтомского А. А. и Герасимовой М. Д.

28 мая 1928 года уполномоченным Ульяновского губотдела ОГПУ по Сызранскому уезду был произведен

[157] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-10798. Т. 1. Л. 38–40. Далее идет «Моя политическая исповедь», приведенная выше, в ч. II.

обыск у гр<*аждани*>на гор<*ода*> Сызрани ГОРОДЕЦКОГО Петра Михайловича. При обыске была обнаружена и изъята рукописная брошюра "Письма о церковно-общественной жизни". На допросе ГОРОДЕЦКОГО установлено, что автором этой брошюры является быв<*ший*> еп<*ископ*> Уфимский — УХТОМСКИЙ Андрей, ныне отбывающий 3-х годичную ссылку в гор<*оде*> Кзыл-Орда.

Брошюра по своему содержанию явно антисоветская — в ней УХТОМСКИЙ говорит о неизбежном крахе социализма, о свободе без равенства и равенстве без братства. Что для «Святой Руси» необходимо вернуться к тем формам общественного порядка, которые были установлены дедами и прадедами, что ломать эти порядки безумно и что ныне существующий общественный порядок завезен из-за границы и он является гибельным для русского народа. Спасти себя русский народ от гибели может, объединившись в безразличие классов и сословий вокруг церковно-приходских советов, и тогда, по его словам, «мы добьемся себе свободы, равенства, радости и мира, а без Бога будет только дьявольское наваждение и ложь».

14 июля 1928 года произведенным обыском Баш<*кирского*> Обл<*астного*> Отд<*ела*> ОГПУ на квартире гр<*аждани*>на УНГВИЦКОГО Алексея Яковлевича в селе Калтышаново Яглинской волости было обнаружено письмо УХТОМСКОГО, в котором последний, сожалея о лишении права голоса местного дьякона КАЗАРЕЗА Андрея Леонтьевича, пишет: «Значит, и к вам проникла городская сифилизация; значит, и у вас имеются антихристовы лакеи?! — Что город погибает в разврате и в безбожии — это всякий знает; но умная деревня должна идти своею умною дорогою, — а не поддаваться городскому безбожию. Наша дорога — это дорога КРЕСТЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ, а не дорога город-

ской сифилизации. Эту формулу скажите всем нашим единомышленникам».

Брошюры УХТОМСКОГО так же явно антисоветского характера:

1) "Письма в защиту церкви христовой", 2) "О епископах и катаскопах", 3) "О радостях митрополита Сергия" (см<*отреть*> Пакет вещ<*ественных*> доказательств № 3).

Допрошенные по сему делу обвиняемые — 1) УХТОМСКИЙ Андрей-Александр Алексеевич виновным себя не признал и показал, что все выпускаемые им брошюры по своему содержанию не являются антисоветскими, а исключительно направлены против духовенства, якобы клевещущего на него и в то же самое время нарушающего само на каждом шагу законы Совласти. Что эти брошюры он хотел распространить как можно шире, якобы добиваясь этим реабилитировать себя перед Советской властью и всеми честными гражданами (см<*отреть*> л<*исты*> дела № 13–14 и 20).

2) ГЕРАСИМОВА Мария Дмитриевна виновной себя также не признала и показала, что обнаруженные у нее брошюры УХТОМСКОГО были взяты на память у последнего, хранились они у нее потому, что она не видит ничего антисоветского (см<*отреть*> л<*исты*> дела 15–21).

На основании вышеизложенного УХТОМСКИЙ Андрей-Александр Алексеевич и ГЕРАСИМОВА Мария Дмитриевна обвиняются:

1) УХТОМСКИЙ Андрей-Александр Алексеевич, 55 лет, грамотный, холостой, русский, б<*ес*>п<*артийный*>, дворянин по происхождению, неимущий, по профессии — служитель культа, по постановлению Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 8 июля 1927 г<*ода*> отбывающий 3-х годичную ссылку в гор<*оде*> Кзыл-Орда, в том, что написал ряд брошюр антисовет-

ского содержания и распространял таковые, т<*о*> е<*сть*> в преступлении, предусмотренном ст<*атьей*> 58-10 УК, и

2) ГЕРАСИМОВА Мария Дмитриевна, 24 лет, происходящая из кр<*естья*>н Воронежской губ<*ернии*>, русская, грамотная, б<*ес*>п<*артийная*>, замужняя, несудимая — в том, что, будучи активной приверженкой УХТОМСКОГО Андрея, хранила у себя на квартире его антисоветскую литературу и выполняла его отдельные поручения, т<*о*> е<*сть*> в преступлении, предусмотренном ст<*атьей*> 58-10 УК — за что подлежат суду Коллегии ОГПУ, дело предварительно согласовано с Пом<*ощником*> Прокурора Каз<*ахского*> Н<*аркомата*> Ю<*стиции*> <...>.

СПРАВКА: Ухтомский Андрей содержится под стражей при комендатуре ПП ОГПУ с 17/X с<*его*> г<*ода*>.

Герасимова Мария Дмитриевна находится на свободе под подписку о невыезде из гор<*ода*> Кзыл-Орда <...>[158].

* * *

12. Из Постановления о приговоре Ухтомского А. А. и Герасимовой М. Д. от 18 января 1929

УХТОМСКОГО Андрея-Александра Алексеевича — «заключить в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ, сроком на ТРИ года, считая срок с 17/X–28 г<*ода*>»;

[158] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 83–85. Машинопись, подписи — автографы.

ГЕРАСИМОВУ Марию Дмитриевну — «приговорить к лишению свободы, сроком на шесть месяцев, считая срок с момента вынесения настоящего постановления»[159].

* * *

13. Из Донесения об Ухтомском А. А. в ОГПУ от 4 апреля 1929

«Ярославский Губ<*ернский*> отдел ОГПУ подтверждает прибытие в П<*олитический*> Изолятор п<*олит*>заключенного УХТОМСКОГО Ал<*ександ*>ра Алексеевича <...>[160].

IV. Из дела по обвинению Ухтомского А. А. как «*участника контрреволюционной монархической организации церковников "Истинно-православная церковь"*». 1932

1. Из Протокола допроса Ухтомского А. А. от 29 апреля 1932

1. Фамилия	Ухтомский
2. Имя, отчество	Александр Алексеевич (еп. Андрей)
3. Возраст (год рождения)	1871

[159] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 131 132. Машинопись.
[160] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40798. Т. 1. Л. 136. Машинопись.

4. Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность, гражданство или подданство)	Ур<*оженец*> гор<*ода*> Рыбинска, из дворян, русский, гр<*аждданин*> СССР.
5. Местожительство (постоянное, последнее)	Александровская пл<*ощадь*>, д<*ом*> 15, кв. 13.
6. Род занятий (последнее место службы и должность)	епископ
7. Семейное положение (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса, род занятий до революции и последнее время)	Сестра Дмитриева Мария Алексеевна, <*нрзб.*> заработком (живем вместе), брат Ухтомский Алексей Алексеевич, проф<*ессор*> Ленинградского Ун<*иверсите*>та.
8. Имущественное положение (до и после революции...)	нет
9. Образовательный ценз...	Высшее. Духовная академия
10. Партийность...	Беспартийный
11. Сведения об общественной и революционной работе	Нет
12. Сведения о прежней судимости (до Октябрьской революции и после нее	1) В 1922 г<*оду*> — Моск<*овским*> Ревтрибуналом за к/р деятельность — оправдан 2) В 1923 г<*оду*> — выслан ГПУ в Ср<*еднюю*> Азию на 3 года 3) В 1927 г<*оду*> — выслан ГПУ в Казахстан на 3 года 4) В 1928 — заключен ГПУ в П<*олит*>изолятор на 3 года.

13. Служба у белых	Членом Высшего Церковного управления у Колчака в 1919 г<*оду*>, вышел из состава вследствие расхождения во взглядах.
14. Категория воинского учета...	Нет.

Показания по существу дела

Из Ярославского политизолятора я был освобожден в октябре 1931 г<*ода*> и поселился в Москве. Посещал церкви Никола Подкопай, Сербское Подворье, Никола Б<*ольшой*> Крест и Спаса. По церкви Никола Подкопай знаю иеромонаха Григория (Горюнова), по Сербскому подворью — священника Дмитрия Крючкова, по Никола Б<*ольшому*> Кресту — священника Михаила Любимова.

С Владимиром Прокофьевичем Прошковым я познакомился в декабре месяце прошлого года. В январе 32 г<*ода*> он был у меня дома. Он расспрашивал меня о моей позиции к митр<*ополиту*> Сергию, о причинах ареста и т<*ому*> п<*одобном*>. Имел место разговор о закрытии церквей, об апатичности по этому вопросу верующих, о положении церкви и дальнейших ее путях.

Подробности разговора я совершенно не помню и не считал нужным его запоминать. Поэтому могу сказать то мнение, которое у меня составилось вообще: что если храмы будут закрыты, то верующие вынуждены будут собираться по группам и отправлять богослужение, как я его отправлял в Ярославском политизоляторе.

Прошков внимательно выслушал меня и промолчал. Это молчание мне не понравилось, я счел его признаком

неискренности. О выводах, какие он мог сделать из моего разговора, я совершенно не осведомлен.

Аналогичного характера разговоры у меня были и с Любимовым, как и со многими другими. Разговорам с Любимовым мешало то обстоятельство, что мне передавали о нем как о священнике подложном.

Последний раз я виделся с Любимовым в ц<*еркви*> Сербского подворья, когда он приходил к священнику Дмитрию Крючкову. Характера разговора Любимова с Крючковым я не знаю.

Как Прошкову, так и Любимову я высказывал свои мысли об организации христианских общин, т<*ак*> к<*ак*> элементарное определение Церкви есть то, что Церковь есть общество — община. Протокол записан верно. — При этом прилагаю отдельное заявление

Андрей Ухтомский

1932, апр<*еля*> 29[161].

* * *

2. Из Протокола допроса Ухтомского А. А. от 1 июня 1932

Сущность моих взглядов об устройстве христианской жизни заключается в следующем. Первичной ячейкой приходской жизни является община, состоящая из верующих христиан. Эту общину в количественном и нравственном отношении я считаю столь слабой, что ее деятельность не может не только конкурировать с органами советской власти, но и сколько-

[161] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-39811. Т. 3. Л. 34–35 об. Рукописный подлинник, каждая страница подписана владыкой Андреем. Подписи — автографы.

нибудь на них влиять. Если государственная власть поможет такой общине сорганизоваться, то она может ей в многих отношениях помочь.

Община располагает: молитвенным домом, имеет кооператив (должна иметь), ведает благотворительностью, заботится об образовании и главным образом о воспитании детей, ведет культурно-просветительскую работу и имеет свой дисциплинарный суд.

Эти общины объединяются в Союз общин, свободно самоуправляющихся в церковном отношении. Союз общин объединяет и руководит общинами.

Вот в этом я и признаю сущность церковного епархиального управления.

Таково в кратких словах структурное описание предлагаемого мною <*нрзб.*> нынешнего расстройства христианской жизни.

Эти взгляды решительно высказаны в Уфимской декларации еп<*ископа*> Аввакума в 1927 году.

Эти взгляды я излагал в письменной форме и знакомил с ними как письменно, так и устно тех, которые хотели познакомиться со мною и узнать, в чем заключаются мои церковные преступления.

В частности, эти взгляды я высказывал и Прошкову, и Любимову.

Петкевича я знал с 1909 г<*ода*>. Он был Казанским вице-губернатором, а впоследствии директором департамента инославных вероисповеданий МВД.

Действительно, в первых числах января 1932 г<*ода*> я виделся с ним в церкви Никола Большой Крест и имел с ним беседу. Петкевич интересовался моими взглядами и отношением с старообрядцами. Я со своей стороны интересовался судьбой митрополита Иосифа, который был единственным моим единомышленником среди всей иерархии во взглядах на старообрядчество (с 1917 г<*ода*>).

Регулярной связи с другими городами я не поддерживал. Были встречи и переписка случайного характера, преимущественно с моими духовными детьми.

Андрей Ухтомский.

1932, июня 1[162].

* * *

3. Из "Обвинительного заключения" по делу № 12373 от 20 июня 1932

На протяжении последних двух лет органами ОГПУ проведена большая работа по вскрытию и разгрому «Всесоюзной к.-р. монархической организации церковников "Истинно-Православная Церковь"».

В итоге этой работы почти повсеместно были выявлены и ликвидированы филиалы и ячейки этой организации с общим количеством участников свыше 4000 человек.

Политическая платформа этой организации сводилась к свержению Советской власти и восстановлению монархии.

Для того в качестве орудия использовалась Церковь, т<*ак*> к<*ак*> во многих отношениях она еще связана с народными симпатиями и в общем питается корнями, уходящими в старый режим.

К.-р. деятельностью организации руководил особый политический центр в Москве, в состав которого входили профессора ЛОСЕВ, ЕГОРОВ, Теировский и другие.

Помимо политического центра организации существовал административный центр в Ленинграде во главе с митрополитом Иосифом Петровых и архиепископом Дмитрием Гдовским.

---

[162] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-39811. Т. 3. Л. 36–37. Рукописный подлинник, каждая страница подписана владыкой Андреем. Подписи — автографы.

Практическая к.-р. работа "Истинно-Православной Церкви" носила самый разнообразный характер и выражалась в активном участии в повстанчестве, террористических актах против совпартработников и представителей общественных организаций Москвы, выступлениях и эксцессах, издании и распространении к.-р. листовок, пересылке за границу к.-р. материалов о положении Церкви в СССР в целях создания за границей общественного мнения против Соввласти, пораженческой пропаганде, а-с агитации против мероприятий партии и распространении всякого рода к.-р. провокационных слухов.

Организация развернула большую к.-р. работу главным образом в деревне, ставя перед собой в качестве основной задачи — борьбу с коллективизацией сельского хозяйства.

Уцелевшие в свое время и оправившиеся от оперативного разгрома остатки к.-р. организации "Истинно-Православная Церковь" в Москве, Ленинграде, ИПО, ПЧО, Нижкрае и других местах пытались вновь приступить к воссозданию организации путем вербовки новых участников и развертывания к.-р. работы на основах строжайшей конспирации, ухода в глубокое подполье и построения ячеек по принципу «пятерок».

Следствием по данному делу установлено, что Московская организация "Истинно-Православная церковь" состояла из нескольких ячеек, возглавлявшихся обвиняемым доктором Прошковым, попами Любимовым, Крючковым, Ильиным, Владимировым и скрывшимся иеромонахом Горюновым.

Воссоздание Московских ячеек "ИПЦ" относится к концу 1931 г<*ода*>.

Необходимо подчеркнуть, что возрастанию к.-р. активности "ИПЦ" в значительной мере способствовала обстановка непосредственной угрозы войны, в связи с событиями на Дальнем Востоке, питающая в среде а-с лагеря надежды на "приближающееся падение Соввласти".

Руководители Московской организации "ИПЦ", обвиняемые Прошков и Любимов, восстановили связь с руководством Ленинградской организации "ИПЦ" путем периодических поездок в Ленинград, для взаимной информации о положении дел и совместной выработки единых установок в работе. Из Ленинграда в Москву по этим же вопросам несколько раз приезжал активный участник Ленинградской организации "ИПЦ" — бывш<*ий*> Директор департамента Мин<*истерства*> Внутр<*енних*> Дел — ПЕТКЕВИЧ.

В одну из поездок в Ленинград обвиняемый Прошков в беседе с руководителем Ленинградской организации "ИПЦ", попом Поляковым, о том, кто в данное время возглавляет "Истинно-Православную Церковь", выяснил, что таким лицом является обвиняемый епископ Гавриил Красновский, проживающий в Бахчисарае, и что с Красновским Ленинградской организацией «ИПЦ» установлена связь.

По этому вопросу в Москве на квартире активной участницы "ИПЦ" обвиняемой ЛЕБЕДЕВОЙ-ВОЗНЕСЕНСКОЙ состоялось совещание, на котором было решено командировать в Бахчисарай к Красновскому попа Любимова для установления связи и получения от него руководящих указаний.

Одновременно с этим вопросом на этом же совещании было принято решение, впоследствии осуществленное, об уходе в глубокое подполье и организации сети домашних (подпольных) церквей, построенных по принципу "пятерок", с тем, чтобы участники одной "пятерки" не знали о существовании другой.

Поездка Любимова в Бахчисарай к епископу Гавриилу Красновскому состоялась в декабре м<*еся*>це 1931 г<*ода*>. Обвиняемый Красновский, заслушав политическую информацию Любимова о положении дел в Москве, согласился возглавлять Московскую организа-

цию "ИПЦ", дал санкции на организацию подпольных церквей (пятерок) и предложил установить связь с епископом Серафимом Звездинским, проживающим в г<*ороде*> Меленки Иваново-Промышленной области, дав для сношений с Звездинским пароль «мифарес».

По возвращении Любимова в Москву руководством "ИПЦ" были предприняты конкретные шаги для установления связи с Серафимом Звездинским. В этих целях обвиняемый ПРОШКОВ имел беседу с руководителями одной из ячеек "ИПЦ", обвиняемым Крючковым, ячейка которого, так же как и ячейка возглавляемая обвиняемым Ильиным, — руководилась Звездинским.

Практически после этой беседы Прошкова с Крючковым для предварительных переговоров к Звездинскому была командирована некая Мансурова М. Ф. (ныне скрывшаяся).

Звездинский, дав принципиальное согласие возглавить ячейку "ИПЦ", руководимую ПРОШКОВЫМ, предложил Прошкову через Мансурову повременить с приездом к нему, ввиду того, что у него (Звездинского) только что был произведен ОГПУ обыск, и он, из-за боязни провала организации, временно прекратил прием.

Приезжавшему к Звездинскому в конце 1931 г<*ода*> из Москвы попу Дулову Звездинским были даны конкретные установки о новых формах к.-р. работы и, в частности, было предложено «разъяснять, что Япония начала выполнение плана, намеченного державами. Все это (т<*о*> е<*сть*> Маньчжурские события) есть начало освобождения России от Советско-социалистического гнета».

По вопросам колхозного движения Звездинским дано было указание: «для пользы дела изменить тактику и отношение к колхозам, и наоборот рекомендовать своим людям входить в колхозы, направляя их изнутри по церковному руслу, и таким образом по существу срывать колхозное строительство».

Звездинский, как уже указывалось выше, руководил к.-р. деятельностью ячеек "ИПЦ", возглавлявшихся попами Крючковым, Ильиным и Горюновым.

Вскоре после освобождения из Ярославского политизолятора обвиняемый епископ Ухтомский (б<*ывший*> князь), поселившись в Москве, вошел в сношения с руководителями Московских ячеек "ИПЦ", Прошковым, Ильиным, Любимовым и Крючковым, и, будучи солидарным с политическими принципами "Истинно-Православной Церкви" в беседах с указанными лицами, пропагандировал среди них необходимость организации масс с целью оказания противодействия Соввласти при закрытии церквей и перехода церкви в подполье.

Помимо этого Ухтомский распространял а-с листовки с изложением принципов построения церковных общин, объединяемых в союз общин и создания таким путем такой организации, которая могла бы быть противопоставленной Соввласти.

В конце 1929 г<*ода*> из ссылки в Комиобласти бежал видный московский поп (быв<*ший*> казачий офицер) Михаил Польский, проживающий в 1930 г<*оду*> несколько месяцев в Москве на нелегальном положении.

Впоследствии Польский через Закавказье нелегально бежал за границу в 1931 г<*оду*>, в Иерусалиме выпустил книгу "Положение церкви в Советской России", содержащую в себе ряд программных положений "Истинно-Православной Церкви".

Следствием установлено, что близким другом Польского являлся обвиняемый Максимов В. Н., с которым Польский в бытность его в 1930 г<*оду*> после побега из ссылки неоднократно встречался в Москве и которому Максимов помогал в собирании материалов для вышеуказанной книги.

Так, еще в 1923 г<*оду*> Польский с Максимовым, будучи вместе на богомолье в Дивеевом монастыре, остановившись на квартире обвиняемого Павла Боротин-

ского, занимались составлением рукописей, впоследствии, как видно из вышеуказанного, превратившихся в к.-р. книгу, изданную Польским за границей. Также Максимов был в курсе бегства Польского в Иерусалим и его деятельности за границей через переписку Польского из-за границы с некоторыми лицами в Москве.

Одновременно Максимов являлся близким человеком к Звездинскому, неоднократно к нему специально приезжал из Москвы в Меленки. Звездинский был лично знаком с Польским и от Максимова знал о его побеге за границу.

Следствием также установлено, что обвиняемый поп Боротинский, у которого останавливались Польский и Максимов, является автором нескольких к.-р. документов (в авторстве пока не сознался), положенных в качестве программных установок "Истинно-Православной Церкви" и широко распространенных по всему Советскому Союзу. Боротинский одновременно возглавлял ныне ликвидированный Самарский "ИПЦ".

Параллельно с работой по насаждению сети подпольных (домашних) церквей, проводимой ячейкой "ИПЦ", возглавлявшейся Прошковым, аналогичную к-р. работу проводил через имяславца Белоконова обвиняемый инженер Хренников, ставивший своей задачей продолжение к.-р. работы "Истинно-Православной Церкви" после ареста проф<*ессора*> Лосева. В результате чего Белоконовым было издано несколько таких подпольных к.-р. церковных очагов.

Среди участников "Истинно-Православной Церкви" широко распространялись частично изъятые при обысках всякого рода к.-р. документы, в некоторых случаях, как это, в частности, было на квартире участницы организации Шиповской, специально прорабатываемые на совещаниях актива организации.

Вышеуказанная к.-р. работа к.-р. организации "Истинно-Православная Церковь" и ее отдельных участни-

ков подтверждается показаниями: Любимова, Ухтомского, Прошкова, Бениксона, Дулова, Баскарева, Перевезовского, Белоконова, Максимова, Лемишевского, Звездинского. <...>

На основании вышеизложенного привлекаются к ответственности по 58-11 ст<*атье*> УК нижеследующие лица:

1. Звездинский Николай (Серафим) Иванович — 1871 г<*ода*> р<*ождения*>, урож<*енец*> г<*орода*> Москвы, из семьи служителя культа, епископ, окончил духовную академию, в 1923 за к.-р. деятельность высылался в Зырянский край на 2 года;

2. Красновский Всеволод (Гавриил) Витальевич — 1885 г<*ода*> р<*ождения*>, урож<*енец*> г<*орода*> Москвы, из семьи служителя культа, подпоручик царской армии, с 1918 по 1921 г<*од*> служил в Красной армии, с 1921 по 1923 г<*од*> — поп, с 1923 — епископ, с высшим образованием, в 1924 г<*оду*> административно высылался за а-с деятельность;

3. Ухтомский Александр (Андрей) Алексеевич, 1871 г<*ода*> р<*ождения*>, урож<*енец*> г<*орода*> Рыбинска, из дворян, б<*ывший*> князь и колчаковец, русский, гр<*аждани*>н СССР, епископ, окончил духовную академию, неоднократно судим за к.-р. деятельность —

как руководители к.-р. монархической организации церковников "Истинно-Православная Церковь". Давали установки в к.-р. деятельности членам организации и руководителям ячейки[163].

По данному делу, согласно выписке из протокола Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 7 июля 1932 года, архиепископ Андрей (Ухтомский) был приговорен к высылке в Казахстан на три года.

---

[163] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-39811. Т. 3. Л. 272–278. Машинопись.

V. Из дела по обвинению Ухтомского А. А. как «*идеолога контрреволюционной религиозно-монархической организации "Братство святителя Гурия"*». 1933

1. Из "Обвинительного заключения" от 6 октября 1933

Формула обвинения

Полномочным Представительством ОГПУ на территории Татарской республики в районах: Кукморском, Сабинском, Рыбно-Слободском, Акташском и Октябрьском вскрыто и ликвидировано 5 к/р религиозно-монархических ячеек, состоявших под идеологическим и практическим руководством епископа Андрея, бывшего князя УХТОМСКОГО, бывшего организатора и руководителя учрежденного в 1867 году по указу царского правительства миссионерско-русификаторского объединения, так называемого "Братства святителя Гурия", назначением которого, согласно имеющегося в след<*ственном*> деле документа Жандармского Управления, было:

«Русификация туземного инородческого населения и воспитание его в духе монархической государственности».

Сформировавшись из остатков объединяемого вышеизложенной идеей элемента, чуждого интересам пролетариата, также по своему классовому признаку, ликвидированные к/р ячейки как в процессе своего формирования, так и на всем периоде своего существо-

вания были тесно и неразрывно связаны и между собою, и со своим идеологом — епископом Андреем, бывшим князем УХТОМСКИМ и, таким образом, являли собой единую к/р религиозно-монархическую организацию, целью которой, как это видно из письменной установки, данной организации епископом Андреем — бывшим князем УХТОМСКИМ в 1932 году с места административной ссылки из города Алма-Ата, является:

Свержение Советской власти и установление на ее развалинах новой "Святой Руси".

Построенная из взаимно связанных между собой звеньев, в виде групп "последователей" епископа Андрея УХТОМСКОГО, организация имела для связи со своим лидером специальные кадры людей в лице: в городе Казани — дочерей офицера ГЛАДЫШЕВЫХ З. А. и Т. А., дочери купца ЯРЫГИНОЙ Е. А., дочери подполковника — жены бывшего мирового судьи КРУПЕНИКОВОЙ Н. А. и др<*угих*>; в городе Горьком в лице: бывшей надзирательницы Покровского женского монастыря ГОЛИМБИЕВСКОЙ Е. И.; в городе Рязани — врача КНИЗЕ Надежды Ниловны; в городе Москве — бывшей помещицы УШАТИНОЙ Евгении Александровны и др<*угих*>, которые при посредстве личной явки к епископу Андрею УХТОМСКОМУ, а в некоторых случаях через соответствующую инстанцию, в лице проживающей в городе Алма-Ата Казахстана бывшей монахини монастыря "Братства св. Гурия" БОРИСОВОЙ Евфалии, приближенной епископа Андрея УХТОМСКОГО, получали от последнего к/р установки, а/с литературу, воззвания и устные "наказы", передавая их в свою очередь в сформировавшиеся на местах к/р ячейки, через руководителей последних, причем взаимоотношения между собою и через упомянутую выше разъездную агентуру с лидером организа-

ции УХТОМСКИМ были обусловлены необходимой конспирацией, в виде условной, шифрованной переписки, явок в определенно назначенные места и т<*ому*> п<*одобного*>.

Разделяя целиком и полностью к/р идеи епископа Андрея и следуя его указаниям, члены организации в своей практической деятельности активно вели а/с агитацию путем к/р пропаганды, прикрываемой религиозными догматами; распространяли к/р листовки и воззвания под названием "Всем ссыльным священномученикам и истинно-христианским страдальцам", "К тем, кто не шутит правдой", "Об епископах и катаскопах", листовки в виде отдельных выдержек из к/р документов, так называемых "протоколов Сионских мудрецов", трактующих в а/с пораженческом духе вопросы современности, и др<*угие*> документы под религиозным названием, но с к/р сущностью.

Распространением этой к/р литературы, устройством нелегальных молитвенных собраний, открытыми выступлениями на общих сельских собраниях и индивидуальной а/с агитацией организация насаждала повстанческие настроения; овладевала отдельными звеньями советского и колхозного аппарата, организовывала массовые выходы из колхозов, сопровождавшиеся повстанческими эксцессами в Октябрьском, Кукморском и Рыбно-Слободском районах Т<*атарской*> Р<*еспублики*>; вела разлагательскую антиколхозную деятельность, наносившую материальный ущерб сельскому хозяйству Советского Союза.

Отдельные члены организации в своей к/р деятельности доходили до угроз сельскому и колхозному активу, принимавших формы террористических действий.

По делу привлекаются руководители к/р ячеек, составлявших организацию: Рыбно-Слободской ячейки — бывший монах Некрасовского монастыря МОИСЕЕВ

Феодосий, Октябрьской — священник ПЕТРОВ, Акташской — административно ссыльный священник ЛУКИН, Кукморской и Сабинской — бывшая монашка Покровского женского монастыря НИКОЛАЕВА и другой актив организации, в составе 38 человек.

РАЗДЕЛ 1

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ К/Р РЕЛИГИОЗНО-МОНАРХИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ЕЕ КОНЕЧНЫЕ ЦЕЛИ

Брат<*ство*> Св. Гурия, как фундамент, на остатках которого возникла к/р организация.

Царским правительством в 1867 году с миссионерско-русификаторскими религиозными целями было основано "Братство св. Гурия", этим преследовалась цель — внедрение и утверждение христианства среди инородцев бывших Казанской и Уфимской губерний путем открытия школ, религиозных общин, перевода религиозных книг на инородческие языки.

По этому поводу имеющийся документ из архива Жандармского Управления говорит:

«Учрежденное в 1867 году преимущественно в целях национализации и русификации туземного инородческого населения и воспитания этого населения в духе монархической государственности "Братство святителя Гурия" за 50 лет своего исторического существования проделало в Казани и Казанской губ<*ернии*> большую и особо политическую работу. В своей деятельности оно ориентировалось, главным образом, на сельские местности бывшей Казанской губ<*ернии*>, в самой же Казани имело как бы штаб и в особенности своего рода школы кадров, в виде крещено-татарских школ, миссио-

нерского отделения Казанской академии, кружков сестер-сотрудниц и т<*ак*> д<*алее*>.

В числе главных учредителей "Братства" был начальник 7-го округа корпуса жандармов генерал майор <*Лев Мих.*> СЕЛЕЗКИН.

До последних дней епископ Андрей, бывший князь УХТОМСКИЙ, из духовенства ЯБЛОКОВ, протоиерей ДРУЖИНИН (Высокая Гора Казанского района), из мирян: М. Г. ИВАНОВ (г<*ород*> Томск), Н. В. НИКОЛЬСКИЙ и Р. П. ДАУЛЕЙ; ДРУЖИНИН А. И., один из секретарей "Братства", напечатавший для него ряд программных статей; НИКОЛЬСКИЙ Н. В., сам инородец — олицетворение связей с инородцами в Казани и навещавших их на местах и, наконец, самый ценный ДАУЛЕЙ Р. П. — секретарь "Братства", открывавший лично с епископом Андреем миссионерскую Покровскую общину, активный участник даже кружка сестер-сотрудниц "Братства". В числе сестер сотрудниц были: КРУПЕННИКОВА Н. А, ДЕСНИЦКАЯ Нина Константиновна и др.» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 260).

После Октябрьской Революции Соввласть упразднила "Братство св. Гурия" как религиозно-монархическое учреждение, в ответ на это руководящий состав "Братства" ответил контрреволюционным выступлением, сколачивая для борьбы своих "последователей"; путем распространения к/р воззваний и листовок.

По этому поводу один из бывших руководителей "Братства" профессор НИКОЛЬСКИЙ показал:

«Епископ Андрей революцию встретил враждебно, печатал контрреволюционные воззвания, в которых говорилось, что Церковь находится в загоне, пришел антихрист, для свержения которого необходимо организоваться» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 229).

О том же другой видный член "Братства" ДАУЛЕЙ показывает:

«Я знаю, что епископ Андрей с наступлением революции писал КЕРЕНСКОМУ, что его Бог избрал спасителем отечества, это письмо было опубликовано в газете; в 1918 году он, Андрей, будучи в Уфе, расклеивал свои контрреволюционные воззвания» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 140).

Формирование контрреволюционной религиозно-монархической организации

Ликвидированное, как монархическая организация, и официально прекратив свое существование, "Братство св. Гурия" на время ушло в подполье, и до 1928–1929 годов оно в целом, как единая организация, активно себя не проявляло. Но с обострением классовой борьбы в стране, на почве коллективизации и наступления на капиталистические элементы города и деревни, наряду с обактивлением а-с элемента вообще, потерявшее свое единство "Братство св. Гурия", благодаря преобладающему большинству в нем мелкобуржуазного элемента, начинает вновь формироваться, имея во главе своего лидера — епископа Андрея, бывшего князя УХТОМСКОГО, который, восстановив связь с остатками актива "Братства св. Гурия" на территории Т<*атарской*> Р<*еспублики*>, через специальную разъездную агентуру дает свои организующие к/р установки, которые, по подлинному выражению УХТОМСКОГО, сводятся к следующему:

«Ввиду того, что скоро наступит крушение Соввласти в России, а все полит<*ические*> партии к этому не подготовлены так же, как и Церковь, мы должны подготовиться к тому, чтобы быть организованными в один союз, чтобы тотчас же после падения Соввласти повести

за собой народ независимо от того, какая будет власть. Этот союз должен объединить собою старообрядцев, сектантов и церковные общества».

«Появится в России Гитлер № 2 и увидит в моем лице единственного человека, сохранившего свои взгляды и убеждения и не продавшегося этим мерзавцам-большевикам».

В свою очередь актив "последователей" УХТОМСКОГО, сосредоточенный в основной своей массе на территории Татарской республики, проявляет свою инициативу и укрепляет с ним связь путем установления периодических явок лично к УХТОМСКОМУ и через соответствующие инстанции, установленные им в целях конспирации, получая от УХТОМСКОГО установки и формируя затем, по его указаниям, к/р ячейки. Член организации САПОЖНИКОВА С. С. по этому поводу показала:

«Когда я жила у ГОЛИМБИЕВСКОЙ Е. И., к нам часто приходила НИКОЛАЕВА Меланья, тесно связанная с епископом Андреем.

От Голимбиевской я слышала, что Меланья съездила в Москву к епископу Андрею, по указанию последнего организовала в некоторых деревнях группы "Братства св. Гурия"» (том 1, л<*исты*> д<*ела*> 119, 173)

О том же ГОЛИМБИЕВСКАЯ показала:

«В феврале 1931 года НИКОЛАЕВА Меланья ездила в Москву за указаниями в работе среди кряшен, после этого она в селе Чура, Кукморского района, организовала среди женщин-кряшенок свободную христианскую общину» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 171).

Гр<*аждан*> ка ИВАНОВА по вопросу создания к/р ячеек показала:

«Андрей Ухтомский давал задание НИКОЛАЕВОЙ Меланье организовывать среди кряшен свободные хри-

стианские общины. От гр<*аждан*>ки Ксении Степановой я слышала, что Меланья в с<*еле*> Чура, Кукморского р<*айо*>на, собирала кряшен в церкви, вела среди школьников беседы, уча их не забывать Бога, не вступать в пионеры и не учиться в советских школах» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 146).

Имея с епископом Андреем переписку, члены организации, в целях конспирации и предотвращения провала, переписку и посылки вели через разных лиц, проживающих в Москве, Рязани, Алма-Ате и т<*ак*> д<*алее*>. Так, член организации ГЛАДЫШЕВА З. А. показала:

«В 1932 году через проживающую в Рязани КНИЗЕ Надежду Ниловну я получила письмо от епископа Андрея, впоследствии неоднократно получала через нее письма от него» (том 1, л<*исты*> д<*ела*> 81, 193).

Обвиняемая, член организации, САПОЖНИКОВА показала:

«Переписываясь со мной, ГОЛИМБИЕВСКАЯ называла епископа Андрея "Шурой" для конспирации» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 193).

Об этом же член организации КУЗНЕЦОВА показала:

«Чувствуя, что за связь с епископом Андреем меня могут арестовать, в целях конспирации я письма свои адресовала в Алма-Ату БОРИСОВОЙ Евфалии Семеновне, называя в письмах епископа Андрея "дорогой сестрой"» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 94).

И далее она же: «Для связи с епископом Андреем ГОЛИМБИЕВСКАЯ сообщила мне адрес УШАТИНОЙ Евгении Александровны в Москве, и я имела намерение с ней познакомиться» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 181).

По принципу этих ячеек бывшими деятелями "Братства", связанными с епископом Андреем, в других районах Т<*атарской*> Р<*еспублики*> были созданы также к/р ячейки, так, в Рыбно-Слободском районе Т<*атарской*> Р<*еспублики*> ячейка организована МОИСЕЕВЫМ Феодосием, бывшим монахом Некрасовского монастыря, имевшим связь с епископом Андреем; в Октябрьском районе Т<*атарской*> Р<*еспублики*> организатором к/р ячейки является поп ПЕТРОВ и, наконец, в Акташском районе Т<*атарской*> Р<*еспублики*> ячейку организовал административно ссыльный поп ЛУКИН, ранее привлекался за участие в "ИПЦ". Обвиняемая КУЗНЕЦОВА Л.И. показала:

«В своих письмах епископ Андрей призывал нас трудиться за создание свободных христианских общин. Я под этим понимаю, что с закрытием церквей нужно создавать свои общины, со своими священниками» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 138).

Цели и задачи организации

К/р религиозно-монархическая организация имела своей целью: путем распространения среди верующего населения к/р идей епископа АНДРЕЯ, путем установления возможно широких связей с церковными и сектантскими группировками, путем вербовки новых членов в свою организацию, путем создания в сельских местностях к/р религиозных ячеек "Братства св. Гурия" и путем развернутой к/р религиозной деятельности во главе реакционной, религиозно настроенной массы вести борьбу со всеми мероприятиями власти с целью подрыва ее и затем свержения. Член организации ГОЛИМБИЕВСКАЯ показывает:

«В своих письмах епископ АНДРЕЙ всегда писал о будущих великих днях, под которыми подразумевал дни установления святой Руси, то есть после уничтожения Соввласти.

Свержение Соввласти и установление на ее развалинах святой Руси — это цель епископа АНДРЕЯ; для достижения этой цели он в своих письмах ко всем своим последователям и сектантским группировкам, в частности в письме: "Всем ссыльным священномученикам и истинно-христианским страдальцам", епископ Андрей писал, чтобы все мы трудились разумно за создание святой Руси» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 179).

И далее: «Для этой же цели (свержение Соввласти и создание св. Руси) епископ Андрей и поставил задачу объединения со всеми церковными и сектантскими группировками, не признающими митрополита Сергия; для этого он неоднократно просил меня в письмах сходить и познакомиться с Нижегородскими сектами "Белокриницких" и "Бугровских" и распространить среди них отречение епископа Андрея от митрополита Сергия. Это он считал важным делом и просил меня хоть полгода пожить в Горьком, чтобы я могла выполнить его задание, то есть пишет он — газеты не пишут правды, а ты должна эту правду распространять. Я несколько раз посещала церкви "Белокриницких" и "Бугровских" с целью изучить состав прихожан, которым раздать воззвания епископа Андрея» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 179).

В целях постоянного контакта к/р ячейки поддерживали между собою письменную и живую связь, причем явки происходили в квартире члена организации САПОЖНИКОВОЙ, которая показала на этот счет:

«БОРОВИЦКАЯ и КОЧЕРГИНА в 1932 году были у меня, на мое изъявление желания ехать к ней в деревню БОРОВИЦКАЯ ответила, что в деревне скоро не будет хлеба и жить будет хуже, чем в городе, всех ограбила Соввласть» (том 1, л<*исты*> д<*ела*> 120, 189)

Она же далее говорит: «Летом 1932 года ко мне от БОРОВИЦКОЙ из района приезжал поп села Гороховое Поле Рыбно-Слободского района МОИСЕЕВ Феодосий и передал мне, что БОРОВИЦКАЯ пока не советует ехать к ней в район» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 194).

В письмах своих руководители к/р ячеек о работе ячеек в селах взаимно информировали друг друга и, главным образом, членов организации г<*орода*> Казани. Обвиняемый РАЗУМОВСКИЙ показал:

«БОРОВИЦКАЯ в своих письмах сообщала мне, что жизнь в селах становится тяжелой, народ отходит от церкви, колхозы называла делом антихриста; я ей отвечал, что жизнь в городе также плохая» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 101).

Руководитель к/р ячейки Кукморского р<*айо*>на БОРОВИЦКАЯ показала: «Когда Александра Григорьевна (член к/р ячейки) перед отъездом в Казань приезжала ко мне, я давала ей адреса с записками к РАЗУМОВСКИМ, САПОЖНИКОВОЙ и другим "андреевцам"» (том 1, л<*исты*> д<*ела*> 219–220).

Следствием установлено, что к/р ячейки имели непосредственную связь и с епископом АНДРЕЕМ, проживающим в Алма-Ате, причем в целях конспирации эта связь поддерживалась через определенных лиц. По этому поводу обвиняемая БОРОВИЦКАЯ показала:

«В 1931 году у нас с епископом Андреем возобновилась переписка, в Москву я писала письма и адресовала

на имя ДМИТРИЕВОЙ, а в Алма-Ату БОРИСОВОЙ Евфалии» (том 1, л<*исты*> д<*ела*> 211–212).

Далее она же говорит: «Свои письма епископ АНДРЕЙ присылал мне через гражданку деревни Ныр-ты Сабинского района КОЧЕРГИНУ Марию Петровну, она посылала ему посылки» (том 1, л<*исты*> д<*ела*> 211–212).

Связь ячейки с епископом АНДРЕЕМ подтверждает и гражданин ВАСИЛЬЕВ, который показал: «В первых числах января 1933 года АГАЧЕВА Анна (активный член к/р ячейки Кукморского района) говорила мне: «Наша религиозная община имеет связь с епископом Андреем, мы собирали ему денег; посылки и письма мы шлем не почтой, а через попа села Гороховое Поле Рыб-но-Слободского района» (МОИСЕЕВ Феодосий)» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 100).

РАЗДЕЛ II

ПРАКТИЧЕСКАЯ К/Р ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ К/Р РЕЛИГИОЗНО-МОНАРХИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ГОРОДЕ И В ДЕРЕВНЕ

Распространение к/р воззваний епископа Андрея среди верующих

Объединившись в к/р религиозно-монархическую организацию, с к/р ответвлениями в виде ячеек, члены организации как в городе Казани, так и на периферии занялись распространением к/р идей епископа Андрея. Так, епископом АНДРЕЕМ было прислано к/р "послание" под названием "К тем, кто не шутит правдой", где

он, реабилитируя себя от возводимых на него обвинений в отходе от православия, резко критикует обновленчество и признавшее Соввласть Сергиевское духовенство, кладя в основу письма враждебность к Соввласти. Ниже приводится выдержка из письма:

«Вся эта ложь есть один из многочисленных и сознательных приемов для разложения церковной жизни. А лжецы, все это устроившие, продолжают делать свое грешное дело».

Далее он пишет: «Вот, чтобы предохранить русских людей от всякой большой и маленькой неправды этих лжецов, я и вынуждаюсь еще раз взяться за перо.

Всем известно мнение К. Маркса, что "религия есть опиум для народа". Я исправляю это изречение: опиум для народа есть не религия, а архиереи-лжецы, всякими способами и средствами одурманивающие не наученный русский народ. Эти архиереи-обманщики, подменивающие соборность церкви святой беззаконными указами и приказами, тем навсегда отталкивают от церкви людей, для которых нужны только суд и милость и вера (Мф. 23. 23)».

Это письмо организация, размножив, распространяла среди населения. По этому вопросу обвиняемая КУЗЬМИНА показала:

«Зимой 1932 года КУЗНЕЦОВА Л. И. в Петропавловском соборе говорила, что епископ АНДРЕЙ прислал ей письмо, озаглавленное: "К тем, кто не шутит правдой", вскоре после того она мне давала это письмо, чтобы я переписала его, она давала мне копию этого письма» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 106, р<*аздел*> 1).

Не отрицая фактов распространения писем епископа Андрея, обвиняемая ГОЛИМБИЕВСКАЯ в своем показании говорит:

«Единоверческую церковь в городе Казани я посещала с теми же целями, что и церкви "Белокриницких" и "Бугровских", то есть для распространения воззваний епископа АНДРЕЯ» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 222).

Епископ АНДРЕЙ прислал организации к/р письмо под названием "Об епископах и катаскопах", в котором он резко обвиняет сторонников митрополита Сергия за их примирение с Соввластью, в этом "письме" говорится:

«Но как же отличить подлинного епископа от подлинного катаскопа? Это вопрос очень важный! Ибо и епископы, и катаскопы одинаково носят рясы, у них в церкви "одинаковая служба"... Почти все "одинаково" для близорукого взора людей, незнакомых с церковнью жизнью. На самом деле между епископом и катаскопом огромная разница, приблизительно такая же, как между живым существом и его чучелом или между подлинным священником и хулиганом, нарядившимся в церковное облачение».

«Для катаскопа существуют только распоряжения начальства, для этого ему необходим начальственный "центр". Без "центра" катаскоп не может жить, не может дышать. "Центр" ему нужен как воздух, без "центра" он также немыслим, как "истинно русские люди" были немыслимы без жандарма и истинно русских оскорблений... Катаскоп должен по своей природе непременно кем-нибудь управлять, над кем-нибудь "господствовать", доносить, подносить, разносить и т. д. И при этом непременно перед кем-нибудь лакейничать и хоть немного подличать» (том 1, л<*исты*> д<*ела*> 247 об<*орот*>, 248).

По этому поводу обвиняемая ГОЛИМБИЕВСКАЯ показала: «Перед отъездом из Казани в Горький я пере-

дала КУЗНЕЦОВОЙ Л. И. присланные мне в 1931 году епископом Андреем его труды "Катехизис" и "О епископах и катаскопах", по одному экземпляру в рукописях. Епископ Андрей просил эти труды прочитать и распространить» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 222).

Подтверждая распространение воззваний и "писем" епископа АНДРЕЯ, обвиняемая КУЗНЕЦОВА показывает:

«По заданию епископа Андрея и ГОЛИМБИЕВСКОЙ я распространяла содержание писем епископа Андрея среди верующих» (том 1, л<*исты*> д<*ела*> 85, 94, 98).

Гр<*аждан*>ка ИВАНОВА Е. Д. в своем показании говорит:

«КУЗНЕЦОВА Л. И. поручила мне распространять письма епископа Андрея среди верующих г. Казани, я ее задание выполняла, распространяла их среди всех, кого я знаю за верующего и помнящего епископа Андрея» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 129 об<*орот*>).

Наряду с распространением воззваний епископа Андрея члены организации с к/р целями проводили обактивление религиозного движения среди сельского населения. Один из руководителей бывшего "Братства" ДРУЖИНИН А. И. показал:

«Отделение церкви от государства должно способствовать укреплению церкви, но в условиях существующего строя это укрепление немыслимо, так как внешние препятствия (уплата налога и прочее) мешают этому. Таким образом, отделение церкви от государства принесло материальный ущерб церкви» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 90).

Далее он же говорит:

«В июле 1932 года в селе Высокая Гора Казанского района в доме церковного старосты КАЛИНИНА мною

было созвано нелегальное собрание верующих, где присутствовали представители от каждой деревни, всего около 10 человек. Обсуждался вопрос об открытии закрытой церкви, было поручено каждому представителю провести разъяснительную работу среди крестьян своей деревни, о необходимости сбора денег для уплаты задолженности и об открытии церкви» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 91).

Антисоветская повстанческая и разлагательская антиколхозная деятельность

Обактивляя религиозное движение и отвлекая население от повседневных работ по укреплению колхозов и выполнению хозполиткампаний, организация вела открытую к/р агитацию, распространяя провокационные слухи о скорой гибели Соввласти, о пришествии антихриста и т<*ак*> д<*алее*>.

Для достижения своих целей ячейки группировали вокруг себя реакционно настроенных религиозников, главным образом из женщин-кулачек и других а/с элементов деревни.

Так, например: НИКОЛАЕВА Меланья в процессе организации ячейки "Братства св. Гурия" в селе Саврушах Сабинского района Т<*атарской*> Р<*еспублики*>, созвав путем колокольного звона религиозных женщин, ОБЪЕДИНИЛА их в общину и с первых же дней занялась антисоветской агитацией среди них, в результате ее деятельности подготовка деревни к севу была частично сорвана, семена крестьяне отказались ссыпать, после чего начались выходы из колхозов (том 6, л<*исты*> д<*ела*> 5–6).

Ячейка Рыбно-Слободского района Т<*атарской*> Р<*еспублики*>, под руководством попа МОИСЕЕВА

Феодосия, используя религиозных фанатиков: АНДРЕЕВУ Анастасию, ТИМОФЕЕВУ и ШАЛАПАЕВА, сгруппировала религиозно настроенных женщин и вела систематическое религиозное обактивление, наряду с этим занималась систематической антиколхозной к/р агитацией. По этому поводу гр<*аждани*>н ГРИГОРЬЕВ показал:

«В церковной сторожке МОИСЕЕВ, ШАЛАПАЕВ, ТИМОФЕЕВА и некоторые женщины собирались для антисоветских разговоров, так, они говорили: "нам надо молиться, чтобы спасать свою душу потому, что жизнь недолговечна, по писанию говорится, что реки пересохнут, пойдет брат на брата — это все сбывается, раскулачивают кулаков, а кулаки тоже наши братья. Совласть хочет отучить нас от религии, не разрешает крестных ходов, налагает на попов высокие задания: нужно вам хлопотать за религию"» (том 5, л<*ист*> д<*ела*> 36).

Руководитель ячейки МОИСЕЕВ в марте 1933 года в беседе с крестьянами говорил, как показал ДМИТРИЕВ:

«Совласть староцерковников считает своими врагами, а обновленцы стоят ближе к власти. Политика Совласти направлена к уничтожению религии» (том 5, л<*исты*> д<*ела*> 30–31).

Также вела свою к/р деятельность и Кукморская ячейка, имевшая непосредственную связь с епископом АНДРЕЕМ. На этот счет гр<*аждани*>н ВАСИЛЬЕВ показывает:

«АГАЧЕВА Анастасия, активный член ячейки, в разговоре со мной, в присутствии нескольких крестьян, говорила: "Из ссылки нам епископ Андрей пишет, что-

бы молились без попов; мы выполняем его задание"» (том 1, л<*ист*> д<*ела*> 100).

Основным методом деятельности ячеек на селе являлась к/р агитация, направленная к развалу колхозов.

Так, например, гр<*аждани*>н ВАСИЛЬЕВ о деятельности Кукморской ячейки показал: «Член ячейки ФЕДОРОВ Григорий в середине марта 1932 года в разговоре с крестьянами о колхозном строительстве сказал: "Если дальше эта власть продержится, то крестьян совсем ограбят, теперь нет пощады ни колхозникам, ни единоличникам, одна надежда на войну, теперь ни рабочие, ни крестьяне за Соввласть сражаться не пойдут"» (том 2, л<*ист*> д<*ела*> 97).

Ячейка Октябрьского района весной 1932 г<*ода*> организовала массовый выход из колхоза в момент весеннего сева; членом ячейки РОМАНОВЫМ распространялись рукописные изображения церкви, которые им использовались как походные иконы на нелегальных молениях. Будучи допрошенным по этому вопросу, РОМАНОВ показал:

«Я не хожу в церковь, так как там советский поп, а рисунки церкви носил с собой, чтобы в любое время иметь возможность устраивать моления с верующими, рисунок заменял нам церковь» (том 3, л<*исты*> д<*ела*> 109–110).

Спровоцированные на этих нелегальных молениях крестьяне стали выходить из колхоза.

Руководитель ячейки поп ПЕТРОВ, распространив слух, что в газетах написано о закреплении колхозников на 40 лет, создал среди колхозников панику. По этому поводу обвиняемый ПЕТРОВ показал:

«В 1931 году я действительно в последних номерах газеты "Известия" читал постановления Правительства о закреплении колхозов на 40 лет, что не желательно для крестьян» (том 3, л<*исты*> д<*ела*> 70, 78)

Он же распространил слух о том, что в лесу ему являлся старец и показывал группу людей, одни с веселыми лицами — единоличники и с грустными — колхозники, из этого-де ясно, что Бог против колхозов» (том 3, л<*ист*> д<*ела*> 352).

Ячейка Акташского района Т<*атарской*> Р<*еспублики*> во главе с бывшим административно ссыльным попом ЛУКИНЫМ путем активной а/с и а/к агитации среди единоличников тормозила весенне-посевную кампанию и рост колхоза, по существу этого гр<*аждани*>н СОЛОВЬЕВ показал:

«В нашем селе группа религиозников Евдокия МАКАРОВА, ИЛЬМИГАШЕВ, ПРОХОРОВА и др<*угие*> систематически занимались антиколхозной агитацией. Они привлекали в свою группу молодых девиц, в результате их деятельности крестьяне не вступали в колхоз и отказывались сеять» (том 4, л<*исты*> д<*ела*> 210, 268).

Гр<*аждани*>н ГРУЗОВ Семен показал:

«Агитацию свою против колхозов группа МАКАРОВОЙ и ИЛЬМИГАШЕВА проводила путем распространения провокационных слухов о войне, во время которой-де будут убивать только колхозников, стариков и детей» (том 4, л<*ист*> д<*ела*> 211).

Подтверждая факты антиколхозной деятельности ячейки Октябрьского района Т<*атарской*> Р<*еспублики*>, гр<*аждани*>н ФЕДУШКИН показывает:

«Весной 1932 года во время весеннего сева член к/р ячейки КАЛУГИН Алексей, обходя дворы, распространял провокационные слухи, так, у меня в доме он говорил: "Колхоз есть антихристова организация, и все колхозники должны предать душу антихристу; скоро наступит варфоломеевская ночь, и все колхозники будут перебиты, в живых останутся те, кто не продал душу антихристу, пока не поздно выходи из колхоза, молись день и ночь, спасай свою душу". Поверив КАЛУГИНУ, я, как и все колхозники, вышел из колхоза» (том 3, л<*ист*> д<*ела*> 283).

Перед уборочной кампанией 1932 года КАЛУГИН также пытался организовать массовый выход из колхоза, придя к гр<*аждани*>ну ФИЛИМОНОВУ, угрожал ему: «Брось смущать людей и загонять их в свой антихристов колхоз, иначе тебе скоро свернут голову, Ваша грабительская власть не долго просуществует».

Руководитель ячейки Рыбно-Слободского района МОИСЕЕВ Ф., занимавшейся систематически антиколхозной агитацией, говорил крестьянам:

«Организация колхозов есть насилие над волей народа; колхоз служит приметой скорой кончины мира потому, что в колхозе все безбожники, перед концом мира нужно молиться, чтобы спасти свою душу» (том 5, л<*исты*> д<*ела*> 30–31).

Для успешности своей антиколхозной деятельности ячейки практиковали самостоятельный выпуск и распространение религиозных антисоветских листовок. Так, член к/р ячейки Октябрьского района ЕРМОЛАЕВ Д. написал религиозную к/р листовку, где говорилось: «Скоро я приду к Вам, буду судить нечистых, которые говорят, что Бога нет, они пойдут на вечное мучение и только тогда узнают, что Бог есть» (том 3, л<*исты*> д<*ела*> 281, 284).

Не отрицая своей к/р деятельности, обвиняемый ЕРМОЛАЕВ показал: «Мы все истинно верующие твердо убеждены, что наступили последние времена, пришло царство антихриста, ставленником его является Советская власть, возглавляемая коммунистами-безбожниками, ведущая к погибели православное христианство.

Я вел среди крестьян беседы и призывал их бороться против безбожия и соблазна антихриста, не вступать в колхозы, не учиться в советских школах, не платить налогов и займов, идущих на укрепление антихристовой власти.

Эту же работу проводил мой брат ДМИТРИЙ, БЕЛОВА Анна, КАЛУГИН Алексей и др. В результате нашей деятельности крестьяне выходили из колхозов.

Я для развала колхоза распространял слухи, что в варфоломеевскую ночь будут убивать колхозников» (том 3, л<*исты*> д<*ела*> 83–84, 86, 90, 97).

Наряду с повседневной к/р антиколхозной агитацией, распространением провокационных слухов религиозного, антисоветского характера к/р ячейки выражали настроения явно повстанческого характера. Гр<*аждани*>н КАЗАНСКИЙ показывает:

«Мне ЛУКИН говорил: "Нужно ожидать в недалеком будущем восстания, в нашей местности народ к восстанию подготовлен, этому сама Соввласть содействует своими чрезвычайными налогообложениями кр<*естья*>н, да и я сам также постарался подготовить народ"» (том 4, л<*ист*> д<*ела*> 154). И далее:

«ЛУКИН, говоря о восстании, назначил конкретные сроки его, примерно в апреле или июне мес<*яце*> 1933 г<*ода*>» (том 4, л<*ист*> д<*ела*> 194).

Гр<*аждани*>н КОЧЕМАСОВ в этой же части в своих показаниях говорит:

«ЛУКИН, выразив желание перейти служить в деревню Дербедень, заявил, что в этой деревне народ больше привержен к Церкви и упорнее сопротивляется мероприятиям власти, а это-то и нужно потому, что, мол, перемены ждать осталось недолго, подожди до мая-июня, а там жизнь переменится» (том 4, л<*ист*> д<*ела*> 188).

Повстанческие разговоры практиковались и к/р ячейкой Кукморского района, гр<*аждани*>н ВАСИЛЬЕВ показывает:

«АНТОНОВ Григорий, член к/р ячейки, занимался антисоветской агитацией повстанческого характера; в марте 1933 года он мне в присутствии нескольких крестьян говорил: "Соввласть не пишет в газетах о войне, так как боится, что если народ узнает, то поднимет восстание и сметет Соввласть"» (том 2, л<*ист*> д<*ела*> 96). Он же далее говорит:

«Брат АНТИПОВА Григория — МИХАИЛ, также активный член к/р ячейки, однажды на станции Шеморданы в присутствии тех крестьян из соседних деревень говорил: "Хоть бы началась война, жизнь тогда, может быть, переменится, а если не будет войны, то жизнь должна разрешиться партизанской войной, теперь все люди недовольны Соввластью, все готовы к борьбе, вот у нас колхозники с удовольствием бы освободились от Соввласти"» (том 2, л<*ист*> д<*ела*> 96)[164].

[164] Архив Управления ФСБ РФ по Республике Татарстан. Д. 2-2527. Т. 5. Л. 1 19. Машинопись.

VI. Из дела по обвинению Ухтомского А. А. *«в создании нелегальной контрреволюционной организации церковников».* 1934

1. Из Донесения в ОГПУ (Москва) от 4 марта 1934

На основании распоряжения СПО ПП ОГПУ К<*азахской*> ССР при сем направляются со спецконвоем в Ваше распоряжение а<*дминистративно*> сс<*ыльный*> епископ УХТОМСКИЙ Андрей и а<*дминистративно*> сс<*ыльный*> ГАЛКИН Илья Иванович и на них дела, формуляры и документы ГАЛКИНА, изъятые у него при обыске[165].

* * *

2. Из Заключения Санотдела ОГПУ по Ухтомскому А. А. от 14 марта 1934

После осмотра заключенного А. А. Ухтомского врач санотдела ОГПУ выдал заключение — «подлежит больничному лечению в Бутырском изоляторе»[166].

* * *

[165] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-35679. Л. 2. Машинопись, подписи — автографы.

[166] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-35679. Л. 4. Автограф.

3. Из Постановления[167] по Ухтомскому А. А. от 17 марта 1934

Рассмотрев дело № 3631 по обвинению гр<*ажданина*> Ухтомского Андрея Алексеевича по ст<*атьям*> 58-10 и 58-11 УК и принимая во внимание, что преклонный возраст Ухтомского (61 год) и неудовлетворительное состояние его здоровья исключают опасения, что он, находясь на свободе, будет препятствовать нормальному ходу следствия по делу,

ПОСТАНОВИЛ:

Принятую в отношении гр<*ажданина*> Ухтомского Андрея Алексеевича меру пресечения — содержание под стражей — изменить на подписку о невыезде из Москвы до окончания следствия по делу[168].

* * *

4. Из Ордера на обыск и арест Ухтомского А. А. от 20 апреля 1934

Выдан сотруднику Оперативного Отдела ОГПУ Рождественскому на производство ареста и обыска Ухтомского Андрея Алексеевича по адресу: Александровская пл<*ощадь*>, д<*ом*> 15, кв. 13[169].

* * *

[167] Об изменении меры пресечения.

[168] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-35679. Л. 5. Автограф.

[169] Центральный архив ФСБ РФ. Д. Р-35679. Л. 10. Рукописный подлинник на бланке, подписи — автографы.

5. Из Протокола допроса Ухтомского А. А. от 23 апреля 1934

Мое отношение к советской власти основано на заповеди ап. Павла, который учил о деятельном христианстве и о сознательном исповедничестве. Церковь также требует исповедничества и мученичества. Если власть потребует что-либо противного закону Христову и законам Церкви, тогда христианин должен не подчиняться власти, а идти на страдание. Моей целью является создание такой организации христиан всех направлений, которая объединяла бы их на равных условиях и на основе одной общей платформы. После освобождения меня из-под стражи под подписку о невыезде из Москвы я продолжил[170] реализацию этой цели и практически проделал в Москве следующую работу: установил связь с посвященным мною в 1933 г<*оду*> епископом Лазарем, совместно с которым, накануне Пасхи, посвятил в сан дьякона Александра Анатольевича — по специальности электромонтера или электротехника. Посвящение произошло тайно от людей, к этому не подготовленных. Целью этого посвящения является возможность организации Александром Анатольевичем группы верующих-единомышленников, с которыми он мог бы совершать дома литургию, оставаясь одновременно на советской работе. Не так давно меня познакомили с архимандритом по имени Горгоний, с которым я в беседе выявил общность наших взглядов. Мне показалось, что Горгоний обладает искренней церковностью и способностью служить людям, а не господствовать над ними. В результате этих бесед я решил исполнить

[170] В тексте первоначально было вместо «продолжил» — «приступил», зачеркнуто.

желание[171] Горгония быть епископом[172]. Посвящение Горгония состоялось вчера, 22 апреля, на квартире Штернсдорф Емельяна Карловича, иностранного подданного, проживающего по Никольской ул<*ице*>, №17, кв<*артира*> 138 или 148. При посвящении Горгония в епископы присутствовали и причащались: Штернсдорф Емельян Карлович, Мария Кузьминична — его жена и Маргарита Эмильевна — их дочь. После совершения обряда посвящения я сказал Штернсдорф, что некоторое время к ним заходить не буду, т<*ак*> к<*ак*> устал и имею возможность отдохнуть, пока сестра в отъезде. За время пребывания на свободе в Москве — я встретился со своим знакомым евангельским христианином Петровым Павлом Петровичем, которому я дал несколько своих письменных работ с тем, чтобы он передал их евангельским христианам, с которыми я искал путей для сближения и устранения искусственной розни. Познакомился я также и с зам<*естителем*> руководителя евангельских христиан Жидковым Яковом Ивановичем, который в вопросе объединения определенно не высказался. Однако чувствовалось, что он против объединения с православными. Что же касается старообрядческого священника Василия Королева, то последний меня допустил до исповеди[173] и поддерживал со мною связь. Впоследствии до меня дошли слухи, что старообрядческий епископ Мелетий намерен будто бы отлучить Королева за связь со мною. Когда я сидел в Ярославском политизоляторе в 1931 году, познакомился там и сблизился с католическими ксендзами Туров-

[171] В тексте "желание" написано поверх зачеркнутого "возвести".

[172] В тексте было "в сан епископа, на что он и согласился" — зачеркнуто и поверх написана *фраза* "быть епископом". Внизу страницы приписка владыки Андрея: «исправленному — "продолжение", "быть епископом" и "желание" — верить».

[173] Слово "принял" — зачеркнуто, поверх написано: "допустил до исповеди".

ским[174], Петкевичем[175], Скальским[176] и Мадерой[177]. После освобождения в 1931 году об этих ксендзах я никаких сведений не имел, но, полагая, что они в настоящее время могут быть на свободе, я решил навести о них справки с целью возобновить знакомство. Для этого я поручил Маргарите Эмильевне Штернсдорф сходить в католический костел на ул<*ице*> Мархлевского и узнать это у местного ксендза. Сделала ли она это — не знаю, т<*ак*> к<*ак*> разговоров на данную тему у меня с Маргаритой Эмильевной больше не было.

Ухтомский Андрей[178].

* * *

---

[174] Петкевич Адольф Адольфович, родился в 1871. Священник, с 1896 — служил в Фастове. В 1930 — арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ, отправлен в Ярославский политизолятор. В августе 1932 — освобожден и выслан на 3 года в Архангельскую область. 26 сентября 1933 скончался там.

[175] Туровский Максимилиан Доминикович, родился в 1886. С 1909 — священник. В 1930 — арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ, отправлен в Ярославский изолятор. В августе 1933 — переведен в Соловецкий лагерь особого назначения. Летом 1937 арестован, 25 ноября приговорен к ВМН и 8 декабря расстрелян.

[176] Скальский Теофил Готфридович, родился в 1877. Окончил Петербургскую духовную семинарию и академию. В 1900 — рукоположен, с 1902 — профессор канонического права и философии, инспектор Житомирской семинарии. С 1926 — апостольский администратор Житомирской епархии. 9 июня 1926 — арестован, 28 января 1928 приговорен к 10 годам тюрьмы и заключен в Ярославский политизолятор. 15 сентября освобожден и выехал по обмену в Польшу.

[177] Мадера Петр Станиславович, родился в 1889. С 1915 — священник, служил в селе Хабнос под Киевом и в Чернобыле. Осенью 1929 — арестован, 12 мая 1930 — приговорен к 10 годам ИТЛ, отправлен в Ярославский политизолятор. В июле 1933 — переведен в Соловецкий лагерь особого назначения. В 1937 арестован, 25 ноября приговорен к ВМН и 8 декабря расстрелян.

[178] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-35679. Л. 17–19. Рукописный подлинник, каждая страница подписана А. А. Ухтомским.

6. Из Постановления[179] по Ухтомскому А. А. от 5 мая 1934

Рассмотрев следственный материал по делу № 3631 и приняв во внимание, что гр<*аждании*> Ухтомский Андрей Алексеевич достаточно изобличается в том, что пытался создать в Москве нелегальную церковную организацию с программой к.-р. характера, для чего вербовал руководящий состав этой организации и распространял антисоветскую литературу,

ПОСТАНОВИЛ:

Гр<*аждании*> Ухтомского привлечь в качестве обвиняемого по ст<*атьям*> 58-10 и 58-11 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей.

«Согласен Ухтомский.

Настоящее постановление мне объявлено 7 мая 34 г<*ода*>».

Подпись обвиняемого Ухтомский[180].

* * *

7. Из "Обвинительного заключения" по делу Ухтомского А. А. от 10 мая 1934

Прибывший в Москву б<*ывший*> князь Ухтомский Андрей Алексеевич (он же архиепископ Уфимский) за-

---

[179] Об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения.

[180] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-35679. Л. 5. Рукописный подлинник на бланке. Подписи — автографы.

нялся работой по созданию нелегальной церковной организации из представителей всех религиозных направлений, объединяя их на платформе непризнания соввласти.

При обыске у Ухтомского была обнаружена лично им написанная тетрадь на 178 листах, под названием "Церковный православный катехизис". В этой рукописи Ухтомский пропагандирует следующее:

«Повиноваться власти нужно до тех пор, пока власть не требует чего-либо противного закону Христову и законам св. Церкви... Повиновение власти допустимо только до тех пор, пока она не отнимает у человека природные дары Божии: свободу веры и свободу честного слова».

Будучи допрошен, Ухтомский следующим образом определил характер создававшейся им организации:

«Моей целью является создание такой организации христиан всех направлений, которая объединяла бы их на равных условиях и на основе одной общей платформы».

Политическая часть этой платформы, как видно из показаний УХТОМСКОГО, заключается в следующем:

«Церковь также требует исповедничества и мученичества. Если власть потребует что-либо противного закону Христову и законам Церкви, тогда христианин должен не подчиняться власти, а идти на страдание».

О своей практической работе, направленной на создание организации, Ухтомский показал, что он посвятил в сан дьякона монтера Арбатской АРС Дроздова, с тем чтобы последний мог совершать домашние службы, оставаясь одновременно на советской работе.

Кроме того, он посвятил в сан епископа — архимандрита Горгония, а также связался с евангелистами и старообрядцами, которых пытался вовлечь в свою организацию. При этом УХТОМСКИЙ сознался, что он давал читать евангелистам свои рукописи.

На основании изложенного:

УХТОМСКИЙ Андрей Алексеевич, 62 лет, беспартийный, гр<*аждани*>н СССР, русский, одинокий, б<*ывший*> князь и архиепископ, без определенных занятий и местожительства, в 1921 был осужден за к.-р. деятельность к заключению в политизолятор на 3 года, в 1932 году был выслан в Казахстан, — обвиняется в том, что занимался созданием нелегальной к.-р. организации церковников всех религиозных направлений и распространял литературу (рукописи) к.-р. содержания, т<*о*> е<*сть*> в преступлении, предусмотренном ст<*атьями*> 58-10 и 58-11 УК.

Принимая во внимание наличие улик в деле и сознание обвиняемого, —

ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело № 3631 по обвинению УХТОМСКОГО А. А. представить на рассмотрение Особого Совещания при Коллегии ОГПУ[181].

* * *

[181] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-35679. Л. 21–22. Машинопись, подписи — автографы.

8. Выписка из Протокола Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 14 мая 1934

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
Дело № 3631 по обв<*инению*> гр<*аждания*> УХТОМСКОГО Андрея Алексеевича по 58/10, 58-11 УК.	УХТОМСКОГО Андрея Алексеевича — заключить в места лишения свободы, подвед<*омственные*> ОГПУ, сроком на ТРИ года, сч<*итая*> срок с 22/IV–34 г<*ода*>. Дело сдать в архив[182].

* * *

9. Заявление-прошение арестованного А. А. Ухтомского от 19 мая 1934

Умоляю Вас отнестись к этому заявлению с тем доверием, которого я, к моему ужасу, не нахожу даже среди самых близких мне людей.

Я чувствую себя нравственно раздавленным после того, как мне снова предъявлено обвинение по 58 ст<*атье*>, и вот я Вам искренне каюсь в моей огромной ошибке и моем преступлении пред многими.

Мне мерещатся несчастные дети Петровы, у которых умирает или умерла тетя, и они страдают из-за меня. Мне страшно подумать, что случайные мои знакомые —

[182] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-35679. Л. 23. Машинопись, подпись — автограф.

супруги А. А. Козловы (или Дроздовы) тоже с детьми бедствуют из-за меня, что мои благодетели, старики Штернсдорф, лишены помощи единственной работницы — своей дочери и т<*ак*> д<*алее*>.

И пред всеми виноват я — из-за своей глупо преступной опрометчивости.

Я искренне уверил сам себя и всех, кто встречался со мной с 17 марта по 22 апреля с<*его*> г<*ода*>, я уверил, что я нахожусь под покровительством Госуд<*арственного*> Полит<*ического*> Управления, а не под суровым надзором, как это оказалось.

В эту ошибку я попал по след<*ующим*> соображениям:

1) Я был привезен из голодного Сузака без намека на просьбу с моей стороны;

2) Все ГПУ в Туркестане отнеслось ко мне с беспримерным вниманием;

3) Здесь в Москве В. П. Толстой говорил со мною опять-таки с беспримерной любезностью; когда наш разговор доходил до обсуждения вопроса, "с чего же начать сотрудничество";

4) Мне был выдан паспорт в Москве самим Фокиным, к великому изумлению милиции, которой я и объяснял, что не только позволено, но приказано жить в Москве, а причина известна ГПУ, потому что я просил (и это верно!) не оставлять меня в Москве;

5) Когда я спросил совета, что мне делать в Москве при полном моем безденежье и неимении пристанища, мне в Политич<*еском*> Красном Кресте сказали, что на привоз в Москву нельзя смотреть <*как*> на необъяснимую случайность, а, конечно, он будет разъяснен в ближайшие дни-недели в самом лестном для меня направлении.

Все это, вместе взятое, убедило меня, повторяю, в том, что мои взгляды, выраженные в письме к

гражд<*анину*> Молотову, — приняты ГПУ не только к сведению, но и к исполнению и что я нахожусь лично под защитою ГПУ.

Я был так наивен, что спросил совета у одного юриста, как бы мне закрепить свое положение, и он мне посоветовал мысли мои, изложенные в письме к Молотову, довести до сведения и одобрения Полит-Бюро. Не сделал я это только потому, что — дескать, "если ГПУ меня привезло, то оно не могло ошибаться с точки зрения Полит-Бюро"...

Теперь ясно, что во всем этом моем построении (самообольщении) я жестоко ошибался! Мне снова предъявлено обвинение по 58 ст<*атье*>: оказывается, что если я устраивал общество людей трезвых, не пьющих и честных христиан, то и это было для меня — невозможно (и ведь преступно!!).

Но как бы то ни было, из-за меня страдают сейчас люди, которые вполне доверились мне, старому глупцу! Страдают дети и старики... В их глазах я — только обманщик и так или иначе виновник их беды.

Гражданин Молчанов! Я пишу Вам потому, что Ваше имя загипнотизировало меня, начиная с Туркестана, с 20 февраля. Теперь умоляю Вас, поверьте мне; во всем виноват я один. Я готов нести ответственность за всех, но отпустите людей, совершенно случайно попавших во весь этот инцидент. Простите меня за беспокойство. Это мое писание есть предисловие к моему «делу».

Ухтомский Андрей.

1934, 10 мая.

Еще два слова: не заставляйте меня сотрудничать с м<*итрополитом*> Сергием (Страгородским), ибо компрометировать основные принципы Сов<*етской*>

власти (для меня дорогие) я не соглашусь даже с ним.

Ухтомский[183].

* * *

10. Из Заявления А. А. Ухтомского от 21 мая 1934

Очень прошу свидания или

1) с сестрою родною Мариею Алексеевною Дмитриевой, — Александровская площадь, д<*ом*> 15, кв<*артира*> 13. Но сестра глухая — едва ли можно с нею говорить чрез "решетку";

2) с приемною дочерью-воспитанницею, которая ко мне должна приехать из Алма-Аты в мае с<*его*> г<*ода*>. Это Лидия Александровна Купреянова, которая остановится тоже на Александровской площади, д<*ом*> 15, кв<*артира*> 13 (т<*о*> е<*сть*> у сестры).

21 мая.

Ухтомский Андрей[184].

* * *

11. Из Служебной записки в оперативный отдел ОГПУ от 22 мая 1934[185]

Просьба объявить гр<*аждankам*> ДМИТРИЕВОЙ Марии Алексеевне и КУПРИЯНОВОЙ Лидии Александ-

---

[183] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-35679. Л. 24–24 об. Автограф.

[184] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-35679. Л. 39. Автограф.

[185] Копия: коменданту Бутырского изолятора ОГПУ.

ровне, проживающим Александровская пл<*ощадь*>, д<*ом*> 15, кв. 13, о том, что им разрешена продуктовая передача арестованному УХТОМСКОМУ Андрею Алексеевичу в Бутырском изоляторе 23/V — 34 г<*ода*> с 10-ти часов утра.

Коменданту Бутырского изол<*ятора*> от перечисленных гражданок принять передачу арестованному, свидание не давать.

Исполнение сообщите[186].

* * *

12. Из Служебной записки начальника тюремного отдела ОГПУ от 21 мая 1934

Просьба выделить сотрудников для сопровождения *23* мая 1934 г<*ода*> в гор<*од*> Ярославль в распоряжение Ярославского п<*олит*>изолятора ОГПУ заключен<*ного*> Бутырского изолятора — УХТОМСКОГО Андрея Алексеевича.

Перед отправкой объявите осужденному прилагаемую выписку на протоколе Особ<*ого*> Сов<*ещания*> при Колл<*егии*> ОГПУ от 14/V–34 г<*ода*> под расписку на обороте выписки, каковую с распиской верните во 2-е отд<*еление*> УСО ОГПУ.

Исполнение сообщите[187].

[186] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-35679. Л. 35. Машинопись.
[187] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-35679. Л. 35. Машинопись.

VII. Из дела по обвинению Ухтомского А. А. «*в ведении контрреволюционной пропаганды*». 1937

1. Выписка из Протокола Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР от 27 марта 1937

СЛУШАЛИ

Пересмотр дела 602089 (арх.) УХТОМСКОГО АНДРЕЯ Алексеевича, по пост<*ановлению*> Ос<*обого*> Сов<*ещания*> от 7.VII. 32 г<*ода*> к ссылке в Казахстан сроком на 3 г<*ода*>. Пост<*ановление*> Ос<*обого*> Сов<*ещания*> от 14.V.1934 г<*ода*> по ст<*атье*> 58-10-11 УК закл<*ючить*> в места лишен<*ия*> свободы, подведомств<*енные*> ОГПУ, сроком на 3 года.

ПОСТАНОВИЛИ

УХТОМСКОГО Андрея Алексеевича за к.-р. деятельность приговорить к тюремному заключению сроком на ТРИ года, сч<*итая*> срок с 26/V–37 г<*ода*>.

«Горько оплакиваю Советскую юстицию и до сих пор уверяю, что никакой контрревол<*юционной*> деятельностью не занимался.

Ухтомский.

1937, апр<*еля*> 9»[188].

* * *

[188] Архив Управления ФСБ по Ярославской области. Личное дело заключенного А. А. Ухтомского. Д. С-12078. Л. 3–3 об. Машинопись, на обороте — автограф.

2. Из Донесения начальника Ярославской тюрьмы об Ухтомском А. А.

Занимался объединением церковников всех направлений (старообрядцы, сектанты, православные и пр<*очие*>), из представителей которых создавал нелегальную к.-р. организацию для борьбы с Советской властью. Неоднократно был репрессирован, в частности: Ос<*обым*> Сов<*ещанием*> 7.VII.32 г<*ода*> выслан в Казахстан сроком на 3 года, до этого отбывал заключение в политизоляторе 3 года на основании постановления Ос<*обого*> Сов<*ещания*> ОГПУ 18.I.29 г<*ода*>, после отбывания ссылки постановлением Ос<*обого*> Сов<*ещания*> от 14.V.34 г<*ода*> заключен в тюрьму на 3 года, по отбытии срока наказания за к.-р. деятельность в тюрьме приговорен Ос<*обым*> Сов<*ещанием*> НКВД 27.III.37 г<*ода*> к тюремному заключению на 3 года. За время пребывания в Ярославской тюрьме продолжал вести к.-р. пропаганду, используя для этого прогулки, проповедовал идеи сектантства. Пытался систематически наладить связь с заключенными других камер путем перестукивания. Через переписку с родственниками пытался руководить оставшимися сектантами на свободе, переписка его носит исключительно к.-р. характер. Среди заключенных на прогулках говорит, что он скрыл от следствия о своей к.-р. деятельности, выразившейся в сборе им лично средств белогвардейской армии[189].

* * *

[189] Архив УФСБ РФ по Ярославской области. Д. С-12078. Л. 17. Машинопись, подпись — автограф.

3. Из Рапорта надзирателя начальнику Ярославской тюрьмы от 27 апреля 1936

Доношу до Вашего сведения, что на прогулке заключен<*ный*> УХТОМСКИЙ говорил ОДИНЦОВУ, что в газетах пишут, предлагают Германии вступить в Лигу наций и заключить пакт не нападение Советским Союзом, что сама Лига скоро развалится, и Франция хочет выходить из Лиги наций, если Лига наций провалится, то Германия с удовольствием вступит и покажет мелким прибалтийским государствам. О чем и доношу до Вашего сведения[190].

* * *

4. Из Рапорта надзирателя начальнику Ярославской тюрьмы от 2 августа 1937

Настоящим доношу Вам, заключенный УХТОМСКИЙ прибыл в нашу тюрьму второй раз, и, когда я заполнял его карточку-формуляр в дежурке, он притворился больным и сам подвинулся к столу ближе и говорит: "Будьте добры сказать, где поп ЛАДОХА, куда он выбыл", — я ответил, что это не относится к заполнению Вашей карточки, то тогда он стал молиться. Когда он сидел в камере 138 и увидел проходящего по коридору зак<*люченного*> ПЕПЕЛЯЕВА, то в уборной во время оправки он рассказывал СЕРЕБРЯННИКОВУ, что

[190] Архив УФСБ РФ по Ярославской области. Д. С-12078. Л. 10. Машинопись, подпись — автограф.

во время гр<*аждан*ской> войны УХТОМСКИЙ и др<*угие*> собирали средства для армии ПЕПЕЛЯЕВА и поддерживали его, о чем было раньше писано. Были еще такие разговоры, что я сижу и сам не знаю за что, собирал сухарики по деревне, вот и все, за что я сижу. На прогулках в праздники, как рождество и пасха, он обращался ко всем с поздравлением и призывал всех заключенных праздновать великие праздники, как-то НОВОСЕЛОВА, АДЕРКАСА, ЕФРЕМОВА и др<*угих*>. Как пасха, он называл: "Вот дождались светлого дня и т. д."[191].

* * *

5. Из Рапорта надзирателя начальнику Ярославской тюрьмы от 22 августа 1937

Доношу Вам к сведению, что заключен<*ный*> УХТОМСКИЙ связывался перестукиванием, был однажды случай, когда с прогулки принес записку, в присутствии меня ее сжег, но мне не отдал[192].

* * *

6. Из Предписания помощнику начальника тюрьмы от 3 сентября 1937

На основании решения Тройки УНКВД Ярославской области от 3 сентября 1937 г<*ода*>.

---

[191] Архив УФСБ РФ по Ярославской области. Д. С-12078. Л. 12. Машинопись, подпись — автограф.

[192] Архив УФСБ РФ по Ярославской области. Д. С-12078. Л. 11. Машинопись, подпись — автограф.

Предлагаю в течение "10" часов привести приговор РАССТРЕЛА в исполнение над следующими заключенными: Ухтомским Андреем Алексеевичем <...>. Об исполнении донесите.

Начальник Ярославской тюрьмы ГУГБ[193].

* * *

7. Из Рапорта начальнику Ярославской тюрьмы от 4 сентября 1937

Доношу, что совместно с группой опер<*ативного*> состава У<*правления*> НКВД Ярославской области над заключенным Ухтомским в 1 час 35 мин<*ут*> 4 сентября 1937 года приговор приведен в исполнение[194].

[193] Архив УФСБ РФ по Ярославской области. Д. С-12078. Л. 15. Рукописный подлинник на машинописном бланке. Подпись — автограф.

[194] Архив УФСБ РФ по Ярославской области. Д. С-12078. Л. 16. Рукописный подлинник на машинописном бланке. Подпись — автограф.

Список сокращений

ВЦУ	— Высшее Церковное Управление
ВЧК	— Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГА	— Государственный архив
к/р; к.-р.	— контрреволюционный
НИПЦ	— Научно-информационный просветительский центр
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
ОГПУ	— Объединенное Главное политическое управление
Помполит	— Помощь политическим заключенным
РСФСР	— Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ	— Российская Федерация
св.	— святой
Соввласть	— советская власть
СО	— секретный отдел
СПб.	— Санкт-Петербург
СССР	— Союз Советских Социалистических Республик
ЦА	— Центральный архив
ЦК	— Центральный комитет

Именной указатель

Аввакум (Боровков), епископ 295, 393, 416
Агафангел (Преображенский), митрополит 317, 326–327
Агафия 41
Агачева Анастасия Ивановна 440
Агачева Анна 435
Агранов Я. С. 387
Адеркас 462
Аксаков Иван Сергеевич 130, 333–334
Александр II, царь 168
Александр III, царь 158
Александра Григорьевна 434
Александра Яковлевна 308
Алексеев 153
Алексей Михайлович, царь 201, 366
Алексий, митрополит Московский 153, 195, 199
Алексий (Молчанов), экзарх Грузии 322
Андреева Анастасия 440
Андрей (Ухтомский) 3–10, 12–14, 28–35, 37–38, 40–47, 54–55, 100, 136, 139, 140, 145, 154, 170, 181, 184, 194–195, 199, 204, 209, 212, 223, 224–226, 228, 234, 239, 247, 271–293, 296–300, 311, 313, 315, 328–359, 373, 374–417, 421, 423–426, 428–438, 440, 446–463
Анна Иоанновна, царица 242
Аногенова Екатерина 305
Антипов Григорий Иванович 445
Антипов Михаил Иванович 445
Антоний (Вадковский), митрополит 320–321

Антоний (Храповицкий), архиепископ 90
Антонин (Грановский), епископ 323–324
Антонов Григорий 445
Антонов Кузьма 55
Аракчеев Алексей Андреевич 339
Арсений (Мацеевич), митрополит 183
Архиппов Петр 55
Атаманов Алексий 32–33

Бабакина Н. И. 274–275
Бабанина 305
Балахов 282
Баранов 282
Баскарев 423
Белова Анна 444
Белоконов 422–423
Бениксон 423
Блок Израиль Симхович 242
Блюм Артур Адамович 242
Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич 272–273
Борис (Рукин), архиепископ 397–398
Боровицкая Надежда Васильевна 434
Боротинский Павел Арсеньевич 421–422
Бортнянский Дмитрий Степанович 196
Бронзов Александр Александрович 250
Брусилов Борис Николаевич 153
Бург 242
Бурцев Владимир Львович 214

Варнава (Накропин), епископ 322
Варсонофий, святитель 195, 201
Василий, патриарх Константинопольский 317
Васильев Борис 47, 55, 301, 435, 440–441, 445
Вдовин Павел 38
Вениамин (Троицкий), епископ 281–282, 300, 391, 393
Вениамин (Муратовский), обнов. митрополит 358
Вильгельм II 98–100
Винавер Михаил Львович 283–284
Витте Сергей Юльевич 338
Владимир (Богоявленский), митрополит 321
Владимиров Дмитрий 418
Воздвиженский Михаил 32
Восторгов Иоанн Иванович 250

Гавриил (Красновский), епископ 419–420
Галактионов Лаврентий 55
Галкин Илья Иванович 446
Ган Сергей Станиславович 151

Геласий, митрополит Крутицкий 366
Герасимова Мария Дмитриевна 390, 394–397, 406–408, 410–412
Герман, святитель 195, 201
Гермоген, св. патриарх 153, 195
Гермоген (Долганев), епископ 321
Герцен Александр Иванович 333
Гизеттуллин 282
Гиляров-Платонов Н. П. 126
Гинденбург фон Пауль 242
Гладышева Зоя Александровна 425, 431
Гладышева Татьяна Александровна 425
Годунов Борис, царь 366
Голимбиевская Елизавета Ивановна 425, 430–432, 436–438
Горгоний, архимандрит 448–449, 453
Городецкий Петр Михайлович 404–405, 409
Горький Максим 271
Григорий (Горюнов), иеромонах 414, 417, 421
Григорий (Лебедев), епископ 327
Григорий (Яцковский), архиепископ 344
Григорий (Гантос), патриарх 192
Грузов Семен 442
Гурий, святитель 195, 201
Гучков Александр Иванович 341

Дан Федор Ильич 151
Даулей Роман Павлович 428
Десницкая Нина Константиновна 428
Димитрий (Любимов), архиепископ 327, 417
Димитрий (Туптало), митрополит 368
Димитрий, царевич 366
Дмитриев Вячеслав 303, 440
Дмитриева Мария Алексеевна 300, 304–306, 435, 457
Достоевский Федор Михайлович 151, 240
Дроздов Александр Анатольевич 448, 452, 455
Дружинин Алексей Иванович 373, 428, 438
Дулов Николай Николаевич 420, 423
Духонин Николай Николаевич 212

Евдоким (Мещерский), обнов. митрополит 324
Евфалия (Борисова), монахиня 425, 431, 435

Егоров Дмитрий Федорович 417
Екатерина Петровна 303
Ермолаев Дмитрий Леонтьевич 443–444
Ермолаев Павел Леонтьевич 444
Ефрем (Ефремов), архимандрит 290–291

Жарков Иоанн 45
Железнякович Серафим 391
Жидков Яков Иванович 449

Завитневич Владимир Зенонович 252
Зеленская А. И. 302
Земляницкий Транквиллин Аполлинарьевич 277–278
Зенькович А. М. 298
Золотов Сергей 301
Зосима, старец 100

Иван IV, царь 335, 339, 365
Иванов М. Г. 428
Иванов Стратоник Иванович 34, 44–45
Иванова Е. Д. 430, 438
Игнатий, лжепатриарх 366
Иларион (Троицкий), архимандрит 84–98
Ильин Александр Михайлович 418, 420–421
Ильин 346
Ильмигашев 442
Иоаким (Савелов-Первый), патриарх 367
Иоанн Дамаскин, святитель 196
Иоанн Кронштадтский, праведный 113
Иоанн (Максимович), святитель 322
Иов (Афанасьев), епископ 299–300
Иов, патриарх Московский 366
Иона, митрополит 195, 199
Иосиф (Петровых), митрополит 12, 184–187, 190, 194, 317, 327, 416–417
Иосиф, патриарх Московский 295, 312
Ирина 41
Иустина 315

Казанский А. В. 384, 386–387
Казанский 444
Казарез Андрей Леонтьевич 297–299, 409
Калинин 438
Калугин Алексей 443–444
Карамазов Алексей 100
Карташев Антон Владимирович 153
Керенский Александр Федорович 149–150, 152–153, 171, 210, 221, 245, 341, 343, 345, 350, 429

Кирилл (Смирнов), митрополит 316–317, 326
Книзе Надежда Ниловна 425, 431
Козлов 400
Колчак Александр Васильевич 13, 345, 381, 387
Комиссаров Никита 45
Корнилов Лавр Георгиевич 153, 210, 221
Королев Василий 449
Кот Адам Александрович 298
Кочемасов 445
Кочергина Мария Петровна 434–435
Крупеникова Надежда Александровна 425, 428
Крючков Димитрий Иванович 414–415, 417, 420–421
Кузнецов Николай Дмитриевич 315
Кузнецова Лидия Ильинична 431–432, 436, 438
Кузьмина Елизавета Александровна 436
Куприянова Лидия Александровна 285, 287, 303, 307–308, 457

Ладоха 461
Лебедева-Вознесенская Валерия Дмитриевна 419
Ленин В. И. 151, 153, 211, 214, 220–221, 243–245, 329, 353–356
Леонид (Скобеев), епископ 323–324
Леонтьев Андрей, диакон 392–393
Леонтьев Константин Николаевич 246
Лжедмитрий I 366
Лосев Алексей Федорович 417, 422
Лукин Иоанн Лукич 427, 432, 442, 444–445
Львов Владимир Николаевич 322–323, 340–341
Любимов Михаил Иванович (епископ Лазарь) 414–417, 419, 421, 423, 448

Мадера Петр Станиславович 446
Макарий (Парвицкий Невский), митрополит 101, 321
Макаров Георгий 34
Макарова Евдокия 442
Маклаков Василий Алексеевич 153
Максимов В. Н. 421–423
Мальгин Флор 38
Мальцев 223
Мансурова Мария Федоровна 420
Мануил (Лемишевский), митрополит 423
Марк (Боголюбов), епископ 295

Маркел 32, 35
Маркс Карл 231, 255, 355, 436
Матвеев Стефан 31, 54
Меланья (Николаева), монахиня 427, 430–431, 439
Мелетий (Картушин), епископ 449
Менжинский Вячеслав Рудольфович 387
Меннан 47
Милюков Павел Николаевич 341
Митко 399
Мнишек Марина 366
Моисеев Феодосий Феодосьевич 426–427, 432, 434–435, 439–440, 443
Молехонов Лев Алексеевич 294–295
Молотов Вячеслав Михайлович 456
Молчанов 456

Наполеон Бонапарт 342
Нахамкес Овшей Моисеевич 151, 177, 214
Нелюбов 390–391, 395, 398, 407
Николай I, царь 62, 333
Николай II, царь 79, 153, 339, 341
Николай (Ипатов), епископ 164, 295
Никольский Николай Вавильевич 428
Никон (Минин-Ларионов), патриарх 81, 201–202, 312
Новоселов Михаил Александрович 462

Обухова Анна (Сергия) Григорьевна 9, 374
Овчинникова Доминика 391, 393, 405
Одинцов 461
Олимпиада 398
Осипова Мария 211–212
Остроумов Михаил Андреевич 250

Павел, царь 242
Пепеляев Анатолий Николаевич 461–462
Перевезовский 423
Переславцева Елизавета Алексеевна 303–304
Петкевич Г. Б. 416, 419
Петкевич Адольф Адольфович 446
Петр (Полянский), митрополит 316–317, 326
Петр I, царь 81, 153, 175, 198, 202, 242, 312, 336, 353–354, 364, 367
Петр III, царь 242
Петр, св. митрополит Московский 153, 195, 199

Петров Федор Алексеевич 427, 432, 441
Петров Павел Петрович 449
Петров Порфирий 30–31, 43
Пешкова Екатерина Павловна 271, 275–277, 280, 285, 287–288, 301
Пимен (Черный), архиепископ 365
Питирим (Ладыгин), епископ 295
Питирим (Окнов), митрополит 125, 322
Победоносцев Константин Петрович 82, 249, 319
Пожарский Дмитрий Михайлович 169
Польский Михаил Афанасьевич 421–422
Поляков Филофей 419
Попов Михаил 297
Прохорова 442
Прошков Владимир Прокофьевич 414–417, 419–420, 422–423
Пыхтеев С. И. 46

Разумовский Михаил Михайлович 434
Распутин Григорий 151, 153, 248, 277, 320, 321, 331, 340
Родзянко Михаил Владимирович 153, 320
Романов Михаил Александрович 135
Романов Николай Николаевич 71
Романов Николай Романович 441
Романова Александра Евграфовна 275–276, 278–279
Романова Александра Федоровна 320
Рудницкая Евдокия Ивановна 391, 393, 405–406

Сажин 282
Саломия 308
Самарин Юрий Федорович 85, 153
Сапожникова Софья Степановна 430–431, 433–434
Слезкин Лев Михайлович 428
Серафим (Афанасьев), епископ 295
Серафим (Звездинский), епископ 420–422
Серафим (Самойлович), архиепископ 327
Сергеевич, проф. 219
Сергий (Страгородский), митрополит 315–328, 358, 396, 414, 433, 456
Серафима Сергеевна 309
Сердинова Мария 390, 393
Серебрянников 461
Сизов И. 45

Сизов Павел 35
Скальский Теофил Готфридович 446
Соловьев 442
Софьина Анна 390, 393
Сперанский 399
Станишевский 398
Стахов И. Г. 47
Степанова Ксения Ивановна 431
Стефан (Яворский), митрополит 367
Струве Петр Бернгардович 153

Тагамлицкий 346
Тамерлан Тимур 229
Теировский 417
Тимофеева Анастасия Васильевна 440
Тихомиров Иоанн 30, 32, 38
Тихон (Белавин), патриарх 316, 322–326
Толстой В. П. 455
Толстой Лев Николаевич 96, 343, 353–354
Тронов 32
Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович 151, 214, 222, 244
Трубецкой Сергей Евгеньевич 153, 319
Туровский Максимилиан Доминикович 446
Тучков Евгений Александрович 387
Тяжеловесов 325

Унгвицкий Алексей Яковлевич 298, 392, 409
Ухтомский Алексей Алексеевич 302
Ушатина Евгения Александровна 425, 431

Фаля 303, 306, 308
Федоров Григорий Федорович 441
Федушкин 442
Феодоров Илларион 55
Феофан (Прокопович), митрополит 367
Филимонов 443
Филипп (Гумилевский), епископ 295
Филипп (Колычев), свт. митрополит 153, 195, 199–200, 361, 339, 361, 365, 367
Фокин 455

Хабалов Сергей Семенович 340
Хамкес 177, 214
Хомутов 304
Хомутова Наталья Федоровна 304–305
Хомяков Алексей Степанович 7–8, 60–62, 65–71, 85, 129, 184–187, 333–334, 342
Хренников 422

Чайковский Петр Ильич 196
Чалкина П. 279–280
Чемберлен Джозеф 347
Чеменев Александр Петрович 299
Чичерин Георгий Васильевич 331

Шавельский Георгий Иванович 323
Шалопаев Степан Александрович 440
Шеин Олег Васильевич 153
Шиповская 422
Шлеев Симеон Иванович 184, 186
Штернсдорф Емельян Карлович 449, 455
Штернсдорф Маргарита Эмильевна 446, 449
Штернсдорф Мария Кузьминична 306, 308, 449, 455
Штраус Иоганн 94

Юновидов Геннадий 31

Яблоков 428
Ярыгина Елизавета Александровна 425

Содержание

Предисловие 5
Основные даты жизни 12

Часть I. На Уфимской кафедре. 1914–1918 15

I. Начало служения в Уфимской епархии 17
Слово при вступлении на Уфимскую кафедру 17
Письма к пастырям Уфимской епархии 22
I. О ежедневной молитве в храме 22
VII. О моих посещениях сельских приходов епархии 25
Посещение преосвященным Андреем, епископом Уфимским, приходов Мензелинского уезда 28

II. О Царской власти в России 56
О казенной молитве и служении царю любовию и правдою 56
Письма к пастырям Уфимской епархии 60
IX. Исполнение славянских предсказаний 60
О самодержавии "Благочестивейшего" 72
Нравственный смысл современных великих событий ... 78

III. О Церкви в России.....84
Письма к пастырям Уфимской епархии.....84
IX. Борьба с сектантством может быть только искреннею, без умалчиваний.....84
XVII. Кто виноват в развитии нашего сектантства?.....98
IX. О чем думают умные интеллигенты.....110
О церковно-приходской жизни.....114
Проект лишнего оскорбления св. Церкви.....125
Цезаропапизм наизнанку.....131

IV. 1917 год.....135
Моей Уфимской пастве.....135
К русскому духовенству.....136
К духовенству Уфимской епархии.....139
Две проповеди преосвященного Андрея.....140
Социалистическое и церковное самообложение.....146
Открытое письмо министру-председателю А. Ф. Керенскому.....149
Ищите земли и воли.....154
Об организации приходской жизни.....157
Вполне преступная бездеятельность.....160
Несколько слов о социализме.....164
Ответ уфимцам и всей моей братии.....167
О борьбе с современным умопомешательством.....170

V. О старообрядчестве.....181
Святительский призыв к старообрядцам.....181
На Рогожском кладбище.....184
Открытое письмо к старообрядческим епископам Белокриницкой иерархии.....188
О древнерусском пении.....195
Слово преосвященного Андрея в кафедральном соборе Уфы 4 февраля 1918 года.....199

О воссоединении со старообрядцами. Доклады преосвященного Андрея, епископа Уфимского, Поместному Всероссийскому Церковному Собору 204

VI. 1918 год 207
Призыв ко всем пастырям Уфимской епархии и к разбежавшейся пастве. В дополнение к призыву... *Деревенские впечатления* 207
Речь епископа Андрея на собрании Восточно-русского культурно-просветительского общества 212
Об уфимских большевиках 219
Епископ Андрей в Совете рабочих и солдатских депутатов 223
Речь-слово, сказанное епископом Андреем перед открытием Государственного Совещания в Уфе 228
О торговле по учению святой Библии 234
Народ должен быть хозяином своего счастья:
I. О русской культуре и русской некультурности 239
II. Значение русской революции 1917 года в истории русской культуры 240
III. Ошибки революции и их объяснение 244
IV. Нужно исцелиться от болезней, чтобы исправить ошибки 246
V. Врачу, исцелись сам 248
VI. Положение совсем не безнадежно! 254
Христиане последних веков 257

Часть II. Письма и труды владыки Андрея (Ухтомского) 269

I. Документы из фондов Московского Политического Красного Креста и Помощи политическим заключенным. 1921–1934 271

1. Опросный лист Московского Политического Красного Креста 271
2. Об Ухтомском А. А. — в ОГПУ и Пешковой Е. П. 5 января 1923 274
3. Об Ухтомском А. А. — в Помполит. 10 марта 1923 275
4. Ухтомский А. А. — Пешковой Е. П. 3 мая 1923 276
5. Об Ухтомском А. А. — Пешковой Е. П. 14 июля 1924 277
6. Об Ухтомском А. А. — в Помполит. 22 ноября 1924 278
7. Об Ухтомском А. А. — в Помполит. 10 июля 1929 279
8. Ухтомский А. А. — Пешковой Е. П. 15 сентября 1932 280
9. Ухтомский А. А. — в ГПУ. 21 декабря 1933 282
10. Ухтомский А. А. — Винаверу М. Л. 29 декабря 1934 283
11. Об Ухтомском А. А. — Пешковой Е. П. 10 января 1934 285
12. Ухтомский А. А. — Пешковой Е. П. 6 февраля 1934 287

II. Письма владыки Андрея. 1922–1936 290
1. Архимандриту Ефрему (Ефремову). 4 октября 1922 290
2. Ко крещенцам. 25 июля 1926 291
3. К Уфимской пастве в годовщину разлуки с нею. 30 мая 1928 292
4. Письмо старообрядцам. 1928 294
5. Диакону Андрею Казарезу. 16 июня 1928 297
6. Священнику Алексию Унгвицкому. Лето 1928 298

7. Сестре Марии Алексеевне Дмитриевой. 16 марта 1936 300
8. Сестре Марии Алексеевне Дмитриевой. Июнь 1936 306

III. Архипастырские труды владыки Андрея (Ухтомского). 1925–1928 311
1. О святом таинстве миропомазания. 30 ноября 1925 311
2. О радостях митрополита Сергия. 1928 315
3. Моя политическая исповедь. 1928 329
4. Об епископах и о катаскопах. 1928 360

Приложение I. Воспоминания схиигуменьи Сергии 374

Приложение II. Выдержки из материалов следственных дел. 1918–1937 377
I. Из дела по обвинению Уфимского епископа Андрея «*в контрреволюционной агитации*». 1918–1920 377
II. Из дела по обвинению Ухтомского А. А. «*в распространении рукописных брошюр в целях пропаганды антисоветских идей*». 1927 382
III. Из дела по обвинению ссыльного Ухтомского А. А. и Герасимовой М. Д. «*в распространении и хранении антисоветской литературы*». 1928 390
IV. Из дела по обвинению Ухтомского А. А. как «*участника контрреволюционной монархической организации церковников "Истинно-православная церковь"*». 1932 412
V. Из дела по обвинению Ухтомского А. А. как «*идеолога контрреволюционной религиозно-монархической организации "Братство святителя Гурия"*». 1933 424

VI. Из дела по обвинению Ухтомского А. А. *«в создании нелегальной контрреволюционной организации церковников»*. 1934 446
VII. Из дела по обвинению Ухтомского А. А. *«в ведении контрреволюционной пропаганды»*. 1937 459

Список сокращений 464
Именной указатель 465

«Я ХОЧУ ПРИНАДЛЕЖАТЬ ТОЛЬКО СВ. ЦЕРКВИ...»

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АНДРЕЙ, АРХИЕПИСКОП УФИМСКИЙ

Труды, обращения, проповеди, письма, документы

Составители
И. И. Осипова, Л. Е. Сикорская

Корректор *Е. А. Соседова*
Верстка *О. Б. Русакова*

ООО «Издательство «Братонеж»
127273, Москва, ул. Отрадная, д. 44

Подписано в печать 28.06.2012. Формат 60×90 1/16.
Усл. печ. л. 30,0. Тираж экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с предоставленными материалами в ГУП ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6